

**ТАЙНЫ
ЗЕМЛИ РУССКОЙ**

СКИФСКАЯ РУСЬ

Арии – предки
русских

Троянская война
и походы
«народов моря»

Дорогами
скифских богов

Скифское
Семиречье

**АНАТОЛИЙ
АБРАШКИН**

А. А. Абрашкин
Скифская Русь. От
Трои до Киева

ОТ АВТОРА

*О Русь моя! Жена моя!
До боли*

Нам ясен долгий путь!

А. Блок

С чего начинается Родина?.. Каждый захочет ответить на этот вопрос по-своему, но наверняка затронет при этом тему предков. Народ — это цепь поколений, спаянных воедино. Если выпадает хотя бы одно звено, то рвется связь времен, и тогда уже совершенно невозможно разобрать, откуда пошел народ и какого он роду-племени. История русского народа — яркий тому пример.

Считается, что первые достоверные сообщения о росах (русах) принадлежат писателям раннего Средневековья. Готский историк VI века Иордан засвидетельствовал, что в середине IV века в Причерноморье жили росомоны. В готской среде слово «росомоны» (вариант «росоманы») означало «люди рос». Современный Иордану сирийский автор указал на существование «народа рос» северо-западнее Азовского моря, в районе Среднего Поднепровья. Именно в эту область, согласно «Повести временных лет», в VI–VII вв. переселилось со своей дунайской прародины славянское племя полян. Вместе с обитавшими здесь росами они составили ядро будущего государства и стали впоследствии называться русью.

Авторы VI–X вв. и наши летописцы не смешивали росов и славян. Если волна переселений с берегов Дуная

была чисто славянской, то следующая, накатившая в IX в. с берегов Балтики, была уже по преимуществу русской. Варяги-русь, или балтийские русы, не только осваивали новые земли и не только выполняли, если верить легенде, волю призвавших их племен. Они объединились с потомками росомонов, своими кровными братьями. Но как, когда и где раскололся некогда единый этнос? Этот «простой» вопрос историки старательно обходят стороной: уж очень им не хочется удревнять русскую историю. Более того, многие из них, следуя норманнской традиции, до сих пор отстаивают идею скандинавского происхождения руси. Собственно русская история, по их мнению, начинается только с момента прихода в наши пределы Рюрика и его братьев. Все же упоминания о существовании в то время росов на юге игнорируются.

Этот факт ярко показывает, насколько непросто быть в России русским патриотом. Более двух с половиной веков ведущие отечественные историки сознательно отвергают любые аргументы в пользу более древнего происхождения своего народа. Виданное ли это дело?! Ни в одной другой стране, ни у какого другого народа не найти ничего подобного. Наоборот, любой мало-мальски достоверный документ, свидетельствующий в пользу древности народа, там сразу же берется на вооружение и доводится до сознания каждого гражданина. Пусть мы «ленивы и нелюбопытны», но зачем же лишать нас истории?! Ведь сегодня, в период расцвета неонорманнизма, даже упоминания о росах в Причерноморье в академических кругах требуют определенного мужества. Что уж говорить о более древних временах?

Есть, однако, очень простые указания, заставляющие призадуматься на этот счет. Заглянем в «Словарь русских имен». Среди употреблявшихся в нашем народе еще в недалеком прошлом имен есть и Адонис — финикийское божество природы, олицетворение умирающей и воскресающей растительности, и Изиды — египетская богиня плодородия, и Вакх — бог вина и веселья у древних греков, и Анувий — производное от имени египетского божества Анубиса. Откуда у православных христиан такая привязанность к средиземноморским божествам? Далее, целый ряд русских имен воспроизводят географические названия, лежащие вне пределов современной России — Анатолий (полуостров Анатолия), Армений, Аттик (Аттика), Африкан, Британий, Вавила (Вавилон), Далматий (Далмация), Ерусалим, Индис, Ливаний, Ливий, Лидия, Македон (Македония), Нил, Нигер, Пальмира (город в Сирии), Троадий, Фивея (то есть фиванка, Фивы — город в Греции и Египте). Неужели вся иноплеменная топонимика, и особенно африканская, произросла только на почве торговых связей? С какой стати, например, русскому человеку надо было называть сына по имени египетского Нила?

Современные историки и их интерпретаторы в своем большинстве не задумываются над такими «мелочами». Академический «взгляд» с трудом усматривает росов только в IV в. н. э., но даже и это выдается как акт послабления горе-патриотам. В качестве типического отношения к «древностям русов» приведем мнение известного литературного критика и публициста В. В. Кожина (1930–2001), называвшего себя русофилом: «Уместно сказать здесь же о диктуемом «патриотизмом» (уже совершенно «неразумным» и

ущербным) поветрии, выражающемся в стремлении как можно более «удревнить» начало Руси... Полная неразумность этих притязаний очевидна: бессмысленно пытаться «превознести» свой народ, свое государство, свою историю «удлинением» их существования во времени... «ценность» народа никак не зависит от общехронологической даты его формирования. Ценность эта определяется содержанием его собственной истории, его собственного времени. И, наконец, как бы ни удлинять в глубь всеобщей хронологии дату рождения Руси, все равно эта дата будет на тысячелетие, и даже на несколько тысячелетий, более поздней, нежели даты рождения Древней Эллады или Ирана, не говоря уже о Шумере или Египте» («История Руси и русского слова»). Четырьмя предложениями общепризнанный мэтр русского патриотического движения «закрыл» целое направление исторических исследований. Но неужели попытки установления более древней даты происхождения Руси продиктованы единственно желанием повисить «ценность» своего народа? Разве настоящий исследователь думает об этом? Он ищет Истину, которая в данном случае действительно скрыта во мраке времен! Впрочем, видимо, чувствуя уязвимость своей позиции, критик оговорился, что рождение Руси можно удревнить, но уж никак не далее времени рождения древней Эллады или Ирана плюс несколько тысячелетий. Какое время имел в виду Кожин — одному Богу известно, но, похоже, уж никак не глубже четвертого века новой эры.

Да, не везет русскому человеку! То монах Нестор «отрезал» всю языческую историю Руси, то большевики вычеркнули царский период. Теперь вроде бы можно, наконец, заглянуть в более отдаленные времена, но даже

тут всеми уважаемый русофил вдруг публично заявил: «Нельзя!» Чего уж говорить о русофобах!

А между тем о древности русского народа писали многие авторы. Наш знаменитый историк Василий Никитич Татищев (1686–1750), ссылаясь на древних авторов, сообщал, что ранее русские и славяне жили в Сирии и Финикии, где по соседству могли свободно иметь еврейское, египетское или халдейское письмо. Перейдя оттуда, они обитали в Пафлагонии (область в Малой Азии на южном берегу Черного моря), а во время, приблизительно соответствующее Троянской войне, переправились в Европу. Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765), отстаивая идею древнего происхождения славянорусов, писал: «Величество славенского народа <... > даже до баснословных еллинских времен простирается и от Троянской войны известна. Енеты, венеты, или венеды, народ словенского поколения, с королем своим Пилимоном, бывши в Трое для ее от врагов защищения, лишились своего государя и для того, соединясь с Антенором, отъехали во внутренний конец Адриатического моря и, поселясь по берегам, где ныне Венецейское владение, далече распространились». Другой наш выдающийся соотечественник — Александр Дмитриевич Чертков (1789–1853), уникально образованный человек, знаток древних языков, обладатель одного из самых дорогих в России собраний книжных, рукописных и нумизматических редкостей, — в цикле своих работ указал на языковое и этнокультурное родство между славянорусами и древними народами Средиземноморья — пеласгами (первопоселенцами в Греции, жившими там в IV–II тыс. до н. э.), фракийцами (Фракия — область на юго-востоке Балканского полуострова) и этрусками, проживавшими в I тыс. до н. э.

на территории Италии. Однако это открытие ученого-романтика не стало событием в отечественной и мировой историографии. Историки-профессионалы не могут даже допустить мысли об участии предков русов в событиях до Рождества Христова. Алексей Степанович Хомяков (1804–1860) по этому поводу писал: «Познания человека увеличились, книжная мудрость распространилась, с ними возросла самоуверенность ученых. Они начали презирать мысли, предания, догадки невежд; они стали верить безусловно своим догадкам, своим мыслям, своим знаниям. В бесконечном множестве подробностей пропало всякое единство... Многоученость Александрии и Византии затемнила историю древнюю, а книжничество германское наводнило мир ложными системами. В наше время факты собираются со тщанием и добросовестностью, системы падают от прикосновения анализа. Но верить существованию антиподов или отвергать древность книг ветхозаветных, верить рассказам о Франке и Брите или тому, что все десятки миллионов славян вышли из одного уголка Придунайской земли, — равно смешно». Так что же, Татищев, Ломоносов, Чертков, Хомяков — все неразумные патриоты или, может быть, они указывают истинный путь прозрения древнерусской истории?

Утверждением о том, что Россия непохожа на весь остальной мир, никого не удивишь. Но каждый раз, сталкиваясь впрямую с тем или иным проявлением ее своеобразия, не устаешь изумляться. Скажите, например, почему наша интеллектуальная элита не просто не верит в древность русского народа, а ожесточенно противодействует распространению этой идеи? Почему просвещенная русская публика в течение многих десятилетий сомневалась в подлинности «Слова о полку

Игоре»? Почему наши профессиональные историки в своем большинстве упорно записывают нас в «малолетки»? Ведь еще во времена Ломоносова и Татищева были собраны свидетельства, говорящие как раз об обратном.

Отчасти наших академиков понять можно. Русский народ всегда объединял вокруг себя другие племена и народности, скромность — наша родовая черта, и потому выпячивать свои великие свершения и многотысячелетний опыт обустройства планеты нам вроде как не к лицу. Однако, с другой стороны, настойчиво навязывать народу в качестве научно проверенного знания заведомую чепуху вроде норманнской теории или ее современных перепевов уже неприлично.

Традиционно русских причисляют к числу славянских племен. Но прародиной славян считается Центральная Европа, и, значит, русские, согласно такому взгляду, появились на территории современной России только во время ее славянской колонизации в VI–VIII вв. Эта теория, придуманная немцами еще в ломоносовские времена, дожила до наших дней. Но надо твердо осознавать, что имена «русский» и «славянин» стали употребляться как синонимы только после X в. Ранее два эти этноса различались между собой. И это понятно, поскольку славяне на Русской равнине были пришельцами, а русские — коренными жителями.

Киевская Русь возникла не на пустом месте. Русы Средневековья предстают сильным и хорошо организованным народом. Византийские писатели упоминают об их неоднократных нападениях на Константинополь, в жестокое противостоянии росы

одолевают Хазарский каганат. Арабы знают их как смелых и предприимчивых торговцев, а славянские и угро-финские племена как последовательных строителей многонационального государства. Опыт таких народов копится тысячелетиями. Очевидно, упоминания о прямых предках русских встречаются и в сочинениях античных авторов, и в мифах других народов. Надо только разгадать тайну нашего родового имени...

Академическую версию о том, что имя «русы» подарили нам скандинавы, позаимствовав его прежде у немцев, и что оно имеет значение «гребцы», мы, разумеется, отвергаем. Во-первых, вовсе не с гребцами Рюрика пришло это имя к нам. Мало того, что за полтысячелетия до их прихода в Причерноморье уже проживали «люди рос». Надо быть воистину разумным (то есть бесчувственным) патриотом, вроде Кожинова, чтобы не чувствовать глубинную, всепокрушающую, духовную силу, заключенную в слове «русский». Григорий Климов в автобиографической книге «Песнь победителя» написал: «В оккупированной Германии все как один русские солдаты и офицеры неожиданно стали употреблять слово «Россия». Это получилось автоматически. Иногда мы по привычке говорили — СССР, затем поправляемся — Россия. Нам это самим странно, но это факт». И факт впечатляющий. Нашим воинам чудесным образом открылось, что название их Отечества должно звучать так же, как много веков назад, что СССР — лишь искусственно составленная аббревиатура, а слово «Россия» таит в себе какое-то важное, сущностное значение. Можно представить, как удивились бы они, если бы кто-нибудь стал всерьез доказывать им, будто имя их державы заимствовано у норманнов. Нет, корни нашего родового имени

безусловно русские. Другое дело, что, разгадав его, мы прикоснемся к тайне русскости.

Теперь о нашей точке зрения. Этноним «росы» («русы») мы возводим к имени исполнителей религиозных гимнов у древних ариев или, если шире, к приверженцам арийского мировоззрения. В «Ведах» они именуются «rsi». Это была исходная форма для образования названий росы и русы. Разница в первой гласной определялась местными наречиями — вариант «русы» закрепился преимущественно на севере, а форма «росы» — на юге. Современные переводчики «Вед» читают санскритское «rsi» как «риши». Чередование гласных в корневой основе «rs» («у» — «о» — «и») и появление шипящего «ш» легко объясняется разницей в диалектах. Риши были певцами, поэтами, прозорливцами, посредниками между богами и людьми. Религиозные гимны, созданные ими, бережно хранились в их семьях и передавались устно из поколения в поколение. В иноплеменной среде их прозвище соотносилось с названием всего народа, и со временем арии также стали называть себя русами (росами).

Арии — самоназвание. Согласно нашей концепции, оно восходит к имени их верховного бога Яра (Йара). Выделение их в среде других индоевропейских народов связано, в первую очередь, с «возвышением» Яра (он же Ярила). Поэтому и прародина ариев должна находиться в той области Восточной Европы, где наиболее распространены топонимы с корнями «яр», «ра» (в Белоруссии Яра называли Раем) или созвучными им. И здесь следует выделить бассейн реки Волги, которая в старину называлась Ра и неоднократно поминается в религиозных текстах ариев. Не забудем и то, что древние цивилизации возникали вблизи крупных рек, да и русская

традиция строить поселения на возвышенном берегу реки (яру) родилась, разумеется, не тысячу лет назад, а гораздо раньше. Именно берега Волги, как нам представляется, были колыбелью арийской культуры. Отсюда они мигрировали в самые разные области нашей планеты. Названия Европы (по-английски «Юропы»), Ирландии, Германии, Армении, Ирана, Ирака, Аравии — все арийского происхождения (образованы от корня «яр»). В сочинении русского книжника XII в., получившего название «Слово об идолах», сообщается, что культ Рода (воплощения Яра) охватывал Египет, Вавилон, Малую Азию, Грецию, Рим и славянский мир! Большинство ученых воспринимает это как беспримерную похвальбу и заведомое преувеличение. Но в действительности все именно так и было! Арии в своем движении на юг заселили земли восточного Средиземноморья и добрались до Египта.

Следы бывшего присутствия ариев в Египте видны «невооруженным глазом». Египетский бог солнца Ра — это «двойник» русского Яра (в египетском письме не было гласных). Некоторые египетские божества следует также признать русскими по происхождению. Таковыми являются древнейший бог Бата (Батя), почитавшийся в образе быка; демон мрака и тьмы Баб (мужская параллель богини Бабы-яги); богиня Маат (Мать) — дочь бога Ра; Птах (Петух) — мемфисское божество земли и

плодородия. Отдельного упоминания заслуживает бог-покровитель умерших Сокар, изображавшийся в виде мумифицированного сокола или мумии с головой сокола. В египетском письме отсутствует буква «л», а буква «р» может также произноситься как «л». Но это значит, что имя бога Сокара можно прочесть и как «Сокол», что в точности соответствует его образу и подтверждает его русскую природу. На особую значимость этого божества для древнейших жителей Африки указывает то, что его именем названа знаменитая пустыня Сахара.

В первые века II тыс. до н. э. на севере Месопотамии возникло государство Митанни с правящей арийской династией. В середине того же тысячелетия арии завоевывают Индию, а еще несколькими веками позже устанавливают контроль и над территорией Ирана. Все это общеизвестные факты, которым историки стараются не придавать значения. Любой специалист по истории Древнего мира будет настойчиво объяснять вам, что роль ариев в азиатских делах была крайне незначительна. А уж то, что первые книги человечества — «Ригведа» и «Авеста», — написаны ариями, вам сказать обязательно забудут.

Со временем у разных арийских племен роль верховного божества могли играть и другие древнерусские боги. Соответственно с этим изменялось и название народа. Так, племена, поклонявшиеся богу Белу, назывались беласками или на греческий манер пеласгами. Про них, как про предков русских и славян, как раз и говорил Александр Дмитриевич Чертков. Покинув свою прародину, беласки перебрались на земли Греции. Эллинская традиция знает пеласгов, но о народе ариев не упоминает. Причиной этому служит то, что та часть ариев (носителей культа Яра), которая пришла на

Балканы, породнилась с некоторыми протославянскими племенами. Культ Бела в отличие от Яра носит общеславянский характер. Другими словами, мигрировавшие арии влились в состав прото-славянского этноса, прародиной которого были земли от Одера до Днепра. Таким образом, в колонизации греческих земель в середине IV — начале III тыс. до н. э. участвовали как предки русских (арии), так и предки славян.

Вспомним еще одно наше древнее божество — Ивана. Память о нем как о русском боге хранят сказки об Иване коровьем сыне и Иване Быковиче. Иван-день, Иван Купала — известнейший славянский праздник, приходящийся на время летнего солнцестояния. Главный персонаж праздника Иван — воплощение незакатного дня, солнца, почти не уходящего в эти дни с неба. Простой народ в Ярославской, Тверской и Нижегородской губерниях называл Иванов день Ярилою, то есть солнечным богом. Но с именем Ивана (Вани) естественно соотнести название народа венетов, «народа словенского поколения». Таким образом, с именами верховных древнерусских богов Яра, Бела и Ивана связаны названия трех древнейших племен, причастных к истории Средиземноморья.

В цикле предыдущих книг автором была выдвинута и обоснована концепция Средиземноморской Руси. Что же это за загадочная страна? Упоминания о ней в учебниках истории не найдешь днем с огнем, миллионам россиян она попросту неизвестна. Другое дело, узкий круг профессиональных ученых, специалистов по истории Древнего мира.

Им прекрасно известно, что в надписях египетских фараонов, относимых ко II тыс. до н. э., многократно

упоминается соседняя с Египтом страна Русена. Из-за того, что древнеегипетское письмо не передает гласных, а некоторые иероглифы могут обозначать сразу два значения (например, «р» и «л» или «т» и «с»), ученые восстанавливают истинное звучание слов с известной долей условности. Поэтому в разных изданиях название «Русена» воспроизводится как «Рутена», «Резену» или «Ретену». Но это частности. Существование во II тыс. до н. э. к северо-востоку от Египта, на побережье Средиземного моря (территория современной Палестины, Сирии и Турции) государства Русены — неоспоримый факт. И его подтверждают не только египетские источники.

В Коране (25: 40; 50: 12) говорится о древнем народе неверных, проживавших по соседству с мусульманами в области ар-Расса. Само по себе созвучие этого названия с именами «Россия», «Русь» можно было бы считать случайным, но вместе с текстами фараонов оно приобретает несокрушимую доказательную силу. Тем более что и в Библии Палестина называется именем «Ерез», «Арзену» или «Рутену». Родина Иисуса Христа — Галилея, кстати, именовалась не иначе, как Верхняя Рутену. Эти разночтения происходят оттого, что древнееврейское письмо, как и египетское, не имело гласных. Поэтому ничто не мешает нам читать древнейшее название Палестины и как Русь или Русена. Правда, в современных текстах Библии мы ни одно из этих названий не найдем. Дело в том, что они всюду заменены на слово «страна» (иногда на словосочетание «наша страна»). Неожиданно, не правда ли? Иммануил Великовский в книге «Эдип и Эхнатон» перечисляет девять (!) мест Библии, где сделаны указанные замены.

Исследователи Книги Книг предпочитают не упоминать об этих редакторских правках, поскольку традиционная картина истории Древнего мира не предусматривает присутствия предков русских в Средиземноморье. Да, историки признали, что часть ариев (проторусов) в начале II тыс. до н. э. переселилась из южнорусских степей в Северную Месопотамию, где создала государство Митанни. Да, они согласились, что арии-митаннийцы не раз завоевывали Палестину и назначали там наместников. Но при этом ученые совершенно безосновательно добавляют, что арии составляли абсолютное меньшинство среди местного населения, и потому, дескать, роль их была незначительной. Такая позиция историков ставит, например, в совершенно нелепое положение филологов, которые вынуждены утверждать, что имя Иван древнееврейского происхождения. Подумать только, главный персонаж русских сказок, образ, вошедший в древнерусскую культуру во времена незапамятные, объявляется семитским по происхождению. Чудеса, да и только!

В действительности на землях Палестины и Сирии во II тыс. до н. э. проживали не только семитские племена и выходцы из Египта, но и значительная часть ариев. В результате многовековой борьбы последние, в основной своей массе, были вытеснены в Малую Азию и сосредоточились там преимущественно на западном побережье полуострова Анатолия. Их восточным соседом был народ хеттов, проживавший в центральной части полуострова. Из текстов глиняных табличек, сохранившихся в архиве хеттских царей, мы знаем, что союз царств во главе с ариями-переселенцами назывался «страны Арсавы» (употребляются также варианты

прочтения — «Арцава», «Арзайа»). С поправкой на условность чтения египетских и хеттских текстов можно заключить, что это то же самое название, которое присутствует в надписях египетских фараонов, Коране и Библии. Средиземноморская Русь уменьшилась по масштабам, но продолжала существовать.

Легендарная Троя входила в состав стран Арсава, а значит, была частью Средиземноморской Руси. На многих сосудах, чашах, мисках и черепках, найденных при раскопках Трои, присутствует свастика — солнечный знак древних ариев, символ счастья и благополучия. Он наиболее часто использовался троянцами при росписи посуды. Это бесценное свидетельство археологов подтверждает, что арии проживали в Трое.

Согласно древнегреческим мифам, заключительным аккордом Троянской войны стало разрушение знаменитого города. Начиная с этого момента, в источниках пропадают и какие-либо упоминания о государстве Арсава. Оно перестает существовать как отдельное политическое образование. Поэтому Троянскую войну следует рассматривать как некое итоговое событие, предопределившее закат Средиземноморской Руси и массовый исход ариев из Анатолии. История их миграций стала основой нашей книги. Мы доказываем, что самые разные «ветви» троянских родов и их союзников в конечном итоге воссоединились на земле арийской прародины, чтобы вместе с потомками ариев и другими народами, проживавшими там, создать Киевскую Русь. Эта идея и предопределила название книги.

Задавшись целью воссоздать русскую историю в географической широте и временной неразрывности, мы

вынуждены были погрузиться в глубь тысячелетий. Нитью Ариадны выступило наше родовое имя. Кроме того, мы проследили пути распространения культа русских первобогов: Яра, Бела, Ивана, Коло и Тура. В результате выстроилась оригинальная концепция древнерусской истории, в которой предки русских и славян — носители культов выделенных богов, — выступают реальными участниками истории Древнего мира. Принципиальная новизна подхода заключается в том, что было открыто правило, которому следовали наши предки, выбирая свои самоназвания. Загадочные для историков племена пеласгов, венетов, киммерийцев и халдеев «обрели» этническую окраску, а их деяния — совершенно отчетливый политический подтекст и ясный стратегический смысл. Мы не корректировали хронологию событий, не перетолковывали содержание источников. Наше дополнение к картине древней истории состояло только в том, что среди ее действующих персонажей мы указали конкретный ряд народов, имеющих арийские корни. Другими словами, мы добавили некоторые фрагменты в мозаику истории Древнего мира, не потревожив при этом уже имеющиеся части. Мы заполнили ее пустоты, но отнюдь не перекраивали сюжет. Это важнейшая черта нашей концепции, решительно отличающая ее от всех остальных нетрадиционных теорий.

Соединяя историю русских с ариями, мы сразу же решаем два принципиально важных вопроса. Во-первых, мы удревняем историю нашего народа как минимум на шесть тысяч лет. Во-вторых, мы объявляем русских коренными обитателями Русской равнины. В наше время оба эти положения выглядят в диковинку, но еще два-три века назад они выступали в качестве «аксиом» русской

истории. Существует древнерусское сочинение, известное под названием «Сказание о Словене и Русе и городе Словенске». Оно включалось во многие хронографы русской редакции, начиная с XVII в. (Хронограф — средневековое историческое сочинение в православных странах — Византии, Болгарии, Сербии, России, синоним летописи). Всего известно около ста списков данного литературного памятника. В нем предлагается оригинальная схема древнерусской истории. Согласно ей, в 2409 г. до н. э. (или 3099 г. от Сотворения мира) два потомка скифского племени, братья Словен и Рус, покинули со своими родами берега Черного моря и двинулись на север. После четырнадцатилетних блужданий по пустым землям старший брат Словен заложил город Словенск на реке Волхове, а младший Рус основал город Руссу, который доныне именуется Старая Руса. «Словен же и Рус живяху между собою в любви велице, и княжища тамо, и завладеша многими странами тамошних краев. Также по них сынове их и внуцы княжаху по коленом мвоим и налезоша себе славы вечные и богатства многа мечем своим и луком. Обладаша же и северными странами, и по всему Поморию, даже и до предел Ледовитого моря, и окрест Желтовидных вод, и по великим рекам Печере и Выми, и за высокими и непроходимыми каменными горами во стране, рекома Скир, по велицей реце Обве, и до устия Беловодная реки, ея же вода бела, яко млеко. Там обо беруци дорогою скорою звери, рекомаго дынка, сиречь соболь. Хождаху ж и на Египетския страны воеваху, и многое храбрство показующе во еллинских и варварских странах, велий страх от сих тогда надлежаще». Этот небольшой отрывок можно назвать краткой аннотацией древнейшей русской истории. В нем

отражены не только факт освоения предками русских и славян берегов Балтики, Русского Севера и Сибири, но и героические деяния в южных странах, вплоть до Египта. Правда, вопреки исторической логике, сказание называет Словена старшим братом, но тут прослеживается влияние нашей летописной традиции, включающей русских в число славян. Урал и Сибирь в древнейшие времена осваивали все-таки предки русов, а не славян.

История древних русов в значительной степени протекала вне пределов современной России. «Сказание о Словене и Русе» фиксирует и этот важнейший момент. Но на территории Русской равнины — прародине древних ариев — продолжали существовать их поселения. Именно здесь формировались силы для миграций на юг. На основании данных раскопок современный археолог Ю. А. Шилов доказывает присутствие ариев в широкой полосе южнорусских степей в IV–II тыс. до н. э. Правда, без каких бы то ни было оснований, ученый заключает, что прародина ариев находилась именно в Поднепровье.

Идею белорусской прародины русов отстаивает писатель и геолог Р. К. Баландин. Согласно его идее, еще в конце неолита (IV–III тыс. до н. э.) в долину белорусской реки Росси (притока Немана) пришло племя, обладавшее навыками горного дела. На берегах этой реки археологи обнаружили тысячи шахт, большинство из которых, судя по данным радиоуглеродного анализа, имеет возраст 3,5–1,2 тыс. до н. э. Продукция русских горняков — кремневые «полуфабрикаты» и каменные орудия — шла, как бы мы теперь сказали, на экспорт. Ею пользовалось население прилегающих районов, а также Балтийского побережья. Племена, обитавшие в этом регионе, занимались также охотой, земледелием, собирательством, скотоводством. Добывая и обрабатывая

кремень, они вели торговый обмен этой продукцией со своими близкими и дальними соседями. Эти племена, таким образом, вели комплексное хозяйство, поэтому их материальная и духовная культура уже по одной этой причине была для своего времени очень высокой. Р. К. Баландин заключает: «Русская культура, (точнее палеорусская) была наиболее высокой для данного региона. И это не удивительно. Она объединяла самые разные по происхождению племена: и славянские (правильнее было бы сказать арийские. — А.А.), и балтские (пруссов), в меньшей степени — германские. Землей Русской уже могли называть всю область влияния, господства этой культуры».

Наш выдающийся соотечественник Лев Ильич Мечников (1838–1888) в книге «Цивилизация и великие исторические реки» высказал мысль о глубокой закономерности возникновения древнейших в бассейнах больших рек — Нила, Тигра и Евфрата, Инда и Ганга, Хуанхэ и Яньцзы. Но, как сейчас ясно, развитые цивилизации существовали не только в полосе между 20 и 40 градусами северной широты, но и в более северных областях. Они выпали из рассмотрения Мечникова. Среди них была и выросшая на Волге цивилизация древних ариев.

В «Ригведе» Волга упоминается в X книге, в «Гимне рекам», где говорится о реке Раса. В «Авесте» она воспевается уже под именем Ранха (Рангха, Раха). Она стекает с высокой горы. Ее верховья бывают схвачены сильными морозами — «бичом этой страны». В одном из гимнов «Авесты» Ранха воспевается как прекрасная женщина, одетая в роскошную шубу из шкур 300 бобрих, что подчеркивает ее северную локализацию. Она также уподобляется великой богине Ардви (Арийской Деве!) и

воспеваётся как полноводная, широкая и целебная, растящая жито, кормящая стадо и величиною равная «всем водам, вместе взятым». Обожествление ариями Волги свидетельствует в пользу особого, выделенного ее значения для наших предков.

Бассейн Волги-Ра — «колыбель» арийского мира, из этой области арии-росы пришли на берега белорусской Росси и украинской Роси. Названия этих рек в точности повторяют имя нашего народа, но их масштаб не соответствует его геополитическому статусу. Другое дело — Волга:

Красавица народная,
Как море полноводная,
Как Родина свободная —
Широка, глубока, вольна!

Арии Русской равнины выступали хранителями этнического генофонда и древнейшей культуры. Конечно, они тоже смешивались с соседними племенами, но на своей территории всегда составляли большинство. Совсем не такая ситуация была у тех племен, которые мигрировали в чужеродное окружение. Им труднее было сохранить свою культуру, но они, не теряя связи со своей прародиной, сохранили и возвратили имя «Русь» на берега Днепра и Волги. В этом уникальность древнерусской истории, которая нисколько не моложе египетской или шумерской.

Часть I

«ТРОЯНОВЫ ВЕКА» РУССКОЙ ИСТОРИИ

ГЛАВА 1

АРИИ — ПРЕДКИ РУССКИХ

*Я быть хочу сегодня
богом,*

*Чтоб речь вести
высоким слогом,*

*И говорить, как
Ломоносов,*

*О древности
великоросов.*

*Уж сколько раз нас
хоронили*

*В надежде, что вконец
добили,*

*Уж как злорадствовала
гнусь,*

*Но нет! Стоит Святая
Русь!*

*И нас так просто не
сломаешь,*

*Обманешь — да, но не
раздавишь.*

*И пусть на нас
свалились беды,*

*Но мы познаем вкус
победы!*

В нашем языке имеется устойчивый оборот «Россия — родина слонов». Он родился как форма насмешки над квасными патриотами, утверждающими те или иные русские приоритеты, и произносится неизменно с иронией по отношению к адресату. Не рассуждая пока, насколько верна эта фраза по существу, зададимся простым вопросом, а почему такого рода выражения не возникли, к примеру, у германцев, индийцев или китайцев? Дыма без огня не бывает, и, значит, есть какие-то реальные основания говорить о забвении роли русского человека в делах минувших лет. Пусть это наша болевая точка, пусть мы относимся к этой теме слишком пристрастно, пусть идея особой миссии России кому-то кажется раздутой фантазией, но нельзя не признать, что сами по себе такого рода идеи не рождаются. Тут сокрыт важный момент нашего развития, еще непонятый, нераспознанный, но интуитивно предчувствуемый. Надо лишь открыть и рационально выразить его.

Кстати, для лингвистов этимология слова «слон» неясна. Из других языков его вывести не удастся, а признать слово русским по происхождению ученые не решаются. Вот и живут в нашей речи неведомо откуда пришедшие слова «заслон» (заслоном), «прислониться»

(опереться на что-то монументальное), «слоняться» (бесцельно бродить). А что, если имя «слон» родилось на нашей языковой почве из праформы «силён» и означает «сильный»? Да, непривычно, но почему бы нет?

Среди множества языков, на которых разговаривают жители нашей планеты, ученые-лингвисты выделяют родственные языковые группы. Одной из наиболее обширных таких групп является семья индоевропейских языков, в числе которых индоарийские (индийские), иранские, германские, романские, балтские, армянский, албанский, греческий, кельтские, итальянские, тохарские (существуют на территории Китая), фракийский, фригийский, иллирийский, венетский и анатолийские (хеттский, лувийский, ликийский). Все они восходят к одному общему праязыку, или по-другому: некогда индоевропейцы (т. е. люди, разговаривающие на индоевропейских языках) составляли единый пранарод, который со временем «расслоился» на различные племена и народности. Из перечисления языков видно, что их носители проживали и проживают в самых разных странах: Индии, Иране, Малой Азии, Европе, и даже Китае. В связи с этим у исследователей вполне закономерно возник вопрос о конкретном месте расположения прародины индоевропейцев — области их изначального пребывания, откуда они начали свое движение по планете. Ученые высказывали самые разные гипотезы по этому поводу, и общее число различных теорий уже перевалило за два десятка. На сегодняшний день ясно, что локализовать ее какой-то достаточно ограниченной областью вряд ли возможно. Наиболее приемлемая, на наш взгляд, точка зрения состоит в утверждении, что прародина индоевропейцев располагалась где-то на территории Центральной или,

более вероятно, Восточной Европы. Последнее уточнение связано с тем, что на землях Восточной Европы вплоть до Ледовитого океана ледника уже не было в XII тыс. до н. э. Около середины IX тыс. до н. э. произошло значительное похолодание климата в Европе, вследствие чего вымерзли отдельные лесные массивы. Это предопределило уход части индоевропейцев сначала в Закарпатье, а затем к Дунаю. После того как переселенцы перешли Дарданеллы, начался малоазийский этап индоевропейской истории.

Прародина индоевропейцев находилась как раз на тех территориях, где сейчас проживают русские и славяне. Лингвисты, восстанавливавшие изначальный (единый) язык индоевропейцев, с удивлением обнаружили, что наибольший процент его гипотетических корней присутствует в славянских языках. Но это как раз и понятно. Как бы ни менялась этническая ситуация в Восточной и Центральной Европе, но каждая вновь возникавшая культура сохраняла элементы этого праязыка. Те индоевропейцы, которые уходили с этих территорий и встречались с другими народами, «разжижали» свой словарь чужеродными словами. В свою очередь, неиндоевропейцы, которые приходили на землю их прародины, впитывая индоевропейскую лексику и учась говорить на чуждом для себя наречии, также способствовали сохранению языка индоевропейцев. Таким образом, важнейшая особенность русских и славян состоит в том, что они проживают преимущественно на территории индоевропейской прародины. Именно поэтому они в наибольшей степени сохранили (реликтовые) элементы былого единства. Для некоторых исследователей этого оказывается вполне достаточно, чтобы поставить знак

равенства между первыми индоевропейцами и предками русских и славян. Но это неверно. То же самое можно говорить и о предках индийцев, иранцев, армян, германцев или балтов, которые вышли с той же самой прародины.

Выявление национальных особенностей и первичных корней национальной истории — дело тонкое. Общих правил здесь указать нельзя. В нашем случае, однако, нитью Ариадны служит родовое имя. Русы (росы) — жрецы ариев, проповедники и распространители арийской культуры и арийской религии. Восстанавливая историю народа ариев, мы автоматически разберемся со всеми загадками древнерусской истории.

Писатель А. Горбовский в книге «Факты, догадки, гипотезы» проанализировал известные мифы о всемирном потопе. Он собрал многочисленные сведения из самых разных областей знания (археологии, климатологии, вулканологии, гидрографии), которые подтверждают информацию мифов о мировой катастрофе, постигшей человечество около 12 тысяч лет назад. А. Горбовский постарался быть предельно объективным в изложении всех известных фактов и гипотез. Первая глава его книги так и называется — «Была ли всемирная катастрофа?» В ней изложены также и возможные версии катастрофы — столкновение с астероидом, влияние Луны, смещение полюсов и т. д. Ученые пока не торопятся обсуждать их: во-первых, слишком фрагментарны еще естественнонаучные данные, свидетельствующие в пользу такой катастрофы, во-вторых, предлагаемые теории носят любительский (ненаучный) характер, и, наконец, для геофизиков кажется очевидным, что миф о потопе связан, в первую

очередь, с повышением уровня Мирового океана, которое происходило как раз в это время и было обусловлено отступлением ледников. Конец ледникового периода датируется X тыс. до н. э. Именно тогда ледниковый покров, сковавший значительную часть Северного полушария, начал таять. Это вызвало подъем уровня Мирового океана на 125–150 метров. Воды затопили обширные пространства суши, отделив Азию от Америки. Максимум подъема, как считают некоторые исследователи, приходится на 9600 год до н. э. Эта дата согласуется с той, которую назвал Платон как дату опускания Атлантиды (9570 г.), то есть X тыс. до н. э. Мы не отрицаем возможности внезапной катастрофы, но мы подчеркиваем, что в мифах разных народов нашел отражение и реальный процесс подъема уровня Мирового океана.

На физической карте Евразии, согласно принятой картографами традиции, светло-зеленым цветом раскрашены области суши с высотой от 0 до 200 метров над уровнем моря. Темно-зеленый цвет на карте имеют более низкие, а светло-коричневый и коричневый — более высокие участки суши. Во время Всемирного потопа, когда уровень океана поднялся до 150 метров, затопленными должны были оказаться только области с зеленой раскраской: «темно-зеленые» полностью уходили под воду, а «светло-зеленые» — частично, в зависимости от своей высоты над уровнем моря. К ним относятся европейские равнины, Западно-Сибирская низменность, приаральские земли и т. д. Одним из следствий потопа было образование в самом центре Евразии огромного моря или, лучше сказать, океана. Можно спорить о его границах, но он включал, очевидно, Черное, Каспийское, Аральское моря и «залезал языком»

в Сибирь. Внутри евразийского материка, таким образом, возникла мощная естественная преграда, препятствовавшая миграции индоевропейцев Восточной Европы в Азию. Она разделила индоевропейцев на две половины — «европейскую» и «азиатскую», которые развивались уже в значительной степени автономно. Центрами сосредоточения людей стали плоскогорья и возвышенности, пригодные для проживания. Можно предположить, что Всемирный потоп инициировал или по крайней мере ускорил распад индоевропейской общности.

Как известно, Ноев ковчег причалил к горе Арарат. Но отсюда следует, что библейский патриарх плыл откуда-то с севера, из Восточной Европы. Странно, что исследователи и комментаторы Книги Бытия не отмечают этого. Ведь зоны наступления потопа были крайне малы на юге Евразии и несопоставимо огромны на северо-западе и в центральной части континента. Более того, равнины Восточной Европы, Западной Сибири и Средней Азии со всех сторон окружены горами или плоскогорьями. С востока — это Средне-Сибирское плоскогорье, на юге — цепочка гор от Алтая и Памира до Карпат, на западе — предгорья Альп, Карпаты и Скандинавские горы. Они служат своеобразными береговыми линиями того «водного мира» (системы морей и озер), который существовал на территории Евразии в X тыс. до н. э. Гора Арарат — одна из южных его оконечностей, и стремление части европейцев, переживших наводнение, мигрировать на территорию Армянского нагорья вполне понятно. Миф о Ное — поэтический рассказ об этом переселении. Часть европейцев, покинув свою прародину, мигрировала в Переднюю Азию, вот его рациональное толкование.

Еще в середине XIX века Павел Николаевич Рыбников (1831–1885) — известный русский фольклорист, знаменитый собиратель былин и исторических песен — записал у крестьян Заонежья краткий (неизбежно христианизированный) вариант древнейшей легенды о сотворении мира (сам текст является типичным образцом народного двоеверия):

«По досюльному Окиян-морю плавало два гоголя: один бел гоголь, а другой черен гоголь. И теми двумя гоголями плавали сам Господь Вседержитель и Сатана. По Божию повелению, по Богородицыну благословению, Сатана выднул со дна моря горсть земли. Из той горсти Господь-то сотворил ровные места и путистые поля, а Сатана наделал непроходимых пропастей, щильев и высоких гор. И ударил Господь молотком в камень, и создал силы небесные; создал Сатана в камень молотком и создал свое воинство. И пошла между воинствами великая война; поначалу одолевала было рать Сатаны, но под конец взяла верх сила небесная. И сверзил Михайла-архангел с небеси сатанино воинство, и попадало оно на землю в разные места: которые пали в леса, стали лесовиками, которые в воду — водяниками, которые в дом — домовиками; иные упали в бани и сделались банниками, иные во дворах — дворовиками, а иные в ригах — ригачниками».

В этом диковинном, насыщенном удивительными фантазиями рассказе, переплелись древнейшие языческие предания и более поздние, навеянные библейской традицией. Но для нас важно выделить, прежде всего, то обстоятельство, что современный мир по представлениям крестьян Заонежья — евразийцев-«северян», — возник из Окияна-моря. У других народов Евразии также распространен сюжет о

нырянии на дно моря (океана) с целью сотворения земли. У маришцев в этой роли выступают легендарные Юма (Бог) и Керометь (Сатана), у мордвцев — Чам-Пас (Бог) и Мастер-Пас (Шайтан), у алтайцев Бог принимает облик двух черных гусей, а на дно моря ныряет гагара. Хорошо известна обработанная для детей Виталием Бианки сибирская легенда о птице-чомге Л юле, которая трижды ныряет в глубины океана, чтобы добыть земли: всем она достала, а себя обделила. «Ригведа» также сообщает, что мир произошел из воды, «из великой воды, которая заполняла Вселенную». Все эти дошедшие до нас предания убедительно свидетельствуют о существовании Евразийского океана, охватывавшего Аральское, Каспийское и Черное моря.

В Библии говорится: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою... И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделит она воду от воды» (Бытие 1: 1,2,6). В этом тексте нельзя не признать отголоски древних легенд о потопе. Разумеется, они существовали у самых разных народов, которые пережили катастрофическое наводнение. Но ни в Месопотамии, ни на Ближнем Востоке эти предания возникнуть не могли. Здесь преобладают возвышенности, и океан никогда не поглощал тут значительную часть суши. Легенды о потопе «пришли» на эти земли вместе с переселенцами с севера, которые переплыли Евразийский океан.

Библейское сказание о мореплавателе Ное интересно сопоставить с легендой о потопе, которая содержится в ведической литературе, создававшейся на основе арийских преданий. Одна из брахман —

богословских сочинений в прозе, — повествует, как однажды Божественная рыба обратилась к Ману:

«В таком-то году будет потоп. Поэтому ты последуй моему совету и построй корабль, а когда этот потоп начнется, взойди на корабль и я спасу тебя».

... А в тот год, как указала рыба, Ману, послушавшись ее совета, построил корабль и вошел на него, когда начался потоп. Тогда рыба приплыла к нему, прикрепил веревку к своему рогу и таким способом быстро направилась к северной горе.

Там она сказала Ману: «Вот я спасла тебя. Теперь привяжи корабль к дереву, чтобы вода не унесла тебя, пока ты будешь на горе. А как только вода станет спадать, ты можешь постепенно спускаться». Таким образом, он постепенно спустился... Потоп унес тогда все живые существа, один только Ману остался в живых там» (Шатапатха Брахмана I, 8, 1. Перевод Т. Я. Елизаренковой).

Арийский миф имеет безусловное сходство с библейской историей Ноя, это признают все исследователи. Но есть между ними и одно важное различие. Если Ной плыл на юг, то Ману искал спасения на севере. Сравнение двух мифов открывает естественную, в общем-то, картину выживания европейцев в условиях страшного стихийного бедствия: люди искали удобные для жизни плоскогорья, и им неважно было, располагалась ли спасительная суша на севере или на юге. Можно утверждать, что семья европейских народов, единая в допотопные времена, после катастрофы разделилась на две части. Первая из них, переплыв Евразийский океан, обосновалась в Азии, добралась до Месопотамии и Ближнего Востока. Вторая

же, в которую входили, в частности, предки ариев, не покинула территории Европы.

Современная наука предполагает, что единство индоевропейской культуры сохранялось примерно до V–III тыс. до н. э. Видимо, следует все же брать более древнюю границу этой оценки и учитывать, что даже в этом случае о единстве можно говорить уже условно, потому что к V тыс. до н. э. племена, например, арийской группы занимали уже обширное пространство на территории Русской равнины, а потом и вовсе начались их интенсивные миграции во всех направлениях. Подчеркнем, что под ариями в нашем исследовании понимаются не только те племена, которые мигрировали в Индию, Иран и Месопотамию и создали такие памятники религиозной мысли как «Авеста» и «Веды». Арии — это та часть индоевропейских племен, которая в некоторый момент стала поклоняться верховному богу Яру. Впоследствии его место могли занять более юные, русские по происхождению, боги (Бел, Иван, Коляда, Лель, Лихо), но память о верховенстве Яра так или иначе сохранялась в фольклоре потомков арийских народов. Все эти божества выступали воплощениями солнца и его живительной энергии. Обособление ариев, таким образом, было связано с выработкой особой религии, основывавшейся на культе солнца.

Повторимся, процесс выделения ариев из единой семьи индоевропейских народов происходил на территории современной России, и именно поэтому здесь обнаруживаются удивительные параллели с восточными мифологиями, впитавшими известную долю арийских верований. Наконец, русский язык среди всех индоевропейских наиболее близок к санскриту — одному из древнейших арийских диалектов и языку индоариев.

Это позволяет говорить, что история русского народа, как самобытного национального образования, начинается одновременно с историей ариев (проторусов).

Наш подход исключает какие бы то ни было расовые преимущества, которыми могли бы обладать арии. В этническом отношении в момент своего выделения они ничем не отличались от других индоевропейцев (тех же протогерманцев или протокельтов, например), а в более поздние времена смешивались с другими народами. Речь идет только о выявлении первобогов, которым хранилась верность на протяжении тысячелетий, и формировании внутри арийской общности особого типа мировосприятия (и соответствующего ему поведения), которое философы впоследствии назовут «русской идеей».

В последнее время вновь оживились дискуссии по вопросу о прародине ариев. Ряд наших отечественных исследователей (Н. Р. Гусева, В. Н. Демин и др.) возродили интерес к полярной теории. Ее основоположником следует считать индийского ученого Б. Г. Тилака, автора книги «Арктическая родина в Ведах» (1903 г.). Он первым обратил внимание, что в древнейших памятниках литературы Индии описания природных явлений не соответствуют действительности Индии или лежащих от нее к западу стран Азии. Проследить эти описания «вниз» по ступеням эпох было хоть и трудно, но вполне возможно, так как в религиозных гимнах «Вед» веками свято сохранялся каждый звук, каждое слово без права внесения в них малейших изменений. Удалось установить место и время завершения главной из «Вед» — «Ригведы», то есть Ричведы, буквально: «знания речи». «Ригведа» была завершена в конце II тыс. до н. э. в области северо-запада древней Индии. В этой книге, равно как и

в комментариях к ней и других древнейших текстах, говорится, что арии до Индии прошли много стран. Никто, однако, еще не выяснил, какие это были страны, как не уточнена и длительность всего периода сложения гимнов. Сколько времени он занял — век, тысячу или пять тысяч лет?

В связи с этим особый интерес вызывают описания природных явлений Приполярья, обнаруженные в ведийских текстах. Так, в индийском религиозно-правовом трактате «Законы Ману» есть такие слова: «Солнце отделяет день и ночь — человеческие и божественные... У богов день и ночь — (человеческий) год, опять разделенный надвое: день — период движения солнца к северу, ночь — период движения к югу». Солнце, уходящее к югу на полгода, могло означать только полярную ночь, равно как и уходящее к северу — незакатный полярный день. Водной из частей «Авесты», в Вендидаде, тоже говорится, что для богов один день и одна ночь — это то, что есть год. Арктическим явлениям соответствуют и описываемые в древней литературе красочные картины неба, поясняемые как видимая людям борьба богов света с демонами мрака, когда всюду с неба льются потоки крови, падают золотые сетки украшений, огненно сверкает разнообразное оружие, а небо покрывают громадные стрелы с остриями из золота. По окончании битвы все это великолепие скрывается в океане. Это явно соответствует полярным сияниям.

Интересно, что если в древних частях «Вед» присутствуют лишь шесть божеств, что соответствует шести месяцам в году, то в мифах более южного происхождения говорится о десяти, а затем и о двенадцати божествах — «месяцах» года: этим

подтверждается движение людей к югу. Причем, первое указание совпадает с описанием шестимесячной световой (и полусветовой) половины года, а второе — с гораздо более поздним солнечным календарем, известным, наряду с лунным, всем индоевропейским народам, включая русских и славян. В ряде ведических гимнов воспевается период зари, которая бывает дважды в году и длится дольше 30 дней, включая и появление краешка солнца над горизонтом (такие периоды зари именуются «рассветом и закатом» дня богов). Утром заре предшествуют, а вечером следуют за ней многодневные сумерки. Все это уменьшает длительность упоминаемой «полугодовой ночи» на 2–3 месяца, и таким образом на это время повышается срок освещенности местности, пусть даже отраженным светом (вероятно, и отраженной солнечной радиацией). В «Ригведе» богиня зари Ушас часто воспевается во множественном числе: «Из этих многих сестер в течение (многих) дней она идет последней вслед за прежней», и еще: «Вот появилась она... красуясь незапятнанным телом... Сестра уступила свое место старшей сестре... пламенея лучами Сурьи», то есть солнца. Это напоминает картину постепенной смены сестер-зорь, нарастания длительного полярного восхода солнца.

При всей своей необычности полярная теория в свете данных естествознания не выглядит совсем уж фантастической. По оценкам климатологов, в VII–V тыс. до н. э. среднегодовая температура на Севере не опускалась ниже нуля градусов по Цельсию, а в еще более ранние времена на Крайнем Севере были сосновые и еловые леса, а также в изобилии росли деревья широколистных пород в сочетании со злаково-разнотравным покровом почвы. Кроме того, в

последние годы археологи открыли на Севере много стоянок, из чего следует, что в областях Заполярья последовательно развивались локальные культуры, и по мере развития хозяйства люди постепенно перекочевывали к югу, движимые поисками новых земель для своих разрастающихся коллективов, да и наступившим похолоданием. В. Н. Демин в своих многочисленных книгах собрал множество фольклорных, этнографических и лингвистических доказательств в пользу существования в древности Великой северной цивилизации. Но, как нам представляется, более правильным было бы говорить не об арктической прародине ариев, а об освоении ими заполярных территорий из области более умеренных широт.

В «Голубиной книге» — священном сказании наших далеких предков, — рассказывается о мифическом существе — подземном Индрик-звере:

Ходит он по подземелью,
Пропускает реки, кладязи студёные.
Живет он во святой горе,
Пьет и ест во святой горе.
Куды хочет идет по подземелью,
Как солнушко по поднебесью.

Потому же у нас Индрик-зверь всем зверям отец.

В индийском эпосе схожее имя Индры носил бог-громовержец, центральный персонаж «Ригведы». В ней многократно воспевается великий подвиг божественного героя, победившего гигантского змея Вритру и освободившего удерживаемые им реки.

Приведем фрагмент одного из гимнов, посвященного Индре:

Боги отпали, как старики,

Ты оказался, о Индра, вседержителем, чье место истинно.

Ты убил змея, перекрывшего поток.

Ты пробуравил всенасыщающие русла
(рек).

(Ригведа IV, 19:2)

Современный исследователь «Голубиной книги», М. С. Серяков убедительно доказывает, что ведийский Индра является естественным развитием образа Индрика-зверя, его индийской параллелью. Но тогда о каком подвиге громовержца толкуют гимны древнейшей книги человечества? Очевидно, что речь идет о рождении наших северных рек. Святая гора — это ледник, а змей Вритра — ее хранитель. Он препятствует движению рек на север, сковывая их льдом. Но герой Индра, подобный солнышку, сражает змея и прокладывает внутри ледяной горы дорогу студеным ключам к океану.

«Голубиная книга» не содержит упоминаний о борьбе Индры со змеем. Индрик живет внутри ледника и способствует прохождению протоков сквозь него. Следовательно, стихи «Голубиной книги» создавались в то время, когда общеиндоевропейский миф о борьбе бога-громовержца со змеем еще не сложился, то есть как минимум 5000 лет назад. Но это означает также, что

Арктика (царство змея) с незапамятных времен мыслилась как запредельная территория и освоение северных земель происходило лишь по мере отступления ледника.

В качестве наиболее вероятной прародины ариев следует выделить бассейн реки Волги, которая неоднократно упоминается в их религиозных текстах. Именно берега Волги, как нам представляется, были колыбелью арийской культуры. Отсюда они продвинулись в области Заполярья, в Приуралье, где встретились с угро-финнами, а также в Индию и Иран.

Другая мощная волна миграции ариев Русской равнины была направлена на юго-запад, в район Поднепровья. Здесь в V–IV тыс. до н. э. начала формироваться Трипольская археологическая культура. Впоследствии она распространилась на юг и запад, к Прикарпатыю и Дунаю — в области, занимаемые праславянами. Праславяне стали первым индоевропейским народом, с которым арии вошли в непосредственный контакт. Поэтому так схожи язык и культура русских и славян.

По уровню развития Трипольская культура резко отличалась от предшествующих культур неолита и от культур других современных ей народов Европы. Люди Триполья вели оседлый образ жизни, знали медь, серебро, золото, бронзу, у них было совершенное гончарное производство, изготавливалась красивая расписная керамика. Жили они в больших домах с несколькими помещениями — жилыми и складскими, которые отапливались печами или очагами. В каждом доме имелся алтарь в виде маленького трона, украшенного бычьими рогами, на который помещались

статуэтки Богини Матери. Судя по размерам, в каждом здании проживало несколько супружеских пар. Археологам известны также двухэтажные постройки трипольцев. В каждом селении дома располагались концентрическими кругами, а на центральной площади находились один-два более крупных дома, которые, вероятно, принадлежали местной верхушке или являлись общественными сооружениями. Один из таких городов, обнаруженный в районе Умани, состоял из 200 домов, выстроенных в шесть кругов. Напомним, что арийская цивилизация Триполья древнее и шумерской, и египетской, и греческой. И именно южные миграции трипольских ариев в середине IV — начале III тыс. до н. э. способствовали их «мгновенному» рождению и фантастическому расцвету.

Не оставили без своего внимания арии и Западную Европу. До недавнего прошлого период расселения арийских народов на пространствах Европы и Азии связывали исключительно со II тыс. до н. э. Это делалось только на том основании, что данным временем датируется официально признанный «бронзовый век» (к которому причисляли археологическую культуру ариев). Но такая одновременность означала бы наличие «демографического взрыва» на территории от Волги до Дуная: ведь в тех местах, откуда следовали волны переселенцев, тоже оставалась не безлюдная пустыня. Там продолжали существовать цивилизации, относимые по тому же самому «бронзовому» признаку к тому же самому «бронзовому веку». Сейчас общепризнанные временные границы значительной части миграций сдвинулись к III тыс. до н. э. Но и такая датировка с точки зрения одновременности изменений в Восточной и Западной Европе представляется не вполне

удовлетворительной. Поэтому более правдоподобными нам кажутся те новейшие теории, согласно которым начало миграций следует относить к IV тыс. до н. э... Направление и характер их качественно менялись со временем. В IV–III тыс. до н. э. преобладало западное и юго-западное направления, затем — южное, а во II тыс. до н. э. — юго-восточное.

Переселенцы-арии принесли в Европу цивилизацию бронзового века. Поначалу у них отмечается преобладание скотоводства, что нетрудно понять, поскольку при переселениях стада можно перегонять с места на место. Но как только обживаются новые территории, быстро прогрессирует земледелие, причем сразу в развитых формах. Пахота производилась уже с помощью плуга, наскальные рисунки его сохранились в Швеции и Альпах, да и сами образцы древних плугов обнаружены в Польше, Швеции, Дании, Италии. Арийским переселенцам принадлежат первые в Центральной и Западной Европе изображения колесных повозок, запряженных волами или лошадьми.

Кроме прежних, карпатских и северобалканских начинается разработка рудников в Чешских и Рудных горах, а позже и в Альпах. Осваиваются соляные копи. А на берегах Балтийского и Северного морей возникает мореходство. В здешних рисунках уже встречаются изображения многовесельных кораблей. Причем в Бохусене (Швеция) наскальная живопись показывает, что эти корабли высаживают десанты воинов с длинными мечами и круглыми щитами. Так что традиции скандинавских викингов имеют очень древние корни. Археологические данные свидетельствуют, что внутрибалтийские плавания в эту эпоху стали обычным явлением — похожие изображения кораблей найдены и

на восточном берегу, в Финляндии, Карелии и на Онежском озере (Русском Севере!). Ясно, что расселение ариев шло не только сухопутным, но и морским путем. Поэтому неудивительно, что они попали в Англию и Ирландию, может быть, даже раньше, чем на территорию Франции.

Для сравнения стоит отметить, что уровень развития местных (автохтонных) охотничьих племен Европы отличался от переселенцев, как небо от земли. В то время обитатели территории Франции промышляли охотой и только-только осваивали примитивное земледелие. А в Сардинии, вплоть до XIV в. до н. э., когда сюда добрались индоевропейцы, вообще жили каннибалы — при раскопках их селений найдены расколотые человеческие кости вперемешку с костями съеденных животных. Любопытный факт отмечен антропологами: вплоть до бронзового, а то и до начала железного века в некоторых районах — Швейцарии, Северной Италии, Англии, продолжали обитать племена негроидов — тех самых, которые в ледниковую эпоху доходили до Дона и Оки. О дальнейшей их судьбе мы можем судить однозначно, так как ни негров, ни мулатов в исторически известные времена в Европе не обнаруживается. Разве что у ранних древнегреческих авторов, например у Гомера, упоминаются «эфиопы» не только на юге, но и где-то далеко на западе.

О собо стоит сказать о встрече ариев с прагерманскими племенами охотников. Имя верховного бога ариев Яра у них породило немецкое слово «герр» — «господин», что с несомненностью доказывает уважительное отношение прагерманцев к своим восточным соседям, которые и дали в конечном итоге название их стране: ведь Германия означает «страна

людей-ариев». Но сами немцы по своим глубинным корням никакого отношения к ариям не имели, и это название своей страны испокон веков считали чужеродным. Сами себя они называли «Дойч». Это имя восходит к общеиндоевропейскому имени верховного бога, содержавшего в качестве своей основы корень «Ди (Де)». Русские называли его Дий или Див, индоарии Дъяус, латиняне Деус, греки Теос, литовцы Диевас. В нашем прочтении «Дойч» надо понимать как «люди бога».

А. Бэшем в книге «Чудо, которым была Индия» пишет: «Около 2000 г. до н. э. обширные степные территории, простиравшиеся от Польши до Средней Азии, населяли полукочевые варварские племена; это были высокие, довольно светлокожие люди... Они приручали лошадей и впрягали их в легкие повозки на колесах со спицами. Колесницы превосходили быстроходностью влекаемые ослими неуклюжие телеги с четырьмя сплошными колесами — лучшее средство, известное Шумеру той эпохи... В начале II тыс. до н. э. эти народы пришли в движение. Они мигрировали группами в западном, южном и восточном направлениях, покоряли местные народности и смешивались с ними, образуя правящую верхушку... Некоторые племена переместились на территорию Европы, и от них произошли греки, латиняне и тевтоны. Другие пришли в Анатолию, и в результате их смешения с местными жителями возникла великая империя хеттов. Некоторые — предки современных балтийских и славянских народов — остались на своей прародине». Эта точка зрения на сегодняшний день совпадает со взглядами большинства историков. Наше уточнение ее, по существу, заключается лишь в том, что миграции ариев начались на полторы

тысячи лет раньше. Их причиной было резкое похолодание в Европе.

Академическая наука признает, что миграция индоевропейцев в IV–III тыс. до н. э. происходили через области Русской равнины с востока на запад. Но это места обитания древних ариев! Профессионалам осталось всего лишь согласиться, что глобальные миграции в Европу, и далее в Египет и Месопотамию, осуществили главным образом арии.

Для полноты характеристики основных маршрутов расселения ариев со своей северной прародины нам осталось рассказать еще об одном направлении — иранском. В начале II тыс. до н. э. арии, населявшие степи от Волги до Западной Сибири, разделились на две части. Одна из них начала свое движение в направлении полуострова Индостан и в конечном итоге (приблизительно в середине II тыс. до н. э.) дошла до Индии (их называют еще индоариями), другая же пришла и осела (в конце того же тысячелетия) на территории Северного Ирана. Там арии встретились с персами — потомками индоевропейцев, переселившихся в Азию значительно ранее них. Проследить детально судьбу ариев на земле Ирана довольно трудно, но можно определенно говорить о глубоком культурном воздействии ариев на иранцев: практически весь древнейший слой иранской мифологии покоится на образах ведийской мифологии.

Новое религиозное учение, сложившееся на иранской почве в VII–VI вв. до н. э. — зороастризм (по имени его основателя Зороастра или Заратуштры), — стало своеобразным развитием учения древних ариев. Согласно этой религиозной концепции, Ормузд — бог

добра, олицетворение света, жизни и правды, существовал еще до сотворения мира и пребывал в непрерывной борьбе с Ариманом — носителем зла, мрака и смерти. Человек создан Ормуздом, но он свободен в своих мыслях и поступках и поэтому доступен воздействию зла. Однако его долг — помыслами, словами и делами бороться против Аримана и его помощников — духов зла. И в конечном итоге добро одержит полную победу над злом. В отличие от индоарийских текстов священные книги древних иранцев значительное место уделяют деяниям темных сил, они содержат первые разработки темы «рая и ада». Но вот что интересно — два противника, два носителя противоположных начал носят, в сущности, одно и то же имя, записанное в индоевропейском и славянском вариантах. Его можно перевести как Арий-муж (английское *man* = славянское муж). В учении Зороастра единый бог Яр «разделился» на враждующую темную и светлую «половины». В этом, в общем-то, и заключалась ключевая идея новой религии.

Что же касается судьбы ариев в Иране, то их следует отождествлять с историческими мидянами (мидийцами). По сообщению Геродота, мидяне, осевшие на северо-западе Ирана, делились на шесть племен, одно из которых составляли маги. По-видимому, это племя было жреческим, и из него происходили священнослужители не только у мидян, но и у персов. От мидян не дошло пока никаких письменных памятников, и их история восстанавливается на основании упоминания о них в ассирийских анналах и в позднейших сочинениях греческих историков. IX–VIII вв. до н. э. мидяне имели множество городов-государств, сохраняя при этом также племенные связи. В конце VIII в. до н. э. они были подчинены Ассирии и платили ей дань. Но необходимость

отражать ассирийские нашествия ускорила объединение мидийских княжеств. Они сумели не только обрести свободу, но и сокрушить (вместе с союзными племенами) Ассирию. Но об этом чуть дальше...

ГЛАВА 2

СРЕДИЗЕМНОМОРСКАЯ РУСЬ

*Страна древнейших
городов,*

*Смени семитское
обличье,*

*Воскресни вновь в
былом величье*

*На радость всех твоих
сынов...*

Переламывать традицию — сизифов труд. Нужны десятилетия, а то и века, чтобы новая идея овладела массами. Пусть она трижды правильная, всегда есть множество причин, по которым она может быть отвергнута. К примеру, Аристарх Самосский еще в III веке до н. э. высказал и обосновал идею гелиоцентризма нашей планетной системы. Но ученым того времени она явно пришлась не по вкусу. Лишь почти через две тысячи лет научное сообщество «прозрело» и приняло правильную точку зрения. И это пример заблуждения астрономов, представителей точного естествознания. Что уж говорить об историках, подверженных помимо всего прочего еще и политической моде.

Проблема восстановления древнейшего периода русской истории весьма неординарна в силу широты и географической разбросанности упоминаний о русах. Но при детальном и беспристрастном рассмотрении наша история совершенно естественно встраивается в контекст мировой истории. Надо лишь отказаться от некоторых догматов, навязанных нам без всякого на то обоснования профессиональными историками. Например, о том, что в Палестине с древнейших времен проживали исключительно семиты.

Обратимся непосредственно к историческим свидетельствам. Согласно египетским источникам, жители Палестины, проживавшие там с древнейших времен, состоявшие в постоянном сношении с Египтом и входившие в состав чужеземного населения восточной окраины дельты Нила, назывались хары (хари). Этим именем обозначался не только сам народ, но и обустроенная им страна. Она лежала на Сирийском побережье. По мнению египтолога Г. Бругша, под этим названием фигурировала Финикия, но вполне вероятно, что ее границы были значительно шире. В страну Хар и из нее ходили нагруженные товарами корабли, ее жители вели оживленную торговлю с Египтом, и если верить памятникам и папирусам, то на них смотрели в стране пирамид как на людей уважаемых и почетных. Даже рабы и рабыни из страны Хар высоко ценились знатными египтянами и покупались за высокую цену. Наверное, читатель уже догадался, что хариями египтяне называли поселившихся в Палестине ариев, произнося первую гласную в их имени с глухим придыханием.

Хары имели свои поселения в Северном Египте, и у нас есть основания говорить об их влиянии на древнейшую историю Египта. В составе имен царей Раннего царства, например, неизменно упоминается бог Хор (Хар, Гор), представлявшийся в виде сокола. Всемирная история знает еще только один пример, когда бы имя верховного правителя государства соотносилось с соколом. Это русский князь Рюрик, имя которого сопоставляют с общеславянским соколоподобным богом огня и света Рарогом. Но более интересно даже не это. По-египетски имя Хора = Гора означает «высота», «небеса» и отражает лишь часть функций бога, его способность парить в воздухе. Гораздо более полное отражение божественного имени мы находим в русском языке. Гор — это и гора, и гореть, это и Змей Горыныч, и царь Горох, и Святогор и богатырь Горыня. Корень «хор» порождает не менее богатый ряд ассоциаций — «хор», «хорошо», «хоровод», солнце-бог Хоре. Русская этимология несравненно точнее характеризует образ египетского бога-сокола, а это верное указание на то, что рождался он на древнерусской (арийской) «почве».

Выходцы с Русской равнины побывали в Египте и, что называется, «приложили руку» к его истории. Но роль пришельцев-северян там должна была с каждым годом падать, а в какой-то момент они, как чужаки, однажды добившиеся власти над страной, вообще должны были превратиться во врагов. На наш взгляд, это произошло во время смуты в Египте и распада централизованной власти (XXII–XX вв. до н. э.).

Пришельцы-хары отступили на земли Палестины и Сирии. Конечно, как и во все времена, эти предки русов объединили вокруг себя и ряд других азиатских народов, проживавших на данной территории. Союз племен, образовавшийся на этих землях, египтяне называли страна Рутен. Это реальное, могущественное государство, существовавшее в Передней Азии во II тыс. до н. э. Но многие ли слышали о его существовании?

Авторы наших учебников лишь мимоходом упоминают об этой стране, а то и вовсе ничего не говорят о ней. Так, в частности, поступил Ю. Б. Циркин, автор книги «От Ханаана до Карфагена», специально посвященной древнейшей истории Палестины. Но выдающийся египтолог Г. Бругш, автор широко известной книги «Все об Египте», был противоположного мнения. Он особо подчеркивал, что «в Ханаане составилась великий союз народов единого происхождения, которых памятники называют общим именем «рутен». Народы эти управлялись царьками, сидевшими в укрепленных городах, названия которых записаны на памятниках и которые позже большей частью были взяты завоевательной иммиграцией сынов Израиля». Египетские источники свидетельствуют о более чем полутысячелетнем противостоянии страны Рутен власти фараонов. К счастью, в книге Г. Бругша приводятся многие из этих документов, и мы можем достаточно полно восстановить историю страны Рутен. Но прежде сделаем одно чрезвычайно важное замечание.

«Здесь уместно объяснить название «Рутену» или «Рузену», часто встречающееся в египетских надписях Нового царства как обозначение Палестины. Галилея называлась «Верхним Рутену». «Рузену» — это, похоже, транскрипция названия, которым население Палестины

обозначало собственную землю. Поэтому в поисках значения следует обратиться к еврейскому языку.

В Библии Палестина называется «Erez» (страна), «Erez Israel» (страна Израиля) и «Arzenu» (притяжательное значение «наша страна»). То, что египтологи читают как Рутен или Рузен, вероятно, является «Arzenu» из Библии».

Мы привели небольшую выдержку из книги «Эдип и Эхнатон». Ее автор — известный американский историк и культуролог Иммануил Великовский. Его отец — Симон Ишиль Великовский, на протяжении всей своей жизни способствовал сохранению языка Библии, поэтому мы вправе со всей серьезностью отнестись к той информации, которая заключена в вышеприведенном отрывке. Прежде всего, оказывается, что египетское название можно прочитать и как «Рузен». Страна Рутен, таким образом, это Русена или Русь. Но, что еще интереснее, если мы даже и неправы в отношении египтян, и те именовали Палестину все-таки страной Рутен, то уж сами евреи абсолютно точно называли ее Арзenu или Рузена (напомним, в древнееврейском письме гласных не было). Слово «Русена» («Русь») присутствует на страницах Библии! И. Великовский ненароком открыл одну из тайн библейского текста. Мало того, в своей книге он приводит список тех девяти мест, где употреблялось это название и где смысл текста был искажен при переводе. Вот они: Левит (26:5), Числа (10:9), Книга Иисуса Навина (9: 11), Книга Судей (16: 24), Псалтирь (84: 10, 13), Песнь Песней Соломона (2: 12), Книга Иеремии (5: 19), Книга Михея (5: 4). В девяти отрывках Священного Писания его редакторы вместо конкретного названия страны употребили выражения

«наша страна» или «наша (ваша) земля». Так стирается историческая память!

Православные священники обычно рекомендуют своей пастве с большей тщательностью изучать книги Нового Завета, где изложено учение Христа, основа духовного мира христианина. Мы же, в свою очередь, призываем не пренебрегать чтением Ветхого Завета, на страницах которого живут и действуют наши предки, основатели страны Рутен — Средиземноморской Руси.

В Библии она также называется Ханааном. В науке существуют различные объяснения самого слова «Ханаан». Часто его связывают с понятием пурпура или вообще красного цвета, рассматривая в этом случае Ханаан как «Пурпурную страну». Основание этому видят в производстве на сиропалестинском побережье пурпурной краски, столь ценимой в древности. Многим исследователям, однако, такое объяснение кажется надуманным: трудно представить, чтобы какой-то народ стал именовать себя по названию продукта, который он производит. Да и славились ханаанские области скорее экспортом леса, а не тканей. Более логично считать, что прилагательное «красный» в ближневосточных источниках произошло от названия страны, а не наоборот. Точно также и имя «финикийцы», под которым ханаанеи были известны грекам, неправоммерно производить от греческого корня со значением «красный». Но сама взаимосвязь имени народа ханаанеев (финикийцев) с красным цветом, вскрытая лингвистами, заставляет вспомнить об одном любопытном наблюдении, сделанном доктором исторических наук, профессором А. Г. Кузьминым в

предисловии к двухтомнику «Откуда есть пошла Русская земля»:

«В Западной Европе Русь называлась также Ругией, Рутенией, иногда Руйей или Руйяной. В первые века в Галлии существовало кельтское племя рутенов, которое часто сопровождалось эпитетом «флави рутены», то есть «рыжие рутены». Это словосочетание в некоторых средневековых этногеографических описаниях переносилось и на Русь, и, как это указывалось в нашей литературе, для такого перенесения требовалось какое-то хотя бы внешнее основание. И действительно, в X веке североитальянский автор Лиутпранд этноним «Русь» объяснял из «простонародного» греческого, как «красные», «рыжие». Во французских источниках также, скажем, дочь Ярослава Мудрого Анна Русская осмысливалась и как Анна Рыжая. Название Черного моря как «Русского» встречается более чем в десятке источников Запада и Востока. Обычно это название связывается с этнонимом и служит, в частности, обоснованием южного происхождения Руси. Это не исключено и даже вероятно. Но надо иметь в виду и то, что само это название осмысливалось как «Красное». В некоторых славянских источниках море называется не «Черным», а «Чермным», то есть Красным. Так же оно называется в ирландских сагах, выводящих первых поселенцев на острове Ирландии из «Скифии» (в ирландском языке: «Маре Руад»). Само название «рутены» происходит, видимо, от кельтского обозначения красного цвета, хотя на ругов-русов это название перешло уже в латинской традиции.

В русской средневековой традиции тоже была версия, что название «Русь» связано с цветом «русый». Традицию эту обычно всерьез не принимают. Тем не

менее, у нее глубокие истоки. Так, в некоторых ранних славянских памятниках зафиксировано обозначение месяца сентября как *руен*, или *рюен*, то есть почти так, как в славянских языках назывался и остров Рюген (обычно Руйяна). Значение этого названия месяца то же, что и прилагательное «русый»: именно коричнево-желтый, багряный (уже позднее слово «русый» станет обозначать несколько иной оттенок). По существу, все формы обозначения Руси в западноевропейских источниках объясняются из каких-то языков и диалектов как «красный», «рыжий». При этом необязательно речь должна идти о внешнем виде, хотя и внешний вид в глазах соседей мог этому соответствовать. Красный цвет в столь важной для Средневековья символике означал могущество, право на власть. Красный цвет могли специально подчеркивать, как это делал автор «Слова о полку Игореве», «червлёный», то есть красный цвет щитов русичей».

Пусть читатель извинит нас за столь длинную цитату, но не возникло ли у Вас ощущение, что ханаanei (финикийцы) действительно как-то связаны с Россией, русскими? Тем более что совсем поблизости от них находилось настоящее Красное море и трудно поверить, что это не они, лучшие мореходы Древнего мира, дали ему это имя. Кстати, Геродот дважды (1,1; VII, 89) говорит о происхождении финикийцев, выводя их из района Эритрейского моря, откуда они и пришли к берегам Средиземного моря, причем второй раз он ссылается непосредственно на самих финикийцев: «как говорят они сами». По-гречески «Эритрейское» значит «Красное». Сами финикийцы понимали под ним Черное (Черное) море. Но не будет ошибкой говорить, как это делают многие современные историки, что в Палестину

финикийцы прибыли с берегов Красного моря, омывающего Аравийский полуостров. Дело в том, волна миграции арийских племен основательно «накрыла» и этот полуостров!

Примерно в 30 километрах к юго-востоку от Саны — столице Йеменской Аравийской Республики, находится местность с названием «Страна Русских» (Билад эр — Рус). Точно так же никто не помнит, когда и почему огромный солончак на юго-востоке Аравии получил название «Отцы Русских» (Аба эр — Рус). Напомним еще раз и об области ар-Расс, упоминаемой в Коране. В памяти жителей Аравии устойчиво хранится память о неких «светлолицых братьях». Так, предки гордых аравийских бедуинов называли себя «ахмар», что значит «красный, рыжий». Есть целый район недалеко от Йеменской столицы, выходцы из которого носят «фамилию» Ахмар. Светлый цвет кожи и волос издавна рассматривался на Востоке как признак знатности происхождения. То же самое можно сказать и про берберов Сахары. Представление о превосходстве, высоком социальном ранге, благородстве прочно ассоциировалось у них со светлым цветом кожи, волос, глаз. «Светлоокрашенными» в произведениях бедуинских поэтов выступают герои, воины-богатыри, вожди, цари. В Коране образ людей с белыми лицами получил религиозное осмысление как образ людей добродетельных. В арабский язык вошло устойчивое выражение «да осветит Аллах лицо твое!», то есть сделает тебя почетным, уважаемым.

В конце III тыс. до н. э. территория современной Палестины (Ханаан) стала одним из центров сосредоточения ариев, мигрировавших в страны Средиземноморья. Сюда собрались арии — беженцы и

выходцы из Египта, Аравии и Месопотамии. Они не препятствовали заключению смешанных браков с местными племенами. В итоге ханаанейский этнос представлял многонациональную стихию, в которой руководящую роль, однако, играли арии. Для тех же, кто все еще сомневается в присутствии наших пращуров в столь отдаленных землях, особо укажем, что имя первочеловека — Адам, по-древнееврейски означает «красный», и толковать его следует вовсе не как представителя красной расы, а как русого (рыжего) человека.

Современные филологи выводят русское имя «Иван» из древнееврейского «Иаханан» — «Бог Яхве смилостивился». Но Иван изначально русский образ, это имя одного из наших древнейших богов, о чем еще в XIX в. прекрасно написал выдающийся фольклорист и литературовед А. Н. Афанасьев в своем знаменитом сочинении «О поэтических воззрениях славян на природу». Русские сказки по своему происхождению старше и самой Библии, и самых древних семитских мифов. Иван — родовое имя переселившихся в Средиземноморье ариев. Имя этого русского бога породило название народа ханаанеев и их страны Ханаан. К корню «ван» восходит и название Финикия (искаженное Венеция), и имя народа финикийцев (венетов).

В числе сынов Ханаана в Книге Бытия назван Аморей. Если имя Ханаана мы возводим к русскому Ване, то Аморей (Марей) является мужским аналогом имени Марии. В античных источниках народ Мареев назывался еще киммерийцами. В их имени в качестве приставки фигурирует имя общеиндоевропейского бога Ки, которое использовалось в значении «великий», «божественный».

Поэтому название «киммерийцы» означает «великие Марей» или, по-другому, «почитающие богиню Марию» (у славян ее называли еще Марена, Мара или... Кики-мора — «великая Мара»).

Киммерийцы проживали в южнорусских степях, у берегов Азовского и Каспийского морей. Именно оттуда они мигрировали в Малую Азию и далее в Месопотамию и на Ближний Восток. Если ваны-венеты проникли в Азию, минуя Балканы, то амореи-киммерийцы пришли сюда «напрямую», через Кавказ. Причем миграция амореев проходила позднее.

Ханаане-Иваны и амореи-Марей оказываются родственными племенами. Интересно добавить к этому, что в русском фольклоре образы Ивана и Марьи мыслятся как близнецы! В словарях русских имен обычно пишут, что имя «Мария» древнееврейского происхождения, но это неправда! У евреев форма этого имени другая — Мириам, да и к тому же сама она вторична по отношению к общеславянскому «мир» — сравни: Мир-ко, Яро-мир, Лад-мир, Влади-мир.

Марья (Марья, Мария) означает буквально Ма(ть) — Рея. У греков титанида Рея была матерью великих греческих богов — Зевса, Аида, Посейдона, Геры, Деметры и Гестии. Но само имя Рея негреческого происхождения. Оно происходит от древнерусских слов «яра», «ярена», «яренная» (то есть оплодотворенная и готовая плодоносить). Богиню Рею (Яру) естественно считать женской параллелью бога Яра, по имени которого наши предки называли себя ариями. У русских и славян Великая богиня Яра (Рея) стала со временем почитаться под именем Марены (Мары).

В 1934 году во время раскопок холма Тель-Харири, что недалеко от Дамаска, французский археолог Андре Парро нашел фигуру бородатого мужчины с молитвенно сложенными руками. Клинописный текст у основания скульптуры гласил: «Я лами-Мари, царь государства Мари...» О существовании в древности государства Мари уже было известно ранее, но никому до этого не удавалось установить, где же оно находилось. Дальнейшие поиски Парро подтвердили, что под холмом находятся развалины столицы Мари. Были обнаружены храм, жилые дома, крепостные стены, зиккурат и великолепный царский дворец, построенный в III тыс. до н. э. Он состоял из двухсот шестидесяти комнат и залов. Там были кухни, бани с ваннами, тронный зал и молельня. Правда, всюду виднелись следы пожара и умышленного разрушения. Крупнейшей находкой в Мари оказался царский архив, включавший тридцать три тысячи шестьсот глиняных табличек с клинописными текстами. Из этих табличек ученые узнали, что население Мари составляли племена амореев.

Название Мари индоевропейского происхождения и никак не может быть признано семитским. У нее одного этого обстоятельства достаточно, чтобы усомниться в принадлежности амореев к семитам. А откуда происходит название Дамаска — города, который считался у древнейших жителей Востока одним из райских мест на земле? Библейская энциклопедия выводит имя этого города из сербского языка, где оно означает «место хлопот, деятельности» (или, говоря попросту, «дом»), и отсюда следует, что в закладке здесь «первого камня» участвовали предки сербов, а никакие не семиты. Да и ведь только у славян в изобилии присутствуют названия

городов, оканчивающиеся на суффикс «ск» — Гданьск, Курск, Минск и т. д.

В конце III тыс. до н. э. племена амореев проникают в Месопотамию, захватывают обширные области в семитской стране Аккад и создают сильное государство с центром в Вавилоне. Географически семитские племена изначально концентрировались в Месопотамии и на Аравийском полуострове. Индоевропейские и арийские переселенцы из Европы сосредотачивались в основном к западу от них — на севере Африки, в Палестине, Сирии и Малой Азии. Границы между этими семьями народов были «прозрачными». Библия подробно рассказывает нам о движении еврейских племен с территории Месопотамии в сторону Палестины и далее Египта. Но точно так же происходил и обратный процесс проникновения индоевропейцев и ариев в земли семитов. Причем индоевропейцы пришли в Месопотамию задолго до того, как семиты начали из нее свой исход.

К началу XVIII в. до н. э. семитские племена уже в известной степени впитали в себя элементы индоевропейской культуры. Они поклонялись арийскому богу Белу, а это верный признак того, что ханаанейские и аморейские племена завоевывали те или иные семитские царства. В частности, вавилонского царя Хаммурапи, во времена которого евреи начали массовую эмиграцию из Месопотамии, кажется, еще никто не записывал в семиты. Да и имя его с учетом возможного перехода согласных и условности прочтения гласных можно расшифровать, как Ка(Ки) + Мура(Мара) + суффикс —

«великий Марей», или Киммериец. Мы в очередной раз приходим к идее участия в азиатских и средиземноморских событиях наших предков.

В начале II тыс. до н. э. на землях, контролируемых амореями в Северной Месопотамии, возникло многонациональное государство Митанни с правящей арийской династией. Военная гвардия митаннийских царей называлась марианны (они марей), то есть состояла из амореев.

Современные исследователи не имеют сколько-нибудь удовлетворительного объяснения имени этого государства. Известно, правда, что сами жители называли себя Маиттани. В русском прочтении его можно перевести как Мать-Ана или Божественная Мать (Анат — одно из имен Великой Богини в Малой Азии и на Ближнем Востоке; оно родственно русскому местоимению «она»). Имя страны указывает, что в ней особым почитанием пользовался культ Великой Богини. Современные русские называют свою страну Отечеством. Это слово среднего рода, но образовано оно от существительного мужского рода «отец» и отражает влияние патриархальных традиций. Название страны Маиттани можно трактовать как «женский» аналог слова «отечество». В пользу такого объяснения говорит название гвардейцев митаннийских войск: марианны — защитники Великой Богини Марии. Митаннийцев называли также хурритами. Для историков смысл этого имени — тайна за семью печатями. Но из греческой мифологии известно, что спутники-хранители богини Реи назывались куретами. Выходит, что хурриты (или куреты) — это люди, почитающие Великую арийскую богиню.

Арии-митаннийцы пришли в Месопотамию из прикаспийских степей. Из этой же области начали свою миграцию в направлении Ирана и мидийцы, о которых шла речь в предыдущей главе. Согласно Геродоту, северо-западная часть Мидии называлась Матиена, практически так же, как и страна митаннийцев. Если же учесть, что по сообщению того же Геродота около Каспийского моря проживал народ меотов, который историки безоговорочно относят к арийцам, то напрашивается вывод: митаннийцы и мидяне принадлежали к одному и тому же племени меотов.

Приазовье античная традиция устойчиво связывала с амазонками — племенами, в которых были сильны традиции матриархата. Видимо, здесь находился один из центров культа Великой Богини, который меоты и родственные им амореи принесли на Ближний Восток и в Месопотамию.

Государства Митанни и Рутену составляли дружественный союз. Задолго до героев «Илиады» и «Одиссеи», красовавшихся на поле битвы в изящных доспехах, цари и витязи земли Ханаанской в медной броне, на дорогих колесницах появлялись на равнинах Месопотамии, в долинах Палестины, да и в самом Египте, встречаясь в битве с египетскими воинами. В те времена колесница, запряженная двумя лошадьми, считалась важнейшим средством для достижения победы. Она занимала главное место в боевом порядке. Именно у ариев Митанни и Рутену египтяне позаимствовали опыт сражений на колесницах.

В первой половине II тыс. до н. э. племена ханаанеев и амореев доминировали на территории Палестины. Они возродили на этих землях городскую

культуру и придали ей высокое и быстрое развитие. Исследователи отмечают, что носителями городской и земледельческой культур были в основном ханаanei. Они оказали решающее воздействие на амореев, которые, сохраняя преимущественно скотоводческую экономику, концентрировались в предгорьях. Эти племена составляли единую этническую общность, поэтому их сосуществование было мирным. И когда Моисей отправил соглядатаев «высмотреть землю Ханаанскую», то они, возвратившись к нему, сообщили, что «народ, живущий на земле той, силен, и города укрепленные, весьма большие... и Амореи живут на горе, Ханаanei же живут при море и на берегу Иордана» (Чис. 13: 29, 30). И действительно, по заключению археологов период, так называемого, среднего бронзового века II в Палестине (2000–1550 гг. до н. э.) отмечен общими революционными изменениями во всех аспектах материальной культуры: системе поселений, градостроительстве, архитектуре, керамике, металлургии.

Для поселенческой системы специфично создание значительного числа городов, фортов и земледельческих поселений, прежде всего, вдоль прибрежной равнины в северных долинах страны. Уже на ранней фазе ряд прибрежных городов имел достаточно мощные фортификационные системы, причем наряду с каменными и кирпичными стенами создавались огромные земляные валы. На последующих фазах такие системы еще более увеличивались и усложнялись, дополнялись внутренними валами, опорными сооружениями, сочетанием кирпичной или каменной основы с перекрывающим ее земляным валом, ширина которого в отдельных случаях превышала 50 метров при толщине

кирпичной основы свыше 10 метров. Наличие мощных валов, высота которых также превышала 10 метров, явилось характерной чертой фортификаций среднего бронзового века II Палестины. Появление подобных сооружений связывают с сирийской традицией, проникшей в Палестину вместе с ханаанеями, двигавшимися на юг вдоль прибрежной полосы (напомним, что венеты-ханаанеи пришли из Пафлагонии — области южного Причерноморья).

Что касается городских построек, то уже на ранней фазе среднего бронзового века II Палестины они были представлены достаточно сложными комплексами с четко распланированными кварталами и такими значительными компонентами, как дворцы. В Асоре (столице ханаанеев на севере Палестины) дворцовый комплекс занимал 1000 кв. м, а крыша главного храма опиралась на столбы, диаметр баз которых превышал 2 м. Во время второй фазы планировка городов продолжает совершенствоваться. Прямые мощеные улицы, их правильное соотношение, пересечения под прямым углом, широкие площади, специальные участки общественных зданий, дворцов и храмов свидетельствуют о существовании общей планировки. В частности, прослеживается ортогональный принцип планировки с прямоугольными жилыми кварталами, разделяющими их параллельными улицами и блоками жилищ внутри кварталов. Каждый из блоков состоял из небольшого центрального двора с небольшими же комнатами по его сторонам.

В погребальной практике присутствовал обычай коллективных захоронений в пещерах и катакомбах, превращенных в фамильные склепы больших городских семей. В связи с этим уместно вспомнить о катакомбной

археологической культуре раннего бронзового века (первая половина II тыс. до н. э.) в степных районах европейской части России. Это еще одна «ниточка», связывающая Средиземноморскую Русь с Русской равниной.

В керамике роспись редка и в большинстве случаев монохромна (использовалась красная или черная краска), хотя встречается и бихромная роспись, мотивы предельно просты: горизонтальные ленты и концентрические круги, изобразительные мотивы — птицы, антилопы — единичны. Одна из наиболее многочисленных групп — туалетные кувшинчики различных форм, вплоть до зооморфных (в виде рыб и птиц), и даже антропоморфных, имитирующих человеческую голову. Не менее характерны поразительно тонкостенные сосуды, названные «яичной скорлупкой», а также распространившиеся в XVI в. до н. э. чаши, кратеры и кувшины, украшенные шоколадной или двуцветной росписью. Сосуды этих групп также обнаруживаются в восточных районах дельты Нила, в средиземноморских городах на севере Сирии, и даже на Кипре.

В металлургии бронзы данного периода продолжается развитие и совершенствование форм оружия — кинжалов, наконечников копий, топоров. Появляются листовидные наконечники копий с разомкнутой втулкой, сменив длительный период господства черешковых форм. Листовидными же становятся и кинжалы, снабженные несколькими ребрами и коротким черешком, на котором с помощью заклепок крепились деревянные рукоятки (иногда с каменными набалдашниками). Среди топоров доминируют простые

вытянутые формы. Сохраняются длинные булавки с отверстием для подвешивания.

Первое упоминание о Средиземноморской Руси относится ко времени Сенусерта III (XIX в. до н. э.). В надписи о своем победоносном походе в страну Рутену фараон сообщает, что воевал против народа Mntyw. В египетских документах более позднего времени это имя переводят как Менаси. Оно совпадает с именем первого царя Египта. По всей видимости, у ариев существовала устойчивая традиция соотносить основателей государств со своим легендарным предком Ману (прародителем человечества, согласно ведийской традиции). Так было не только в Египте и Рутене (Русене), но и на Крите. Расцвет критской цивилизации связывают с правлением царя Миноса (XVII–XVI вв. до н. э.), когда остров составлял единую монархию. Легенды утверждают, что в те времена критянам не было равных во всем Средиземноморье. Вместе с воинами Русены они составляли мощную антиегипетскую коалицию.

Наряду с государством Митанни, страна Рутену была одной из сильнейших держав Передней Азии и Ближнего Востока. На рубеже XVIII и XVII вв. до н. э. на Египет обрушились захватчики-гиксосы, составлявшие племенной союз обитателей Южной Сирии и Северной Аравии. Исследователи полагают, что по своему этническому составу он был неоднородным. В него входили, в частности, рутены-ханаане и арии-митаннийцы. Имя первого иноземного царя — Хиан, напоминает нам о ханаанеях, а название Египта о митаннийской богине Гипте. Источники из Мари свидетельствуют о появлении на рубеже XIX и XVIII вв. до н. э. в Северной Месопотамии (на территории государства Митанни) народа ханеев. Это были

ваны-венеты. Трудно сказать однозначно, откуда пришли они: из Палестины или с берегов Черного моря. Но можно смело утверждать, что в Передней Азии в начале II тыс. до н. э. оформился мощный союз двух государств — Рутену и Митанни, во главе которых стояли арийские династии.

Профессиональные историки замалчивают или пытаются всячески принизить роль ариев в событиях той поры. А она в Древнем мире была выдающейся. Митаннийцы изобрели способ изготовления мелкой посуды из непрозрачного цветного стекла. Эта техника распространилась впоследствии также в Финикии, Нижней Месопотамии и Египте. В течение определенного времени митаннийцы вместе с финикийцами были монополистами в международной торговле стеклянными изделиями. Не позже XVI в. до н. э. в Финикии открыли способ окраски шерсти в лилово-красный и лилово-синий цвет пурпуром — краской, добываемой из морского моллюска. В связи с этим большое хозяйственное значение приобрел ввоз дешевой некрашеной шерсти из скотоводческих районов Сирии, Крита, а позже из всей Передней Азии в Финикию и экспорт оттуда пурпурной шерсти. В городах ханаанской Финикии стали скапливаться большие запасы хлеба и металлических изделий, поступавших в изобилии в обмен на пурпурную шерсть. Дальнейшему расцвету ханаанских городов Палестины и Финикии, аморейских и митаннийских городов Сирии, однако, помешали начавшиеся после 1600 г. до н. э. вторжения египтян, освободившихся к тому времени от власти гиксосов.

Особо жестоким противостояние двух держав было во времена правления Тутмоса III (XV в. до н. э.). Рутену в то время была страной городов. В одной из своих

надписей фараон говорит о завоевании 119 городов и земель. Информация Библии о множестве городов в Ханаане полностью подтверждается! Только жили они в эпоху Тутмоса III отнюдь не мирной жизнью. Четырнадцать (!) походов совершил этот фараон в страну Рутену (Ханаан). Первый из этих походов был важнейшим и самым значительным из них. Решающая битва между египтянами и рутенами состоялась при городе Мегиддо. Историки относят ее к 1469 г. до н. э. К союзу народов Рутену примкнули финикийские хары и хетты — народ, проживавший в Малой Азии. Индоевропейцы сражались с африканцами за право обладания Палестиной, и если какие-то семитские отряды и были в их войсках, то они играли заведомо второстепенную роль.

Битва при Мегиддо — первое сражение, описанное в мировой истории. Тутмос III вторгся в Центральную Палестину с 20-тысячной армией. Его противники сосредоточили свои силы в долине Мегиддо, севернее горы Кармель, выслав сторожевые заставы, задачей которых было удержать три ведущих с юга перевала. Однако египтяне прорвались через них, рассеяв защитников смелой атакой, которую возглавил сам фараон. В долине за перевалами армия рутенов заняла возвышенность возле крепости Мегиддо. Тутмос выстроил свои войска выгнутым фронтом и в то время, как южное крыло предприняло отвлекающий маневр, лично повел северный «рог» в атаку, направив его между флангом рутенов и крепостью. Результатом стало окружение рутенов и полная победа египтян.

Крепость Мегиддо имела важное стратегическое значение, так как преграждала путь из Египта в долину реки Оронта. Кадеш был политическим центром союзной

коалиции рутенов. Как только египетское войско разбило своего противника на подступах к Мегиддо, Тутмос приказал немедленно обложить город. «Они измерили город, окружив его оградой, возведенной из зеленых стволов всех излюбленных ими деревьев»; его величество находился сам на укреплении, к востоку от города, осматривая, что было сделано. Однако царь Кадеша сумел бежать из города. После нескольких недель осады город Мегиддо капитулировал. Трофеями Тутмоса были: 924 колесницы, 2238 лошадей, 200 комплектов оружия, жатва в долине Ездраелона, снятая египетским войском, 2000 голов крупного и 22 500 голов мелкого скота. Перечень трофеев показывает, что египтяне снабжались за счет местных средств. Для закрепления успеха они двинулись дальше, захватили еще три города и построили крепость, которая была названа «Тутмос — связывающий варваров». Теперь египтяне владели всей Палестиной. Но для упрочения владычества и подготовки базы на побережье потребовалось еще четыре похода.

Согласно египетским документам, неприятельским городам сначала предлагалось сдаться. Если его жители соглашались капитулировать, то с ними обходились дружелюбно, и они облагались умеренной податью. В противном случае город брался приступом, на жителей накладывалась тяжелая контрибуция и, кроме того, они облагались значительной ежегодной податью. Упорно повторявшееся сопротивление вызывало разрушение городов, уничтожение плантаций и насаждений, взятие заложников и увеличение выплаты военных податей. Из земли Рутен вывозились помимо взятых в заложники царских детей и благородных марина (господ) рабы и рабыни, лошади, рогатый скот, козы, слоновьи клыки,

зерно, мука, фрукты, елей, бальзам, медь, серебро, золото, зеленый камень, лазоревый камень, разные другие ценные камни, военные колесницы, шлемы, доспехи (брони медные и кожаные), оружие, в том числе боевые топоры и каменные молоты, изящные произведения из золота и серебра, статуи, утварь и разные домашние принадлежности (отличной работы с инкрустацией), кедровое и черное дерево.

Каждый египетский поход завершался не включением пройденной территории в состав Египта, а лишь грабежом сел и городов (особенно дворцов), угоном скота и людей. Год за годом Тутмос III возвращался в Палестину, чтобы собирать дань. На стенах Карнака он выбил изображения деревьев и растений с такой надписью: «Растения, которые его величество нашел в земле Рутену. Все растения, которые произрастают, все цветы, которые находятся в Земле Бога и были обнаружены его величеством, когда его величество направлялся в Верхнюю Рутену». Совершив одну из инспекторских поездок, фараон засвидетельствовал, что «получил от Русены дань в этом году» в виде лошадей, колесниц, различных серебряных сосудов местной работы, а также «сухую мирру, 693 кувшина с благовониями, сладкое масло и зеленое масло в количестве 2080 кувшинов и 608 кувшинов вина». Об одной из его военных кампаний сказано так: «Дань князей Рутену, которые пришли выразить покорность... Теперь каждое поселение, в которое прибывал его величество, снабжало египтян хлебом и разными хлебами, и маслом, благовониями, вином, медом, фруктами — в изобилии, превосходящем все... Урожай в земле состоял из обилия чистого зерна, зернышка к зернышку, ячменя, благовоний (ладана), зеленого масла,

вина, фруктов, всего привлекательного, что есть в этой стране».

Различные произведения из страны Рутену очень высоко ценились в египетской столице. Художники-арии доставлялись в Египет как пленники, чтобы заниматься там своим ремеслом. На стенах комнат гробницы Рекмира, визиря Тутмоса III, изображены медники и написано: «Доставка азиатских медников, которых его величество взял в плен, победив Рутену». Над изображением столяров видны слова: «Изготовление сундуков из слоновой кости и эбонита». Есть здесь и каменщики, которые трудятся на строительстве храма. Все это наглядно говорит об искусности ханаанеев в ремеслах. Западные историки с удивлением пишут о «поразительной цивилизации» в Сирии. Во времена Тутмоса III «сирийцы стояли на более высокой стадии развития, чем даже удивительно одаренная раса египтян. Добыча, привезенная в Египет и состоявшая из кольчуг позолоченных колесниц и колесниц, отделанных серебром, свидетельствует о таком промышленном и художественном развитии, которое могло оказаться поучительным для Египта. Вместе со всем этим удивительным богатством прибыли пленники, которые стали работать в долине Нила, занимаясь ремеслами, привычными для них дома; и пока они работали, они обучали египтян...» (Rogers R. W. *Cuneiform Parallels of the Old Testament*).

Воюя в Палестине и Сирии, Тутмос III должен был неизбежно столкнуться с митаннийским царством, интересы которого распространялись на эти территории. Оно являлось оплотом переднеазитских народов в их борьбе с египтянами. Однажды египетские военные ладьи, построенные на восточном побережье

Средиземного моря, в финикийском Библие, были на запряженных волами повозках доставлены на Евфрат, и египтяне поплыли на них вниз по реке, захватывая и разоряя митаннийские города и селения.

Тутмос III умер на 54-м году своего царствования. Ему наследовал сын Аменхотеп II, который, подобно отцу, провел свою жизнь в походах, подавляя возникавшие то там, то здесь мятежи. Сохранилось свидетельство о его походе мщения в страну Рутену. Города, стоявшие на его пути, были дочиста ограблены. Царь, как говорит посвященная этой экспедиции надпись, собственноручно захватил 18 пленных и 19 особей рогатого скота. Его сын Тутмос IV также совершил несколько азиатских походов.

Государство Митанни поддерживало силы непрекращающегося сопротивления египтянам. В конце концов фараон Тутмос IV вынужден был договориться о мире и разделе сфер влияния с митаннийским царем Артадамой I. Северная Сирия с выходом к Средиземному морю осталась в зоне Митанни, а в своей зоне (Ханаане) египетские фараоны сделали попытку наладить выкачивание средств без ежегодных военных погромов.

Если на юге союзу Митанни и Рутену противостояли египтяне, то на севере им угрожали их бывшие союзники хетты. Народ хеттов был известен до середины XIX столетия только по данным Библии. В ее русском переводе «сынами Хета» или «хеттеями» названа одна из доеврейских народностей Палестины и Сирии. В Библии же, к примеру, рассказывается, что царь Давид соблазнил жену хетта Урия, коварно потом лишив его жизни, и даже прижил с нею сына, который был не кто иной, как знаменитый Соломон. Этот полухетт также

питал слабость к хеттским женщинам, поскольку Библия рассказывает, что среди его семисот жен и трехсот наложниц было «много жен хеттских» (3 Цар. 11: 1).

Существование хеттов как одного из народов Древнего Востока подтвердилось успешной дешифровкой египетской иероглифики и аккадской клинописи. Дополнительные сведения о хеттах дали также клинописные тексты архива из Телль-Амарны в Египте, содержащего дипломатическую переписку египетских фараонов с разными царями государств Ближнего Востока (на аккадском языке). Судя по этой переписке, Хеттское царство являлось могучим государством, центр которого находился где-то в Малой Азии. Его политическое влияние, однако, распространялось на районы Северной Сирии, где сталкивались интересы египтян, хеттов и Митанни. Таким образом, Хеттское царство (по-египетски, в условном чтении, Хета; по-аккадски Хатти) было крупной державой Древнего Востока.

Предположение о господстве хеттов в Малой Азии полностью подтвердилось в начале XX века, когда в 1906–1912 гг. под руководством немецкого востоковеда Г. Винклера производились первые археологические раскопки в турецком селении Богазкей (в 150 км к востоку от Анкары). Археологи открыли здесь тысячи клинописных табличек, часть которых была составлена на аккадском языке, а подавляющее большинство написано хорошо знакомой аккадской клинописью, но на каком-то неизвестном тогда древнем языке, расшифровкой которого сразу занялись ученые. Уже в 1915 г. чешскому лингвисту Б. Грозному удалось определить характер этого языка и заключить, что он принадлежит к индоевропейской языковой семье. Ученые

назвали его «хеттским клинописным» (в отличие от «хеттского иероглифического» — вернее, лувийского, — образцы которого ранее были обнаружены в Северной Сирии и Малой Азии).

Дешифровка найденных в Богозкее табличек показала, что на его месте была расположена столица хеттов — Хаттуса. Свою страну (и царство в целом) хетты обозначали термином «Хатти». Основная территория распространения собственно хеттов включала в себя центральную часть Малой Азии. Окраинные области Анатолии и районы Северной Сирии (а порой и Северной Месопотамии) иногда на время тоже подчинялись хеттам.

Государство хеттов возникло в середине XVII в. до н. э. в результате слияния пришлых индоевропейцев (неарийцев) с местными племенами, находившихся до того времени под властью арийцев. Название «хетты», по-видимому, восходит к имени общеиндоевропейского бога Ки, а сами хетты относятся к той части индоевропейцев, которые задолго до рассматриваемых событий мигрировали с территории Европы (прародины индоевропейских народов) в Азию. Соседи Рутену и Митанни, хетты связывали с ариями реальную военную угрозу для их государства, отчего и назвали своего бога войны Ярри. Этот пример наглядно показывает, что, с одной стороны, хетты испытали непосредственное влияние языка и культуры ариев (заимствование имени бога), а с другой — с некоторых пор захотели выступить независимой от ариев силой (изменили смысл образа бога Яра). Среди документов хеттской знати обнаружен трактат о тренинге лошадей, относимый к XIV в. до н. э. Он содержит индоарийские профессиональные термины и написан специалистом-арием. Познания в коневодстве и использование двухколесных боевых колесниц были

тем преимуществом, которое предопределило военные успехи митаннийцев, да и ариев в целом. В битве при Мегиддо хетты воевали в союзе с ариями, но и до того, и после мечтали только о лидирующей роли в Передней Азии. Из-за этого хетты неоднократно вступали в конфликт с Митанни и рутенами Палестины.

Письменные документы, обнаруженные археологами, позволяют восстановить в общих чертах историю взаимоотношения хеттов и ариев. Первый («полулегендарный») царь хеттов Лабарна отвоевал у ариев часть средиземноморского побережья. В одной из хеттских табличек сказано, что он расширил пределы страны «от моря до моря» (обеспечил выходы к Черному и Средиземному морям). При этом хетты присоединили к себе ряд городов-царств в Северной Сирии и проникли в Палестину. Предел этой экспансии положили воины страны Митанни. Они выступили союзниками Рутену. Митаннийцы отвоевали у хеттов все спорные территории и в буквальном смысле поставили их на место. Позже, в битве при Мегиддо, хетты воевали уже в союзе с ариями. Однако сразу же вслед за этим египтяне поработили Палестину, Финикию и вторглись в Сирию (походы Тутмоса III). Жители этих земель частью попали под египетское иго, частью влились в число митаннийцев, а частью отступили в западные области полуострова Анатолия.

В хеттских документах приблизительно с середины II тыс. до н. э. начинает упоминаться могущественная соседняя страна под названием Арсава (Арцава, Арзава). В ее названии присутствует та же «корневая» основа, что и в имени библейской страны Арзону-Русене — «аре» (или «рс» без огласовки). Название Арсава означает «страна арсов — сынов бога Яра». Хетты, расширив

пределы своей державы до Средиземного моря, разделили некогда единую страну ариев на две части — палестинскую (Рутену-Арсену) и малоазийскую Арсаву. Интересно, что в документах хеттских царей фигурирует так называемая Нижняя страна. Она соседствовала с Арсавой и некоторое время была ее составной частью. С другой стороны, египтяне часто использовали словосочетание «Верхний Рутену». Так не служит ли это доказательством, что под этими именами упоминались разные «половинки» некогда единой Средиземноморской Руси?..

В конце XV в. до н. э. воины Арсавы предприняли сокрушительный натиск на контролировавшиеся хеттами внутренние районы Анатолии. По свидетельству самих хеттских царей, страны Хатти были буквально «уничтожены врагами», причем «враг из стран Арсава» сжег хеттскую столицу Хаттусас. О том, что в словах об уничтожении стран Хатти содержится лишь очень небольшая доля преувеличения, свидетельствует сохранившаяся переписка фараона Аменхотепа III (последние годы XV в. до н. э. — XIV в. до н. э.) с царем Арсавы Тархунорадусом. Поводом для письма послужила просьба фараона дать ему в жены дочь царя Арсавы, переданная ранее последнему в устной форме египетским послом. Тархунорадус, в свою очередь, попросил подтвердить это предложение письмом, составленным по-хеттски. Из него-то мы и узнаем о полном крушении Хеттского царства: «ныне страна Хаттусаса погибла». Женитьба Аменхотепа III на дочери царя Арсавы означала прямое признание этой страны на рубеже XV–XIV вв. до н. э. главенствующей силой в Анатолии, заступившей место «погибшего» Хеттского царства. К этому важно добавить, что митаннийцы

установили гегемонию в Северной Сирии и распространили свое влияние вплоть до Палестины.

Единство Средиземноморской Руси было восстановлено. После ряда серьезных столкновений с Египтом митаннийские цари вступили в дружбу с фараонами и скрепили ее династическими браками. Таким образом, остатки «стран Хатти» оказались плотно замкнуты в кольце враждебных сил, и хетты перестали на некоторое время играть сколько-нибудь значительную роль в большой политике Передней Азии.

Но через несколько лет даровитый полководец Суппилулимас (1380–1340 гг. до н. э.), пришедший к власти через свержение и убийство законного царя — молодого Тудхалияса, напрягая силы своего государства, разорвал сплошной фронт врагов. Отбросив войска Арсавы на запад и совершив вслед за тем удачные походы в Сирию, он вновь добился возвышения Хеттской империи до ранга одной из великих держав Востока. Аменхотеп III еще застал это время. В поздравлении его сыну Аменхотепу IV (будущему знаменитому Эхнатону) по случаю воцарения Суппилулимас напоминал о добрых отношениях между Египтом и воспрянувшей хеттской державой в последние годы жизни его отца.

Суппилулимас не только очистил области «стран Хатти» от войск Арсавы, но, идя по пятам последних, вторгся во внутренние районы этой страны. С воцарением Мурсилы II (1340–1315 гг. до н. э.) отношения между хеттами и Арсавой предельно накалились. По словам этого хеттского правителя, царь Арсавы Уххацилис откровенно насмеялся над юностью нового хеттского властителя и отказывался выдавать ему хеттских подданных, бежавших в Арсаву. Эта дерзость и

была поставлена в вину Уххацитису как предлог для войны. Мурсилис II сумел завоевать страны Арсавы. Троя, ранее неизменно входившая в конфедерацию «стран Арсавы», была тоже переподчинена хеттам. С каждой из подвластных стран хетты заключили мирные договоры. Правители арсавских стран обязались регулярно отправлять в Хатти военные вспомогательные отряды вместе с боевыми колесницами, систематически посылать дань хеттскому правителю, своевременно выдавать беглецов из Хатти и т. д. Хетты же обещали помогать Арсаве в случае появления врага. Мирные договоры скреплялись клятвой верности, но она была непрочной, ибо правители стран Арсавы, улучив момент, сразу же отлагались от хеттов.

Незавидной в то время была и судьба народа Рутену. В одном из египетских гробничных сооружений XIV в. до н. э. царь изображен торжественно восседающим на престоле; перед ним стоят два его наместника южных территорий. К берегу Нила у Фив пристали корабли, богато нагруженные данями и дарами негритянских народов. С ними прибыла поклониться царю и негритянская царица; она изображена едущей на повозке, запряженной быками, окруженная своими слугами, которые кладут к ногам фараона богатые дары, привезенные их черной повелительницей. Двор фараона находится в ликовании. Здесь же появляются из далекой страны севера краснокожие князья народа Рутен. (Это, разумеется, не означает, что они принадлежат к красной расе, о чем уже говорилось). Князья одеты в богатое разноцветное платье, черные волосы их тщательно убраны в локоны. Они прибыли, чтобы поднести царю дорогие по материалу и превосходные по исполнению

произведения искусства своей страны как залог их мирного настроения и уважения к Египту.

Картина эта подписана египтянами так: «Прибытие податей владельцу земли, приносимых презренными Рутен(ами) под предводительством царского (египетского) посла во все страны, царского сына Куш, наместника юга Аменхотепа». Над князьями Рутенов стоят следующие, не лишённые значения слова: «Эти цари из страны Верхняя Рутену не знали ничего о Египте со времени божественного. Они испрашивают у царя мир, говоря: «Даруй нам свободу от руки твоей; не описаны твои победы и в твоё время нет у тебя врагов, все земли покоятся в мире». Дары подносят и ведут лошадей светлокожие слуги (или рабы) князей Рутену. Несущие на себе тяжести, они изображены с красными бородами. Надпись над этим изображением гласит: «Это самый лучший выбор всякой утвари земли их серебра, золота, лазоревого камня, зелёного камня и всяких других драгоценностей». Эти подарки севера весьма ценны по материалу, художественной форме и отделке. Под руководством способнейших в изящных искусствах хару-финикийцев вдоль восточного берега Средиземного моря развилась и оформилась школа высокого искусства. Её мастера придавали изящные формы не только предметам роскоши, но и вещам повседневного спроса. Эти предметы развозились финикийцами в разные страны и повсюду служили примером для подражания.

В XIV–XIII вв. до н. э. фараоны XIX династии Сети I, Рамзес II и Мернепта совершили новые завоевательные походы в Ханаан. С одной стороны, это были карательные акции по отношению к местному населению, а с другой — акции, связанные с длительными и крупномасштабными войнами с хеттской державой. Так,

поход Сети I против Рутену закончился взятием Кадеша в «земле амореев». Часть своей добычи фараон посвятил своему покровителю — богу Амону. В надписи, посвященной этому событию, говорится: «Царь приносит добычу отцу своему Амону, возвратившись из презренной страны Рутену; (она) состоит из серебра, золота, голубых, зеленых, красных и других самоцветных камней, и из царей народов, которых он держит связанными в руке своей, — дабы наполнить ими запасные склады отца своего Амона за победу, дарованную им царю». К этому добавлена надпись о пленных: «Цари народов, не знавших Египта, приводятся пред фараоном вследствие победы его над презренной землей Рутену. Они так говорят, чтобы превознести его святость и воздать хвалу его великим деяниям: Хвала тебе! Сильно имя твое, велика слава твоя, радоваться может народ, подвластный твоей воле, но скованным является тот, который переходит твои границы. (Клянемся) именем твоим! Не знали мы Египта, не входили в него отцы наши. Подари нам свободу из руки твоей». В изображениях даров храму мы видим золото, серебро, драгоценные камни в кошельках или мешках, а также разные золотые сосуды, в числе которых мы упомянем о рогах, из которых пили вино; все эти вещи украшены головами животных и другими изящными украшениями, свидетельствующими о высочайшем художественном вкусе и филигранной технике ювелиров Рутену.

Любопытна та связь, которую устанавливает надпись между рутенами и хеттами: «Великих царей презренной земли Рутену ведет сюда царь вследствие своих побед над народом хита, чтобы наполнить хранилища своего отца Амона-Ра, господина Фив, потому что он ему даровал победу над миром юга и подчинение

мира северного». Под «миром северным» здесь понимается страна Рутену, которая до похода Сети I контролировалась хеттами.

В середине XIV в. до н. э. хетты разгромили митаннийцев. После этого нашествия государство Митанни вступает в полосу смут и раздоров. В ходе борьбы за высший престол арии утрачивают здесь свои позиции: с середины XIII в. до н. э. среди имен митаннийской знати пропадают арийские имена. Свою возросшую силу хетты продемонстрировали и Египту. На рубеже XIII–XII вв. до н. э. объединенная коалиция азиатских стран во главе с хеттским царем Муваттали отразила набег египтян на Сирию. Для войны в Азии фараон Рамзес II собрал двадцатитысячное войско. Армия Муваттали состояла из 30 тысяч воинов. Решающее сражение состоялось у города Кадеш на реке Оронт (близ современного города Хомс в Сирии). В этой битве египтянам устроили засаду, и хотя Рамзесу II удалось вырваться из окружения и отбиться от противника, он не сумел победить хеттов и овладеть городом. Однако и хеттам не удалось продвинуться на юг. Для ариев Митанни, Рутену и Арсавы ее исход, думается, до некоторой степени был безразличен, поскольку сражались их враги. Но воины-арии, как подданные хеттского царя, входили в состав его войска.

Египтяне при поддержке семитских племен планомерно «выдавливали» арийские племена с территории Ханаана. Союз с митаннийцами позволил рутенам несколько приостановить этот процесс, правители с арийскими именами известны в Палестине вплоть до XIV в. до н. э., что объясняется сильным влиянием здесь митаннийцев, но в целом арии все более и более «растворялись» в местной среде. В восьмой год

царствования Рамзес II совершил карательную экспедицию в Ханаан. Египтяне воевали в той части страны, которая позднее называлась Галилеей. Жители этой области и соседних с ней местностей так упорно противодействовали фараону, что он специально предпринял против них поход, закончившийся взятием их укрепленных мест и отправлением в Египет военнопленными их царей, старшин и всех способных носить оружие. Раздражение египтян против этих возмущившихся народов высказалось в изображениях, в которых победители злословят над побежденными, бьют их и, для обозначения презрения к ним, дергают их за длинные ханаанские бороды. Изображение взятых городов находилось на одном из пилонов Рамзесова храма западной части Фив. Для каждой крепости была начертана особая надпись, начинающаяся словами: «Этот город, взятый царем в год 8-й»; к этому добавлялось название местности. В частности, был захвачен ряд городов в земле амореев, а также Салем (по-древнееврейски «мир»). Традиционно полагают, что это укороченное название Иерусалима, то есть «Яр-мира» — или «Мира ариев»!

После многолетней кровопролитной войны между египтянами и хеттами был заключен мирный договор, скрепленный женитьбой Рамзеса II на дочери хеттского царя. «Это был оборонительный и наступательный союз, имевший целью держать в повиновении беспокойный и буйный мир ханаанских народов, находящийся посередине между договаривающимися сторонами, и, кроме того, воспрепятствовать всякому восстанию и движению враждебно настроенных семитов и вогнуть их в те пределы, которые были им назначены. Мы заметим, что в этом договоре обращено особое внимание на тех дурно

настроенных подданных Египта, которые стремились выселиться из долины Нила. Между строками, кажется, можно читать о народе израильском, который со времени своего вошествия в Египет умножился чрезмерно и, по всей вероятности, готовился уже выйти из-под власти своих притеснителей» (Г. Бругш. Все об Египте). Важно добавить, что этот договор был направлен и против арийских племен, которые героически пытались отстаивать свою независимость. Достаточно сказать, что в это время для обозначения витязя египтяне стали использовать слово «ариэль». В этом слове только суффикс «эль» можно считать семитским по происхождению, но корневая основа арийская. Семиты называли богатырей-ариев на свой лад — ариэлями, и это название прижилось у египтян в значении «прекрасного воина», «героя».

Приблизительно в середине XIII в. до н. э. малоазийская Арсава сумела освободиться из-под власти хеттов. В то время это был единственный «островок» в Передней Азии и на Ближнем Востоке, где представители арийских племен могли считать себя независимыми. Но впереди уже маячил призрак Троянской войны — войны, в ходе которой Средиземноморская Русь погибла. Ее гибель подытоживала более чем двухтысячелетний период арийской гегемонии в Средиземноморье и Двуречье. Проникнув сюда приблизительно в середине IV тыс. до н. э., они вместе с коренными народами Египта, Ближнего Востока и Месопотамии создали уникальные цивилизации. Арии обустроили земли современной Греции и были в числе создателей крито-микенской культуры. Следы ариев видны повсюду. Профессионалам прекрасно известно, что в Трое были найдены предметы с изображением свастики (символа

коловорота, кругового движения солнца) — характерного знака древних ариев. Но все заслуги в строительстве средиземноморских государств они приписывают египтянам, грекам и семитам.

Перед всеми нами, живущими в России начала XXI в., налицо последствия развала Советского Союза. Прошло совсем немного лет, а какая из бывших союзных республик, исключая Белоруссию, поминает добрым словом русских? Кто отстроил города в Средней Азии? Кому прибалты обязаны своим промышленным потенциалом? Где учились современные лидеры национальных элит? Все прочно забыто. Что же говорить о событиях четырехтысячелетней давности?

Но логика истории такова, что имя «Русь», родившись на просторах Русской равнины, вместе с переселенцами-ариями распространилось в самых разных направлениях. Наши предки непосредственно участвовали в жизни древнейших мировых цивилизаций. Во II тыс. до н. э. на территории Палестины, Сирии и западе Анатолии они создали государство Русь (Рутену, Арсава). И это тоже наша история!

ГЛАВА 3

ТРОЯНСКАЯ ВОЙНА И ПОХОДЫ «НАРОДОВ МОРЯ»

*Что-то здесь осиротело,
Чей-то светоч отсиял,
Чья-то радость
отлетела,*

*Кто-то пел — и
замолчал.*

В. Соловьев. Мимо Трояды

На современных картах Турции, недалеко от места впадения пролива Дарданеллы в Эгейское море есть отметка «Троя». Здесь находился древний город, воспетый Гомером в «Илиаде» (его еще называли И Лионом). На близлежащих к нему землях — в области, именуемой Трояда, более трех тысяч лет назад бушевала знаменитая Троянская война, в ходе которой греки-ахейцы сумели победить троянцев и овладеть заветным городом.

Троянская война погружена в туман далекого прошлого, это и миф, сказка, это, как всякое произведение героического эпоса, и быль. Древние греки, к примеру, верили в ее безусловную реальность, ученые XVIII–XIX вв. всерьез усомнились в ее историчности, а современные ученые почти целиком вернулись к взглядам древнегреческих авторов. Для античности Троянская война была несомненным фактом. Следы ее виделись буквально повсюду. О ней напоминали родословные, идущие от ее героев, названия основанных ими городов, гавани, где были стоянки их кораблей, мысы и острова. Древние историки безусловно верили в ее реальность. Правда, они по-разному датировали ее. Так, Геродот считал, что битва за Трою происходила в середине XIII в. до н. э. Другие авторы вслед за ним пытались уточнить эту дату, причем назывались как более поздние (1234 год — по Клитарху; 1212 — по Дикеарху; 1193 — по Фрасиллу и Тимею; 1184 год — по Эратосфену и следующими за ним Аполлодору, Диодору, Евсевию), так и, наоборот, более ранние (1334

год — по Дурису; 1270 год — согласно анонимному «Жизнеописанию Гомера»). Сам по себе такой разницей в числах весьма примечателен. Мы имеем очевидное доказательство, что античные историки не только имели какие-то конкретные аргументы в пользу реальности этой войны, но и могли соотносить ее с определенными событиями, о которых они имели информацию. Иначе как можно обосновывать свою датировку с точностью до года!

Являясь историческим фактом, Троянская война тем не менее полна загадок: ведь все, что дошло до нас о ней, облечено в художественную форму эпических поэм. Их заучивали наизусть, читали, обсуждали, о них спорили десятки поколений ученых, и это понятно. По числу накопившихся у историков вопросов Троянская война — едва ли не самое интригующее событие древней истории. Прежде всего, возникает законный вопрос: а почему греки придавали ей такое огромное значение, что она стала одной из центральных тем в их мифологии? Что в этой войне такого необычного, отчего рассказы о ней передавались из уст в уста на протяжении веков?

Обычно значимость военной кампании напрямую связана с причинами, ее побудившими. Так, согласно Гомеру, греки предприняли поход с целью возвращения прекрасной Елены ее законному супругу. Такая миссия греческих героев безусловно достойна восхищения, но так ли она значительна, чтобы выделить Троянскую экспедицию из многих других войн? Согласимся, что едва ли. Сюжет путешествия возлюбленного (жениха, мужа) за похищенной красавицей является традиционным в фольклоре самых разных народов, это, неверное, самый распространенный зачин для сказочного повествования. Уникальность похода на Трою заключалась для греков в

чем-то ином. Собственно, косвенно об этом же говорит и Геродот, когда излагает мнение персов (а это просто здравый взгляд со стороны) на суть конфликта между греками и троянцами: «Похищение женщин, правда, дело несправедливое, но стараться мстить за похищение безрассудно. Во всяком случае, мудрым является тот, кто не заботится о похищенных женщинах. Ясно ведь, что женщин не похитили бы, если бы они сами того не хотели».

Относительно причин Троянской войны высказывались и другие мнения. «Из глубокой древности нам сохранилось замечательное по своей прозорливости свидетельство о причинах, вызвавших самую знаменитую и кровопролитную из «доисторических» войн — троянскую» (Ф. Ф. Зелинский). Оно содержится в отрывке из потерянного эпоса, возникшего среди греческих колонистов острова Кипр и носившего поэтому имя «Киприи». Вот этот отрывок:

В оные дни тьмы смертных, толпясь по
великому телу

Широкогрудой Земли, изнуряли праматери
силу.

Видя мученья ее, пожалел ее Зевс;
порешил он

В разуме крепком своем облегчить
всекормилицы ношу,

Пламень великой войны и лионской в
народах разжегши,

Дабы обузу расхитила смерть. И у стен
Илиона

Племя героев погибло — свершилася
Зевсова воля.

Согласно «Киприям», Земля жалуется владыке Вселенной на все возрастающую человеческую ношу. Проблема перенаселения, судя по всему, — новая для Зевса. Он вынужден обратиться за советом к Фемиде, как ему исполнить справедливое требование праматери — либо истребить огнем, либо наслать на людей новый потоп. Но его сомнения разрешает непрошенный гость олимпийского совета Мом, дух хулы и отрицания. К чему насилие? Разве у человека есть другой, более яростный и губительный враг, чем человек? Пусть только Зевс создаст женщину божественной красоты — Елену, и мужа, обладающего сверхчеловеческой доблестью, — Ахилла. А уж люди сами отыщут способ, как разжечь распрю и погубить в ней лучших своих героев.

Увлеченный этой романтической версией, известный исследователь античной литературы Фаддей Францевич Зелинский (1858–1944) предложил рациональное истолкование данного мифа. По его мнению, накануне троянского похода население Эллады стало слишком многочисленным и уже не могло прокормиться плодами своей родной земли. По ту сторону моря, однако, было могучее царство, пленявшее греков всеми красотами сказочного Востока. Правда, силы его не уступали его богатству, и победа над ним не представлялась легким делом. Но нужда выковала воинское умение и отчаянную храбрость, и вот рать за ратью двинулись греки в поход

на Трои. Тысячи мужей полегли под ее стенами, но, облегченная, вздохнула свободнее эллинская земля.

Что же, очень красивое объяснение. Только ведь свободных земель в то время еще хватало, отчего же ахейцев так манила Троя? Наверное, все-таки их интересовали богатства знаменитого города и возможность контролировать черноморские проливы. Не следует забывать также, что Троянская война в корне изменила политическую ситуацию в Передней Азии, на Ближнем Востоке и на самих Балканах. Вслед за разрушением Трои прекратила существование Хеттская держава, под ударами северных племен пала и Микенская Греция, и примерно в то же время Египет подвергся нападению племен, известных под именем «народов моря». Это конечно же не случайные совпадения, а самая настоящая «первая мировая», бушевавшая в Средиземноморье на рубеже XIII и XII вв. до н. э.

Историки, обращающиеся к теме Троянской войны, сталкиваются с одним, чрезвычайно затрудняющим исследование обстоятельством. О разрушении Илиона греками прямо не сообщает ни один источник, кроме их собственных преданий. Ни архивы хеттских царей, ни записи египетских фараонов ничего не говорят о Троянской войне. Как же тогда вписать ее в контекст мировой истории? Для специалистов это наиболее острый и нерешенный в настоящее время вопрос.

На наш взгляд, все неудачные попытки его решения связаны только с тем обстоятельством, что исследователи игнорируют роль государства Арсава в этом конфликте. Для них в центре рассмотрения находится только город на холме Гиссарлык, а сама

война выглядит, как небольшое военное столкновение, никак не отразившееся на судьбах других государств. Но такой взгляд в принципе неприемлем, хотя бы уже потому, что практически сразу же после завершения Троянской войны в качестве целостного образования перестают существовать и оба могучих противника Арсава — империя хеттов и государство ахейцев. Приблизительно в то же самое время происходит знаменитый исход евреев из Египта и начинается расцвет Ассирии. Иными словами, Троянская война обозначает тот временной рубеж, когда политическая карта Средиземноморья, что называется, «трещала по швам».

В конце XIII — начале XII в. до н. э. Египет дважды подвергся нападению племен, которые в самих египетских памятниках связываются с морем, и потому получили название «народов моря». Произошли эти события при двух фараонах — соответственно Мернептахе и Рамзесе III. Надписи этих фараонов являются главным источником, сообщающим о нашествии «народов моря».

В пятый год правления фараона Мернептах (1232 г. до н. э.) во время очередной войны между Египтом и его соседями — лувийцами (ливийцами), последние были поддержаны целым рядом племен, название которых в условном чтении звучит так: лукка, акайваша, турша, шакалуша, шардана. Специалисты уверенно отождествляют первые три имени соответственно с ликийцами, ахейцами и тирсенами (тирренами, троянами). Поселения этих племен существовали на западном побережье Малой Азии, откуда они морем могли проникнуть на территорию Египта. Относительно четвертого народа высказано предположение, что это были сикелы (сикулы) — обитатели острова Сицилии. Мы

вполне готовы принять эту точку зрения, но с одним, очень существенным дополнением. Сикелы-шакалуша — это тот же самый народ, который в греческих мифах называют циклопами. В рассматриваемое время они реально проживали на островах в Эгейском и Средиземном морях, вспомним путешествие Одиссея. Этнические корни народа шардана остаются для историков неясными. Известно, что шардана участвовали в битве при Кадеше на стороне египтян, войдя в войско Рамзеса II. При Мернептахе же они изменили своим бывшим союзникам и выступили на стороне «северных народов, пришедших со всех сторон».

В большой надписи из Карнака Мернептах повествует о том, что враги «внезапно проникли в долины Египта к великой реке» и принялись свирепо опустошать страну. Но правитель Египта не медлил: «его отборнейшие лучники были собраны, его колесницы были приведены со всех сторон» и т. д. Египтяне отразили это нападение, убив более 6200–6300 ливийцев, 1231 акайваша, 740 турша, 220 шакалуша, 200 шардана и 32 лука. Из этих данных можно заключить, что, по всей видимости, большинство среди пришельцев-«северян» составляли ахейцы, а это свидетельствует о высоком уровне боеспособности ахейцев на тот момент. Далее, поскольку они составляли с малоазийскими народами единое войско, то прибыли они в долину Нила, скорее всего, не из Греции, а из Малой Азии, точнее, из Милета — центра сосредоточения греков-ахейцев в Анатолии (прибрежный город на западе полуострова). Первый поход «народов моря», очевидно, предшествует по времени Троянской войне, так как ахейцы еще состоят в дружбе с защитниками Трои — троянцами и ликийцами.

В 1194 г. до н. э. последовала новая атака «народов моря». В данном случае египтян атаковали племена пеластов и тевкров. В названии первого из них нельзя не признать имя наших старых знакомых — пеласгов. Античные авторы называли пеласгов первопоселенцами материковой Греции. Ахейцы, пришедшие сюда позже, потеснили пеласгов с части их земель. В «Илиаде» упоминается пеласгический Аргос в Фессалии (область на северо-востоке Греции), а в «Одиссее» — пеласги, проживающие на Крите. Их соплеменники населяли также окраинную, северо-западную область Греции — Эпир. Часть эпирского побережья так и называлась — Палайстин. Пеласги, проживавшие в Малой Азии, отрядили воинов на защиту Трои. Думается, что в набеге на Египет все эти различные (греко-малоазийские) ветви единого народа могли объединиться. Им не суждено было, однако, одержать победу. После неудачи в войне с Рамзесом III пеласт, откатившись на восток, появляются в Библии как воинственные филистимляне, давшие свое имя стране Палестине (тождественное наименованию их эпирской родины).

Название пеласги (пеласты) мы производим от имени общеславянского бога Бела. Следы этого божества обнаруживаются в Палестине. В западносемитской мифологии Балу (Бел) — бог бури, грома и молний, дождя и связанного с ним плодородия. Балу именуется богатырем, сильнейшим из героев, скачущим на облаке, князем Вельзевулом. Михаил Булгаков представлял его так: «И, наконец, Во ланд летел тоже в своем настоящем обличье. Маргарита не могла бы сказать, из чего сделан повод его коня, и думала, что, возможно, это лунные цепочки и самый конь — только глыба мрака, и грива этого коня — туча, а шпоры всадника — белые пятна

звезд». Известны изображения Вельзевула в облике быка (символ плодородия) или воина, поражающего землю молнией-копьем. Он живет на горе, называемой «северная». Это еще одно указание на то, что культ Бела пришел к семитам с севера. Одна из сохранившихся форм написания имени Вельзевул — Beelzebub — читается как Велес-бог. Она подсказывает, что слово Велес родилось как вариант произношения имени Бел другими народами. Впоследствии обе формы стали существовать как независимые, более того, во времена Киевской Руси предпочтение было отдано более поздней по происхождению. Вот почему мы практически не имеем свидетельств почитания Белбога древними русичами и славянами. Славу и значение Бела перенял Велес, бог всей Руси. Поэтому в договорах с греками Велес соотнесен с золотом, то есть с солнечным, белым светом. Хетты в своей переписке называли Трою Вилусией — городом Велеса или Белгородом.

Современные филологи не в силах разгадать этимологию слова «дьявол». Но и в данном случае был задействован корень «бел». Исходная русская форма «Дий-Бел» («Божественный Бел») у семитов превратилась в Дьявола, а у греков в Диаболоса. С победой христианства эти языческие боги (воплощения Бела) были отнесены к представителям ада и покровителям темных сил. И точно так же, как в случае с Белесом, в нашем языке утвердилось не исходная русская первооснова имен, а чужеродная. Согласно Библии, Вельзевул-Велес — бог филистимлян. Опять подтверждается присутствие праславян в Древней Палестине! Другой пример: Велиар — демоническое существо в христианской мифологии. Смысл его имени для ученых опять-таки неясен. В Ветхом Завете оно

употребляется для обозначения чуждых богов. И это совсем не удивительно для нас, ибо Велиар — это Белояр (Бел ярый) или Бел-арий, бог ариев и древних славян, мигрировавших в Палестину.

Богиня земли в западносемитской мифологии — Арцу (Арсу) — приходится дочерью Балу (Бела). Это можно интерпретировать таким образом, что территория, ранее входившая в состав государства Арзону (Русены, Арсавы), названного так в честь богини Арсу (древнерусской Яры), впоследствии стала называться Палестина — «Балу-стан», по имени божества Бела, которого пришельцы-пеласги стали считать ее отцом, то есть богом более древним и именитым.

Союзников пеластов — тевкров — традиция связывала с землями Трояды. Сохранились даже предания, в которых основателем Трои назывался царь Тевкр. В числе ахейцев, штурмовавших Трою, находился знаменитый воин с тем же именем Тевкр. Отцом его был царь острова Саламин Теламон, а мать — родная сестра троянского царя Приама — Гесиона. Таким образом, саламинский герой Тевкр — сын ахейца и троянки. Данное обстоятельство выделяет его в войске греков. В связи с этим и народ тевкров (имя очень редкое) воспринимается как воплощение союза греков-ахейцев и троянцев. Добавим к этому, что родиной мифического первопредка троянцев Тевкра древние предания называют Крит или Афины. Как и в случае пеластов-пеласгов, мы можем заключить, что объединенный поход двух племен на Египет в 1194 г. до н. э. отражает существование в Средиземноморье греко-троянского союза. Но племя ахейцев в нем уже не фигурирует.

В 1191 г. до н. э. «народы моря» предприняли новое наступление на страну фараонов. В надписях Рамзеса III, относящихся к этому году, говорится о грозном заговоре «северян» на их островах, об их твердой уверенности в осуществлении их грандиозного плана, на самом деле изменившего всю карту Передней Азии. Теперь к пеластам и тевкрам присоединились уже знакомые нам турша-тирсены, шакалуша-сикелы с какими-то группами шардана, а также отряд карийцев (Кария — область на юго-западе Малой Азии) и южно-малоазийское племя данов-дануним (вполне вероятно, что это данайцы «Илиады»). Все эти народы двигались и сушей, и морем, причем перемещавшиеся по суше везли на повозках свои семьи: это уже был не набег ради добычи, а целенаправленное переселение. Рамзес III сообщает, что на своем пути переселенцы сокрушили страны Хатти, Арсаву и Аласию-Кипр. Египет, правда, устоял, но страх его жители пережили немалый.

Ну а куда же делись ахейцы? Документы перестают упоминать о них, и мы вправе сделать только один вывод: в период между двумя (1232 г. до н. э. и 1194–1191 гг. до н. э.) походами «народов моря» ахейцы смешались с местными народами, образовав племя тевкров или частью «влившись» в число данов. Троянская же война происходила после первого набега «народов моря» — приблизительно в конце XIII в. до н. э. Это, так сказать, грубая схема событий, сопутствовавших Троянской войне. Попробуем теперь детализировать ее и приведем дополнительные аргументы в пользу высказанной точки зрения.

На наш взгляд, события развивались следующим образом. К середине XIII в. до н. э. позиции индоевропейских народов (ариев Митанни и Арсавы,

хеттов, ливийцев) на Ближнем Востоке значительно ослабли. Утрата митаннийцами ведущих позиций в Северной Месопотамии автоматически привела к усилению политического влияния семитической Ассирии. Не следует забывать также, что XIII в. до н. э. — это время активизации семитских племен в Палестине. К этому историческому моменту традиция относит знаменитый исход евреев из Египта.

Одним из древнейших народов, проживавших в Палестине, Библия называет Рефаимов, жителей Средиземноморской Рутены-Русены. Он назывался так по имени своего родоначальника Рафа (Рута-Руса), который отличался необыкновенной силой и огромным ростом. На языке идиш и сейчас слово «русский» переводится как «рейзен», а «Россия» — как «Рейзя». С Рефаимами в Священном Писании иногда соединяются и другие племена, что подчеркивает дружественный характер политики рефаимов-русов по отношению к остальным народам Земли обетованной. Как мы уже говорили, египтяне сумели в значительной степени вытеснить русов из Палестины, но во второй половине II тыс. до н. э. там еще оставались их потомки — ваны-ханаане. В этническом смысле ханаане, по-видимому, составляли уже в значительной степени смешанный с местными племенами и другими пришлыми индоевропейскими племенами (теми же хеттами) этнос, но их по-прежнему можно было считать арийско-праславянским «островком» на Ближнем Востоке.

Несмотря на многолетние усилия, египтяне так и не смогли полностью покорить Ханаан. Битва при Кадеше доказала, что индоевропейцы достаточно сильны, чтобы противостоять им в Средиземноморье. Но у египтян на руках еще оставалась «козырная карта». Это был

жаждущий самоутверждения на политической сцене еврейский народ. Египетские источники ничего не сообщают об исходе евреев из Египта. Но сама по себе эта акция была чрезвычайно выгодна им. Скорей всего, это была, как мы бы сказали сегодня, тайная операция египетских спецслужб. На территорию сильного и неуступчивого противника направлялась армия переселенцев, заинтересованная в создании своей национальной автономии. При всем при том, как хорошо известно, на территории Ханаана к тому времени уже проживало достаточное количество семитов, которые так или иначе содействовали приходу сюда своих соплеменников.

По версии, изложенной в Библии, евреи не решались вступать в Ханаан, поскольку египетское рабство приучило их народ к трусости, и нужно было выждать, пока подрастет новое поколение, выросшее на свободе. Все правильно, но к этому, пожалуй, следует добавить, что нужно было также и время, чтобы египетские военные инструкторы научили воевать это поколение. И было бы наивно думать, что евреи смогли бы успешно воевать с «людьми-великанами» (их собственное выражение), если бы не помощь фараонов. Но и у ханаан тоже была мощная поддержка в лице ливийцев, а также индоевропейцев Малой Азии и Северного Средиземноморья или «народов моря», как их называли египтяне.

В составе этой группы племен не было хеттов. Если к моменту битвы у Кадеша они действительно были ведущей военной силой в Малой Азии и по праву возглавляли союз «народов севера», то к середине XIII в. до н. э. ситуация переменилась. Хетты утратили контроль над западными областями Анатолии, и троянцы, и

соседствующие с ними страны проводили независимую самостоятельную политику. Греки-ахейцы, укрепившиеся к тому времени в Милете, воспользовавшись отсутствием «единоначалия» в регионе, заявили о себе как о самостоятельной силе. В первом походе «народов моря» в коалиции индоевропейцев, противостоящих Египту и семитам, они, по существу, заняли место хеттов.

В надписи из Карнака фараона Мернептаха присутствует фраза о «презренном вожде», приведшем акайваша-ахейцев в его страну. Вполне вероятно, что здесь имеется в виду вождь ливийцев, и тогда ахейцы выделяются среди всех северных отрядов как основная союзная ливийцам сила, связанная с ними особым договором. Но гораздо вероятнее, что речь в данном случае идет о вожде самих ахейцев, которые опять-таки выделяются среди прочих северян, о чьих предводителях фараон не сообщает ни слова. Еще поразительнее, однако, следующая деталь. В этой же надписи из Карнака народ акайваша настойчиво противопоставляется ливийцам, не знающим обрезания, как народ, практикующий эту процедуру. Как ни удивляет это свидетельство в сравнении со всем, что известно об обычаях позднейших, исторических греков, но факт знакомства группы ахейцев, наступавших на Египет, с обрезанием сейчас общепризнан. При объяснении этого свидетельства исследователи соглашаются, что такой обычай мог изначально возникнуть у ахейцев Крита под влиянием их соседей на юге Средиземноморья — тех же египтян и семитских народов Леванта. Более логично, однако, на наш взгляд, было бы предположить, что этот обычай усвоили именно те ахейцы, которые переселились в юго-западные районы Анатолии и имели контакты с семитскими

народами Палестины и Сирии. Во всяком случае, этим своим «восточным» обычаем контингент ахейцев в составе «народов моря» отличался от остальных членов военного союза.

Первый поход «народов моря» окончился неудачей. Как правило, подобный финал военной кампании предельно обостряет отношения в стане союзников. При этом стоит учесть, что ахейцев интересовала, прежде всего, богатая добыча, поскольку они были наемниками. А когда наемное войско не получает награды, оно может обратить оружие и против своих нанимателей. Потери ахейцев в битвах с египтянами были большие, чем у любого другого союзника, потому они могли потребовать от стран — членов «северного союза» — дополнительной компенсации за свои потери.

Согласно древнегреческой традиции, битве за Трою предшествовал поход греческого войска во главе с Агамемноном в Мисию (прибрежную область к югу от Трои). Античные авторы признавали полную достоверность этой неудачной для ахейцев кампании. Так, Страбон написал: «... войско Агамемнона, грабя Мисию, как будто Трои, с позором отступило». Живописный образ Телефа, вождя мисийцев, поднимающего на битву свой народ, вырисовывается в позднем романе Диктиса Критского: «Те, кто первыми спаслись бегством от греков, приходят к Телефу, мол, вторглись многие тысячи врагов и, перебив охрану, заняли берега <...> Телеф с теми, кто был при нем, и с прочими, кого в этой спешке можно было собрать вместе, быстро идет навстречу грекам, и обе стороны, сомкнув передние ряды, со всей силой вступают в бой...» Аполлодор пересказывает эту историю так: «Не зная морского пути в Трою, пристали греки к Мисии и стали ее

разорять, думая, что это Троя. А Телеф, царствовавший над мисийцами, погнал эллинов к кораблям и убил многих». Примечательно, что Аполлодор излагает этот эпизод в едином сюжете с событиями «Илиады» и соответственно пишет: «Действительно, поскольку эллины вернулись, иногда говорится, будто война длилась 20 лет: ведь после похищения Елены эллины на второй год приготовились выступить в поход, а после того, как возвратились из Мисии в Элладу, спустя 8 лет они, вновь вернувшись в Аргос, отплыли в Авлиду», месту общего сбора перед новым походом.

Это сообщение о традиции включать мисийский поход в историю Троянской войны и отводить на нее в целом 20 лет заслуживает полного доверия, поскольку оно прямо подтверждается свидетельством Гомера, у которого Елена в своем плаче по Гектору восклицает:

Ныне двадцатый год круговратных времен
протекает

С оной поры, как пришла в Илион я,
отечество бросив...

Кроме того, упоминание о неудачном мисийском походе содержит обращение Ахилла к своему верховному вождю Агамемнону (сыну Атрея), в котором он в связи с насланной Аполлоном чумой предупреждает:

Должно, Атрид, нам, как вижу, обратно
исплававши море,

В дома свои возвратиться, когда лишь от смерти спасемся.

В этом фрагменте Гомер тонко подчеркивает, что армада греческих кораблей однажды уже переплывала Эгейское море в надежде завоевать Трои.

Итак, Троянская война проходила в период между двумя походами «народов моря» (между 1232 и 1194 гг. до н. э.). Длилась же она, согласно традиции, два десятилетия. Относительно точной длительности военных действий можно, разумеется, сомневаться — слишком уж круглые числа фигурируют при расчетах, но по крайней мере число «двадцать» должно убедить всех в том, что война носила чрезвычайно затяжной характер. Обратим внимание также, что датировка походов «народов моря» жестко привязана ко времени вступления на трон фараона Мернептаха. Относительно года его воцарения существуют три версии (разброс между самой ранней и самой древней — порядка двух десятков лет). Мы выбираем из них наиболее раннюю, чтобы максимально приблизить дату Троянской войны ко времени обнаруженных археологами следов пожара в Трое (приблизительно середина XIII в. до н. э.).

Греческие источники ничего не сообщают о первом походе «народов моря». И это вполне понятно. В нападении на Египет участвовали только те ахейцы, которые проживали в Малой Азии, то есть в Милете и близлежащих к нему областях. Знаменитые греческие цари, ставшие героями «Илиады», равно как и греки материковой части Греции, не имели к первому походу никакого отношения. Это было совместное предприятие ряда малоазийских и северобалканских племен. Ахейцы на тот момент поддерживали дружественные отношения

с троянцами, что и зафиксировано в преданиях, сообщающих, что Менелай запросто гостил в Трое, был принят в доме у Париса и именно там троянец договорился с ним об ответном визите в Спарту.

После похищения Елены ахейцы материковой Греции собирают войско, призванное отомстить за поруганную честь Менелая и вернуть ему супругу. Но, удивительное дело, войско Агамемнона высаживается не в Трое, а несколько южнее — в Мисии. Мифологическая традиция истолковывает это так, что, мол, греки не знали пути в Трою. Но, похоже, что дело в другом. Для успешной войны против Трои воины Агамемнона должны были соединиться с ахейцами Милета. Вероятно, именно их объединенная коалиция и сражалась с мисийцами Телефа. Как мы уже рассказывали, ахейцам не дали продвинуться на север полуострова, и они были вынуждены отплыть назад в Грецию. Им предстояло ждать еще долгих восемь лет, чтобы снова собраться в Авлиде и отправиться в новый поход, теперь уже напрямик в Трою.

В последние десятилетия некоторые ученые высказали гипотезу, что первый поход «народов моря» включал в себя как составную часть и те сражения, которые впоследствии греки называли Троянской войной. По этой версии выходит, что Трою штурмовали не одни только греки, а целая группа, в том числе и северобалканских, племен. Такое предположение, на первый взгляд, гениально решает проблему соотношения походов «народов моря» с Троянской войной. Ахейцы — участники первого похода «народов моря», и они же — победители в Троянской войне. Оба события происходили примерно в одно и то же время. Так давайте поставим между ними знак равенства! Что ж,

так, безусловно, можно поступить, но только при одном условии: надо допустить, что греческие поэты, описывавшие Троянскую войну, в такой степени смешали правду с вымыслом, что к их поэмам не следует относиться как к основополагающим источникам. Если поэты подтверждают данную гипотезу — хорошо, если же нет, то не беда, поскольку это в конце концов литература. К примеру, следует признать, что никакие ликийцы Трои не защищали, потому что они — союзники ахейцев в первом походе «народов моря». Но тогда обесмысливается и весь сюжет «Илиады», в которой ликийцы бьются насмерть с греками. Согласиться с такой точкой зрения никак нельзя. Тем более что предлагаемая нами реконструкция событий дает непротиворечивое истолкование всем известным греческим и египетским свидетельствам.

Ключевая идея в решении обсуждаемой проблемы состоит в том, что мы выделяем две группы ахейцев — малоазийских, колонизировавших Милет и острова Эгейского моря, и собственно греков, проживавших в материковой части Греции и на Крите. В первом походе «народов моря» участвовали только ахейцы-малоазийцы, или, по-другому, «обрезанные греки». Второй поход происходил уже после окончания Троянской войны. К тому времени войско Агамемнона вволю похозяничало в Анатолии. Основная задача кампании была решена, и каждое из племен теперь решало свои собственные задачи. Кто-то торопился возвратиться домой, но были и желающие увеличить число поверженных ими врагов и количество награбленных сокровищ. Вот они-то и могли примкнуть к «народам моря» во время их второго похода на Египет.

Подведем, наконец, итоги. Вторжение ахейцев Греции и Крита в Анатолию вклинивается по времени между двумя походами «народов моря». Греки нанесли концентрированный удар по племенам, являвшимся соплеменниками или союзниками «народов моря», поэтому с геополитической точки зрения Троянская война была исключительно на руку египтянам и семитам, от которых на тридцать с лишним лет была отведена угроза с севера. Более того, по-видимому, именно в этот промежуток времени евреи сумели заселить Палестину. На вопрос — почему Моисей сорок лет водил евреев по пустыне, — мы бы теперь ответили так: «Он ждал начала Троянской войны». Второй поход «народов моря» был, по существу, ответной акцией на заселение евреями Ханаана. Пеласги-филистимляне двигались на юг уже вместе с семьями, чтобы восполнить число сородичей ханаанеев, противостоявших агрессии Египта и семитов.

В целом следует сказать, что война между арийско-праславянским севером и египетско-семитским югом была первыми проиграна. Произошло это не без помощи хеттов и греков, стремившихся извлечь из этой ситуации собственную выгоду и, тем самым, поспособствовавших победе юга. Как те, так и другие впоследствии сполна получили за это от северян, но это стало слабым утешением для троянцев и их союзников.

ГЛАВА 4

ЕВРОПЕЙСКИЕ МИГРАЦИИ ТРОЯНЦЕВ

Вникая в таинства эпох,

*Я ощутил твердыни
духа
И предрекаю: видит
Бог,
Какая на Руси разруха.
Печальна участь
русских сел,
Стоят усадьбы в
запустенье,
Когда же среди этих
зол
В стране настанет
пробужденье,
И растворится вражий
мрак,
И будет арка неба
синей?..
Проснись, вставай,
Иван-дурак!
Иди спасать свою
Россию...*

Троя не могла бы долгое время сопротивляться натиску огромного войска ахейцев, если бы не помощь союзников, близких и весьма отдаленных соседей троянского царства. Союзники пришли в Трояду по разным причинам. Одних связывало с семьей Приама кровное родство, других влекли приключения, третьи защищали экономические интересы своих царств, а

четвертые справедливо считали, что защита Трои — это общее дело всех арийских народов.

Гомер перечисляет защитников Трои в следующем порядке: трояне, дарданцы, пеласги, фракийцы, киконы, пеоны, венеты, гализоны, мизы, фригийцы, меонийцы, карийцы, ликийцы. Этот список начинается, как и положено, с самих троянцев и их ближайших соседей дарданов. Недаром в «Илиаде» при обращении к защитникам города многократно повторяется формула: «Слушайте меня, троянцы, дарданы и союзники!» На их долю выпали наиболее тяжелые испытания. Но руководили обороной Трои вожди народа венетов. Главным советником царя троянцев Приама был Антенор. В переводе с греческого его имя означает Ант-муж, то есть предводитель народа антов (энетов, венетов). Два его сына — Акамас и Архелох — вместе с легендарным Энеем предводительствуют над дарданами. Еще один сын Лаодок был одним из вождей ликийцев. Всего Гомер упоминает о десяти его сыновьях, шесть из них — Акамас, Архелох, Педей, Ифидамас, Коон и Демолеон — погибают. Гибнут в сражении также внук Антенора (сын Агенора) — Эхекл и герой Лаодамас, которого Гомер называет «ветвь Антенора». Дети и родственники Антенора, таким образом, были в самой гуще сражений и своим героизмом подкрепляли его авторитет как мудрого и справедливого правителя. Местом постоянного проживания венетов ко времени войны была причерноморская область Пафлагония к востоку от Трои. Во главе их отряда, пришедшего под Трою, стоял Пилемен. Два его сына верховодили ратью меонийцев — народа, занимавшего земли к югу от Трои. Из всего перечисленного становится ясно, что венеты (анты) осуществляли руководство Троянской армией.

Обобщая это наблюдение, можно утверждать, что, подобно русским в России, венеты выступали государственно-образующей нацией Арсавы, живой опорой «империи», и были «растворены» внутри народов, пришедших на защиту Трои.

После поражения в войне венеты покидали малоазиатский полуостров несколькими путями. Часть из них сконцентрировалась вокруг озера Ван и создала Ванское царство. Оно стало центром государства Урарту, занимавшего все Армянское нагорье. Название страны Ар-мения, то есть страна мужей-ариев, говорит о пребывании на ее земле арийцев.

Вторая группа венетов Арсавы, возглавляемая Антенором, переправилась на северо-западное побережье Адриатического моря. Рассказывая о событиях III–II вв. до н. э. в Северной Италии, древнегреческий историк Полибий упоминает об «очень древнем» племени венетов, обитающем вдоль реки Пад (современная По). Он отмечает, что в отношении нравов и одежды потомки спутников Антенора «мало отличаются от кельтов, но языком говорят особым. Писатели трагедий упоминают часто об этом народе и рассказывают о нем много чудес». Одним из таких чудес стал город Венеция.

Маршрут третьей, видимо, самой многочисленной группы венетов-троянцев вырисовывается при изучении современной карты причерноморских государств. С выходцами из Трои связаны следующие топонимы —

города Троян в Болгарии, Траян в Румынии, два Тростянца (станы троянцев), Трихаты (хаты Трои) на Украине. Там же располагался летописный Треполь или русская Троя («полис» — по-гречески «город»). Между легендарной Троей и древнерусским Треполем обнаруживается сразу несколько поселений со схожим, а фактически с одним и тем же названием. Они, подобно маякам, обозначают воспетую в «Слове о полку Игореве» знаменитую «тропу Трояню» — путь, по которому средиземноморские русичи возвращались на свою прародину.

Ареал расселения венетов не ограничивался областью Среднего Поднепровья. Древнегреческие авторы, начиная с Гесиода, неоднократно упоминают о венетах на Балтике (в названии народа глухая «т» замещается звонкой «д»). Птолемей, в частности, именует Балтийское море Венедским заливом. Географические названия, связанные с именем венетов, обнаруживаются не только на территории скандинавских и прибалтийских государств, но и в Голландии, и на Британских островах. Малоазийские венеты накопили колоссальный опыт плавания по Черному и Средиземному морям. Он чрезвычайно пригодился их потомкам, пришедшим на берега Балтики. Пришельцы не только колонизовали земли Скандинавии, но и осуществили первые морские походы вдоль северного побережья Европы. Античным авторам было хорошо известно жившее на территории современной Бретани (северо-запад Франции) племя знаменитых мореходов-венетов. По сообщению Юлия Цезаря, это племя «пользуется наибольшим влиянием по всему морскому побережью, так как венеты располагают самым большим числом кораблей, на которых они ходят в

Британию, а также превосходят остальных галлов знанием морского дела и опытностью в нем. При сильном и не встречающем себе преград морском прибое и при малом количестве гаваней, которые вдобавок находятся именно в руках венетов, они сделали своими данниками всех плавающих по этому морю». Бретанские венеты поддерживали связи со своими более южными сородичами. Они доставляли в Средиземноморье олово с Британских островов, и порты адриатических венетов были их естественным местом стоянки.

Итак, вытесненные из Малой Азии венеты в течение следующего полутысячелетия прочно обосновались в Поднепровье, на севере Италии, в Прибалтике и Бретани. Некогда единый народ раскололся по меньшей мере на четыре части. Собраться вместе им суждено было много позднее. Центром притяжения стала причерноморская группа венетов (антов).

Идею расселения малоазийских венетов на территории Европы впервые в научном контексте начал разрабатывать В. Н. Татищев. В первой части его «Истории Российской» есть глава «Иенети, или генети, гети, даки, истры», где исследуется вопрос о происхождении наших предков. Татищев разделял мнение о принадлежности к числу славян тех «генетов», которые пришли в Европу из Пафлагонии после разгрома Трои. Академическая традиция не принимает его исключительно потому, что историки отказываются признать факт массовой миграции ариев и праславян в Средиземноморье еще в III тыс. до н. э.

Вскрытый нами факт существования на берегу Средиземного моря во II тыс. до н. э. Средиземноморской Руси привносит в обсуждение венетской проблемы ту

свежую идею, которая должна в корне переменить ситуацию. Пафлагония была лишь одним из центров сосредоточения венетов. Другой, не менее значительный по той роли, которую он играл в политике Передней Азии и Ближнего Востока, находился в Палестине. Ханаане — это те же венеты (ваны). Троянская война была лишь эпизодом в глобальном геополитическом конфликте Севера и Юга. Он разгорелся и был затушен «народами моря» через три с лишним десятка лет как раз на территории Земли обетованной! О могуществе и величии средиземноморских ванов свидетельствует то, что они подарили титул «ванака» критским царям. На территории Греции ванов называли ионийцами (ванийцами). Геродот причислял их к пеласгам — первооселенцам древней Эллады. Именно ионийцы играли ключевую роль в греческой колонизации Малой Азии и Северного Причерноморья. Иванов (Яванов), добравшихся до «запредельных» земель, например, той же Индии, историческая традиция именовала греками. Но это полуправда! Это разлетались по миру «осколки» некогда огромной Средиземноморской Руси.

Большинство наших соотечественников относится к сказочному Ивану предельно иронично. Между тем действительный смысл этого мифологического персонажа намного глубже и интереснее. Иван — «первочеловек», основатель культурной традиции, демиург в том смысле, что совершенные им деяния как бы приравниваются по значению к космологическим актам, непосредственно продолжают их на человеческом уровне. Иван — главный (!) персонаж русского сказочного фольклора, и это не случайное совпадение. Он — один из наших первобогов, и с его именем связаны названия племен ванов, венетов, антов и ионийцев.

Само имя «Иван» происходит от корня «явь». В древнерусской языческой традиции Явь — светлая сила, управляющая миром, одновременно — сам этот светлый мир, «белый свет». Она противостоит Нави, то есть Не-Яви. Явь — это реальная действительность, сущий мир, природа. Бог Отец христиан Яхве — это Явь, «Я есмь Сущий». Это библейский «двойник» Ивана! Первичная форма имени Иван — Яван, затем перешла в варианты — Иаван, Иоанн, Иоганн, Иоханн, а сокращенное имя — Ваня — породило имена Яна, Жана, Ганса, Джона, Вени и в том числе... Энея. Да-да, знаменитый сын Афродиты и предводитель дарданцев, защищавших Троию, является «двойником» Ивана.

Троия была оплотом арийской цивилизации в Азии. Греческая, а впоследствии и европейская традиция бережно хранили легенды о судьбах троянцев, покинувших родину. Их жизнеописания, по существу, раскрывают пути миграций населения Трои. Если Антенор вместе со своими соратниками сумел избежать плена, то Андромаха, жена Гектора, попала в рабство грекам. Сын Ахилла, Неоптолем, увез ее как рабыню в свое царство. Но после его смерти она, к счастью, смогла уехать в Эпир, где стала женой брата Гектора, Гелена. Этот сын Приама пользовался у ахейцев доброй славой потому, что с самого начала предупреждал троянцев о бедствиях, которые повлечет за собой поездка в Спарту. Захватив Троию и ее окрестности, победители даровали Гелену жизнь. Пленный и попавший в рабство Гелен позднее сумел стать царем в Эпире.

Разумеется, мифы — это не история, тем более что античные авторы поэтически разукрасили известные им предания. Но тем не менее местом воссоединения двух царственных троянцев названа вполне определенная

область — Эпир. А там, как мы помним, проживали пеласги, один из «народов моря». Мифы — мифами, а историческая картина вырисовывается более чем ясно. «Народы моря» были друзьями и союзниками троянцев, это одна из ключевых идей нашей реконструкции истории Троянской войны, и она получила еще одно подтверждение.

Теперь о судьбе Энея и его народа. После Гектора Эней был самым самоотверженным защитником Трои. Он женился на дочери Приама Креусе, которая родила ему сына Аскания (Юла). Троянский народ почитал Энея как бога. Судьба, обрекшая Троию на гибель, предназначала Энею спасение. Из всех троянских вождей только ему и Антенору удалось спастись из горящей Трои.

Историю странствий Энея и его спутников описал Вергилий в поэме «Энеида». После падения Трои Эней удалился на гору Иду, взяв с собою престарелого отца Анхиза, сына Аскания и изображения богов — покровителей Приамова града. Всю зиму он с остатками троянского народа, собравшегося к нему, строил корабли, а с наступлением весны пустился на них искать нового отечества себе и троянцам. Долгих семь лет странствовал Эней по Эгейскому, Ионическому и Тирренскому морям, посетил немало стран и претерпел немало превратностей судьбы. Одним из промежуточных пунктов его путешествия стал Эпир, где царь Гелен оказал беженцам необходимую помощь.

После череды самых невероятных приключений спутники Энея, наконец, достигли устья Тибра, где и обрели новое отечество. Согласно Вергилию, обосноваться Энею на новом месте помогли этруски. Что же это за народ? Геродот считал, что этруски пришли в

Италию из далекой Малой Азии, из царства Лидии, располагавшегося на юго-западе полуострова Анатолия. Во время страшного голода царь лидийцев решил разделить свой народ на две части и одну из них под предводительством своего сына Тиррена направить за море на кораблях. После долгих странствий подданные Тиррена достигли берегов Италии, где основали страну и стали называться тирренами. Живший во времена Геродота греческий историк Гелланик Лесбосский полагал, однако, что этруски пришли в Италию из Греции, где носили имя пеласгов. Геродот приписывал пеласгам многое, что имеет отношение к тирренам. Но пеласги и тиррены для Геродота были все же разными народами. Гелланик впервые в греческой историографии отождествил их. Вслед за ним это сделали их современники Фукидид и Софокл.

Новый взгляд на происхождение этрусков сформулировал Дионисий Галикарнасский (I в. до н. э.). По его мнению, этруски ниоткуда не приходили: они с незапамятных времен населяли Апеннинский полуостров. Великий географ древности Страбон, как бы увязывая все эти взгляды, говорил об одном этруском городе, что первоначально он был основан коренными жителями, затем захвачен пеласгами, а еще позднее перешел к другому народу — тирренцам. Как видим, сведения древних авторов весьма противоречивы. Подобный же разнобой во мнениях наблюдается и у историков нашего времени, правда, все они сходятся во мнении, что народ этрусков образовался в результате смешения племен разного этнического происхождения.

Это факт, но вот что интересно: согласно Дионисию Галикарнакскому, этруски называли себя расенами, а в словаре Стефана Византийского (VI в.) этруски

совершенно безоговорочно названы славянским племенем. Почему же этруски называли себя расенами? Мы едва ли ошибемся, если предположим, что это было население разрушенной в ходе Троянской войны малоазийской Русены. Вот почему этруски называли себя расенами! Сохраняя свое родовое имя, они как бы восстанавливали связь времен, поддерживали связь с теми поколениями своих предков, которые участвовали в создании великих цивилизаций Древнего Востока. Другое их название — этруски — представляет, скорее всего, «взгляд со стороны». Вероятно, что вместе с расенами Арсава полуостров покинула и часть хеттов. Их союз европейцы называли «хетты-русы» или просто «этруски».

Интересный вариант рассказа о судьбе других троянцев, оказавшихся в рабстве у греков, приводит Гальфрид Монмутский (автор XII в.) в своей «Истории бриттов». На основании сведений, содержащихся в древних валлийских книгах и устных легенд, писатель попытался восстановить историю появления на Британских островах древнего племени бриттов. Вкратце она такова. Брут, внук спасшегося из горящей Трои и перебравшегося на Апеннинский полуостров Энея, нечаянно убил на охоте своего отца, и за это был изгнан своим народом. Странствуя по свету, он попал в Грецию, где встретился с теми троянцами, которые были вывезены сюда в качестве рабов. Брут организовал и возглавил восстание троянцев против своих угнетателей, в результате которого был захвачен в плен сам греческий царь. В уплату за свою свободу он обязался предоставить троянцам корабли и снарядить их всем необходимым для дальнего плавания. Цель плавания указала Бруту богиня Диана, явившаяся ему во сне:

Там, где солнца закат, о Брут, за
царствами галлов,
Средь Океана лежит остров, водой
окружен.
Остров тот средь зыбей гигантами был
обитаем,
Пуст он ныне и ждет, чтоб заселили его
Люди твои; поспеши — и незыблемой
станет твердыней,
Трою вторую в нем дети твои обретут.
Здесь от потомков твоих народятся цари, и
подвластен
Будет этим царям круг весь земной и
морской.

Речь здесь идет о Британии, к которой и отправились наши путешественники. Но вот что любопытно. Гальфрид Монмутский сообщает, что, сделав промежуточную стоянку на побережье Тирренского моря, спутники Брута встретили здесь четыре колена потомков троянских изгнанников. В память об этом центральная область Калабрии в античное время называлась Бруттий.

Далее в путь отправилась уже объединенная группировка троянцев. Обогнув побережье Испании, они вошли в устье Луары (запад Франции), но встретились с вооруженным сопротивлением местных галльских племен. По-видимому, часть троянцев осталась в Галлии (сам Гальфрид об этом, правда, не говорит) и основала

город Тур, но другая их «половина» решила все-таки довериться предсказанию богини и отплыла в сторону Британии. Нельзя не отметить совпадение названий местностей, которые троянцы выбирали своими «перевалочными» пунктами:

Бруттий => Бретань (полуостров во Франции) => Британия

Все эти географические топонимы соотносятся с именем народа бриттов. Мы склонны считать, что первая согласная во всех этих словах является сокращением слова «бё» (английское «be») — быть, есть. В такой интерпретации этноним «бритты» можно соотнести с ретами или рутенами (русенами), имена Бруттий — с Рутием (Русием), Бретань — это Ретань (Рязань), а Британия — Рутения. На западе Англии, в Уэльсе и близ берега Ирландского моря можно найти топонимы, связанные с рутенами, в частности — Русин (Северный Уэльс), Рос на юге полуострова. Это указывает на освоение рутенами берегов Британии. К галльским рутенам средневековые авторы часто применяли эпитет «флави рутены», то есть «рыжие рутены». Но это отличительный признак ирландцев. Ир-ландия — «земля Яра», ариев, вот смысл этого древнего названия. Среди народов Западной Европы прозвище «рыжие» более других подходит к ним, они потомки бриттов-рутенев и очень близки по духу русским.

Таким образом, галльские рутены и бритты — это разные «осколки» потомков троянцев (жителей Средиземноморской Руси), переселившихся в Европу. Не случайно каждое из этих племен имело в числе своих соседей венетов. Союзные отношения рутенев и бриттов сохранялись и в более поздние времена. Вождь рутенев

Хольдер упоминается в «Истории бриттов» как союзник легендарного короля Артура, прообразы которого уходят в V–VI вв. В более поздние времена рутены были покорены франками, а бритты — англами и саксами. Те же из них, кто не покорился завоевателям, пробивались к своим сородичам — балтийским венетам, морским путем.

Для историков неразрешимой головоломкой представляется то обстоятельство, что упоминания о русах (рутенах) присутствуют в западноевропейских источниках задолго до образования Киевской Руси. Но ее разгадка теперь очевидна. Русские поселения создавались выходцами из Средиземноморской Русены. Они не исчезли, не растворились в среде других европейских народов, а отдельными группами разошлись в самых разных направлениях: на Дунай и далее в Поднепровье, в Испанию, Францию, и даже на Британские острова.

ГЛАВА 5

ГОМЕР И РОССИЯ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

*В палатке я лежал
военной,*

*До слуха долетал
тroyанской битвы шум,*

*Но моря милый гул и
шорох белопенный*

*Весь день внушали мне:
напрасно ты угрюм.*

*Напрасен звон мечей: я
больше не воюю.*

*Меня не убедить ни
другу, ни льстецу:*

*Я в сторону смотрю
другую,*

*И пасмурная тень
гуляет по лицу.*

*Не помню, как заснул и
сколько спал —
мгновенье*

*Иль век? — когда
сорвал с постели
телефон,*

*А в трубке треск, и
скрип, и шорох, и
шипенье,*

*И чей-то крик:
«Патрокл сражен!»*

*Когда сражен? Зачем?
Нет жизни без
Патрокла!*

*Прости, сейчас
проснусь. Еще раз
повтори.*

*И накренился мир, и
вдруг щека намокла,*

*И что-то рухнуло
внутри.*

А. Кушнер

Стихотворение Александра Кушнера называется «Сон». Его содержание кажется нам глубоко символичным. Герой стихотворения проспал... Троянскую войну. Не так ли и мы преспокойно вычеркнули из нашей истории сразу несколько тысячелетий? Наиболее критически настроенные читатели могут нам возразить, не слишком ли мы широко размахнулись. Неужели такие древние корни у русского народа?

Врожденная скромность во все времена берегла русского человека от выпячивания своей роли в многонациональном государстве. Русские привыкли принимать на свой счет язвительные речи по поводу России, но все победы нашего государства неизменно объявлялись делом коллективным. В итоге действительно определяющая роль русских в союзе народов предавалась забвению.

Египетские фараоны, правившие в первой половине II тыс. до н. э., знали богатую и обильную страну Русену. Это факт, который наши академики боятся произносить открыто. В документах хеттских царей XV–XIII вв. до н. э. фигурирует уже выражение «страны Арсавы». В тот момент Средиземноморская Русь уже значительно уменьшилась по своим масштабам и представляла некую союзную федерацию малоазийских народов (уменьшенный аналог современной России). У Арсавы были и более удаленные дружественные страны, где правили арийцы — государства Митанни и Ханаан (Палестина). Но первое из них еще лет за сто до начала

Троянской войны было разрушено под ударами хеттов с севера и семитов с юга, а второе представляло множество раздробленных городов-государств. В конечном итоге арабы, а позже и турки вытеснили арийцев (а если шире, то и всех индоевропейцев) с этих территорий. Конечно, искать следы арийской цивилизации там — дело весьма щепетильное и с политической точки зрения достаточно сложное. Но ведь «нет ничего тайного, что не стало бы явным».

Русские в Трое... К этой мысли надо привыкнуть. Для наших современников она необычна еще и потому, что со школы нам вдалбливали, будто русские только-только вышли на сцену мировой истории, что вся наша культура сплошное заимствование, даже гармонь, а своего у нас — только лапти да водка. Но все такого рода заявления «перешибаются» одним очень простым ответом: полно выдумывать понапрасну, ведь наши предки были в Трое! Русский народ ничуть не менее древний, чем те же египтяне или шумеры. Другое дело, что всегда хочется новых и новых доказательств в подтверждение. Есть ли, к примеру, русские мотивы в гомеровской «Илиаде»? Оказала ли арийская (древнейшая русская) культура какое-либо влияние на Гомера и его творчество?

Мы не будем здесь первооткрывателями, если ответим на эти вопросы положительно. Еще в конце XIX века получила достаточное распространение гипотеза о северном происхождении сказаний Троянского цикла. Ее популяризаторы — немецкий ученый Э. Краус и польский писатель А. Немоевский — считали, что в основу Гомеровых поэм положено некоторое первичное мифологическое ядро, относящееся к доэллинической истории. Само имя «Гомер» некоторые исследователи

склонны истолковывать как указание на этническое происхождение создателя знаменитых поэм. Этноним «гомер» упоминается в Библии и, по единодушному признанию историков, обозначает киммерийцев — жителей юга России, которые активно влияли на политическую ситуацию в Анатолии и имели там свои поселения в первой трети I тыс. до н. э. Гомер вполне мог быть киммерийцем или их потомком.

С этой точки зрения примечательно, что в Гомеровой «Одиссее» содержится упоминание о стране киммерийцев, расположенной на берегу океана. Ее описание заставляет читателя вспомнить о полярной ночи: «Закатилось солнце, и покрылись тьмою все пути, а судно наше достигло пределов глубокого Океана. Там народ и город людей киммерийских, окутанные мглой и тучами; и никогда сияющее солнце не заглядывает к ним своими лучами — ни тогда, когда восходит на звездное небо, ни тогда, когда с неба склоняется назад к земле, но непроглядная ночь распростерлась над жалкими смертными» (подстрочный перевод В. В. Латышева). Нелишне напомнить также, что в центре «Илиады» судьба выходца из Киммерии — Ахилла! Значит, Гомер сочувствовал судьбе этого, чуждого грекам, героя.

В. Н. Демин в своей книге «Загадки Русского Севера» совершенно справедливо отмечает, что образ Елены Прекрасной придуман не греками и конечно же не Гомером. Он гораздо более древнего происхождения. Имя Елена восходит к названию тотемного животного гипербореев — оленя. Такое объяснение находит прямое подтверждение в сказке «Елена Прекрасная и мачеха» из сборника «Северных сказок» Н. Е. Ончукова. Мачеха, ненавидящая свою падчерицу, превращает ее в олениху. Обратное перевоплощение животного в

женщину-красавицу становится возможным только тогда, когда царевич, муж Елены, ранит ее во время охоты. В сказке герой стреляет из ружья, но ясно, что данный сюжет восходит к глубочайшей древности, когда первобытные охотники почитали Великую Богиню, прародительницу Мира, в виде оленихи.

Елена Прекрасная — одна из героинь русских сказок. В фольклоре других народов мы не найдем персонажа с таким именем. Отсюда можно заключить, что Гомер опирался в своей поэме на традиции древнерусского фольклора. Подчеркнем, однако, что в русских сказках Елена Прекрасная не только символ красоты, как в «Илиаде», но также и образец мудрости. В некоторых сказках она так и именуется — Елена Премудрая.

Водной из самых известных наших сказок — «Сказке о Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке», — есть очень любопытный эпизод. Иван-царевич не хочет отдавать Елену Прекрасную царю Афрону, и тогда серый волк предлагает такой вариант: пусть Иван оставит себе настоящую Елену, а сам он, обернется прекрасною королевою и станет мнимою Еленою. Вот ее-то и отведет Иван к царю Афрону. Удивительное дело, но что-то подобное мы уже встречали у древних греков. Поэт Стесихор уверял своих читателей, что в Трое находилась не реальная, живая Елена, а лишь ее призрак. Вполне возможно, что он придумал все это совершенно независимо, но неоспоримо то, что сказочный сюжет с представлением Елены сразу в двух воплощениях опять-таки является более архаическим, восходящим к временам тотемизма и веры в оборотничество.

Отдельного упоминания заслуживает и мать Елены — Леда. По мнению В. Н. Демина, в основе имени Леды лежит корень «лед», а сама эта «Ледяная богиня» является далеким прообразом Снегурочки. Нам данная гипотеза представляется, однако, весьма спорной. Как может тогда она выступать в роли прародительницы мира и Матери Вселенной? Лед — это символ смерти и неизменности. Более правильным, на наш взгляд, было бы связывать имя богини с именем общеславянской богини Лады. Искажение гласной при заимствовании — обычное дело, напомним, что англичане переименовали Ладу в леди. Богиня любви и плодородия Лада — идеальный вариант для сопоставления с Ледой, породившей, в свою очередь, другую богиню умирающей и воскресающей растительности — Елену.

Вновь и вновь разгадка значений персонажей греческой мифологии обнаруживается в мире русско-славянских образов. Что, к примеру, говорят греческие легенды о знаменитом яблоке раздора? Только то, что оно было сорвано в далеком саду Гесперид, находящемся где-то на краю света. Но если мы действительно хотим разобраться, что же символизировало оно, то придется заглянуть в русские народные сказки. Яблоки сада Гесперид — это молодильные яблоки, символ вечной юности и красоты. Вот почему каждой из трех богинь хотелось завладеть таким плодом. Хотя они были бессмертными, но остановить время и оставаться вечно молодыми были не в силах.

С чисто художественной точки зрения поэмы Гомера обладают одной уникальной особенностью, выделяющей их из числа других древнеевропейских эпосов: в них присутствуют красочные поэтические описания природы

и образные сравнения с отдельными ее явлениями. Так, один из дней трояно-ахейского противостояния начинается тем, что

Солнце лучами новыми чуть поразило
долины,

Вышед из тихокатящихся волн Океана
глубоких

В путь свой небесный...

Или вот фрагмент битвы за тело сраженного
ликийского царя Сарпедона:

Подобно как мухи,

Роем под кровлей жужжа, вокруг
покойников полных толпятся

Вешней порой, как млеко изобильно
струится в сосуды, —

Так ратоборцы вокруг тела толпились.

И это не единичные примеры, ими буквально переполнены обе поэмы. Речи Одиссея «как снежная вьюга, из уст у него устремлялись», Гектор летит в бой «как в полете крушительный камень с утеса», Идомей несется полем «как пламень», трояне идут на сраженье «как ветров неистовых буря».

В средневековых европейских эпосах — «Песнь о Сиде», «Песнь о Роланде», эпос о короле Артуре, Нибелунгах ничего подобного не обнаруживается. Природа упоминается там изредка и то, как некоторая незначительная подробность или обстоятельство-препятствие. Даже в песнях крестоносцев

нет и следа от пребывания в чужих краях. Швейцарский историк культуры Якоб Буркхардт (1818–1897) в своей книге «Культура Италии в эпоху Возрождения» отмечает: «Первыми из людей Нового времени итальянцы осознали картины природы как нечто в той или иной степени прекрасное и научились получать удовольствие от них». Исследователь подчеркивает, что проследить, как формировалась эта способность итальянцев чрезвычайно трудно, для этого попросту не хватает данных. Но произведения средневековой литературы, и в том числе итальянской, обнаруживают полный разрыв с древнейшей языческой традицией воспевания природы и поклонения ей. О глубоком воздействии ландшафтных образов на человеческую душу европейца можно говорить, по-видимому, начиная с Данте (1265–1321). Живший несколько позднее Петрарка (1304–1374) уже ощущает красоту скал и умеет отличать живописное значение ландшафта от его пользы. К этому времени относится и рождение необычного доселе вида наслаждения у итальянцев — пребывание на лоне природы и наслаждение ее красотами.

Европейцы в эпоху Возрождения действительно заново открывали античность. Что касается отношения к природе, то памятники их средневековой литературы демонстрируют полный разрыв с традицией Гомера. Но этого мы совершенно не наблюдаем в русском эпосе! Русские сказки и былины чрезвычайно насыщены древнейшими языческими образами. Добрый конь под богатырем, как и ахилловский Ксанф, может разговаривать человеческим голосом, герои, подобно греческим богам, могут перевоплощаться, но только не в людей, а в животных — того же ясного сокола или серого

волка, как князь Волх Всеславъич. Боян вещий, соловей
старого времени,

если хотел кому песню воспеть,
то растекался мыслию по древу,
серым волком по земле,
сизым орлом под облаками.

Солнечное затмение в «Слове о полку Игореве» — не случайная деталь. Это знак свыше, знамение, предвещающее неудачу похода на половцев. Это тот же голос богов, который, правда явно, звучит в «Илиаде» и «Одиссее».

В основе сравнения поэта с животными лежит его сопричастность миру природы. В мировой поэзии чрезвычайно популярны сопоставления поэта со сладкоголосой птицей (метафора: «поэт-соловей»). Он слагает свои стихи так же, как птицы свои песни; этим может обосновываться его особый статус и приближенность к миру небожителей, управляющих природными стихиями и дарующих ему божественное вдохновение. Древние греки, к примеру, хранили предание, что родителями Гомеру были река Мелет и нимфа Крефеида в Смирне (ныне Измир — город на западном побережье Малой Азии). Страбон сообщает о наличии в Смирне даже культа Гомера. Эти факты гармонируют с тем, что по византийскому образцу в русских церквях, кроме икон, присутствовали еще и изображения «еллинских мудрецов»: Гомера, Платона, Еврипида, наряду с сивиллами (вещими птице-девами). В росписях Благовещенского собора в Московском Кремле (галерея была впервые расписана в 1564 г.) на склоне

свода галереи нарисован Гомер, держащий в руке свиток со словами: «Светило земных воссияет во языцех. Христос ходити начнет странах и съвокупити хотя земная с небесными». Окончание надписи взято из изречения, имеющегося около изображения Гомера на двери северного портала собора. В новгородских монастырях изображения Гомера включаются уже в самый иконостас, правда, в нижний его ряд, шестой, имеющий сравнительно малую величину и как бы придавленный остальными ярусами. И все же «еллин» Гомер здесь удостоился высшей чести, какую ему могла оказать церковь: он входил в общий замысел иконостаса, в его идею, что может сравниться разве только с почитанием певца в Древней Греции.

Первичные представления о поэте, как посреднике между божественным и человеческим мирами, восходят к древним ариям, создателям «Вед». В книге Н. П. Гринцера и П. А. Гринцера «Становление литературной теории в Древней Греции и Индии» подробно обоснована мысль, что античным грекам в той же степени была близка эта идея. «В греческой архаике, — пишут ее авторы, — так же, как в индийской, божественное вдохновение — источник знаний певца и залог его мастерства; инспирация (здесь, вдохновение. — А.А.) и умение не противопоставлены, но слиты воедино, первое предопределяет второе... У Гомера, как и в «Ригведе», особый статус поэта обосновывается его близостью к божественному миру, божественным происхождением поэзии как таковой». В «Одиссее» сочинитель однажды прямо уподобляется богу:

...нам приличней вниманье склонить к
песнопевцу, который,

Слух наш пленяя, богам вдохновеньем
высоким подобен.

Отношение к Гомеру, как провозвестнику божественного Слова, русские сохраняли даже в условиях полного торжества православной веры. Присутствие изображения Гомера в иконостасах русских церквей доказывает, насколько глубоко во времена языческой Руси почитали и ценили его сочинения, и вообще его миссию на земле. Мировосприятие Гомера, основанное на ощущении истинного единения с миром природы, а если шире, то и со всем Космосом, было близко древним русам.

Но этого нельзя сказать о европейцах периода Средних веков. Для них текст Гомера выглядел перегруженным сравнениями и метафорами. Он никак не вписывался в стиль эпохи. К тому же, в Европе не читали по-гречески. В те времена исключительную популярность приобрело совершенно иное сочинение о Троянской войне — «История о разрушении Трои» Дарета Фригийского. В «Илиаде», в начале песни о подвигах ахейского вождя Диомеда, говорится:

Был в Илионе Дарес, непорочный
священник Гефеста,
Муж и богатый, и славный...

Два сына этого Дарета — Фегес и Идеи — напали на Диомеда. Один из них был убит им, а второй обратился в бегство и был ради его отца спасен Гефестом. Больше ни Дарет, ни его сыновья Гомером не упоминаются. Вот от лица этого священника и ведется повествование в «Истории».

Известны и другие, не дошедшие до нас, описания Троянской войны. Например, византийский хронограф Иоанн Малала (VI в.) приводит значительные выписки из «Сизифа Косского», который был писцом у Тевкра и также написал воспоминания о Троянской войне. Однако достоверность ссылок Малалы весьма сомнительна. Некоторые из сочинений такого рода, возможно, и не были в отличие от «Истории» Дарета никогда написаны, а только вымышлены. В пользу этого говорит и тот факт, что ни один из «романов о Троянской войне» не дошел полностью по-гречески. Зато еще один, кроме романа Дарета «Диктис Критский», дошел в латинском переводе. Согласно легендам, Диктис был писцом спутника критского царя Идоменея, написавшим свои записки «пуническим алфавитом». Они были обнаружены при Нероне (I в. н. э.) и переписаны по-гречески, а потом переведены на латинский язык. Многие века «Дарет» и «Диктис» переписывались и издавались вместе.

Сами по себе эти сочинения представляют краткие прозаические повести, написанные на латинском языке. О каких-либо их художественных достоинствах говорить не приходится. Новейшим, начиная с гуманистов, критикам обе эти истории всегда казались примитивными и нелепыми до неприличия. Именно такими — с точки зрения классических канонов — они и являлись. Почему же «гомеровская традиция» древнегреческой литературы была столь явно предана забвению? Исследователи гомеровского вопроса старательно обходят этот вопрос молчанием. Они не в силах объяснить, как же хваленая цивилизация Запада в пору своего детства и юности (IV–XI вв.) столь откровенно пренебрегала творчеством одного из лучших поэтов человечества? Но ответ оказывается настолько же простым, насколько и

неожиданным. Творческие приемы Гомера были чужды создателям средневековых эпосов. Они складывались на иных принципах, нежели «Илиада» и «Одиссея». И наоборот, древнерусский эпос рождался в атмосфере духовного родства и гармонии с миром природы, картинами которой наполнены сочинения Гомера. Гомеровские поэмы — русские по мирозерцанию, и, думается, наши предки, видевшие в иконостасах своих церквей лик Гомера, прекрасно понимали это.

В середине XIX в. князь П. П. Вяземский (сын поэта Петра Андреевича Вяземского) выступил с большой работой, посвященной «Слову о полку Игореве», в которой указывал, что в древнерусской поэме имеют место прямые отражения образов и тем античного эпоса и мифологии. Он со всей определенностью заявил, что совершенно недостаточно «ограничиваться при изучении наших древностей исключительно произведениями родной почвы», поскольку острый интерес к Гомеру и Еврипиду существовал на Руси уже в XII в. П. П. Вяземский полагал, что к этому времени русские литераторы были знакомы с комментариями к Гомеру Исаака Комнена, с сочинениями Нонна и братьев Цецес о поэмах Гомера и Ликофрона (греческий поэт и грамматик III в. до н. э.). Из этих книг автор «Слова» мог черпать информацию о сюжете и образных характеристиках героев Троянской войны, содержательные и стилистические компоненты классического и позднеантичного эпоса.

Прежде всего, П. П. Вяземский сближает образы Гомера и Бояна, как певцов и стихотворцев. Имя Гомера в Средние века стало нарицательным, под ним понимали рассказчика, владеющего даром художественного слова. Имя Бояна, с другой стороны, исследователь сближает с

Баяном (от слова «баять») — чародеем и сказителем. Поэтому Гомер — это Боян. В одной из сказок так и говорится: «Ай ты черный кот Баюн! Проснися, пробудися да и спой песенку; как и ту ли песенку, что поют на Окиян-море, на зеленых островах, про молодую княжну Елену Ивановну». По свидетельству греческих писателей, жители Приднепровья и берегов Черного моря пели гомеровские песни и имели много преданий о Трое и троянском походе греков. В противоположность западным средневековым народам византийцы в значительной степени опирались на сочинения Гомера и греческих авторов. Эти произведения, а также комментарии к ним и отдельные выписки переводились на славянский язык, и потому были известны древнерусским боянам. Первоучитель славян, Кирилл, изучал Гомера; переводившиеся у нас Святые Отцы также упоминали Гомера; сочинения великого поэта были известны и составителю Ипатьевской летописи (XIII в). Свойства, приписанные Бояну, находит Вяземский в эпитетах Гомера, приданных ему писателями. В Еврипидовой трагедии «Елена» хор называет Гомера соловьем, живущим в сенях рощ, голосистым, он призывается как помощник для воспевания трудов Елены и троянцев. Но точно так же обращается автор «Слова» к Бояну: «О Боян, соловей старого времени!» Выражение «свивая славу обеих половин сего времени» указывает, по мнению исследователя, на соединение автором сказаний Гомера с современными ему событиями.

Вяземский связывает и происхождение троянцев с русскими. Так «тропа Трояню» означает возвратный путь троянцев в Поднепровье и на берега Черного моря. Эта идея, которую мы целиком и полностью поддерживаем, в свое время (1854 г.) была подвергнута критике

Н. Г. Чернышевским во влиятельном тогда «Современнике». Поучая свысока аристократа-«дилетанта», Чернышевский указывал, что прилагательному «троянский», образованному от названия «Троя», в древнерусском должно соответствовать «троянскъ», а не «троянь». Формы «Трояню, Трояни» Николай Гаврилович считал производными от мужского имени типа «Антонъ». Без всяких на то оснований говоря, что Вяземский не филолог (в краткой биографической справке о Павле Петровиче Вяземском, как раз наоборот, подчеркивается, что он был не только историком и археологом, но и филологом, председателем Общества любителей древней письменности) и «очень мало подготовлен к ясному пониманию ближайшего предмета своих исследований», пламенный революционер-демократ не счел нужным провести элементарное исследование падежных окончаний и синтаксически-смысловых окончаний загадочной словоформы в контекстах «Слова». К сожалению, среди высококвалифицированных профессионалов так и не нашлось ни одного, кто проверил или хотя бы поставил под сомнение вышеприведенное безапелляционное заявление Чернышевского.

Но эту задачу, за которую так и не решились взяться профессионалы, с блеском решил «технар» по образованию, которого Чернышевский уже с полным основанием мог назвать не филологом, Арсен Арсенович Гогешвили (1934–1997). Его основной научной работой было проектирование строительных конструкций. Подлинной страстью, однако, и главным, с годами все вытесняющим увлечением А. А. Гогешвили стало историческое литературоведение, центральной темой в

котором неизменно оставалось «Слово о полку Игореве». В монографии «Три источника «Слова о полку Игореве», вышедшей в 1999 г, А. А. Гогешвили развил концепцию П. П. Вяземского и обосновал ее на современном (академическом) уровне строгости. Он убедительно доказал, что понятию «Троянь» автор «Слова» придавал значение самостоятельной области, земли, страны, империи, то есть некоторой географической и исторической реальности с названием, воспринимаемым как слово женского рода (а не мужского, как у Чернышевского).

На сегодняшний день существует несколько взаимоисключающих толкований Троянской темы в «Слове»: 1) Троян — славянское божество (Ф. И. Буслаев, Д. С. Лихачев и др.); 2) Троян — римский император Траян (53–117 гг. н. э.) (Н. М. Карамзин, Б. А. Рыбаков и др.); 3) Троян — русский князь или триумвират русских князей, в самых разнообразных трактовках (Н. А. Полевой, И. Е. Забелин, Н. И. Костомаров и др.); 4) Троян — образ, навеянный преданиями или книжными источниками о Троянской войне (П. П. Вяземский, Е. И. Классен, А. Н. Пыпин, А. Н. Веселовский, Вс. Ф. Миллер, И. А. Новиков). Труды созвездия перечисленных ученых, казалось бы, должны были высветить до конца смысл и все оттенки значения одного короткого слова. Однако все кроме последней группы исследователи в основном только уводили от верного осмысления этой лексической загадки. Кстати, особая роль в популяризации идей П. П. Вяземского принадлежит Егору Ивановичу Классену (1795–1862), автору книги «Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-руссов до юриковского времени в особенности с легким очерком

истории руссов до Рождества Христова». (В 1995 г. она была переиздана репринтным способом.)

Среди маститых историков прошедшего века идея П. П. Вяземского о соотнесении русских и троянцев так и не нашла отклика. Но удивительные обнаруживаются факты. Оказывается, что в свое время Н. М. Карамзин при сличении рукописного Мусин-Пушкинского и печатного издания 1800 г. текстов «Слова о полку Игореве» обнаружил одну, весьма важную ошибку наборщика. Вместо «сечи Трояна» было напечатано «вечи Трояна». А. А. Гогешвили отмечает, что в переводе В. А. Жуковского также присутствует строка «Были сечи Трояновы», а не «века Трояновы», хотя в последнем издании его перевода откуда-то появились «веки Трояновы». Это вмешательство в текст В. А. Жуковского совсем не так безобидно, как кажется. Ведь совершенно ясно, что если бы в поэме была воспроизведена строка о «сечи Трояновой», то ни у кого не возникло бы сомнения, что автор «Слова» упоминает о Троянской войне. Для писателей раннего Средневековья сама история Троянской войны была отправным пунктом при изложении истории вообще. Вот потому автор «Слова» и начинает перечисление ожесточенных и кровавых войн с Троянской войны, со сражения под стенами Илиона: «Были сечи Трояни...» Знание греческого и латинского (как показывает А. А. Гогешвили) языков, элементов античной мифологии и культуры делает в принципе возможным, что наряду с Гомером он был знаком с историей Рима, знал о войнах, которые вел император Траян. Но сама идейная и художественная задача, которую он решал, стремясь создать у читателя негативное отношение к междоусобной войне, не допускает обращение к образу и имени Траяна, который

вошел в римскую и средневековую историографию как образец мудрого, доброго и справедливого властителя, как покоритель воинственных даков, а не как инициатор междоусобиц и гражданской войны.

Очень интересно А. А. Гогешвили поясняет и строки:

Встала обида в войсках Даждьбожа внука,
вступила девою на землю Трояню,
всплескала лебедиными крылами
на синем море у Дона...

Для П. П. Вяземского — это воспоминание-отступление о гомеровской Елене, принесшей обиду в стан троянцев, а лебедикрылой она названа по отцу Зевсу, принявшему образ лебедя во время любовной встречи с матерью Елены, Ледой. Но в истоках Троянской войны лежат, как известно, даже не одна, а серия «обид», из которых первая — обида Эриды, богини раздора, сестры и постоянной спутницы Арея. Бросив «яблоко раздора», Эрида вызвала обиду «эгидодержавной» Афины. Не воинственная ли Афина или мстительная «старая дева» Эрида скрывается, хотя бы отчасти, под именем Девы в «Слове» — как раз одна из них, а совсем уж не Елена должна бы именоваться Девой. В связи с вышеприведенным отрывком из «Слова» вспоминаются следующие строки из «Илиады»:

Но едва олимпийцы приблизились к ратям,
Эрида

Встала свирепая, брань возжигая;
вскричала Афина

То пред ископанным рвом за великой
стеною ахейской,

То по приморскому берегу шумному крик
поднимая.

Текст гомеровской поэмы подсказывает, что образ Девы-Обиды восходит к античным образам богинь, воплощающих раздор, месть и междоусобицы. А. А. Гогешвили указывает и конкретное место в гомеровской поэме, которое послужило источником этого «образно-лексического комплекса» Девы-Обиды. По-видимому, это песнь «Отречение от гнева», где оправдывающийся перед собранием Агамемнон говорит:

Часто винили меня, но не я, о ахейцы,
виновен;

Зевс Эгиох, и Судьба, и бродящая в мраках
Эриннис:

Боги мой ум на совете наполнили мрачною
смутой

В день злополучный, как я у Пелида
похитил награду.

Что ж бы я сделал? Богиня могучая все
совершила,

Дщерь громовержца, Обида, которая всех
ослепляет,

Страшная; нежны стопы у нее: не касается
ими

Праха земного; она по главам
человеческим ходит,
Смертных язвя; а иного и в сети легко
уловляет.
Древле она ослепила и Зевса, который
превыше
Всех земнородных и всех небожителей:
даже и Зевса...

Тут-то сам Гомер выступает свидетелем, что эта
Дева ступала на землю Трояни.

Мы выяснили смысл двух фрагментов «Слова», в
которых присутствуют троянские мотивы — упоминания о
«тропе Трояни» (Троаде) и о «сечи Трояни» (Троянской
войны). Но есть еще и третий, смысл которого все еще
остается туманным:

На седьмом веке Трояни
Кинул жребий Всеслав
О желанной девице:
Опершись на коня (на коней) в хитрых
замыслах,
Подскочил ко граду Киеву,
Прикоснулся скипетром
К золотому престолу киевскому.

А. А. Гогешвили отмечает, что у Эсхила в
«Агамемноне» захват ахейцами Трои изображается как

стремительный скачок коня, того самого деревянного коня, в чреве которого спрятались греческие воины. Троя славилась быстрыми, как ветер, божественными конями. Они были предметом гордости троянцев, но они же вызывали зависть окружающих племен и часто становились причиной их набегов. Во время Троянской войны оракулом было предсказано, что Троя устоит, если божественные кони фракийского царя Реса хотя бы раз сумеют поесть и напиться в осажденном городе. Диомед и Одиссей, однако, пробравшись ночью в лагерь Реса, угнали роковых коней к себе. История с деревянным конем выглядит как бы финальным аккордом в цепи бедствий, обусловленных особым отношением к этому священному животному. Ведь решение втащить его внутрь города было принято самими горожанами.

Но схожим образом, как сообщает летопись, в 1068 г. захватил власть в Киеве и князь Всеслав Полоцкий. Исторические события, предшествовавшие его вокняжению, были таковы. Половцы разбили войско трех братьев — сыновей Ярослава Мудрого: Изяслава, Всеволода и Святослава. Киевляне потребовали от Изяслава выдать им коней и оружие, чтобы взять дело обороны Киева в свои руки. Изяслав, боясь киевлян, отказался это сделать. Тогда киевляне пошли к «порубу» (тюрьме), где сидел князь Всеслав Полоцкий, захваченный ярославичами перед тем в 1067 г., и поставили его киевским князем. Очевидно, что Всеслав удовлетворил требование киевлян — выдал им коней и оружие. Он пришел, следовательно, к власти хитростью, «опершись на коней». Но что означает строка «На седьмом веке Трояни»?

Вот версия А. А. Гогешвили. Троянь, по его мнению, была поэтическим символом Византии. Как известно,

разделение Римской империи официально произошло в 395 г, т. е. отсчет времени существования собственно Византии надо начинать с конца IV века. Вычтем из 1068 г. 395-й: получим, естественно, 673 г., как раз VII в. существования Византии как территориальной и культурно-исторической преемницы Трои, Трояды, Троянской земли, «земли Трояни». Все выглядит очень просто и логично.

Есть, однако, еще одна, не менее красивая гипотеза. Ее высказал В. А. Зрелкин в статье «Руси особенная статья» (В книге «Гибель России». М.: Метагалактика, 1999. С.121–154). Мысль этого исследователя гениально проста: «конная» Троя (культурный слой Троя VI), ведущая отсчет от XVIII в. до н. э., просуществовала до своего падения в начале XII в. до н. э. (культурный слой Троя VIIa) шесть с лишним веков. Она была разрушена на VII веке от своего рождения. Такое прочтение снова возвращает нас ко времени «сечи Трояни» в «земле Трояни». Круг ассоциаций автора «Слова» с Троянской войной полностью замыкается. И мы, вслед за П. П. Вяземским и его последователями, можем, теперь уже с полным основанием, утверждать, что создатель «Слова о полку Игореве» соотносил свой рассказ с историей Трои.

Но почему же автор «Слова» так настойчиво обращался к теме падения Трои? Да потому, что гибель этого города символизировала разрушение могучей империи II тыс. до н. э. — Средиземноморской Руси. Во время создания «Слова» (XII в.) Киевская Русь переживала период раздробленности. Одно из крупнейших государств в Европе, оно, однако, находилось на краю гибели. Впереди уже маячил призрак татаро-монгольского нашествия, и потому тема единения

русских князей перед внешней опасностью — центральная в поэме. Пример Трои был очень показательным для русских. Он служил яркой иллюстрацией того, как разваливается русская империя: во-первых, русские объявляются врагами всех «малых народов» империи и изгоняются ими со своих национальных территорий, а во-вторых, последовательно истребляется память о самом присутствии русских на этих землях и их вкладе в хозяйственную и культурную жизнь этого национального образования. Автор «Слова» прекрасно знал о былом присутствии русских в Средиземноморье. Знали, похоже, об этом и его слушатели.

Вот теперь Украина уже не входит в состав Российского государства. Но представим, что пройдет еще тысяча лет, ведь тогда тоже, может быть, придется доказывать, что Киевскую Русь создавали русские. Историки будут говорить о присутствии в Поднепровье множества племен, говорящих на различных языках, но даже не заикнутся о ведущей роли русского народа в союзе этих племен. Вполне возможно, что в будущем возникнет в точности такая же ситуация, как и с историей Средиземноморья во II тыс. до н. э. Какие русские в Трое? Да те самые, о которых писали Гомер и безвестный автор «Слова о полку Игореве»!

Можно вводить в заблуждение одно, два, несколько поколений, но рано или поздно этот обман раскроется. Можно сколько угодно говорить, что Гомер творил исключительно на греческой почве, вдалеке от тех просторов, на которых обитали наши предки — арии. Но вот мнение двух специалистов, А. А. Алексеева и Н. М. Ботвинника (из послесловия к книге А. Н. Егунова «Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков». М.:

Индрик, 2001): «Перевод «Илиады», выполненный Гнедичем, занимает исключительное место в русской литературе. Ни одна культурно-языковая традиция в Европе не смогла с такой всеобъемлющей полнотой передать содержание и литературную форму греческого эпоса, как это сделала русская. С одной стороны, структура русского слова и просодика стиха (расположение ударений в системе стихотворных размеров — А.А.) позволили найти размер, почти без искажений передающий дикцию подлинника, с другой стороны, эстетические формы русской речи неожиданно оказались внутренне созвучны Гомеру... Идея народности, пробившаяся в язык и литературу с конца XVIII в., стала обретать реальные формы, которые нашли себе высшее воплощение в труде Гнедича. Естественная речь этого творения не допускает мысли о том, что перед нами перевод, и только это позволяет ее содержанию стать принадлежностью национальной русской культуры».

За академической бесстрастностью этого отзыва ученых скрываются, не побоимся сказать, ошеломляющие выводы. Во-первых, ни один европейский язык не может передать красоты и звучания гомеровского слога так, как русский. Но не следует ли отсюда, что русский и греческий языки наиболее близкие родственники из всех существующих? Думаем, что следует. Далее, «эстетические формы русской речи неожиданно оказались внутренне созвучны Гомеру». Почему неожиданно, если Гомер был киммерийцем, одним из наших предков?

Переводчики Гомера обратили внимание на одну удивительную способность русского языка, выделяющего его из всей остальной массы европейских наречий. Он

удивительно плодотворно способен воспроизводить благозвучные двусоставные эпитеты: среброногая Фетида, багряноризная заря, молниеносный Зевс, шлемоблещущий Гектор, быстроногий Ахилл, звуконогие кони. Это верный признак живого языка, и в то же время указание на его исключительную древность. В противоположность ему греческий язык и молодой, и мертвый.

У нас есть твердое убеждение, что совершенно не случайно тексты Гомера так удачно зазвучали по-русски, так что и нельзя допустить «мысли о том, что перед нами перевод». Тем более что и сам А. Н. Егунов пишет: «Нет русского Тассо, русского Мильтона, русского Вергилия или Овидия... но есть русский Гомер... «русская Илиада» — по выражению Пушкина относительно труда Гнедича». И русская Троя, добавим мы, подразумевая под этим Средиземноморскую Русь.

Часть II

СКИФСКОЕ «ЗВЕНО» ДРЕВНЕРУССКОЙ ИСТОРИИ

*Дремлю — и за
дремой тайна,*

*И в тайне почивает
Русь,*

*Она и в снах
необычайна,*

Ее одежды не коснись.

А. Блок

Скифы... Что это за народ? Какова степень его родства с русскими? Как это ни парадоксально, но у историков на этот счет нет убедительных ответов. Нерешенным до сих пор остается и ключевой вопрос скифологии — откуда произошли скифы?

А между тем Геродот приводит сразу две легенды относительно происхождения скифов. Первая принадлежит причерноморским эллинам. По нему племя скифов возникло от любовной связи Геракла с полудевой, полу змеей, проживавшей в необитаемой тогда еще их стране. Второе предание восходит уже к самим скифам и возводит их род к мифическому первопредку, царю Таргитаю и дочери реки Борисфена

(Днепра). Обе эти версии помещают прародину скифов в европейскую часть России, чему Геродот не очень-то доверяет.

«Отец истории» пишет: «Существует еще третье сказание (ему я сам больше всего доверяю). Оно гласит так. Кочевые племена скифов обитали в Азии. Когда массагеты вытеснили их оттуда военной силой, скифы перешли Араке и прибыли в киммерийскую землю (страна, ныне населенная скифами, как говорят, издревле принадлежала киммерийцам). С приближением скифов киммерийцы стали держать совет, что им делать перед лицом многочисленного вражеского войска. И вот на совете мнения разделились. Хотя обе стороны упорно стояли на своем, но победило предложение царей. Народ был за отступление, полагая ненужным сражаться с таким множеством врагов. Цари же, напротив, считали необходимым упорно защищать родную землю от захватчиков. Итак, народ не внял совету царей, а цари не желали подчиниться народу. Народ решил покинуть родину и отдать захватчикам свою землю без боя; цари же, напротив, предпочли скорее лечь костьми в родной земле, чем спасаться бегством вместе с народом. Ведь царям было понятно, какое великое счастье они извели в родной земле и какие беды ожидают изгнанников, лишенных родины. Приняв такое решение, киммерийцы разделились на две равные части и начали между собой борьбу. Всех павших в братоубийственной войне народ киммерийский похоронил у реки Тираса (могилу царей там можно видеть еще и поныне). После этого киммерийцы покинули свою землю, а пришедшие скифы завладели безлюдной страной» (Геродот IV, 11). В этом рассказе подчеркивается независимость скифов от прежней, киммерийской культуры. Гражданская война

между двумя группами киммерийцев проходит в Приднестровье (Тирас — это Днестр), а скифы поселяются на «безлюдных» пространствах Поднепровья и Приазовья. Согласимся, что и эта, уже чисто историческая, версия порождает ряд вопросов. Главным из них безусловно является вопрос о взаимоотношениях, сложившихся между двумя встретившимися народами.

У нас нет никаких причин не доверять ни легендарным сведениям скифов и эллинов, ни исторической версии Геродота. Наоборот, мы убеждены, что все три рассказа покоятся на правдивых основаниях и потому содержат в себе слой истины. Подчеркнем, целый слой, а не крупички, как это полагают большинство современных исследователей. Другое дело, что каждую из этих историй следует рассмотреть под определенным углом, найти ту единственную «ниточку», которая и поможет распутать клубок кажущихся противоречий. Вот принцип нашего подхода к исследованию проблемы происхождения скифов. Но начнем с изложения уже сложившихся взглядов.

ГЛАВА 6

КОГДА УЧЕНЫЕ «БУКСУЮТ»...

*Иль мало нас? Или от
Перми до Тавриды,
От финских хладных
скал до пламенной
Колхиды,
От потрясенного
Кремля*

*До стен недвижимого
Китая,
Стальной щетиною
сверкая,
Не встанет Русская
земля?..*

А. С. Пушкин

В воссоздании скифской истории участвуют специалисты самых разных направлений. Важная роль при этом отводится «теоретикам», изучающим труды античных и восточных авторов (Гекатея, Геродота, Гиппократ и др.), ассирийские и вавилонские клинописные тексты. Но все-таки первая скрипка в оркестре скифологов отводится по праву археологам, «экспериментаторам» исторической науки. Археологам принадлежит приоритет выдвижения и обоснования основных точек зрения на происхождение скифов. Количество собранного ими материала настолько велико, а результаты их открытий настолько многообразны, что сегодня мы не без гордости можем заявить, что в некоторых отношениях скифские курганы будут «покруче» знаменитых египетских пирамид. И если по своим геометрическим размерам степные пирамиды не так велики, то по богатству и красоте обнаруженных в них золотых предметов и других сокровищ вполне могут затмить усыпальницы фараонов!..

Первые официальные раскопки большого скифского кургана были инициированы в 1763 г. губернатором Новороссийского края генерал-поручиком А. П. Мельгуновым. Исследованию подвергся курган Червонная Могила, находившийся в 60 километрах от

Елисаветграда (современный Кировобад). Вскрытое там погребение знатного скифа содержало великолепные вещи конца VII — начала VI в. до н. э. Наиболее интересной находкой среди них был меч в золотых ножнах, украшенных изображениями каких-то фантастических животных. Эти странные существа имеют туловище быка, хвост скорпиона, голову барана, орла или льва и крылья в виде рыбы со звериной головой. В лапах они держат натянутый лук со стрелой.

Год раскопок этого кургана можно считать временем рождения скифологии. За прошедшее с того момента время были раскрыты тысячи больших и малых скифских курганов, изучены десятки поселений и городищ. Каждому из них присвоено свое имя или свой порядковый номер. Данные раскопок подробно описаны и заархивированы. Современному исследователю открылись многочисленные тайны жизни скифов, их быта, хозяйства, верований. Данные письменных источников были переосмыслены в критическом плане, а отдельные мифы благополучно изжиты.

Главный из них касался этнической принадлежности скифов. На знаменитой картине В. Васнецова «Битва русских со скифами» у завоевателей монголоидные лица. А. Блок, отражая это широко распространенное среди интеллигенции мнение, писал:

Да, скифы мы, да, азиаты мы,

с раскосыми и жадными очами...

Вторая строка двустипшия, однако, никакого отношения к реальности не имеет, равно как и монгольские лица скифов на васнецовском полотне. Наши великие соотечественники, что называется, не

въехали в тему, не докопались до сути вопроса. А ведь к тому времени он был уже давно разрешен!

В 1830 году в ходе разборки большого каменного холма (кургана Куль-Оба) в окрестностях Керчи была открыта древняя гробница в виде квадратной камеры площадью в 20 кв. м, сложенной из огромных, тщательно отесанных известняковых блоков. Время ее сооружения — третья четверть IV в. до н. э. Внутри гробницы были обнаружены три человеческих скелета. По мнению ученых, они принадлежали знатному скифу, его супруге (или наложнице) и слуге-конюху. Останки «царя», облаченного в некогда роскошные одежды, были размещены на деревянном катафалке. О знатности и богатстве покойного свидетельствовали многочисленные золотые бляшки, нашитые на его одежды и войлочную шапку-башлык, а также изящные золотые браслеты для рук и ног и массивная золотая гривна весом более 400 г, скрученная жгутом из шести толстых проволок и украшенная на концах фигурками всадников-скифов. Рядом со скелетом лежали меч, лук и стрелы в футляре (горите), бронзовые с позолотой греческие поножи. Рукоять и ножны меча, а также горит были обложены золотыми пластинами с вытесненными на них фигурами зверей и фантастических животных. Неподалеку от оружия была найдена прекрасная золотая чаша весом почти 700 г, на которой изображения бородатой головы скифа чередовались с ужасными ликами Медузы Горгоны.

Рядом с «царем» на каменном полу лежал скелет женщины. Ее наряд не уступал своим великолепием царскому. Голову женщины украшала электрова (из сплава золота и серебра) диадема и две золотые серьги-подвески с изображением богини. «Царице» принадлежали также другие золотые украшения:

ожерелье из бус, тяжелая гривна весом почти 500 г, два широких браслета и бронзовое зеркало, на вызолоченной ручке которого выбиты звериные фигуры. Возле ног погребенной была обнаружена самая выдающаяся находка Куль-Обы — круглодонный электровый сосуд с фигурами скифов. Изображения на нем впервые позволили получить реальное представление о скифах. Как видно на изображениях, они носили длинные волосы, бороды и усы. Скифы — явные европеоиды, без каких-либо признаков «азиатчины». Их одежда, сделанная из кожи и льняной ткани, состояла из кафтана с поясом и длинных штанов-шаровар. Обувью скифам служили мягкие кожаные сапоги, перехваченные на щиколотках ремешками, на головах они носили остроконечные войлочные шапки.

Помимо электровой вазы изображения скифов имелись и на ряде штампованных бляшек из Куль-Обы. Большая серебряная с позолотой ваза из кургана Чертомлык (в 20 км от города Никополь; раскопан в 1862 г.) украшена сценой ловли скифами диких коней. И там тоже ни о каких раскосых лицах говорить не приходится. И Блок, и Васнецов стали жертвой распространенного заблуждения. Оно чрезвычайно живуче, поскольку человек бессознательно ориентируется на современную политическую карту. Отсюда и проистекают ложные стереотипы обманутого сознания и разного рода комплексы относительно молодости русского народа и принципиальной недопустимости присутствия наших предков в глубинах Азии. В этом смысле примечательно название васнецовской картины. До прихода скифов южные области России населяли потомки арийских племен, в том числе и киммерийцы. Их художник назвал русскими и

противопоставил скифам. Относительно внешнего вида кочевников он безусловно ошибся. Но насколько близки к коренному населению они были в культурном плане?

На протяжении многих десятилетий эта тема была и остается в центре внимания крупнейших специалистов. Множество различных мнений сводится в основном к двум гипотезам. Первая — так называемая автохтонная — наиболее подробно была обоснована московским археологом Б. Н. Граковым. Он считал, что прямыми предками скифов являлись оседлые земледельческо-скотоводческие племена срубной культуры. Ее ареалом служат степные и лесостепные зоны Евразии, от Урала до Днепра. Время существования культуры соответствует позднему бронзовому веку (середина — конец II тыс. до н. э.). Названа она так по типу захоронений покойников в срубках. Проникновение «срубников» с берегов Волги в Северное Причерноморье было очень медленным и длительным (с середины II тыс. до н. э.), а упомянутая Геродотом миграция скифов «из Азии», то есть из-за Дона, — лишь одна из его волн, скорее всего, последняя.

На своем пути срубники встретили «катакомбную» культуру (III — середина II тыс. до н. э.; юг России и Украина). Культура названа так из-за обычая ее носителей класть погребенных в специальные подземные камеры — пещерки, называемые у археологов катакомбами. Носителей катакомбной культуры обычно отождествляют с киммерийцами. Скифы упрочились в Причерноморье, начиная с IX в. до н. э. Однако из общей массы вещей начала I тыс. до н. э. нельзя выделить предметы, которые бы позволили разделить пришлую и местную культуры. Следовательно, первые скифские насельники по материальной культуре мало отличались

или совсем не отличались от катакомбников. На основе слияния родственных друг другу культур сложилось этнически однородное население скифского времени, говорившее на одном из диалектов североиранского языка. Скифы и киммерийцы, таким образом, прямые потомки срубников. Они имеют общую культуру и, скорее всего, родственны этнически. Культура срубных времен, испытавшая значительные изменения в ходе перехода от эпохи бронзы к железному веку и от полуседлого образа жизни к кочевому, легла в основу скифской культуры. Правда, искусство скифов (звериный стиль) и некоторые формы оружия Б. Н. Граков считал привнесенными извне.

Передвижение кочевых скифов из-за Волги (у Геродота она названа Араксом) в конце VII в. до н. э. прошло почти незаметно археологически именно из-за единообразия культуры и киммерийцев, и земледельческих, и кочевых скифов. Только начиная с конца VII в. до н. э. во всех черноморских и прикаспийских степях стали выделяться погребения всадников-воинов. Прочно обосновавшись с конца VII в. до н. э. в северопричерноморских степях, кочевые скифы постепенно образовали здесь мощное государство и служили проводниками товаров из греческих городов побережья в глубину страны. Влияние их материальной культуры сказывается и на западе во Фракии, и на нижнем течении Дуная, и на севере до Молдавии и Западной Украины.

Существенным образом от изложенных взглядов отличаются выводы украинского археолога А. И. Тереножкина, автора центральноазиатской гипотезы. Он выделил между срубной культурой и скифской еще одну — культуру типа Черногорско-Новочеркасского клада, которая

представлена двумя последовательными историческими этапами: черногорским — 900–750 гг. до н. э. и новочеркасским — 750–650 гг. до н. э. Эту культуру ученый отождествил с историческими киммерийцами. Анализируя имеющиеся памятники, А. И. Тереножкин пришел к выводу, что культура типа Черногорско-Новочеркасского клада, то есть киммерийская, не трансформируется в древнейшую скифскую культуру, а чисто механически была вытеснена ею. Сама же скифская культура сформировалась, по его мнению, задолго до VII в. до н. э. в Центральной Азии. Следовательно, между населением доскифского и скифского времени не существует ни этнической, ни культурной преемственности. Скифы приходят в южнорусские степи из глубин Азии только в VII в. до н. э. С собой они приносят оригинальную, уже сформировавшуюся в своей основе культуру в лице знаменитой триады: характерного типа вооружения, конской сбруи и художественного звериного стиля.

В настоящее время в многолетнем споре между сторонниками двух версий происхождения скифов чаша весов все больше склоняется в пользу «азиатчиков». Археологи выделили следующие основополагающие признаки принадлежности к скифской материальной культуре: «оленные камни» (каменные плиты со стилизованными изображениями зверей), особенности погребальных сооружений, набор бронзовых наконечников стрел, клевцы — короткое древковое оружие всадников с заостренным наконечником, секиры, бронзовые шлемы, конскую упряжь, бронзовые дисковидные зеркала, звериный стиль, каменные блюда. Все они фиксируются на огромных просторах Центральной Азии и Северного Китая и в Восточной

Европе появляются, как правило, позднее. Важным аргументом в пользу переднеазиатской гипотезы стали находки в кургане Аржан (Тува), где в погребальной камере IX–VIII вв. до н. э. были обнаружены многие типичные предметы скифской триады и «оленный камень». Подводя итог обзору мнений на проблему происхождения скифов, известный археолог В. И. Гуляев пишет в книге «Скифы: расцвет и падение Великого царства»: «В скифах можно видеть пришельцев из Азии (в чем солидарны и археологические данные, и свидетельства античных авторов). Скорее всего, прародина скифов находилась где-то в пределах довольно обширной азиатской территории: между Тувой, Северной Монголией, Алтаем, Средней Азией и Казахстаном. Там они жили в окружении родственных им по культуре и языку племен: саков, массагетов, «пазырыкцев» (жителей Алтая). Диодор Сицилийский, автор I в. до н. э. сообщает, что скифы первоначально занимали территорию на р. Араке (современная Сыр-Дарья), а затем «захватили страну к западу от Танаиса» (т. е. р. Дон)».

Казалось бы, проблема решена, и археологам остается лишь еще раз громогласно заявить об очередной победе. Но что-то, на удивление, не слышно от них победных реляций. Скорее из их лагеря веет непроходимым унынием. В самом деле, локализовать прародину «между Тувой, Северной Монголией, Алтаем, Средней Азией и Казахстаном» — это все равно ткнуть пальцем в небо, расписаться в своем незнании. Похоже, что сторонники азиатской гипотезы слишком увлеклись спором, и в своем желании опровергнуть оппонентов упустили что-то важное, действительно определяющее народ скифов и их культуру. Если «автохтонщики»

представляли скифов многочисленным народом, в течение многих веков создававших империю от Дуная до Алтая, то «азиатчики» увидели в них обычную орду кочевников, вытесненных соседями из привычных мест обитания и поневоле очутившихся в Причерноморье только в конце VII в. до н. э. На все жите-е-прожитье в этом регионе «азиатчики» отводят им три века. Вначале III в. до н. э. Северное Причерноморье оккупируют сарматы и вытесняют, как считается, скифов на запад. В свете такой интерпретации событий совершенно непонятно, как в сознании античных греков мог сложиться образ Великой Скифии «от Ирана до Кельтики» (Гекатей Милетский, VI в. до н. э.)? Три века — это очень мало, чтобы покорить и обжить, считай, всю Восточную Европу. Единовременной миграцией тут никак не обойдешься!

Писатель IV в. до н. э. Квинт К. Руф сообщает: «Племя скифов, находясь недалеко от Фракии (северных Балкан), распространяется на восток и север, но не граничит с сарматами, а составляет их часть. Они занимают еще и другую область, прямо лежащую за Истром (Дунаем), и в то же время граничат с Бактрией (Средней Азией и Афганистаном), с крайними пределами Азии. Они населяют земли, находящиеся на севере; далее начинаются дремучие леса и обширные безлюдные края; те же, что располагаются вдоль Танаиса (Дона) и Бактра (Средняя Азия), носят на себе следы одинаковой культуры». Великая Скифия по Руфу — это не только степи, но и леса, это вся Северная Евразия. Она представляет область «одинаковой культуры» и, поскольку «племя скифов составляет часть сарматов», этнического единства. Так что же, выходит, что скифы пришли к своим сородичам и, следовательно, их предки

были срубниками? Очевидно, да. Но «азиатчики» никогда с этим не согласятся, поскольку они определяют скифов как носителей культурных особенностей, не присущих срубникам. На вопросе «срубники»-не-«срубники» археологи всерьез забуксовали...

Есть еще один академический запрет на отождествление скифов со срубниками. Научная традиция причислила скифов к ираноговорящим народам. В то же время срубники никак не могли быть иранцами, они говорили на арийском наречии, на основе которого сформировался санскрит (язык индоариев) и иранский язык. Следовательно, по заявлениям лингвистов, скифы отличались по языку от коренного населения Южной Руси. Но такого рода рассуждения опять-таки выглядят совсем не убедительно. Да, проживая в Передней Азии, скифы могли усвоить новые языковые формы и впоследствии перенести их в Восточную Европу. Но, если они изначально говорили на арийском наречии, то что мешало им забыть родной язык? Только неумное желание ученых «оторвать» скифов от русской почвы.

Первое, что озадачивает непредвзятого исследователя, заинтересовавшегося этим вопросом, так это то, что скифский язык куда-то бесследно исчез. Был великий и многочисленный народ скифов, говоривший на одном, понятном для всех них наречии. Заселял он огромные пространства, совпадающие по своей южной границе с территорией Советского Союза. По свидетельству античных источников, языки жителей Великой Скифии или не отличались между собой вообще или представляли собой всего лишь «искажения» (диалекты) скифского, который, как нас уверяют, не сохранился. Все, чем располагают ученые, — это лишь

некоторое число личных имен и географических названий, оставшихся в иноязычных текстах. Однако лишь на основе этих ограниченных данных лингвисты уверенно причисляют скифский язык к иранской группе. Повторимся, ничто не мешало бывшим срубникам возвратиться к своим соотечественникам с некоторым багажом новой лексики. Было бы странно, если бы такого не произошло! Вся история скифов доказывает, что они противостояли персам, истинным иранцам. Поэтому осмелимся заключить, что, причисляя скифов к ираноговорящим народам, лингвисты «буксуют».

Центральноазиатская гипотеза происхождения скифов выглядит как очередной вариант варяжской проблемы. Пришли, дескать, к нам, незадачливым срубникам, азиатские воины и принесли новую культуру. Обучили своим высоким искусствам, но потом вдруг в одночасье исчезли, оставив после себя лишь великую славу. В общем, старая сказочка на новый лад. И все это подается в хорошо оформленном академическом «переплете». Конечно, у автохтонной теории есть свои недостатки, и их не следует затушевывать. Но и принять версию «азиатчиков» тоже никак нельзя. Необходимы новые, свежие идеи, переводящие рассмотрение этого вопроса в иную плоскость, не связанную только с археологией. Это обычный, естественный путь науки. Надо только решительно признать, что традиционные методы исследования данной проблемы завели в тупик.

ГЛАВА 7

ПО СЛЕДАМ СКИФСКИХ БОГОВ

*К преддверью тайны
уведите же*

*Вы, неисхоженные
тропы,*

*Где искони с лучом
Европы*

*Востока дальний луч
скрещен...*

Д. Андреев

Религия — наиболее яркое воплощение народной души. Боги народа — отражение его мирозерцания и отношения к жизни. К примеру, у германцев верховный бог Один представлялся в виде воина, у русских же высшим божеством служил Род — символ плодородия и любви. Разве не выражают они основополагающую линию в характерах двух великих народов? «Впрочем, лицо мифическое не всегда представляет собою характер того народа, которого воображением оно создано. Переходя в другой мифологический мир, оно к прежнему своему значению присоединяет еще новый характер, зависящий от народа-изобретателя и народа, принявшего чуждое божество. Когда племя шло на брань со знаменами, на которых было изображение своего невидимого покровителя, устрешенный неприятель принимал в свой Олимп грозное божество и старался не только умилостивить, но и переманить его на свою сторону» (А. С. Хомяков. Семирамида). По судьбе богов, таким образом, можно следить за борьбой и перемещениями народов. Распространение культа того или иного бога совпадает с направлением миграции поклоняющегося ему народа. Он же (культ выделенного

божества) обозначает факт присутствия на данной территории народа-завоевателя.

В свете таких нехитрых положений мифология предстает совершенно уникальным источником сведений о передвижениях народа и его контактах с другими племенами. Следует только признать, что выбор веры связан не только с характером и мировоззрением народа, но и с его судьбой. Приверженность к культу конкретного бога открывает наличие прочных культурных контактов между народами, указывает вектор духовной, а зачастую военной и хозяйственной экспансии этноса. Изучение родословной богов — важнейшее подспорье для прояснения происхождения племени. Применительно к скифам, история которых выглядит как одна сплошная загадка, такого рода «раскопки» являются особо ценными. Итак, что же мы знаем о религии скифов?

«Скифы почитают только следующих богов. Прежде всего — Гестию, затем Зевса и Гею (Гея у них считается супругой Зевса); после них — Аполлона и Афродиту Небесную, Геракла и Ареса. Этих богов признают все скифы, а так называемые царские скифы приносят жертвы еще и Посейдону. На скифском языке Гестия называется Табити, Зевс (и, по-моему, совершенно правильно) — Папей, Гея — Апи, Аполлон — Ойтосир, Афродита Небесная — Аргимпаса, Посейдон — Тагимасад. У скифов не в обычае воздвигать кумиры, алтари и храмы богам, кроме Ареса. Ему они строят такие сооружения» (Геродот, IV, 59). Греческий историк не ограничился простым перечислением скифских богов. Он дополнил его указанием их греческих аналогов, отразив, тем самым, своеобразие скифской веры.

На высшей ступени их Олимпа находилось женское божество. В греческой мифологии Гестия — одно из древнейших божеств, старшая сестра Зевса, Геры и других олимпийских богов. По другой версии она — один из первородных космических элементов (огонь), солнечный источник всего живого. Общеиндоевропейская праформа «ест», от которой произошло имя богини, означает «сущее», а в результате своего удвоения порождает слово «естество», то есть «природа». Это, если хотите, сокрытый смысл имени богини.

Гестия — один из образов Великой Богини, прародительницы Мира. Он восходит к периоду общеиндоевропейской древности и является отличительным признаком эпохи матриархата. В неолитические времена культ Великой Богини был повсеместным явлением. «Решительно вся доступная нам на данный момент историческая информация свидетельствует о том, что по крайней мере до III тыс. до н. э. именно «мифология богини» была определяющим фактором человеческой цивилизации (нормальное развитие которой и после этого срока во многом зависело от того, насколько медленно «мифология богини» «сдавала свои позиции»)» (А. Л. Антипенко. Мифология богини). Скифы выступают наследниками древнейшей религиозной традиции. Так, скифский царь Иданфирс считал себя сыном Великой Богини, величал Гестию царицей и своей верховной владычицей (Геродот IV, 127).

Гестия славилась тем, что была единственной из великих олимпийцев, кто ни разу не воевал и не участвовал в ссорах. Во времена Геродота она почиталась эллинами главным образом, как божество

очага (и семейного, и храмового), служившего символом социального и политического единства общества. Огонь Гестии в афинском храме и очаг Весты (ее древнеримского аналога) считались преемниками огня царского очага. И все же главными божеествами эти богини в античной религии не были. Во всех индоевропейских пантеонах в этот период безраздельно господствуют мужские боги. Верховный статус женской богини в пантеоне скифов подчеркивает не только своеобразие их религиозных взглядов, но и противостояние другим индоевропейским собратьям в области духовных приоритетов.

В связи с этим стоит обратить внимание, что, начиная со второй половины II тыс. до н. э., средиземноморский центр «мифологии богини» смещается в Малую Азию. У знаменитой Троянской войны, происходившей на землях Анатолии, была в том числе и очевидная религиозная подоплека. И греки, и троянцы почитали Великую Богиню в образе Прекрасной Елены. Но если троянцы выступили ее защитниками (мотив кражи Елены), то греки, как законодатели патриархальных начал, хотели ниспровергнуть «мифологию богини» и утвердить культ Верховного бога-громовержца (то есть возвратить Елену в спартанскую «темницу»). Скифы, как никакой другой народ, оказавшийся в Азии, выступили продолжателями той линии, которой придерживались троянцы. Это указывает на духовное родство двух народов и дает основание разговору о малоазийских корнях скифов.

Скифское имя Гестии — Табити. Согласно наиболее распространенному мнению, эта богиня была общим божееством для предков иранцев и индоарийцев, а ее имя следует возводить к героине древнеиндийского эпоса

«Махабхарата» — Топати, дочери Солнца. Эта точка зрения «привязывает» скифов к ариям. К тому же в имени солнечной «Гестии» вполне различимы символы затопленного очага — «топить», «топка», «тепло». Но это безусловно ценное и важное наблюдение никак нельзя признать за разгадку тайны имени богини. Ни в «Ригведе», ни в «Авесте» Топати не упоминается. Это достаточно молодой мифологический образ, сложившийся, скорее всего, уже на территории Индии, куда скифы не доходили. Табити старше Топати. Да, у них есть общий арийский прообраз, но Топати и по времени, и по месту рождения отстоит от него заведомо дальше. Если к тому же согласиться, что название Тибета связано с именем Великой скифской богини, то прародины двух солнечных дев окажутся лежащими по разные стороны от этой горной цепи. Именно ее миновали арии в своем движении в Индию. Но это значит, что имя общего «предка» для Табити и Топати следует искать в «Ригведе» и «Авесте», хранящих наиболее древние воспоминания о юности ариев.

Скифы — великий и могучий народ Древнего мира, и роль Топати в «Махабхарате» ни в коей степени не соответствует статусу верховной скифской богини. Удивительно, что историки, воспроизводящие в своих трудах общепринятую версию, не чувствуют несоответствия масштабов своих героинь. Конечно, на безрыбье и рак — рыба, но только рыбешка оказывается мелковата.

Трудности восстановления изначального образа Табити проистекают как от недостатка информации о ней, так и от невозможности объяснить ее имя. Сколько-нибудь влиятельных богинь со схожим именем в мировой мифологии мы не знаем. Но вспомним, что при

переходе ко временам патриархата имя богини могло переходить на ее мужского аналога. Мужская ипостась божества принимала на себя функции богини, а сама уходила на второй план или, что гораздо чаще, в небытие. Так, в боге солнца древнего малоазийского народа хеттов Эстане нельзя не увидеть брата-близнеца Гестии. Их роднит как созвучность корней имен (Гест — Эст), так и приверженность стихии солнечного огня (первичный образ Гестии тоже связывался с солнцем).

Хетты пришли в Малую Азию, по всей видимости, из южнорусских степей. Сам путь миграции (минуя Балканы или отдельными волнами через Кавказ) остается неясным. Время их появления тоже неопределенно, но приблизительно это конец IV — начало III тыс. до н. э. Центр своего государства хетты образовали в излучине реки Кызыл-Ирмак, которую античные авторы называли Галисом. Это северо-восток Анатолийского полуострова. Земли, ставшие для хеттов новой родиной, не были необитаемыми. Прежде тут жили племена хатти, которые дали свое имя этому краю. Впоследствии оно перешло и на хеттов. Кроме них на этой территории проживали многочисленные «дохеттские племена», происхождение и название которых ученым пока не удалось установить. От них осталась только керамика: древнейшая, относящаяся к IV тыс., — черная, желтовато-серая или красная с простыми геометрическими украшениями; более поздняя, датируемая III тыс., — глазурованная, с красно-коричневым линейным орнаментом; да еще могилы, в которых были захоронены в скрюченном положении люди с черепами долихоцефальной и мезоцефальной формы, то есть соответственно с длинно- и среднеголовыми. Здесь были также разбросаны ассирийские купеческие поселения, основанные не

позднее начала II тыс. до н. э. Одновременно с хеттами — или в промежутках между отдельными волнами их переселения — пришли сюда и лувийцы, которые также были индоевропейцами.

История хеттов восстанавливается благодаря расшифрованным лингвистами глиняным табличкам с ассирийской и хеттской клинописью. В одной из них хеттский царь Мурсили II (1339–1306 гг. до н. э.) признается, что прервал военный поход для того, чтобы отпраздновать праздник весеннего равноденствия (Нового года) в «доме хести»: «Когда снова пришла весна, я вернулся в Хаттусу (столицу царства. — А.А.) и отпраздновал пурулли-праздник — великий праздник — в доме хести». На этом празднике разыгрывался миф о поединке солнечного бога с драконом. Этот ритуальный поединок символизировал победу жизни над смертью, пробуждение природных сил под действием солнечного света.

Слово «хести» в данном тексте следует соотносить с солнцем ликой Гестией, хранительницей мира в государстве и царской семье (Новый год — семейный праздник!). Выражение «в доме хести» обозначает, по-видимому, святилище Великой Богини или определенный участок храма бога солнца, в рамках которого совершались ритуальные действия в ее честь. Клятва «царскими гестиями» была священной для скифов. В этом смысле хетты схожи со скифами, но проявления культа Великой Богини у них уже были едва заметны. Религия хеттов имела ярко выраженный патриархальный характер. Для проведения различных религиозных праздников они выработали единый царский ритуал. Царица присутствовала на церемониях, но играла при этом второстепенную роль. Проведение

ритуальных действий доверялось исключительно царю. Соответственно и на хеттском Олимпе верховная власть сосредоточилась в мужских руках. О былом почитании Гестии напоминало имя посвященного ей святилища — «дом хести», место же свое в пантеоне богов она уступила Эстану.

Но не произошла ли точно такая же история и с загадочной скифской Табити? Не следует ли искать ее следы среди солнечных божеств, известных теперь только в мужском обличье? Ранее исследователи не делали этого и ограничивали свои поиски только женскими мифологическими персонажами. Так возник вариант с богиней Топати, который мы принять не можем. Так кто же был прообразом Табити? Для начала обратим внимание, что у лувийцев, южных соседей хеттов, бог солнца носил схожее с ней имя — Тиват. С учетом возможности перехода согласных «б» и «в» и изменения гласных при записи имени в другом языке эти имена можно признать родственными. Но еще интереснее то, что сами хетты поначалу соотносили с Тиватом свое солнечное божество Сивата, а потом отождествили последнего с Эстаном! В хеттском пантеоне богов обнаруживаются одновременно и мужской аналог Гестии — Эстан, и мужской двойник Табити — Сиват (Тиват). Это фантастическое везение, о котором можно было только мечтать. Геродотовская параллель Табити-Гестия преподнесла нам неожиданный сюрприз, позволяющий открыть тайну Великой скифской Богини.

Табити — не изначальное ее имя. Лувийцы, как мы убедились, именовали бы ее Тивати, а хетты — Сивати. Учитывая это, будем искать прототип Табити среди арийских богов с именами, образуемыми корневыми

согласными «с(т) — в(б) — т». Полистав для уверенности энциклопедию «Мифы народов мира», нетрудно убедиться, что таковым является только солнечный бог Савитар.

В «Ригведе» ему посвящено 11 гимнов. Савитар особенно тесно связан с божеством солнца Сурьей, часто они попросту отождествляются. В одном из гимнов он даже назван отцом Сурьи. Как солнечное божество, Савитар разъезжает на колеснице, запряженной конями, по небу или между небом и землей, восходит на небесные высоты, пробуждает по утрам весь мир и богов, приводит ночь и ночной покой, предшествует дню и ночи, определяет сроки жертвоприношения. Савитар торопит солнце, которое подчиняется ему, как и ветер. Универсальное его определение — «золотой»:

Вверх вознес этот бог Савитар

Золотой (свой) образ, который укрепил (на небе).

(Ригведа VII, 38, 1)

Золотыми являются его глаза, язык, руки, волосы, одежда, колесница, кони. Женской параллелью Савитара выступает Савитри, дочь Сурьи и жена Брахмы. Пара богов — Савитар и Савитри, — были прообразами Великой скифской Богини. Их имена восходят к арийской праформе — «савит», значение которой воспроизводят более поздние украинское «свит» и русское «свет». В скандинавских мифах земли на берегах Дона именуются Великая Свитьод, то есть страна Великой Богини Солнца. Наше восприятие солнца связано, в первую очередь, со светом, приходящим от него. Дающий свет — важнейшая характеристика солнечного бога, его первейшая

благодать. Идея связать имя солнечного бога со светом, хотя и наиболее простая, но в то же время и наиболее содержательная. Все в ней логично и красиво. Оттого и древние семиты, усвоив арийскую традицию, величали своего бога Саваофом, то есть светлым божеством.

Нам осталось еще прояснить, как проходил праздник в честь Гестии-Табити в «доме хести». Прямой информации об этом у нас нет, но есть крайне интересные исследования о ритуальных сборищах древних славян на горе Сленже (Собутке). Она находится около Вроцлава. Вокруг этой священной горы славянского племени силезян существует целый комплекс урочищ и языческих сооружений, восходящих к концу II — началу I тыс. до н. э. Среди археологических находок этого времени есть вещи, которые ученые определяют, как «вещи скифского типа» (в частности, типично скифские стрелы). Комплекс Сленжи-Собутки чрезвычайно живописен: посреди плоской равнины возвышается коническая гора, достигающая высоты 500 метров. Титмар Мерзебургский в своей хронике начала XI в. писал, что эта гора «по причине своей красоты и величины, а также по причине проклятых языческих действий, там происходящих, пользуется у всех жителей большим почетом».

Для исследователей совершенно неясным остается название горы — Собутка. Выведение его от одного из дней недели представляется явно надуманным. Более содержательная идея была предложена и развита академиком Б. А. Рыбаковым в книге «Язычество древних славян». Он пишет: «В исторических и этнографических материалах мы найдем много различных терминов, обозначающее совместное выполнение языческих обрядов, сходжение людей на празднества. Есть среди

них и «субботки», не имеющие отношение к субботе». Таковыми были, например, собрания при свечах во все время зимних святок, когда собирались каждый вечер и пели песни, называя это совместное празднование субботкой. Сobotки (sobутки) праздновали в Иванов день. Сobotки праздновали, зажигая «живой огонь» трением. Ян Кохановский в 1639 году издал свято-сobotские песни, где говорится:

...Суботка, как было встарь, запалена в
Черном Лесе,
Так нам передали матери,
Сами также запяв от других,
Чтобы на день св. Иоанна завсегда горела
суботка...

Б. А. Рыбаков предложил связать название праздника со словом «событие», обозначающее нечто необычное, особо значимое и созвучное подразумеваемому во время гуляний «сбору» («собору»), «собранию». Но и эта этимология не кажется нам глубинной (то есть высвечивающей истинный смысл праздника) и плодотворной для понимания его основ.

На наш взгляд, название «суботка» («sobутка») следует соотносить с именем богини солнца. Исходная праформа ее имени несколько исказилась при произнесении его славянами, но она вполне узнаваема. Зимние sobутки у нас называются святками. Они сопровождаются гаданием, пением, переодеванием, плясками и служат отголоском древнейшего ритуала почитания Великой солнечной богини в день зимнего солнцестояния. Сленжа по-старославянски значит

«солнечная». Она была священной горой богини солнца Собутки (Савитри). Ритуальный огонь, возжигаемый в день св. Иоанна (в день летнего солнцестояния) в Черном Лесе, символизировал солнце и назывался именем богини — суботка. В славянской этнографии хорошо известен обряд, имитировавший наступление фазы убывающего дня и уменьшения солнечной силы во вторую половину лета. Он сводился к тому, что колесо, игравшее роль Солнца, обмазывали дегтем, увивали соломенными жгутами и, запалив солому, спускали с горы вниз. Священный огонь при этом добывали трением.

Но вернемся непосредственно к скифам. В ходе нашего мифологического экскурса было выяснено, что богиня Табити арийского происхождения. Культ ее пришел из южнорусских степей в Азию с одной из групп арийских племен, поклонявшихся богине Савит(ри) (скобки отделяют смысловой корень от несущественного в данном случае суффикса). Хеттская форма имени бога солнца Сиват ближе к исходной арийской форме, чем славянская Собутка, поэтому мы вправе предположить, что носители культа богини двигались через Кавказ. Очень может быть, что в их числе были и хетты (слишком близки формы имени!). Где-то в непосредственном соседстве с хеттами, под влиянием лувийского языка или одного из его диалектов имя Савит(ри) преобразилось в Табити. Следовательно, верховная богиня скифов является образом малоазийского происхождения. Это очень важный промежуточный вывод. Он привносит в скифскую проблематику малоазийский колорит и уводит ее от иранской темы. Для справки: академик В. И. Абаев сопоставлял имя Табити с древнеиранским «*taṛayati*» — «согревательница», и эта гипотеза оказалась настолько

слабой и неплодотворной, что ее сегодня не поминают в своих книгах даже сторонники ираноязычия скифов.

Геродот сообщает, что первым царем Великой Скифии был Кола-ксай — Кола-царь или Царь-солнце, а «общее название всех скифов, по имени этого царя, было сколоты». Форма «сколоты» (то есть «сё колоты») обозначает поклонников бога Коло, божества Солнца. Имя «Коло» отнюдь не иранское, а русское по происхождению! Коло или Коляда — солнце-младенец, в славянской мифологии — воплощение новогоднего цикла, а также персонаж праздников. Коляда праздновалась в зимние Святки с 25 декабря (поворот солнца на весну) по 6 января. Когда-то Коляду воспринимали как одно из влиятельных божеств: не случайно первый день связанных с ней торжеств и гуляний приходится в христианстве на день Рождества Христова, а последний — на праздник Богоявления. Коляду кликали, зазывали, посвящали ей предновогодние дни, в ее честь устраивались игрища, учиняемые впоследствии на Святках. Последний патриарший запрет на поклонение Коляде был издан 24 декабря 1684 года. Коляда признавалась божеством веселья, потому-то ее и призывала, кликала в новогодние празднества молодежь. Согласно текстам обрядовых песен, Коляда — персонаж женского рода. Это следствие глубочайшей древности ее культа. По русским народным поверьям, Солнце, возвращаясь из зимы в лето, надевает праздничный сарафан и кокошник, что наглядно свидетельствует о женской принадлежности светила. Одно из древних названий Солнца-Солонь — тоже женского рода. И еще в XVIII — начале XIX вв. подмосковные крестьяне наряжали Колядой молодую девушку: надевали ей поверх теплой одежды исподнюю

сорочку, обычно белую, и возили в санях по всей округе, распевая колядки.

С именем Коляды связаны такие сакральные понятия, как «колдун», «колдовство». Гоголь в повести «Ночь перед Рождеством» писал: «Был когда-то болван Коляда, которого принимали за Бога... от того и пошли колядки». Но колядки — это те же Святки, субботки, а Коляда — та же Суботка, Савитри. Мифология буквально вопиет о связи скифов с Русской землей, но не будем торопиться. Все действительно не так просто.

Имя второго по счету божества скифов наиболее узнаваемо для русского уха. **Папай** — это наш Папа. По своему значению Папай приближался к великой Табити, поэтому Геродот отождествляет его с Зевсом. «Владыками своими, — говорит царь Иданфирс персидским послам, — я признаю лишь Зевса, моего предка, и Гестию, царицу скифов». Папа, как наименование верховного бога, засвидетельствовано у фракийцев и фригийцев — населения Анатолии, заселившего полуостров в первой половине I тыс. до н. э. У хеттов он превратился уже в божество подземного мира (признак старого бога) и не играл существенной роли. Включение Папая в пантеон скифов, следовательно, дает основание говорить об их фрако-фригийских связях.

Имя супруги Папая, богини **Апи**, традиционно считают иранским и связывают с корнем, имеющим значения «вода», «влажность». Но это опять-таки явно надуманный путь, призванный «притянуть» скифское имя к иранскому словарю. Идея о союзе неба (Папая) с водой (Апи), которая «была стойкой мифологической традицией скифов» (В. И. Абаев), выглядит и «сырой», и

малообоснованной. К тому же, по Геродоту, аналогом Апи у греков была богиня земли Гея. Следуя общеиндоевропейской традиции, богиня Апи должна, в первую очередь, нести в себе функции прародительницы мира, рожаницы. Но иранский язык таких значений слова не открывает. Ошибкой является и то, что сама Апи воспринимается большинством исследователей как некий оригинальный образ, возникший в скифской среде. На самом деле у нее есть хорошо известный прототип — богиня Хепа (Хепат), почитавшаяся на огромных просторах Передней Азии и Ближнего Востока. Она была одной из верховных богинь государства Митанни, о котором шла речь в предыдущих главах (митаннийцев еще называли хурритами). По мнению Б. Грозного, расшифровавшего хеттский язык, «имя нашей праматери Евы, по-древнееврейски Хаввы, возникло, видимо, от имени этой хурритской, несемитской Богини Хепы».

В звонкой, присущей индоевропейцам, огласовке имя богини звучит как Геба, то есть почти что Гея-ба(ба). Все в точности по Геродоту. Если же проглотить первую согласную, то мы произнесем начало магического глагола, сопутствующего всякому эротическому ритуалу. И можно не сомневаться, что это и есть истинный смысл имени Апи-Евы.

Скифское имя Аполлона — **Ойтосир**. Для исследователей оно представляется загадочным, и нам не известно ни одного мало-мальски аргументированного его объяснения. Аполлон, прежде всего, пастух и охранитель стад. Гомер, описывая в «Илиаде» превосходнейших коней в войске греков, сообщает:

Сам Аполлон воспитал на зеленых лугах
пиерийских

Сих кобылиц, разносящих в сражениях
ужас Арея.

Скифы были известны как прекрасные скотоводы, поэтому роль Ойтосира в их пантеоне безусловно была значительной. Что же означает его имя? Думаем, что его значение передает слово «овцар» («овчар»). При чтении исходного названия бога учитывалось, что греческая «ипсилон» передает звук «в», а сочетание согласных «тс» эквивалентно букве «ц». Овчар — это овечий пастух, такая роль вполне подходит Аполлону. Иногда овцарем (овчарем) в шутку называют волка. Он тоже следит за отарой, но несколько с иной целью. Аполлон может оборачиваться как бараном, так и волком. Его эпитет Ликейский (по-гречески «волчий») указывает на Аполлона, как на хранителя от волков и как на волка.

В своей интерпретации образа Ойтосира мы обратились к русскому языку. Это не должно пугать, поскольку, как уже отмечалось, в отдельных своих фрагментах наш родной язык хранит по крайней мере не менее древний слой лексики, чем индоарийский, иранский или греческий языки. Более того, ни один из них не дает ни одной сколько-нибудь удовлетворительной версии относительно происхождения Ойтосира.

Сопоставление его с Овчаром воскрешает в памяти историю путешествия аргонавтов в солнечную Колхиду. История плавания греков в Колхиду описана Аполлоном Родосским в его поэме «Аргонавтика». Целью похода стало обретение золотого руна — шкуры золотого

барана, на котором Фрикс, сын Нефелы, бежал от своих греческих соотечественников. Красивый юноша, Фрикс стал жертвой интриги влюбившейся в него тетки. Недруги оклеветали его, народ поверил лживым заверениям о развратности юноши и одобрил приговор Аполлона принести Фрикса в качестве грехоискупительной жертвы. Отец юноши Афант, громко причитая, повел Фрикса на вершину горы. Он уже готов был перерезать сыну горло, когда явился находившийся поблизости Геракл и вырвал жертвенный кремневый нож из рук отца. «Мой отец Зевс ненавидит человеческие жертвы!» — воскликнул Геракл. Однако Фрикс все равно бы погиб, если бы неожиданно с Олимпа не слетел крылатый золотой баран и не подхватил Фрикса.

Баран действовал по приказанию Геры или даже самого Зевса, но принадлежал он, скорее всего, Аполлону — главному пастуху Олимпа. Вполне понятно, что этот олимпийский овчар захотел вернуть свою собственность и благословил на это дело аргонавтов. Аполлон — их покровитель, он выручает и спасает их в самых критических ситуациях, а они, ощущая его помощь, постоянно благодарят бога, посвящая ему молитвы и алтари. Один из участников похода, прорицатель Идмон, сын Аполлона, открывает друзьям накануне отплытия предсказание отца:

Вам суждено от богов и дано обратно
вернуться

Вместе с руном. Беспредельным будет
грядущее бремя;

Там, как и здесь, суждено идущим нам
испытанья.

Мне же горькою долей придется велением
бога

Где-то вдали умереть в пределах земли
Азиатской.

Были известны мне беды мои уже раньше
по птицам.

Участь моя такова! Я отчизну оставил
затем, чтоб

Можно мне было вступить на корабль и
прославиться дома.

Руно настолько важно для Аполлона, что он готов пожертвовать своим сыном. Гибель Идмона «в пределах земли Азиатской» в аллегорической форме повествует о том, что центр культа Аполлона-овчара вместе с руном возвращается из Колхиды в Грецию. Но сам культ сохранялся на Кавказе вплоть до появления там скифов.

И еще одна важная ассоциация, порождаемая именем скифского Аполлона. В имени Ойтосир слышится также и уже забытое арийское слово «отчарь» — отчий Яр, отец — Ярило, Солнцебог. По структуре образования и по смыслу оно соответствует древнерусскому Стрибогу — Старому богу, богу — отцу, Существу Яр — богу (Стри-огласовке можно прочесть как Есть Яр). Это опять-таки указывает на связь скифской религии с мировоззрением русов.

Аргимпасу Геродот отождествил с Афродитой Уранией («Небесной»). В противоположность Афродите Пандемос («всенародной»), она мыслилась существом в высшей степени нравственным и одухотворенным. Правда, ее культ носил оргиастический характер, а в качестве жрецов богини выступали кастраты. Геродот утверждает, что культ Афродиты Урании скифы заимствовали у филистимлян во время своего египетского похода.

При объяснении имени скифской богини традиционно заменяют «г» на «т» и сближают ее образ с иранской богиней удачи и изобилия Арти. Но это не богиня любви и плодородия. Кроме того, у исследователей нет никаких сведений относительно эротических сторон ее культа. Единственным аргументом в пользу отождествления богинь является созвучие их имен. Но почему тогда вместо Арти нельзя рассматривать греческую Артемиду? Ее имя еще ближе к «оригиналу». Так, надо ли искажать имя богини? И что означает вторая его часть? Опять иранская версия дает сбой.

Имя скифской богини, очевидно, состоит из двух «половинок»: «Аргим» и «Паса». Корень первой «половинки» имени богини «арги» в греческом языке означает «блестящий», «белый». Это едва ли идеальный эпитет для рожденной из пены, «Небесной» Афродиты. В санскрите созвучное этому корню слово «arka» — один из синонимов солнца и бога солнца, также прекрасно сочетающиеся с понятиями блеска и белизны. Вторая «половинка» имени имеет значение «Спасительница»; сравни: Спас — Сё Пас, пасти — охранять, оберегать). Паса, по-другому, — Богиня, Берегиня. Важные смысловые значения ее имени дает также латинское *passio* — страсть, страдание. Отсюда французское *пассия*

— предмет любви, страсти. Не правда ли, очень подходящие характеристики для богини любви! Таким образом, Аргимпаса — значит «Белая Богиня». Ее имя образовано по такому же принципу, как и имена богинь с тем же значением — Левко-тея и Ки-бела.

В греческой мифологии есть героиня с именем Паса. Это Паси-фая (Фея Паса) — дочь бога солнца Гелиоса и супруга великого критского царя Миноса. Когда Минос, вопреки своему обещанию, отказался принести в жертву Посейдону великолепного быка, Посейдон внушил Пасифае противоестественное влечение к животному. В результате этой связи родился Минотавр (чудовище с головой быка), которого Минос заключил в лабиринт. В символической форме этот миф обозначал подчиненное положение Великой богини, которую олицетворяла Пасифая, по отношению к Посейдону — одному из верховных богов. Подобно Зевсу, обратившемуся в быка и похитившему Европу, Посейдон принял образ быка и соблазнил Пасифаю.

Имя Аргимпаса подчеркивает, что скифы почитали светлую, незапятнанную и невинную в своем прегрешении Пасифаю. Геродот особо оговаривает, что по своему значению она приравнивалась к Афродите Небесной — богине высшей духовной природы. Культ критской Великой Богини — древнейший в Средиземноморье, вместе с переселенцами отсюда он распространился на побережье Малой Азии и на Ближний Восток. Там-то с ним и познакомились скифы.

Для **Геракла** и **Ареса** Геродот не приводит скифских имен. В чем тут дело? Ответ очевиден — они совпадали с греческими. О Геракле речь пойдет в следующей главе. Что же касается Ареса (Арея), то он

был богом негреческого происхождения. Греки почитали его меньше, чем остальных богов. Правда, в Афинах ему посвятили храм на Агоре (центральной площади) и холм Ареопаг, на котором находилась резиденция верховного суда, но такие знаки уважения были скорее исключением, чем правилом. Известны еще храмы Арея в Арголиде и в малоазийском Галикарнасе, но это лишь капля в море древнегреческих храмов. Перед боем, на удивление, полководцы старались более расположить к себе Афину. Даже в военнизированной Спарте Арею приносились в жертву как максимум лишь молодые собаки.

Исследователи, следуя древнегреческой традиции, как правило, выделяют только отрицательные черты Арея, не видя его безусловных достоинств — силу, отвагу, мужество, красоту. К примеру, он был красивейшим на Олимпе, почему и выбрала его в возлюбленные златокудрая Афродита. Сами боги тоже недолго любили его. Из всех олимпийцев по-доброму к нему относились разве только Афродита да сестра Эрида. Зевс открыто пенял ему:

Ты ненавистнейший мне меж богов,
населяющих небо!

Только тебе и приятны вражда, да
раздоры, да битвы!

Матери дух у тебя, необузданный, вечно
строптивый,

Геры, которую сам я с трудом укрощаю
словами!

Ты и теперь, как я мню, по ее же
внушениям страждешь!

Но тебя я страдающим долее видеть не в
силах:

Отрасль моя ты, и мать тебя от меня
породила.

Если б от бога другого родился ты, столько
злотворный,

Был бы давно уже преисподнее всех
Уранидов!

Редкий папаша так откровенно и искренно признается в своей нелюбви к сыну. Впрочем, скорее всего, миф об отцовстве Зевса родился во времена, когда греческие жрецы уже сформировали олимпийский пантеон. Родиной Ареса считалась Фракия — область, простиравшаяся от Карпат до Эгейского моря и от Черного моря до реки Вардар, служившей границей с Македонией. Арей слыл для греков чужаком, но глава пантеона должен был стать отцом тех богов, образы которых принесли на территорию Греции другие народы, то есть не греки (аналогичная история произошла с Аполлоном). В Троянской войне фракийцы сражались против греков-ахейцев, а воинственный Арей был богом-защитником всех троян. В очном поединке он сражается с Афиной, чье имя соотносится с названием «сердца» греческой цивилизации, ее столицы. Но и имя Ареса имеет этническую подоснову. Оно связано с историческим народом ариев (арийцев), которые во

II тыс. до н. э. проживали широкой полосой от Алтая до Дуная.

Геродот сообщает об алтарях и храмах, которые скифы воздвигали только в честь Ареса. Таким образом, из всех богов скифы более других почитали верховного бога, имя которого совпадает (буквально!) с названием исторического народа, проживавшего рядом. Это говорит об их особом уважении к ариям. Правда, скифы выделяли воинственную «составляющую» арийского бога, но это свойственно тем народам, которые начинали знакомство с ариями на бранном поле. В честь Арея в каждом скифском племени воздвигали огромный холм из сухого хвороста, на котором водружался большой старинный железный меч. «Этому-то мечу, — рассказывает Геродот, — приносится в жертву рогатый скот и лошади, а сверх того, совершается еще и следующее: умерщвляется каждый сотый мужчина из всего числа взятых в плен врагов».

Тагимасад не входил в число общескифских богов. Его почитали лишь царские скифы. «Сущность и роль этого божества остаются совершенно неясными, точно так же, как неясным является и его имя» (Гуляев В. И. Скифы: расцвет и падение великого царства). В высшей степени трудной задачей для ученых является и истолкование предложенной Геродотом параллели между Тагимасадом и Посейдоном — «морским владыкой». Традиционный образ скифа-кочевника, сидящего на лошади и бороздящего просторы степей, казалось бы, начисто отрицает почитание у них богов, связанных с морской стихией. Но многие зарубежные исследователи совершенно справедливо отмечают, что российские ученые слишком узко трактуют понятие «скифы», «привязывая» ареал их проживания к Причерноморью.

Античные авторы так не считали. На своих картах они изображали Великую Скифию простирающейся (условно) от Китая до Балтики, а в этих пределах в достатке расположено разного рода морей и водных преград. К тому же все рассмотренные ранее скифские божества проявляют какую-то необъяснимую тягу к Средиземноморью.

Имя Тагимасад, очевидно, двусоставное. Вторая его половинка «масад» улавливается, к примеру, в названии иранского верховного бога Ахура Мазды. Вот наконец-то нашелся и иранский «след», но это только эпитет бога. Слово Таги-масад переводится как Таг Мудрый. Иранская «добавка» присутствует здесь более для «украшения». Основное же значение таит в себе первая часть слова.

Образ Тага восходит к верховному богу филистимлян Дагону. Он изображался в виде могучего человека с рыбьим хвостом вместо ног. Наряду с супругой Гидрой Дагон является покровителем Глубоководных, которые почтительно именуют их: Отец Дагон и Мать Гидра. В этой своей ипостаси Дагон действительно схож с Посейдоном. В Месопотамии он отождествлялся с шумеро-аккадским божеством Энлилем — богом плодородия и бури. Дагон-Энлиль имел титул «Дикий бык». Свойства оборачиваться быком и управлять природными стихиями также роднят его с Посейдоном. У Мильтона в «Потерянном рае» Дагон — один из падших ангелов, шествующих в войске Сатаны:

Шел Дух вослед,

Взаправду плакавший, когда Кивотом

Завета полоненным был разбит

Его звероподобный истукан.
Безрукий, безголовый он лежал
Средь капища, своих же посрамив
Поклонников; Дагоном звался он —
Морское чудо, получеловек
И полурыба. пышный храм его
Сиял в Азоте. Палестина вся,
Геф, Аскалон и Аккарон и Газа,
Пред ним дрожали...

Христианская традиция, как и положено, превратила древнего бога в демона, чудовище, но сохранила память о глубочайшей степени его почитания и уважения к нему в городах Палестины.

Имя Дагона обычно объясняют из семитских языков и связывают с понятиями «злак», «колос», характерными для бога плодородия. Но не будем забывать, что филистимляне (или пеласги) — это праславяне, мигрировавшие в Землю обетованную из Европы. Они пришли в Палестину в числе «народов моря». И в военном, и в культурном отношении филистимляне были более развитыми, чем местные семитские племена, и потому было бы очень странно, если бы они начали поклоняться чужим богам. Но отсюда следует, что у образа Дагона — пеласгические (индоевропейские) корни.

В Фессалии (область в Греции), населенной пеласгами, Таг было титулом верховного правителя. Этруски, унаследовавшие культуру пеласгов, почитали

бога с таким именем. Про него известна следующая легенда. Однажды первый царь этрусков Тархон усердно пахал свое поле, взрезая плодородную целину. В те времена нравы отличались простотой, и никто не гнушался труда пахаря. И вдруг его изумленному взору предстала человеческая голова, слегка приподнимавшаяся над бороздой. У этого диковинного существа было лицо маленького ребенка, но седые, как у старика, волосы. Испуганный этим чудом, Тархон позвал на помощь. Другие цари-жрецы (или главы городских общин; римляне называли их лукумонами), работавшие неподалеку на своих полях, поспешили на призыв Тархона. На глазах изумленных людей из земли явился бог Таг (Тагес), чтобы передать лукумонам установления, в согласии с которыми они должны были учить людей. Легенда утверждает, что жрецы записали эти законы на восковых табличках. Важнейшей частью его установок стали правила гадания по внутренностям животных. На их основе позже возникла целая наука — гаруспиция, которую развили и широко использовали римляне. Как только чудесный ребенок, рожденный землей, исполнил свою миссию, он тут же погрузился обратно в борозду, и больше его никто уже не видел. Таг — бог подземного мира, он связан с плодородием и культом Матери-Земли. Дагон, Таг — имена практически одинаковые. Можно сказать, что Дагон и Таг — близнецы-братья, только в первом доминирует приверженность к водной стихии, а во втором определяющим является земное начало.

Писатель В. И. Щербаков в книге «Века Трояновы» гениально заметил, что прообразом этих богов был древнерусский Дажь-бог — божество плодородия и подателя (имя говорит за себя) благ. Пеласги принесли его культ с территории России в Грецию, Италию, в

Переднюю Азию и на Ближний Восток. Народы, включавшие его в свой пантеон, наделяли бога новыми чертами и представляли по-своему (получеловек-полурыба, седой мальчик). В Урарту и в государстве Митанни его чтили как бога грозы и называли соответственно Тейшеба и Тешшуб. Изначально связанный с солнечным светом и небесным дождем (отсюда одна из форм имени — Дажь-бог!), у филистимлян и этрусков он превратился уже в бога подводного (подземного) мира. Это удел очень древних богов, со временем их отправляют царствовать в мир тьмы. Но в образах и Дагона, и Тага сохранилась главная функция, отражающая суть их прародителя, — олицетворять силы, поддерживающие и утверждающие жизнь природы.

Подведем наконец итоги нашим мифологическим изысканиям. Составим табличку, где имени каждого скифского божества будет соответствовать название предполагаемой территории, на которой возник его культ:

Табити — Лувия

Папай — Фригия

Апи — Митанни

Ойтосир — Колхида

Аргимпаса — Крит

Арес — Фракия

Геракл — Греция

Тагимасад — Палестина, Этрурия

Обратим сразу же внимание, что из нашего рассмотрения выпала территория Ирана и ареал

обитания ираноязычных племен. Это обстоятельство наглядно высвечивает главное заблуждение официальной скифологии, декларирующей и пестующей в скифах иранское начало. Нет, не иранский мир породил народ скифов! Да, на какой-то стадии своей истории скифы испытали его влияние. Но это была, если хотите, уже середина пути.

Боги, составившие скифский пантеон, по преимуществу малоазийского и палестино-хурритского происхождения. Географическим центром их распределения является Малая Азия. Здесь, следует признать, и находилась прародина скифов. Относительно времени сложения скифской общности и анализа причин, способствующих этому, — разговор особый. Но место формирования теперь можно указать совершенно определенно. Более того, поскольку хеттские и урартские варианты имен богов для скифов были менее предпочтительными (как в случае с Дажь-богом), то, значит, скифы заимствовали, в первую очередь, религиозную традицию западной и юго-западной Анатолии — областей, некогда входивших в коалицию стран Арсавы, Средиземноморской Руси. Неожиданный поворот, не правда ли? Правда, в него надо еще аккуратно «вписаться».

ГЛАВА 8

СЫНЫ ГЕРАКЛА И ЭХИДНЫ

*Мы — те, о ком
шептали в старину,*

*С невольной дрожью,
эллинские мифы:*

*Народ, взлюбивший
буйство и войну,*

*Сыны Геракла и Эхидны
— скифы.*

*Вкруг моря Черного, в
пустых степях,*

*Как демоны, мы
облетали быстро,*

*Являясь всюду, чтобы
сеять страх:*

*К верховьям Тигра иль
к низовьям Истра.*

В. Брюсов

Ученые очень недоверчиво, и даже с некоторой неприязнью, относятся к новым теориям. Любое ниспровержение сколько-нибудь устоявшихся мнений выглядит для них святотатством, глумлением над системой общепринятых научных «догматов». История любого открытия — это обязательный спор с хранителями прежних традиций. Научное сообщество инертно и движется к Истине верно, но медленно. Казалось бы, как много усилий было приложено к тому, чтобы развенчать автохтонную теорию происхождения скифов! На сегодняшний день большинство историков отказалось от нее и отдало предпочтение центрально-азиатской гипотезе. Но и эта теория не тянет на «пять с плюсом».

В сложившейся кризисной ситуации мы предлагаем новый взгляд на проблему этногенеза скифов. Ареалом формирования скифской общности был полуостров Анатолия. Ядром этой общности стали потомки переселенцев с Русской равнины, которые помнили о своей арийской прародине. Скифы распространили свое влияние вплоть до Алтая и Северного Китая, создали Великую Скифию, но после ее распада возвратились в Восточную Европу.

При таком взгляде естественно примиряются две конкурирующие теории происхождения скифов. Каждая из них, согласно нашей точке зрения, включает в себе только часть правды. «Автохтонная» права в том, что скифы были родственны народу срубной культуры и поддерживали с ним культурные и хозяйственные связи. «Азиатская» же в том, что вернувшиеся в Причерноморье скифы принесли новые элементы военной и художественной культуры, сложившейся в Центральной Азии. Все просто и логично. Предки скифов не теряли связи со своей северной (первичной) прародиной, а потому и «доживать» свои века их потомки, уже собственно скифы, пришли на землю предков, на территорию России. Романтично? Не спорим. Красиво? Безусловно. Насколько достоверно? Давайте обсудим.

Обратимся вначале к эллинскому мифу о происхождении скифов. Понтийские (то есть живущие на берегах Черного моря) греки рассказывали, что Геракл, гоня быков Гериона, прибыл в необитаемую тогда еще землю, которую впоследствии заняли скифы. «Там его застали непогода и холод. Закутавшись в свиную шкуру, он заснул, а в это время его упряжные кони (он пустил их пастись) чудесным образом исчезли. Пробудившись, Геракл исходил всю страну в поисках коней и, наконец,

прибыл в землю по имени Гилея. Там в пещере он нашел некое существо смешанной природы — полудеву, полузмею. Верхняя часть туловища от ягодиц у нее была женской, а нижняя — змеиной. Увидев ее, Геракл с удивлением спросил, не видала ли она где его заблудившихся коней. В ответ женщина-змея сказала, что кони у нее, но она не отдаст их, пока Геракл не вступит с ней в любовную связь. Тогда Геракл ради такой награды соединился с этой женщиной. Однако она медлила отдавать коней, желая как можно дольше удержать у себя Геракла, а он с удовольствием бы удалился с конями. Наконец женщина отдала коней со словами: «Коней этих, пришедших ко мне, я сохранила для тебя; ты отдал теперь за них выкуп. Ведь у меня трое сыновей от тебя. Скажи же, что мне с ними делать, когда они подрастут? Оставить ли их здесь (ведь я одна владею этой страной) или отослать к тебе?» «Так она спрашивала. Геракл же ответил на это: «Когда увидишь, что сыновья возмужали, то лучше всего тебе поступить так: посмотри, кто из них сможет вот так натянуть мой лук и опоясаться этим поясом, как я тебе указываю, того оставь жить здесь. Того же, кто не выполнит моих указаний, отошли на чужбину. Если ты так поступишь, то и сама останешься довольна, и исполнишь мое желание». С этими словами Геракл натянул один из своих луков (до тех пор ведь Геракл носил два лука). Затем, показав, как опоясываться, он передал лук и пояс (на конце застежки пояса висела золотая чаша) и уехал. Когда дети выросли, мать дала им имена. Одного назвала Агафирсом, другого — Гелоном, а младшего Скифом. Двое сыновей — Агафирс и Гелон не могли справиться с задачей, и мать изгнала их из страны. Младшему же, Скифу, удалось выполнить задачу, и он остался в стране.

От этого Скифа, сына Геракла, произошли все скифские цари. И в память о той золотой чаше еще и до сего дня скифы носят чаши на поясе (это только и сделала мать на благо Скифу)» (Геродот IV, 8–11).

Взгляд греков — это мнение стороннего наблюдателя, у чужестранцев нет никаких мотивов приукрасить историю другого народа. Оттого их мнение заслуживает особого внимания. Во-первых, греческий миф утверждает, что скифы были автохтонными жителями своей земли, причем она охватывала не только степные районы, но области к северу от них, где царила «непогода и холод». Эта территория, согласно эллинскому мифу, была необитаемой до прихода туда скифов. Следовательно, греки не отличали их от первоначальников Русской равнины.

Теперь об образе царицы скифов. Фигура Космического Змея вообще едва ли не самая загадочная в мировой мифологии. Ученым совершенно неясно ее происхождение и промежуточные этапы эволюции. Между тем гениальное решение этой мифологической проблемы предложила Л. М. Алексеева в книге «Полярные сияния в мифологии славян. Тема змея и змееборца». Наблюдение полярных сияний с земли может породить самые разные образные ассоциации. Одна или несколько светящихся дуг полярного сияния создают впечатление огромной (часто протянувшейся от горизонта до горизонта) светящейся «огненной змеи». Эти дуги зачастую превращаются в складчатые полосы-ленты, волнообразные извивы которых очень похоже воспроизводят движения змеи. Родина Змея, таким образом, — небо северных широт. Его культ зародился у северных народов, к числу которых относились предки скифов. Особым почитанием у них

Космического Змея как раз и объясняется столь необычный образ прародительницы скифов. Столь архаический вид божества свидетельствует об укорененности в скифской среде древнейших северных традиций, берущих свое начало еще в неолитические времена.

Греческая традиция донесла до нас еще одну версию того же эллинского мифа. В ней рассказывается, что Геракл, придя в Скифию, побеждает в борьбе Аракса (божество одноименной реки, скорее всего — Волги) и вступает в брак с его дочерью Эхидной. От этого брака рождаются Агафирс и Скиф. Это уже более поздний вариант мифа, относящийся ко времени, когда один из сыновей Геракла — Гелон — покинул родину. К тому же у царицы скифов теперь есть имя и муж (эпоха матриархата миновала). И если имя мужа — Ара-ксай (Арий-царь) — отражает факт родства скифов с ариями, то прозвище Эхидна позволяет поговорить о других ее родственниках, персонажах древних мифов.

В греческой мифологии Эхидна предстает чудовищем, полудевой-полузмеей. По Гесиоду она прекрасна ликом, но ужасна в своей змеиной сущности, залегая в пещере под землей, вдали от людей и богов. Эхидна, внучка земли Геи и моря Понта, стала родоначальницей целого семейства чудовищ. От Тифона, схожего с ней, но имеющего сто драконьих голов, Эхидна родила трехголового пса преисподней Кербера, многоголовую морскую змею Гидру, огнедышащую козу Химеру с головой льва и телом змеи, а также Орфа — двуглавого пса, служившего великану Гериону. От Орфа и Эхидны произошли Сфинкс, имевший лицо и грудь женщины, тело льва и крылья птицы, и Немейский лев. Дети Эхидны обитают в самых разных частях Европы:

Химера в Ликии (Малая Азия), Гидра, Сфинкс и Немейский лев в Греции, а Орф — на крайнем западе, на острове Эрифия. При всем при том сама Эхидна проживает в Восточной Европе. Это доказывает факт миграции первых индоевропейцев с востока на запад и юго-запад. Направления движения народов совпадали с дорогами богов: это пути расселения пеласгов.

Однако какими ветрами занесло в наши края Геракла? Странно и удивительно, что никто еще не поднимал эту тему. А ведь она вполне в духе шекспировских трагедий. Судите сами: прежде, чем попасть в объятия прекрасной чудо девы, Геракл убивает трех ее детей — Немейского льва, Гидру и Орфа. Расправа с Орфом происходит во время похищения быков Гериона, прямо «накануне» встречи с Эхидной. И если учесть, что этот двуглавый пес был последним ее возлюбленным, то ситуация приобретает более чем интригующий характер. Приходится признать, что появление Геракла в скифских пределах не случайно, что он прибыл сюда с какой-то миссией. В чем же ее смысл и значение?

Утверждению Геракла на греческом Олимпе предшествовал целый ряд сложнейших испытаний. К их числу относились в том числе и двенадцать знаменитых подвигов, совершенных им на службе у царя Эврисфея. **Два первых подвига** посвящены истреблению Немейского льва и Гидры. Геракл уничтожает потомков Эхидны, живущих в Греции.

Третьим подвигом стала поимка Керинейской лани. У этого быстрого пятнистого животного были медные копыта и золотые рога, как у оленя, поэтому некоторые называли его еще оленем. Это было

священное животное Артемиды. Не желая убить или даже ранить лань, Геракл преследовал ее в течение года, причем охота привела его в далекую Истрию (Подунавье) и страну гипербореев. В Европе рога были только у северного оленя, поэтому мы не ошибемся, если конечным пунктом маршрута героя назовем Русский Север. Догнав измученное животное, Геракл выпустил стрелу, которая пригвоздила передние ноги лани одна к другой, пройдя между костью и сухожилием так, что не упало ни капли крови. После этого он поймал лань и, взвалив на плечи, поспешил назад в Грецию. Аполлон и Артемида хотели отобрать у него добычу, но Геракл не позволил им сделать это, сославшись на приказ Эврисфея. Такого рода аргументация выглядит конечно же смешно. Для божественных небожителей Аполлона и Артемиды воля земного царя ровным счетом ничего не значила. Другое дело, что и Аполлон, и Артемида — боги пришлые. Их происхождение и истоки культа связаны с таинственной северной землей, которую древние авторы называли Гипербореей. Поимка лани символизировала захват Гераклом святилища Артемиды, где ей поклонялись как «ланеподобной». Он не убивает животное (то есть не уничтожает культ Великой Богини, почитавшейся в образе Оленихи, в далеких северных краях), но демонстрирует свой верховный статус перед гиперборейской богиней.

Но Гиперборея далеко. И чтобы окончательно поставить Артемиду на место, во время **четвертого подвига** он разорил ее святилище уже на территории Греции, выкрад оттуда Эриманфского вепря. Захватить живым свирепого зверя было делом исключительной сложности, однако Гераклу удалось громкими криками выгнать его из зарослей, загнать в глубокий сугроб и

вскочить ему на спину. Герой связал вепря цепями, взвалил на плечи и был таков.

Пятый подвиг Геракла заключался в том, чтобы за один день очистить от навоза конюшни царя Авгия, сына бога Гелиоса. Авгий владел бесчисленными стадами, подаренными ему отцом, но десятую их часть должен был отдать Гераклу в качестве платы. Однако после того, как Геракл исполнил свое обещание, Авгий отказался от своей клятвы, пеняя герою на то, что он действовал по приказу Эврисфея. Это вызвало войну, в которой Геракл в конечном итоге вышел победителем. Греческий Гелиос — это хорошо известный нам бог солнца Бел, покровитель пеласгов. Убив Авгия, Геракл стал хозяином священных быков Гелиоса и, позволим себе предположить, объявил себя царем-солнцем.

Шестым подвигом было изгнание стимфалийских птиц с бронзовыми клювами, когтями и крыльями, поедавшими людей и считавшимися священными птицами Ареса. Получив от Афины изготовленные Гефестом медные трещотки, Геракл шумом спугнул птиц, а потом перебил их. В очередной раз наш герой ущемляет интересы бога-пришельца. Недаром в этом ему помогают свои, истинно греческие божества — Афина и Гефест.

Свой **седьмой подвиг** Геракл совершил на Крите. Царь Эврисфей приказал ему поймать Критского быка. Царь острова Минос предложил герою любую помощь, которая только была в его власти, но Геракл предпочел изловить его в одиночку. Это был тот самый бык, от которого Пасифая родила Минотавра. Поэтому его можно рассматривать в качестве подлинного хозяина Критского Лабиринта. Традиция строительства лабиринтов очень

древняя (III–II тыс. до н. э.). Зародилась она на севере и на Крите появилась вместе с арийскими переселенцами (пеласгами). Лабиринт порождает целый комплекс самых разных ассоциаций — это и вход в царство мертвых (мир предков), который сторожит свернувшаяся спиралью змея (Эхидна!), и символическое изображение женского лона (лабиринты еще называют вавилонами — бабьи-лонами!), которое живет в ожидании сакрального мгновения соединения с восходящим солнцем, символизирующим в данном случае мужское начало. Изначально Лабиринт мыслился как святилище Великой Богини, в центре его спирали располагался алтарь, на котором приносились жертвы Богине. Пасифая как дочь Гелиоса олицетворяет Великую Богиню, которая издревле почиталась в качестве хозяйки Лабиринта. В патриархальные времена верховная власть над Лабиринтом перешла к мужскому божеству, связывавшемуся по-прежнему с солнцем. Этим-то и объясняется, что Критский бык изрыгает пламя (солнечный свет). Поимка быка символически отражает установление Гераклом контроля над Критским Лабиринтом. К нему же переходит и роль царя-солнца, супруга хозяйки Лабиринта.

Восьмым подвигом стало овладение четверкой диких кобылиц фракийского царя Диомеда, которых он содержал прикованными железными цепями к медным стойлам и кормил мясом чужеземцев. Геракл не только похитил животных, но и нанес поражение войску Диомеда, причем самого царя он поразил ударом дубины и бросил его тело на растерзание его же собственным кобылицам, принявшимся рвать еще живую плоть. Диомед был сыном Ареса, поэтому этот подвиг Геракла следует рассматривать не только в плане расширения

ареала влияния греческого героя на Фракию, но и как выпад против Ареса.

Следующий, **девятый подвиг** Геракла опять-таки крайне неприятен для греческого бога войны. В ходе похода в Малую Азию Геракл напал на амазонок и завладел золотым поясом Ареса, который носила царица амазонок Ипполита. Вернувшись в Микены, герой передал пояс Эврисфею, который подарил его своей дочери. Переход священной реликвии Ареса в чужую собственность отражал падение его авторитета на греческом Олимпе и, наоборот, подчеркивал все возрастающую роль Геракла. Богатые плащи амазонок, добытые в бою, Геракл подарил храму Аполлона в Дельфах, а топор Ипполиты вручил Омфале, царице Лидии, которая сделала его одной из священных регалий лидийских царей.

Десятым подвигом Геракла стало похищение знаменитых коров Гериона с острова Эрифия, расположенного далеко на западе в Океане. Причем великому греку запрещалось требовать этих коров или платить за них. Герион считался самым сильным из живших тогда людей, поэтому Геракла ждало смертельное испытание. Стадо трехголового великана пас Эвритион, сын Ареса, а сторожил двуглавый пес Орф. Во время своего пути на запад Геракл очень страдал от палящих лучей солнца и, не выдержав, однажды направил свой лук на бога Гелиоса. «Ну это уж слишком!» — сердито закричал древнейший бог пеласгов. Геракл извинился и тут же ослабил тетиву. Не желая отставать в вежливости, Гелиос дал ему на время путешествия свой золотой челн в форме водяной лилии, в котором он и переправился на Эрифию. Этот эпизод демонстрирует примирение старого бога с рвущимся на

Олимп героем после того, как он убил его сына Авгия и завладел его святилищем на Крите.

Прибыв на остров, Геракл сразу же поспешил на гору, где паслось стадо коров. Пес Орф с лаем бросился на него, но обрушившаяся дубина Геракла тотчас же лишила его жизни. Шедший к нему на помощь пастух Эврителион погиб той же смертью. После этого Геракл погнал коров к морю. Это вконец разъярило Гериона, и он вызвал отважного героя на поединок. Но Геракл пробил сразу все три его туловища одной стрелой. Некоторые, правда, говорят, что он выпустил три стрелы, не сходя с места. Так как Гера поспешила на помощь Гериону, Геракл ранил ее стрелой в правую грудь, и она бежала. Так, не требуя коров и не заплатив за них, он стал их владельцем, сел в золотой челн, на котором приплыл на остров, а затем с благодарностью вернул его Гелиосу. На обратном пути он, однако, заблудился и попал в гости к Эхидне, хозяйке северной страны.

В героических путешествиях Геракла присутствует конкретная логика. Он завоевывает свое место на греческом Олимпе путем оттеснения на «второй план» более древних богов северного происхождения. К ним относятся:

Дети Эхидны — 1-й, 2-й и 10-й подвиги;

Артемида — 3-й и 4-й подвиги;

Гелиос (Белбог) — 5-й и 7-й подвиги;

Арес — 6-й, 8-й и 9-й подвиги.

Приход Геракла в далекую страну Эхидны опять-таки закономерен и глубоко символичен. Именно здесь, на родине богов, которых он (кого полностью, а кого отчасти) в дальнейшем заместит, и должно

произойти преобразование героя. Только после ритуального брака с Эхидной он воистину обретает божественные способности. Не верите? Прочитайте описания **одиннадцатого и двенадцатого подвигов** Геракла.

Первый из них рассказывает о путешествии в райский сад Гесперид, где растут молодильные яблоки, символ вечной юности, второй — о нисхождении героя в Аид. Рай и ад покоряются земному герою. Это ли не свидетельство обретения им качественно новых достоинств?! Греки конечно же прекрасно понимали, что такого рода посвящение героя необходимо было каким-то образом объяснить. Поэтому они придумали историю, что прежде, чем совершить свой последний и самый трудный подвиг, Геракл прошел обряд приобщения к культу богини Деметры (греческому, более юному аналогу Эхидны). Для афинян Геракл был чужаком и не имел права быть посвященным в элевсинские мистерии. Поэтому они, не решаясь отказать Гераклу, организовали для него малые мистерии. Вот такую версию доносят до нас греческие мифы. Но достоин ли Геракла такой ритуал? И, самое главное, согласился бы он сам на такое унижение? Ясно, что факт обожествления героя объяснялся уже «задним числом». Миф особо подчеркивает, что Геракл был для греков чужеземцем, и потому соглашаться с тем, что это они обожествили героя, было бы чрезвычайно легкомысленно. Тем более налицо и другие, не менее серьезные возражения против традиционно излагающейся версии.

Путь в сад Гесперид Гераклу попытался преградить Кикн, сын Ареса. Причем сам Арес стал действовать как сотоварищ сына и уже свел противников в поединке, но Зевс прекратил бой. Арес видит в Геракле достойного

противника и готов сам выйти с ним на бой. Бог войны, потеряв сына Диомеда, полон жажды мести. Но богам должны противостоять боги, значит, уже свой одиннадцатый подвиг Геракл совершал в статусе бога. Из Аида Геракл привел пса Кербера, еще одно порождение Эхидны. Геракл не убивает отпрыска своей возлюбленной, что тоже отражает его новый статус: как муж матери-богини, он теперь имеет право повелевать Кербером от ее имени.

Много стран и народов обошел Геракл, совершая свои подвиги. Только нигде он не задерживался подолгу и не оставлял потомства, кроме как в Скифии. Убив трех детей Эхидны, он пришел в ее страну, чтобы, вступив с нею в ритуальный брак, обрести статус бога и породить новое поколение героев, сынов Геракла и Эхидны — Гелона, Агафирса и Скифа.

Всю важность и значение этой миссии отражает один-единственный факт: Геракл совершал свои подвиги, будучи бездетным. Правда, виной тому был он сам, но что было, то было. Уже юношей Геракл прославился как опытный воин и под его руководством жители города Фив нанесли поражение минийцам. В награду за это он получил в жены старшую дочь царя города Креонта, по имени Мегара. От нее у него было шестеро сыновей. Но все более растущее влияние Геракла на положение в Греции обеспокоило Геру, и она наслала на героя безумие. Сначала он напал на своего любимого племянника Иолая, которому все-таки удалось спастись, а потом, приняв шестерых своих детей за врагов, перебил их всех, а тела побросал в огонь, как и тела двух меньших братьев Иолая, упражнявшихся вместе с остальными в военном деле. Фиванцы ежегодно устраивают праздник в честь этих восьмерых одетых в

кольчуги жертв. В первый день праздника совершаются жертвоприношения, и всю ночь горят костры, на второй день устраиваются погребальные игры, победитель которых удостоивается венка из белого мирта. Участники праздника скорбят о том блестящем будущем, которое ждало сыновей Геракла. Геракл так горячо любил своих сыновей, что многие отрицают его причастность к их гибели, предпочитая верить в то, что они были предательски убиты его врагами. Но, как ни крути, эта история аллегорически повествует, что родовая линия Геракла и Мегары пресеклась, а дети Эхидны были старшим поколением героев, возводящих свой род к Гераклу. У него впоследствии рождались дети и от других возлюбленных, но то были дети земных женщин. Сыны Эхидны и по своей древности, и по статусу сынов Божиих первенствуют над ними.

Геракл обнаруживает какую-то таинственную связь с краем Великой Скифии, с Русской равниной. На первый взгляд, это кажется удивительным и невероятным обстоятельством. С детских лет мы помним, что Геракл — великий древнегреческий герой, сын Зевса и Алкмены. При чем тут тема скифской, а тем более и древнерусской прародины божества? А все дело в том, что мы, как правило, знакомимся с предельно упрощенными пересказами мифов, выхватывающими из них в основном вершки. Знаете ли вы, что после убийства своих детей наш герой прибыл в Дельфы, чтобы спросить у бога (в данном случае Аполлона), где ему поселиться. Оракул приказал ему носить имя Геракл (до этого его имя было Алкид, по другим сведениям — Палемон) и повелевает поселиться в Тиринфе и служить Эврисфею в течение 12 лет. Что же выходит? Убийство Алкидом-Палемоном детей от Мегары символически обозначает разрыв героя

с прежней жизнью. Геракл становится собственно Гераклом, когда начинает совершать свои подвиги. Но не значит ли это, что описание раннего периода жизни Геракла было придумано греками позднее, когда он уже стал олимпийским божеством? Такое предположение не только ничему не противоречит, но даже наоборот, отражает типическую ситуацию: при формировании божественного пантеона богам-чужеземцам приписывается происхождение от главы пантеона. Что же до реального места рождения бога-чужака, то тут информация, если она сохранилась, спрятана либо в мелких деталях мифа, либо в самом имени. К счастью, в случае с Гераклом мы имеем и то, и другое.

Согласно мифу, Зевс, приняв облик Амфитриона (отправившегося на войну), явился к Алкмене. Пока длилась их брачная ночь, солнце трое суток не поднималось над землей. Задумайтесь ненадолго, где, в какой части Европы можно наблюдать такое явление? Очевидно, только на севере, в Заполярье. В греческий миф в качестве, казалось бы, несущественной подробности вошел фрагмент более древней истории, связанной с рождением героя. Теперь о его имени. Традиционно его объясняют как означающее «прославленный Герой» или «благодаря Гере». Абсурдность подобной этимологии была ясна уже древним авторам. Гера постоянно враждебна к Гераклу, и потому нет совершенно никаких оснований защищать данную этимологию. Филолог Н. Н. Казанский в специальной статье, в сборнике «Палеобалканистика и античность» (М: Наука, 1989), убедительно доказал, что имя Геры происходит от древнерусского корня «яр». Но в таком случае полное (неусеченное) имя Геракла —

Гера-клеос — означает «Яро-слав», причем древнерусская форма первична.

Настоящая родина Геракла вовсе не Греция, а Восточная Европа, земля древних ариев. Он является человекоподобным воплощением их верховного бога Яра и олицетворяет одну из волн миграций ариев в страны Средиземноморья. Самую первую из них мы отождествили с появлением на территории Греции народа пеласгов (середина IV тыс. до н. э.). Эти арийские переселенцы принесли в Средиземноморье культы бога-создателя Яра-Эроса (древнейшего бога греков) и солнечного бога Бела-Гелиоса. В XIX в. до н. э. земли Эллады начинают заселять племена ахейцев, народа индоевропейского, но не арийского происхождения. Они пришли из Центральной Европы и постепенно вытеснили пеласгов как с материковой, так и островной (XV в. до н. э.) части Греции. Эпоха противостояния ахейцев и пеласгов запечатлелась в том, что в греческой мифологии появился образ бога войны Ареса (Арея, еще одного воплощения бога Яра), символизировавшего мир ариев, противостоявший ахейскому вторжению.

Исторические события, соответствующие появлению Геракла в Греции, следует датировать приблизительно XIV–XIII вв. до н. э. К этому времени культура «аборигенов»-пеласгов была в значительной степени усвоена ахейцами. Так, они приняли в свой пантеон богиню Геру — арийскую Яру, женскую ипостась верховного божества Яра. Геракл же олицетворял его мужскую «половину». Имя первой жены Геракла — Мегара — тоже «говорящее». В переводе с греческого оно означает «святилище». Брак с Мегарой аллегорически указывает на то, что Геракла принимают в ахейской среде как желанного родственника. В

древнейшей индоевропейской традиции (и это следует из смысла принятых ими имен) Геру и Геракла следовало бы мыслить соответственно как Великую богиню и ее возлюбленного, которого Богиня благословляет на роль божественного избранника и царя-героя. Но такая ситуация соответствует матриархальному обществу. Греки времен патриархата лишают Геру власти над Гераклом, а ее место на брачном ложе отдают своей избраннице — Мегаре. Гера мстит Гераклу за это, строит ему всяческие козни, но она не в силах помешать его восхождению на Олимп. Противостояние Геракла и Геры, таким образом, отражает историю утверждения патриархальных традиций в рамках культа определенного божества (бога Яра).

Перенесем теперь наши мифологические изыскания в мир реальной истории. Гелон, Агафирс и Скиф — три старших сына Геракла. Последнего из них традиция называет родоначальником скифов. Какие же исторические племена следует возводить к двум другим сыновьям?

Начнем с Гелона. Геродот ничего не сообщает о его судьбе. Не интересовала она, похоже, и других авторов. А странно, ведь это старший сын Геракла, Гераклид номер один. Неужели его история так и канула в Лету? Конечно, нет, слишком важный это персонаж в жизнеописании Геракла. А если так, то в греческой мифологии он должен фигурировать как старший Гераклид, имя которому... Гилл.

Гилл — Гелон, похоже, да?! Когда Геракл волею судьбы оказался в греческом Калидоне, он посватался к дочери местного царя Деянире. Но у него был могущественный соперник — речной бог Ахелой.

Бессмертный Ахелой являлся в одном из трех обличей: быка, пятнистого змея и человека с бычьей головой. С его косматой бороды постоянно стекали струи воды, и Деянире казалось, что она лучше бы умерла, чем стала его женой. Но желание невесты — это одно, а Гераклу пришлось поначалу бросить наземь человека в быкоголовом обличье, затем напугать его же, превратившегося в змея, и, наконец, отломить рог у быка-оборотня. Так он завоевал себе Деяниру, которая подарила ему Гилла.

Эта история один к одному повторяет рассказ о поединке Геракла с Араксом за обладание Эхидной. По той легенде от Эхидны у Геракла рождается только два сына — Агафирс и Скиф. В отличие от геродотовского варианта Гелон в ней не присутствует, и теперь ясно почему. Автору данной версии был известен миф о Гилле, который стал играть роль Гелона, покинувшего пределы Скифии.

В правильности отождествления Гелона с Гиллом убеждает еще одно (правда, косвенное) обстоятельство. Перечисляя скифские племена, Геродот называет среди них и народ гелонов, которые «издревле были эллинами». Они говорили не только на скифском, но и эллинском языке, а в их столице — городе Гелоне — были «святилища эллинских богов со статуями, алтарями и храмовыми зданиями из дерева, сооруженными по эллинскому образцу». Каждые три года они справляли празднества в честь Диониса. Геродотовских гелонов естественно считать потомками Гелона, сохранившими связи со своими родичами, перебравшимися в далекую Элладу. А на то, что они сопоставляли Гелона и Гилла,

указывает древнее название области Скифии, которое хранили греки, — Гилея.

Античная традиция сохранила целый цикл мифических преданий о судьбе детей Геракла — Гераклидов (Гилла и его кровных братьев). По Аполлодору, после смерти отца они, гонимые микенским правителем, уже известным нам Эврисфеем, проходят через всю Грецию и являются в Аттику (полуостров на юго-востоке страны). Вторгшийся сюда Эврисфеей гибнет в бою от руки Гилла. После этой победы Гераклиды устремляются на Пелопоннес (в центр Греции) и занимают там все города. Но вспыхнувшая эпидемия заставляет их оставить полуостров, отступив на север. Получив будто бы от оракула обещание победы «после третьего плода», Гилл с войском через три года вновь идет на Пелопоннес, но на Истме (перешейке, отделяющем полуостров от материковой Греции) ему перекрывает путь армия тегейского царя Эхема. В поединке с Эхемом Гилл погибает. Позднее Гераклиды осознают, что, говоря о «третьем плоде», оракул имел в виду необходимость смены трех поколений. Согласно Диодору Сицилийскому, тегейского героя выставил против Гилла царь Атрей, получивший власть в Микенах после Эврисфея и возглавивший оборону Пелопоннеса. Атрей был отцом Агамемнона и Менелая — ахейских вождей в походе на Трою, поэтому военная кампания Гилла предшествовала Троянской войне. Соответственно победный поход на Пелопоннес «правнуков» Гилла проходил уже после завершения битвы за Трою (три поколения — это приблизительно 80–100 лет, эпоха «внуков» Агамемнона и Менелая). Второе вторжение Гераклидов было частью так называемого дорийского (по имени народа дорийцев) нашествия на Грецию,

относимого к первым десятилетиям XII в. до н. э. От имени Гилла происходит название иллирийского племени гиллов, или гиллеев, которое обитало на Адриатическом побережье и ближайших островах.

Итак, со старшим братом Скифа мы разобрались. Теперь черед Агафирса или Агатирса (греческая «тета» в равной степени воспроизводит буквы «ф» и «т»). Это имя принято считать двусоставным. Наиболее устоявшаяся гипотеза состоит в сопоставлении начальной части имени с иранским «ага» — «злой», а заключительной — с названием фракийского племени травсов. В результате имя Агатирс предстает как ирано-фракийский гибрид, означающий «злой Траве». Если интерпретация первой части слова вызывает улыбку (ох, уж это помешательство историков на иранизме скифов), то фракийские корни Агатирса заслуживают самого пристального внимания. Геродот писал: «Агафирсы — самое изнеженное племя. Они обычно носят золотые украшения и сообща сходятся с женщинами, чтобы всем быть братьями и как родные не завидовать и не враждовать между собой. В остальном их обычаи схожи с фракийскими». В этой характеристике народа нет и намёка на его злобность, скорее все выглядит прямо противоположным образом, а вот в отношении тяги агафирсов к фракийскому миру все сходится. Правда, сторонники гипотезы сами же отмечают, что фракийские травсы проживали достаточно далеко от Скифии, и потому совершенно неясно, какое отношение они имели к агафирсам.

В литературе самых разных народов присутствует один и тот же сюжет, когда герой отправляется на поиски счастья за тридевять земель, возвращается домой, не солоно хлебавши, и только тут убеждается, что

желанная цель находилась совсем рядом и не надо было никуда путешествовать. Не так ли наши отечественные историки и лингвисты ищут смысл непонятных для них слов в словарях других народов?! Результат всегда один: если и появляется какая-то сиюминутная ясность, то вслед за этим сразу же налетают тучи недоумения и новых, еще более каверзных вопросов. Ну, почему бы нашим лингвистам не вспомнить, что слово «ага», как указывает словарь Даля, в притурецких и татарских областях обозначало «старшина», «начальник». А ведь это самые, что ни на есть, скифские территории. Если же кому-то не нравится наша русская версия, то почему бы не вспомнить о греческом «аго» — «полководец». В любом случае эти понятия более приближают нас к пониманию значения имени Агатирс. Сын Геракла, он является прародителем своего племени, предводителем, старшиной и полководцем. Кстати, в русском языке у слова «ага» есть еще одно, хорошо всем известное значение. Оно передает факт согласия человека принятия им соответствующей точки зрения и может быть заменено словами «да», «так», «ладно», «конечно». Во всех них присутствует настроение приятия, согласия, их никак не свяжешь с понятием «злой». В греческом языке с этим корнем можно связать такие слова, как «агатос» — «хороший» и «агапе» — «любовь». Иранский язык уводит в сторону от правильного восприятия смысла слова, и это отличный пример, показывающий, насколько далеки современные историки от правильных представлений о скифах.

Вторая часть имени Агатирс связана уже с названием племени, родоначальником которого он был. Параллель тирсы-травсы безусловно очень интересна и крайне важна. Но мы предлагаем рассмотреть ее в более

широком контексте. Гелон-Гилл и Скиф олицетворяют народы, которые сыграли выдающуюся роль в истории Древнего мира. Но тогда и их родной брат должен ассоциироваться с племенем, не менее знаменитым! Тирсы — одно из его названий, запечатленных историками. Во Фракии тирсов переименовали в травсов. Что же это за загадочный народ?

В качестве отправной точки выберем свидетельство Геродота о том, что вдоль побережья Черного моря от Дуная до Херсонеса (развалины на окраине современного Севастополя) обитало племя тавров. Они считаются древнейшим населением южной части Крымского полуострова (Таврики). По-гречески «тавр» значит «бык», это эквивалент русского тура, поэтому племя тавров по-русски именовалось турами. Это еще один пример, подтверждающий древнейшую традицию наших предков: называть себя по имени верховного бога.

Тур относится к числу важнейших русских богов, основательно позабытых современными академическими учеными. Впервые на это обратил внимание А. Н. Афанасьев. Его идею блестяще развил выдающийся русский фольклорист Александр Сергеевич Фаминцын (1841–1896) в книге «Божества древних славян». Он показал, что Тур, имя которого в первоначальном смысле означало быка, — это символ солнца и связанного с действием света плодородия. Этот бог был близкородственным Яриле божеством на Руси и у славян.

Тур олицетворяет собой и свет возрождающегося на Коляду солнца. Это выражается в колядках малорусских и близко сходных с ними польских, где речь идет о «чудном» или «дивном», «многорогом или златорогом», т. е. сияющем, звере туре или туре-олене. Вот, к

примеру, отрывок из галицко-русской колядки (Галиция — историческое название части западно-украинских и польских земель), где зеленая дубрава говорит:

Ой шумью, шумью, бо в себе чую,
Бо в себе чую дивное зверя,
Дивное зверя Тура-оленя,
Шо на головце девять рожечков,
А на десятом терем збудован...

В польской колядке рассказывается, как хозяйка взглянула на поле

И увидела зверя тура,
Зверя тура, имеющего золотые рога.

В сербской колядке святой Петр изображается едущим на златорогом олене. То, что во всех данных случаях золотые рога действительно имеют значение света или солнечных лучей, доказывается нижеследующим отрывком из великорусской свадебной песни, где речь идет о таком же златорогом или белом олене, освещающем весь двор своими рогами:

В тех ли лугах ходит олень,
Ходит олень — золотые рога...
Тут пришел Андрей господин,
Встречю ему белой олень...

Олень-то ему и обещает:

Станешь жениться, я на свадьбу приду,

Золотые рога я с собой принесу,
Золотыми рогами весь двор освещу.

То же самое подтверждается и сербской песней:

Что блестит у зеленого леса:

Солнце это или месяц?

Это не солнце, это не месяц,

А два золотые рога оленя.

Такое же значение следует приписывать появлению Тура на Святках или накануне Нового года в Великой и Малой Руси, а также в Польше, где рождественские колядники ходили в старину местами с набитой волчьей шкурой, местами же с «Туром» (древним аналогом мешка Деда Мороза!). В святочных маскарадах на Руси ходила фигура, которая так и называлась Туром. Обычай вводить в хату настоящего быка в первый день Рождества соблюдался в XIX в. помимо Поднестровья, еще и в Сербии.

Название праздника «Туры» или «Турицы» у галичан и словаков, даже независимо от многочисленных географических названий, произведенных от имени Тур в занимаемых теми и другими местностях, свидетельствует о почитании Тура как божества. Причисление церковью этих празднеств к языческим и запрещение пастве принимать в них участие подтверждают это. В честь Тура еще в XIX в. пелись весенние песни на протяжении от Ростова и Переславля-Залесского до Нижнего Новгорода. В Костромской губернии исполнялась следующая весенняя «семицкая» песня:

Ой, Тур, молодец удалой!

Он из города большого,

Вызывал красну девицу

С ним на травке побороться,

Ой, Дид-Ладо! побороться и т. д.

В этом вызове Туром красной девицы — «на травке побороться», несомненно проявляется похотливая природа весеннего бога. В Галиции Турицы празднуются в начале мая, соответствуя «семику» великорусов. В львовской книге XVII в. (Номоканоне) в числе языческих игрищ упоминаются Туры. В одном из поучений XVI в. говорится: «О Турах... вы попове уимаете детей своих». У словаков один из важнейших весенних праздников — Троицын день — носит название Letnice или Turice. На праздниках, в которых чествовалось солнце, оно почиталось под именем, а иногда и в образе тура или быка (действительного или ряженого).

Тура чествовали в России не только весной, но и зимою; на это прямо указывает примечание к одному из описаний (рождественского!) праздника Коляды: «К сему на тех же законопротивных сборищах и некоего Тура Сатану и прочие богомерзкие скареды промышляюще вспоминают». Один из первых отечественных этнографов М. Д. Чулков (1743–1792) писал: «Во все святые вечера, начиная от Рождества до Крещения, в честь тех же идолов Коляды и Тура, поют так называемые подблюдные песни, делают игрища, наряжаются вы хари и т. д.». В Малой и Галицкой Руси на Рождество и в Новый год водят по селу бычка-полазника и произносят при этом поздравления и добрые пожелания. На Новый

год ходят около Днестра с быком, припевая: «Ой, Туре! Туре! Небоже — ой, обернися тай поклонися», и также высказывают при этом добрые слова и напутствия в адрес хозяина дома. Итак, мы имеем неоспоримые свидетельства о чествовании в России Тура на Святках и о призывании имени его весной, во время празднования Семика, т. е. на неделе Всех Святых, называемой семицкой и совпадающей со временем, когда на западе справляются «Туры» или «Турицы».

А. С. Фаминцын указал, что на территории России существовали многочисленные города и селения, реки, озера с именами, образованными от корня «тур», причем их география простиралась на огромных пространствах от Тобольской (города и селения Тура, Туринск, Нижне- и Верхне-Туринск, приток Тобола — Тура) и Енисейской губерний (город Туруханск, приток Енисея — Турухан) до Минской, Киевской и Варшавской. Обратим сразу же внимание, что это как раз соответствует области распространения скифской культуры! Культ бога Тура дошел до этих мест, но центр его поначалу находился в местах проживания тавров, то есть на территории современных Молдавии, Приднестровья и Юго-Западной Украины. Агатирсы проживали в западной части этого пространства, на берегах Днестра. Его старое название — Тирас, равно как и имя столицы Приднестровья Тирасполь, явно родственно связываемому с ними этнику «тирсы».

Тирс или тирсен имеет значение «сын Тура». Тирсы — это те же тавры. Если тавры — греческое название народа, поклонявшегося богу Туру, то тирсы — слегка искаженное их древнерусское самоназвание. Агатирс, таким образом, следует переводить как «старший сын бога Тура» или старшина тавров. Словосочетание

Ага-Тирс схоже с такими эпическими оборотами, как Яр-Тур (Ярый Тур) и Буй-Тур (Буйный Бык). В нашем случае «ага» подчеркивает статус Агатирса среди подвластного ему народа. На основе нашего анализа можно также предположить, что агафирсы были своего рода «царскими таврами», то есть представителями наиболее знатных их родов. Оттого они ходили в золоте и считались самым изнеженным племенем.

Обозревая территорию России XIX в., А. С. Фаминцын делает вывод, что названия, производные от «Тур», увековечились в бесчисленном (!) множестве географических названий, свидетельствующих о чрезвычайной популярности в ней этого божества. Кроме того, множество топонимов с данным корнем находилось в Чехии, Моравии и Германии (например, широко известная область Тюрингия). Имя Тура звучит и в некоторых названиях немногочисленных местностей в Австрии, Швейцарии, Италии (Турин!), и даже Франции (город Тур). Выделяя европейский «вектор» распространения культа Тура, наш выдающийся соотечественник, однако, не упомянул об азиатском направлении. И здесь, в первую очередь, вспоминается Туранская равнина в Средней Азии и... государство Турция! Страна, на земле которой покоятся руины арийской Трои, названа по имени древнерусского бога. Ситуация эта, как мы уже убедились не раз, вполне обычная: слишком сильно было культурное воздействие древних ариев на другие народы: у скандинавов Тура называли Тором, у кельтов — Таранисом, у этрусков — Турмсом (Тур-мужем), у румын — Турком, у болгар — Торку, у хеттов — Тарху, у армян — Тарку, у осетин — Таранджелос, у индоариев (в «Ведах») — Траитана, а у

иранцев — Траетаона. Пути распространения культа Тура соответствуют путям миграции тавров-тирсенов.

Оставим пока без внимания северный (в Скандинавию), северо-западный (в Кельтику) и юго-восточный (в Иран и Индию) вектора их миграций. В первую очередь, нас будет интересовать движение в Малую Азию, поэтому сосредоточимся на западном и южном направлениях. Геродотовская легенда о трех сыновьях Геракла и Эхидны говорит о том, что Агафирса изгнали из Скифии. Но тогда маршрут его движения следует представить так:

Таврида => Румыния => Болгария => Турция => Армения.

Чем дальше «уходил» культ Тура от Северного Причерноморья, тем больше искажалось имя бога:

Тур => Турк => Торку => Тарху => Тарку.

Оказавшись на Балканах, тавры не преминули заглянуть в Грецию. У древних греков сохранились старинные сказочные предания, что к северу от Греции появились особые чудовища, у которых зад и четыре ноги были конские, а грудь, голова и руки — человеческие. Эти чудовища, названные греками кентаврами, отличались крайне свирепым нравом, превосходно стреляли из луков и были благодаря быстрому конскому ногам совершенно неуловимы, причем, по греческим сказаниям, между этими кентаврами и греками когда-то происходили кровопролитнейшие битвы. «В этих сказочных преданиях греков о кентаврах, — пишет замечательный русский историк А. Нечволодов, — на первый взгляд совершенно невероятных, есть, однако, большая доля правды. Жестокие битвы греков действительно происходили с

пришельцами с севера, метко выпускавшими стрелы из своих луков и постоянно появлявшимися перед противниками верхом на быстроногих конях, с которыми они, казалось, составляли одно неразрывное целое. Вид этих конных и неуловимых пришельцев, издали поражавших врагов из своих луков, а затем свирепо нападавших на полном конском скаку, особенно поражал греков, так как греки, поселившись в своей гористой стране, мало пользовались лошадьми, сражались пешими и были плохими наездниками. Но тем не менее несмотря на весь ужас греков, эти северные пришельцы были не сказочными чудовищами, а настоящими людьми. Это были, конечно, наши славные предки, славяне, и именно те племена, которые дали начало великому русскому народу. Идя из своей далекой Арийской родины по нашим привольным южным степям, они покорили себе во время этого длинного и долгого пути главного тогдашнего обитателя Русских степей — дикую лошадь, и сделали себе из этого борзого скакуна вернейшего и преданнейшего друга; сроднившись с ним, предки наши стали лучшими в тогдашнем мире наездниками и конными стрелками и наводили ужас на все народы, которые пытались им сопротивляться». Имя «кентавр» следует читать как «конный тавр» — представитель племени тавров. Кентавры уже населяют северную Грецию, когда туда приходит Геракл. Следовательно, с появлением кентавров следует связывать самую раннюю миграцию тавров на запад.

Бог грозы Тару (Тарху) входил в пантеон хеттских богов. Это доказывает присутствие в Малой Азии носителей культа Тура уже во II тыс. до н. э. При этом логично предположить, что анатолийские и греческие тавры были просто разными «ветвями» одной и той же

их миграции на запад. Много десятилетий историки и лингвисты так и не могут разгадать тайну происхождения названия «Троя», а оно связано с Россией — страной, которую они совершенно игнорируют в своих исследованиях. Название ему дали тавры. Троя — это Туров, город священного быка! Невольно вспоминаются строки из стихотворения Даниила Андреева:

Таится дремный мир сказаний
Веков родных щемящий зов
В нешумной музыке прозваний
Старинных русских городов.
И слышу в гордом слове *Туров*
Летящих в мрак ветвей и хвой
Упрямых, круторогих туров
С закинутою головой...

Древнерусский город в Белоруссии и малоазийская Троя в равной степени рождают воспоминания о «круторогих турах». Троянцы — это предки туровцев!

Потомки Агафирса были активными участниками средиземноморской истории. Правда, у античных авторов они упоминаются под разными именами. Стефану Византийскому они известны как травсы. Египетские фараоны упоминают тавров-тирсов в числе «народов моря», нападавших на Египет, и называют турсами, практически воспроизводя «русский вариант» их имени. Мы вправе отождествлять их (на основе сходства имен) с агафирсами и таврами, так как доказали факт миграции этих скифских племен в Малую Азию. Да и что

доказывать, если название крупнейшей горной системы Анатолии — Тавр, в точности повторяет имя северо-причерноморского племени. Тавры и агафирсы, пришедшие в Малую Азию, назывались там тирсенами (или тирренами).

Греческая мифология сохранила для нас легенду, что лидийская царица Омфала родила сына Тирсена от Геракла, когда тот пребывал у нее в рабстве. Некоторые специально оговаривали, что это рабство было любовным, но для нас важна сама информация о родстве Геракла и Тирсена, малоазийского «двойника» Агафирса. Те тирсены, которые перебралась из Лидии на Апеннинский полуостров, стали носить имя этрусков — вот вам и объяснение, откуда на землях Италии появился бог Турмс.

Итак, анализ греческой легенды позволяет сделать вывод о родстве троянцев со скифами. Это еще один аргумент в пользу малоазийской прародины скифов. Теперь уже совершенно ясно, что если излагать вкратце проблему происхождения скифов, то это выглядит так: различные арийские племена, мигрировавшие со своей прародины в страны Средиземноморья и на Ближний Восток, где-то во второй половине II тыс. до н. э. собрались снова на территории западной Анатолии и образовали новый союз. Историкам он известен под именем «стран Арсава», то есть союза отдельных царств под эгидой государства Арсава. После поражения в Троянской войне он продолжил свое существование, и его история — это история народа скифов.

ГЛАВА 9

ПО СЛЕДАМ ТАРГИТАЯ И ЕГО СЫНОВЕЙ

*По рассказам скифов, народ их
— моложе всех <...> Они
думают, что со времен первого
царя Таргитая до вторжения в
их землю Дария прошло как раз
только 1000 лет.*

Геродот

Существует и третья версия относительно происхождения скифов. Она, на наш взгляд, заслуживает наибольшего внимания, так как ее рассказывали сами скифы. По их словам, скифы произошли от первородка Таргитая, сына Бога Небес, и Борисфены, дочери реки Днепр. У родителей было три сына: старший — Липоксай, средний — Арпоксай и младший — Колаксай. По преданию, которое записал Геродот, в их царствование упали с неба золотой плуг, ярмо, боевой топор и чаша — символы власти над земледельцами и воинами. Сыновья Таргитая захотели поднять эти предметы, но как только двое из старших братьев приблизились к ним, возгорелось пламя и заставило их отступить. Когда же вышел вперед самый младший брат, пламя улеглось. Тогда он взял эти символы власти и стал царствовать над скифами.

Скифы указали на свою связь с Поднепровьем. Это уже не Русская равнина или Волга, как в греческих мифах, но по-прежнему пределы Великой Скифии, которая мыслилась античными авторами от Дуная до

Уральских гор. Однако из каких краев родом Таргитай? В данном случае восстановление его родословной как раз и решает проблему прародины скифов.

Академик Б. А. Рыбаков предлагает видеть в прародителе скифов старца-богатыря Тарха Тарховича из наших древнейших сказаний. Он живет на Сиянской горе и враждует с Бабой-Ягой, которая в этом сюжете выступает предводительницей южного, степного войска: воюет с пастухами быков верхом на коне во главе женского конного отряда. Эта точка зрения поддерживает автохтонную теорию происхождения скифов, но согласиться с ней, увы, нельзя. Во-первых, само имя Тарх Тархович говорит о том, что у нашего богатыря был отец Тарх, про которого древнерусский эпос ничего не доносит. Во-вторых, форму «Тарх» в имени старца нельзя признать русской по происхождению. Она соотносится с именем хеттского бога-быка (недаром он правит пастухами быков!). По-нашему богатыря следовало бы величать Тур Турович. Имя Тарх пришло к нам из Малой Азии!

Исследователи-иранисты, отстаивая азиатскую теорию, предлагают сопоставлять Таргитая с иранским Траетаоной, мифическим родоначальником персидских царей и индийским Траитаной, которые, согласно мифам, боролись с трехглавым драконом и освобождали женщин и стада быков. Но их имена не очень-то схожи с Таргитаем. А вот имена хеттского Тарху и армянского Тарку имеют с ним (с учетом оглушения «г») один корень. Прародина Таргитая — Малая Азия, и это окончательно должно разрушить представление о скифах-иранцах. Скифы — малоазийцы по

происхождению, и странно, что еще никто до нас не написал об этом...

Первым царем этрусков был Тархон (Тархетий), опять практически идеальное совпадение с Таргитаем. Этруски — выходцы из западной Анатолии (Лидии), они перенесли в Европу скифскую традицию соотносить прародителя с богом Туром (Тархом), представлявшимся в образе быка. Вспомним легенду об этруском боге Таге, который появился из борозды, пропаханной Тархоном. Видимо, в древности цари тоже ходили за плугом, но по смыслу легенды Тархон — это божественный бык, который вспахивает священное поле. Этруски, выступая наследниками лидийцев (скифов), уже забыли о зооморфной природе мифа. И Тархон, и Таг у них предстают в образе людей. В изначальном же варианте Таг (Тагимасад) считался сыном Тарха-быка и тоже ассоциировался с быком. Но тогда можно заключить, что древнерусский Бык Быкович (Тарх Тархович) — очевидная параллель и Тагимасаду, и Тагу. У этрусков Таг рождается мальчиком, но с седыми, как у старца, волосами. Это отголосок воспоминания о том, что издревле он был светлым, солнечным божеством, и имя ему было Дажь-бог (смотри главу о скифских богах). Тарх Тархович — земное имя солнечного божества Дажьбога. Вот почему старец-богатырь живет на Сиянской горе. Русская традиция восприняла малоазийскую форму имени (Тарх вместо Тур), но сохранила (как и в случае Тага) глубинный след его исходного образа.

Скифы помнили, что исторический Таргитай жил за тысячу лет до вторжения в Скифию персидского царя Дария, то есть около 1513 г. до н. э. Историки относятся к этой информации без всякого интереса. Они раз и навсегда решили для себя, что скифы — ираноязычные

племена. В середине II тыс. до н. э. иранцы еще не выделились из арийской общности, поэтому свидетельство скифов о древности своего происхождения расценивается учеными как похвальба. И совершенно напрасно. В первой части нашей книги говорилось, что в XVI в. до н. э. началось постепенное «выдавливание» арийских племен из восточной Анатолии и северной Месопотамии (хеттами), из Палестины (египтянами), а также из Греции и с Крита (ахейцами). Местом их концентрации стала юго-западная и западная Анатолия, где образовалась коалиция стран Арсавы. На рубеже XV и XIV вв. до н. э. ею правил царь Тархуно-радус, который наголову разбил хеттов и был настолько могуществен, что сам фараон искал брака с его дочерью. Параллель Тархун — Таргитай не вызывает сомнений. Компонент «радус» в его имени относится к кругу арийско-славянской лексики и имеет значение «родитель», «радетель» или «раджа» — царь (по-санскритски). Тархунорадус (царь Тархун) жил всего веком позже 1513 г. до н. э. — «официальной» даты рождения скифского царства. Он был одним из представителей династии царей, создавшей государство Арсаву. Неизвестно, правда, был ли он старшим из рода Тархунов, но его политические успехи были наиболее значительными за все время существования Арсавы. Вполне вероятно поэтому, что, говоря о своем прародителе, скифы вспоминали именно Тархунорадуса.

Идея отождествить Тархунорадуса с Таргитаем становится еще более убедительной, если учесть, что имена правителей с основой «тарх» («тарг») в Анатолии чрезвычайно редки. Можно указать, разве только царя Таргаснаписа (сына Тарха), известного по хеттским источникам и правившего во второй половине XIV в. до

н. э. страной Капаллой, входившей в состав коалиции «стран Арсавы». В то же время в западной Анатолии обнаружена лувийская иероглифическая надпись, из которой вычитывается царское имя Таргасна-или. У хеттов царей с похожими именами вообще нет. Таким образом, уже сам ареал распространения таких царских имен локализует место скифской прародины. Подчеркнем, однако, что первым царем у этрусков был Тархон, а на Руси помнили о Тархе Тарховиче. Эти наблюдения ведут к выводу, что потомки Таргитая осуществили как миграцию на Апеннины, так и в Причерноморье. Одной из дорог возвращения тавров на Русь была «тропа Троянова», другая же дорога была уже собственно скифской и чисто азиатской. О ней и пойдет в основном речь чуть позже.

Особого разговора заслуживают золотые предметы, упавшие с неба перед сынами Таргитая: плуг, ярмо, боевой топор и чаша. Каждый из них, как выяснится, имел свой священный смысл.

Начнем с **плуга**. Для исследователей, пытающихся изобразить скифов кочевым народом, упоминание о нем — все равно, что нож в сердце. Плуг — это значит земледелие, оседлый образ ведения хозяйства, наличие поселений и конечно же городов. Этруски, как уже говорилось, унаследовали обычаи и традиции малоазийских скифов. Обращение к хорошо известным проявлениям их ритуалов помогает прояснить божественное предназначение золотого плуга. Когда Ромул и Рем решились основать новый город на берегах Тибра, то обратились за помощью к этрускам. В древние времена переселение с одного места на другое было рискованной процедурой: приходилось опасаться, что обожествленные предки разгневаются и обрушат свою

кару на колонистов. Плутарх и Дионисий Галикарнасский сообщают, что Ромул пришел к этрускам из Тарквиний с вопросом: какие обряды ему следует совершить, чтобы его предки приняли новый дом?

Царь Тарквиний посоветовался с гаруспиками, и те решили помочь латинам. Ритуал закладки нового города осуществлялся в строгом соответствии с древними обычаями этрусков. Когда гаруспики выбрали на Палатинском холме подходящее место, там разожгли огонь. Через этот костер перепрыгнули все, кто пришел с Ромулом на новое поселение: тем самым они очистились от зла. Затем гаруспики велели Ромулу выкопать в земле круглое углубление в том месте, где он желал разместить центр будущего города. Это углубление, или мундус, должно было стать каналом, через который обожествленные предки латинов смогут посещать мир живых в определенные три дня года. Ромул и каждый из его спутников благоговейно опустили в мундус по горсти принесенной с собой священной земли предков. В ходе следующего обряда Ромул должен был провести границу будущего города. Он запряг в бронзовый плуг белого быка и белую корову. Облачившись в священные одеяния, Ромул провел вокруг мундуса на нужном расстоянии глубокую борозду. Ни один человек не дерзнул бы отныне наступить на эту линию или переступить через нее: иначе он рисковал навлечь на себя гнев богов. Предание гласит, что Рем нарушил это правило — и заплатил жизнью за свою провинность.

Бронзовый плуг принадлежал этрускам и был священным предметом бога Тарха (Тура, Турмса), почитавшегося в образе белого быка. Этот плуг вычертил границу территории, которая после этого уже находилась под охраной местных богов. Аналогично скифы с

помощью священного плуга основывали свои города и поселения. Этот ритуал перешел впоследствии в христианство: вспомним хотя бы, как Хома Брут чертил вокруг себя круг-оберег, внутрь которого не могла проникнуть нечистая сила.

Золотое **ярмо** для быка. Оно воскрешает в памяти одну очень древнюю историю. Римский историк Помпей Трог, рассказывая о походе Александра Македонского в Малую Азию, пишет: «После этого он двинулся к городу Гордию, расположенному между Великой и Малой Фригией. Александром овладело страстное желание обладать этим городом не столько из-за добычи, сколько потому, что, как он слышал, в этом городе в храме Юпитера находилось ярмо от повозки Гордия; а еще в древности было предсказано оракулом, что тот, кто развяжет узел на этом ярме, будет властвовать над всей Азией. Вот что лежит в основе этого поверья. Некий Гордий пахал в этих местах на нанятых быках, и вдруг вокруг него начали летать птицы разных пород. Он пошел посоветоваться по этому поводу с авгурами соседнего города, и вот в городских воротах его встретила девушка необычайной красоты. Он стал расспрашивать ее, с каким авгуром ему лучше посоветоваться; она же, узнав, о чем он хочет просить совета, будучи сама обучена родителями искусству гадания, ответила, что птицы предвещают ему царскую власть, обещав, что будет ему и женой, и соучастницей его чаяний. Такое прекрасное предложение показалось ему первым счастливым шагом к царской власти. После их свадьбы между фригийцами началась смута. Когда они запросили оракула, когда кончатся распри, то получили ответ: при распрях нужен царь. Тогда вторично спросили, кого именно избрать царем, и получили

повеление: поставить царем того, кого они на обратном пути встретят едущим на повозке в храм Юпитера. Им попался навстречу Гордий, и они тотчас приветствовали его как царя. В честь царской власти Гордий поставил в храме Юпитера ту повозку, на которой он ехал, когда ему было вручено царство. После него царствовал сын его Мидас, который посвященный Орфеем в священные обряды мистерий, распространил почитание богов по всей Фригии, что в течение всей его жизни служило ему более надежной защитой, чем оружие. Итак, Александр взял город, пришел в храм Юпитера и стал спрашивать о ярме от повозки Гордия. Когда его показали Александру, он не смог найти концов от ремней, скрытых в узлах. Тогда он решил воспользоваться предсказанием оракула, хотя бы применив насилие: он разрубил ремни мечом и, таким способом распутав сплетения ремней, нашел скрытые в узлах концы».

Фригия — область в центральной части Малой Азии. Она соседствовала с Лидией, находившейся западнее. Правление царя Гордия приходится на середину VIII в. до н. э. В Лидии в то время уже более четырехсот лет правили Геракл иды, которые были родственны скифам и чтили их древнейшие ритуалы, связанные с культом быка. Отсюда следует, что речь во фригийской легенде идет о том самом золотом ярме, которое упало с неба к сынам Таргитая. Скифы были одним из тех немногих народов, которым удавалось добиться власти над Азией. Геродот упоминает, что «скифы 28 лет владычествовали в Верхней Азии». Помпей Трог утверждал, что скифы

добивались этого трижды. В анатолийских царствах развязывание («разрубание») ярма было одним из ритуалов, которые исполнял царь при вступлении на трон. Во фригийской легенде антропоморфный Юпитер заместил бога-быка Тарха, для которого и предназначалась священная повозка царя. Способность царя управляться с ярмом свидетельствовала о его особом статусе приближенного к богу, а значит, и о способности покорить мир.

Третий предмет — боевой **топор**. Думается, что здесь речь идет о том самом топоре, который Геракл похитил у амазонок и передал царице Лидии Омфале. О форме священного оружия тоже гадать не приходится: это лабрис — двусторонний топор. Его небольшим усовершенствованием служит обоюдоострая секира. Это сакральный предмет. Его округлые формы служат символом женского начала, а понижывающее их топорище (древко) — мужского. Название культового топора родственно слову «лабиринт». Для лингвистов его смысл темен и загадочен, но, как и сами лабиринты, оно русское по происхождению. Лабиринт — это лоб Арины (Яры), священное место богини ариев. По смыслу это бабье лоно. От этого выражения получил свое название и вавилон — рисунок, напоминающий лабиринт, но составленный из нескольких вписанных друг в друга прямоугольников. Лобное место — не просто возвышение, это еще и алтарь, где в древнейшие времена приносились жертвы Великой Богине. В лабиринте жертвоприношение осуществлялось в центре спирали, который мыслился местом связи с миром предков. При закладке этрусских городов эту роль играл мундус. Смысл этого этрусского слова теперь совершенно ясен. Мундус, являвшийся священным центром города,

мыслился также входом в жилище бога. На его месте в будущем закладывался храм. Кстати, в переводе с греческого имя Омфала означает «пуп», «центр», «середина», что очень подходит для хозяйки мундуса. Обладание лабрисом символизировало контроль над святилищем и власть над городом (обладание военной силой). По преданию, он достался Колаксаю, который и стал царствовать над скифами.

Наконец, последний предмет — **чаша**. Изначально ее использовали для сбора крови жертвенного быка (древнейший прообраз Грааля), но потом она стала общей чашей ритуального винопития во время религиозных празднеств и при освящении братских союзов. Геродот сообщает, что во время царствования Креза (560–546 гг. до н. э.) спартанцы изготовили в подарок лидийцам медную чашу для смешивания вина, украшенную по краям всевозможными узорами, огромных размеров, вместимостью на 300 амфор. Но она так и не попала в Лидию: то ли потому, что ее похитили в пути, то ли потому, что столицу государства город Сарды к тому времени уже захватили персы. Напрашивается мысль сопоставить эту чашу с тем священным сосудом, о котором упоминает скифская легенда. Но почему ее везут не из Лидии, а, наоборот, в Малую Азию? И почему ее изготовление взяли на себя спартанцы? Все объясняется, однако, на редкость просто. Царь Крез принадлежал к роду, сменившему в начале VII в. до н. э. Гераклидов. Но приход новой династии предполагает и обновление святынь. Изготовление новой ритуальной чаши восстанавливало связь с верховным божеством и подчеркивало преемственность царской власти. В Спарте особо почитали Геракла, поэтому чаша, изготовленная

там, символизировала братский союз греческих и малоазийских Гераклидов.

Все четыре священные регалии скифских царей обнаруживают связь с Лидией и непосредственно прилегающей к ней Фригией. Все ниточки из клубка скифской легенды ведут к одному и тому же центру. Находит даже объяснение и, казалось бы, малозначительная деталь, что все упавшие с неба предметы были не бронзовыми, не медными, а золотыми. Дело в том, что именно фригийскому царю Мидасу, сыну Гордия, греки приписывали дар обращать все, к чему он прикоснется, в золото. Сказки, как говорится, сказками, но опять-таки нельзя не подчеркнуть, что это предание относилось не к иранскому или какому-нибудь другому правителю, а к малоазийскому тирану.

Для полноты анализа легенды о сыновьях Таргитая нам осталось только объяснить значение их имен и указать те исторические народы, которые они олицетворяли. А согласно Геродоту, «от Липоксаиса, как говорят, произошло скифское племя, называемое авхатами, от среднего брата (Арпоксаиса — А.А.) — племя катиаров и траспиев, а от младшего из братьев (Колаксаиса — А.А.) — царя — паралатов». На сегодняшний день принято считать, что имена трех братьев имеют во второй части слова общий элемент, передающий иранское «владыка, царь», а в первой части содержат корни, имеющие значения «гора», «глубь» и «солнце». В такой интерпретации миф о трех братьях моделирует трехчленную по вертикали структуру мира, включающую верхний мир (небо, солнце), нижний мир (земную и водную глубь) и горы как средний, связующий их элемент. Относительно трактовки названий родов, подвластных братьям, сколько-нибудь

удовлетворительные версии отсутствуют. Странно, не правда ли? Ведь речь идет о скифском предании, где должна присутствовать самая точная и сокровенная информация. А выходит, что и названия у племен какие-то диковинные (вроде, как и не скифские), да и имена братьев — сплошная аллегория.

Всякая легенда есть своеобразное послание к будущим поколениям. Его создатели неизбежно думают о том, что оно должно быть понято их потомками, иначе зачем оно нужно? И вот представьте себе скифских жрецов, которые задалась целью донести до нас в завуалированной форме совершенно банальную структуру мира (имена братьев содержат только корни выбранных понятий!), да еще и придумали диковинные народности, о которых не один историк никогда не слышал. Ну, не чудеса ли?! Точнее, насколько глубоко надо было удалиться от истины, чтобы рождать такого рода теории.

Следы сынов Таргитая, однако, следует искать не на иранской, а на малоазийской почве. Для этого рассмотрим ту геополитическую ситуацию, которая сложилась в Анатолии на рубеже XVI и XV вв. до н. э., то есть за тысячу лет до похода Дария на скифов. Хеттская держава находилась в то время в состоянии глубокого кризиса. Но огромного политического влияния добилась страна Митанни, располагавшаяся в Северной Месопотамии, но распространившая к тому времени свои границы как на запад (на города-царства Северной Сирии), так и на восток — вплоть до северных предгорий Загроса (юго-запад Ирана). Союз этого митаннийского государства и малоазийской Арсавы мы назвали Средиземноморской Русью.

В свете нашей интерпретации братья Липоксаис, Арпоксаис и Колаксаис должны символизировать те народы, которые составили новый (скифский!) союз. Колоксаис, которому достались золотые предметы, олицетворяет народ Арсавы (население, проживавшее на территории позднейшей Лидии и близлежащих к ней областей). Липо-ксаиса же естественно связать с историческими лувийцами, проживавшими на севере Сирии и в Ливане (чуть позже под натиском войск египетских фараонов они мигрировали в южные и юго-западные области Анатолии). Центром их притяжения служил, по-видимому, крупнейший сирийский город Алеппо, название которого родственно имени царя Липо. В своей звонкой огласовке — Либо (Ливо), это имя напоминает и о Ливане, и о Ливии, и о ливийцах (лувийцах) — индоевропейском народе, проживавшем на средиземноморском побережье Сирии, Палестины и Египта. Именно их поддерживали «народы моря» в войне с Египтом. Скорее всего, слово Либо (Ливо, Липо) обозначало Белый (сравни, по-гречески оно звучит как «левкое», а по-латински «альба»). Лувийцы, по-другому, светлые. Напомним также, что они привнесли в скифское сообщество культ богини Света — Табити.

Имя Арпо следует связать с названием восточной области Митанни — Аррапха (современный Киркук). Это едва ли не единственный топоним, созвучный имени скифского царевича во всей Малой Азии, Ираке и Сирии того времени. В Митанни, как мы помним, правили арийцы. Если принять, что название области происходит от формы «Ар-рабхас», то его значение — «Арийская мощь». На санскрите «ксайя» — «племя», «род», «народ», так что имя Арпоксаис следует читать как «из

народа Аррапхи». Сила и величие этой области даже по современным меркам впечатляет. Во-первых, в ней находилось огромное количество башенных комплексов, служивших местом сосредоточения ремесленных общин. По юридическим документам, повествующим только о тех из них, которые переходили в другие руки, таких комплексов насчитывается до сотни. Во-вторых, в сравнительно небольшой Аррапхе находилось не менее двух десятков дворцовых центров. И те и другие были центрами ремесленного производства, но если во дворцах ремесленники-профессионалы были представлены единицами, то в каждом из башенных комплексов их насчитывалось до полусотни, не считая членов семей. Дворцы извлекали пользу из оптовой торговли, забирая до 10 процентов от цены товара — за оплату безопасности передвижения и хранение на складах.

В Аррапхе чтилась триада богов — Тешшуп, Хепат и дитя их Тилла (бугай, корова и телок). Первые двое, как мы установили, вошли в скифский пантеон богов под именами Тагимасада и Апи. Почитание триады (семьи) богов в образе быка, коровы и теленка следует рассматривать как развитие культа бога Тура. Арпоксаис царствовал над траспиями и катиарами. Траспии — это те же тавры (тирсены, турсы). Название «катиары» мы предлагаем читать как «хатты-арии». Хатты — это народ, который населял области центральной Анатолии до прихода туда хеттов. Пришельцы частично вытеснили местное население на юг. Их союз с ариями-митаннийцами и стали называть катиарами. Липоксаис властвовал над авхатами — «благородными хаттами» или «истинными хаттами», которые не смешивались с пришлыми этносами. Если мы правы в

истолковании имени Липоксаиса, то авхатов следует считать лувийским племенем.

Для исследователей серьезную загадку представляет название племени, которое возглавлял Колоксаис, — паралаты. От безысходности они (в частности, Б. А. Рыбаков) предположили, что это слово надо воспринимать как иранское «парадаты» — «первенствующие». Одному Богу ведомо, сколько диссертаций использовало эту этимологию, но, подобно большинству иранских параллелей, она не ухватывает первоначального, основного смысла понятия. В главе о скифских богах мы уже упоминали о хеттском празднике Нового года — пурулле. Отмечали его и в стране Митанни. На языке митаннийцев (хурритском) это слово означало «храм». Паралаты, следовательно, — это жрецы храма, священническое сословие, хранители культа Солнца. Тут самое время вспомнить о царе паралатов — Коло. Так русские и славяне именовали бога солнца, более поздняя форма его имени — Коляда. Хранители культа Коляды назывались колядунами или просто колдунами. Паралаты — это, по-нашему, колдуны. Колаксаис возглавлял жреческое сословие скифов, и потому священные золотые реликвии достались ему совсем не случайно. По Геродоту, Колаксаис был первым царем Великой Скифии, а «общее название всех скифов, по имени этого царя, было сколоты» — сыны (потомки) царя Коло.

Скифская легенда содержит огромный массив информации о начальной фазе скифской истории. Но она содержит также ключ и к прозрению более поздних этапов их этногенеза. Если скифская общность складывалась при доминирующем влиянии бога Тура (Тарха — Таргитая), то впоследствии его роль перешла уже к богу Коляде (Коло). Изучая ареал распространения его культа, можно проследить путь движения скифов из Малой Азии в южнорусские земли.

«Коло» в древнерусском языке значит «круг». По-гречески же «круг» звучит как «кикрос». Соответственно скелотов греки называли киклопами или циклопами. Мифы рассказывают, что циклопы были строителями гигантских стен и кузниц вначале во Фракии, а затем на Крите и в Ликии (область Малой Азии южнее Трояды). В их честь группа островов Эгейского моря названа Кикладскими. Один из таких островов, возвращаясь из Троянского похода, посетил Одиссей. Полифем вполне миролюбиво начал разговор с гостями, но его отношение к ним сразу изменилось, как только он узнал, что странники прибыли «город великий разрушив и много врагов истребивши». Циклоп, очевидно, сочувствует троянцам, и оттого пытается отомстить ахейским воинам. Троянская война датируется началом XII в. до н. э. В этом же веке исчезают и следы кикладской культуры. Греки целенаправленно вытесняли из Эгейского региона потомков ариев, и визит Одиссея на Киклады был лишь «первой ласточкой».

Глаз циклопа является символом солнца, солярной эмблемой. Когда Одиссей ослепляет Полифема, солнце перестает светить. Хотя в ту пору уже наступило утро

(Одиссей дождался зари), слепой циклоп взывает к звездам (!):

... тут начал он, к звездному небу поднявши
Руки, молиться отцу своему, Посейдону
владыке...

Символически действия Одиссея следует истолковывать как надругательство над культом кикладского бога солнца Коло.

Истоки образа Полифема таятся в русском фольклоре. Это Одноглазое Лихо. Его изначальное имя было Одноглазое Лико и отражало главную его примету — лицо с одним глазом посередине. Как и Коло, Лихо — солярное божество, но оно более древний персонаж, нежели Коло. Оттого и изображают его не красивым и светлым, а уродливым и мрачным. Таков удел первобогов. Но именно их имена живут в названиях племен.

Ликийцы — исторический народ. Ликией называлась область в юго-восточной части Малой Азии, но были также ликийские поселения и в Троаде. По преданию, ликийцы переселились сюда с Крита. Геродот сообщает также, что «обычаи их частью критские, частью карийские»; они тоже не греки, а варвары. Страбон упоминает, что для строительства крепостных стен в Тиринфе (город на полуострове Пелопоннес) были приглашены циклопы из Ликии. Но это означает, что ликийцы и циклопы были в дружественных отношениях. У ликийцев долгое время сохранялся матриархат, они называли себя по матери, а не по отцу. «Если кто-нибудь спросит ликийца о его происхождении, тот назовет имя своей матери и перечислит ее предков по материнской

линии. И если женщина-гражданка сойдется с рабом, то дети ее признаются свободнорожденными. Напротив, если гражданин — будь он даже самый влиятельный среди них, — возьмет в жены чужестранку или наложницу, то дети не имеют прав гражданства» (Геродот I, 173). Из всех арийских племен, оказавшихся в Средиземноморье, они долее других исповедовали культ Великой Богини.

В Троянской войне ликийцы сражались против греков. В «Илиаде» они упоминаются Гомером большее число раз, чем все союзники троянцев вместе взятые. Царь ликийцев Сарпедон — один из наиболее авторитетных вождей-защитников, именно он от лица пришедших под Трою народов заявляет (Илиада V, 473–479):

Гектор! где твое мужество, коим ты
прежде гордился?

Град, говорил, защитить без народа, без
ратей союзных

Можешь один ты с зятьями и братьями; где
ж твои братья?

Здесь ни единого я не могу ни найти, ни
приметить.

Мы же здесь ратуем, мы, чужеземцы,
притекшие в помощь;

Ратую я, союзник ваш, издалека
пришедший.

О храбрости ликийцев в древности ходили легенды. «Ликийцы же, когда Гарпаг (ставленник Кира I, основателя персидской державы — А.А.) вступил в долину Ксанфа (город в Ликии — А.А.), вышли ему навстречу и доблестно сражались небольшими отрядами против огромного войска. Потерпев поражение, они были оттеснены в город [Ксанф]. Тогда ликийцы собрали на акрополе жен, детей, имущество и рабов и подожгли акрополь, отдав его в жертву пламени. После этого ксанфии страшными заклятиями обрекли себя на смерть: они бросились на врага и все до единого пали в бою» (Геродот, 1,176). Так же отважно воюют ликийцы и в «Илиаде».

Конец кикладской культуры (XII в. до н. э.) совпадает по времени с последней фазой вытеснения ариев с материковой части Греции, Крита и близлежащих островов. Перебраться на западное побережье Анатолии побежденные не могли, поскольку и там, выиграв Троянскую кампанию, господствовали греки. Поэтому отступление велось только в направлении Фракии. Отсюда, накопив силы и получив подкрепление от северных «варваров», они вторглись в Анатолию, разгромили Хеттскую державу и прошли победным маршем по всему Междуречью, вплоть до Вавилона. В их числе было и племя халдеев (халдов, халибов, халиту). Вся группа этих названий, очевидно, соотносится со словами Коляда (колдун). Именно колдуны-халдеи принесли в Азию культ бога Коляды. В государстве Урарту (существовало на территории Армянского нагорья в первой половине I тыс. до н. э.) Коляда почиталась под именем верховного бога Халди.

Культ Халди имел общегосударственное значение, ему поклонялись также в пограничных районах Ассирии

(древнее государство на территории современного Ирака). Важнейшим его культовым центром был храм в городе Мусасир, который был местом коронации урартских царей и одновременно их сокровищницей. Этот бог изображался воином, стоящим на льве. Его молили о победе над врагом. В посвященном ему храме отправляли культ копья и щита. Круглый сверкающий щит символизировал солнце, а копье — всепроникающие лучи света.

Другой след народа халдеев обнаруживается в Вавилоне. Халдеи прорвались сюда с территории Урарту во время одного из походов в Северную Месопотамию. Первые сведения о стране Калду в Вавилонии и ее обитателях халдеях относятся к IX в. до н. э. Среди местных арийских племен они поначалу не занимали доминирующего положения, и их бог Коляда не стал верховным, как это произошло в Урарту. Ему была отведена более скромная роль хранителя жизненной силы человека. Вавилоняне называли его Алад и изображали крылатым быком. Однако в 626 г. до н. э. халдейская династия пришла к власти. Именно ее представитель, знаменитый царь Навуходоносор II, сделал Вавилон великим и могущественным. В 605 г. до н. э. он захватил территории Сирии и Палестины, в 586 г. до н. э. разрушил восставший Иерусалим, ликвидировал Иудейское царство и увел в плен большое число жителей Иудеи. При нем были сооружены Вавилонская башня и висячие сады.

Итак, к числу потомков Колоксаиса относились циклопы, ликийцы и халдеи. Наряду с митаннийцами Аррапхи и лувийцами они составляли часть того азиатского «мира», который постепенно дрейфовал на

восток, чтобы однажды объявиться в южнорусских пределах под именем скифов.

ГЛАВА 10

СКИФЫ В АЗИИ

*Я русский, я русый, я
рыжий.*

*Под солнцем рожден и
возрос.*

*Не ночью. Не веришь?
Гляди же*

*В волну золотистых
волос.*

*Я русский, я рыжий, я
русый.*

*От моря до моря ходил.
Низал я янтарные бусы,
Я звенья ковал для
кадил.*

*Я рыжий, я русый, я
русский.*

*Я знаю и мудрость и
бред.*

*Иду я — тропинкою
узкой,*

*Приду — как широкий
рассвет.*

К. Бальмонт

Рассмотрев последовательно все известные предания о происхождении скифов, мы можем с уверенностью заключить, что все они допускают логичное и непротиворечивое объяснение. Мифы открыли нам прародину скифов! Разве можно после этого отрицать в них реальное историческое содержание?! Скифская история действительно необычна, и традиционные способы исследования — археологические раскопки или лингвистические изыскания — здесь дают сбой. Особенностью скифов является то, что они не разрывали связи со своей северной прародиной, с миром ариев. В отличие от современных ученых античные историки прекрасно сознавали это.

Согласно Помпею Трогу, скифы добивались господства над Азией трижды. Первая эпоха владычества продолжалась... полторы тысячи лет и завершилась около 2054 г. до н. э. Помпей Трог писал: «Азия платила им (скифам. — А.А.) дань в течение 1500 лет; конец уплате положил ассирийский царь Нин». Тому же самому событию дал датировку и испанский писатель V века Павел Оросия: «За 1300 лет до основания Рима царь ассирийский Нин, поднявшись с юга от Красного моря, на крайнем севере опустошил и покорил Эвксинский Понт (Черное море. — А.А.)». Сопоставляя даты (основание Рима произошло в 753 г. до н. э.), можно вычислить, что пришельцы с севера (троговские скифы) доминировали в Азии в XXXVI–XXI вв. до н. э. Такой взгляд очень хорошо вписывается в нашу интерпретацию истории древней Азии, а выделенный отрезок времени примерно

соответствует первой фазе активности древних ариев в Передней Азии и странах Средиземноморья, включая Египет. Правда, государства Ассирии в то время еще не было, но оно в известной степени было правопреемником Аккадского царства, в котором уже в XXIII в. до н. э. арии не играли сколько-нибудь значительной роли, а власть перешла к семитской династии Саргона. Потомки этого аккадского царя около столетия доминировали в Месопотамии, они успешно воевали в Сирии, Малой Азии и на территории современного Ирана. Внук Саргона Нарам-Суэн (2236–2200 гг. до н. э.) был наиболее могущественным представителем рода Саргонидов и называл себя «царем четырех сторон света». Вполне возможно, что именно его Помпей Трог и Павел Оросия соотносили с царем Нином.

Примерно тогда же арии утратили свои ведущие позиции также в Египте. Интересно, что на это время приходится закат Ямной культуры и начало Катакомбной. Утрата завоеваний на юге потребовала от ариев метрополии каких-то социально-политических изменений, что отразилось в частичном изменении типа археологической культуры. Но проведенная перестройка не замедлила сказаться. В самом начале II тыс. до н. э. из прикаспийских областей последовало мощное вторжение ариев в Азию. Здесь, на территории Северной Месопотамии и Малой Азии, они создали государство Митанни, обеспечив поддержку тех арийских сил, которые сконцентрировались в Палестине, Сирии и части Малой Азии и называли свою страну Русеной. Подразумевая это событие, Помпей Трог утверждает, что скифские юноши царского рода — Плин и Скол опит — около XXI в. до н. э. основали на южном берегу Черного моря знаменитое «царство амазонок».

Рассказы об амазонках — едва ли не самая загадочная «страница» античной литературы. Таинственные девы-воительницы присутствуют не только в греческих мифах, но и в исторических трудах древних авторов. Для греков амазонки были реальным народом, с которым встречались и воевали их героические предки — Геракл и Тезей. Тему необычных женщин, живущих замкнутым сообществом, не обошел и Геродот. Вдумчивый историк, он попытался ответить на основные вопросы — откуда взялись амазонки, как начались их контакты с греками и с кем они соседствовали. По его версии, греки, расширяя свое знакомство с Малой Азией, столкнулись с амазонками где-то в глубине полуострова на реке Фермодонт. Произошла битва, греки победили в ней, захватили добычу и, погрузив ее на три корабля, отправились домой. В море амазонки, выбрав удачный момент, перебили греков, но управлять судами они не умели. Их долго носило по морю и, наконец, прибило к побережью Меотиды (Азовского моря).

Эта история имеет до некоторой степени сказочный оттенок, но в ней присутствуют конкретные географические ориентиры. К тому же наиболее авторитетный географ античности — Страбон — указывал, что река, впадающая в Меотиду, отделяет амазонок от жителей Кавказа. Другие исторические источники также называют Азовское море и Северный Кавказ как прародину амазонок. С каким же реальным народом следует связывать этих легендарных чудо-женщин?

У арийского племени меотов, проживавшего на берегах Азовского моря и известного в Малой Азии под именем народа митанни, особым почетом и уважением пользовался культ Великой богини. Очень вероятно, что

в среде меотов-митаннийцев могли зародиться и существовать закрытые женские общины, состоящие из посвященных в таинства данного культа. Подобно весталкам, жрицы Великой богини жили уединенно от мужчин, но при этом они обучались военным искусствам и навыкам ведения боевых действий. Говоря о царстве амазонок в Азии, Помпей Трог, скорее всего, имел в виду ариев-митаннийцев. Именно они в начале II тыс. до н. э. проникли в Малую Азию и создали здесь свое государство. Вначале оно охватывало и центральную часть полуострова Анатолия, а значит действительно находилось на южном побережье Черного моря. В середине XVII в. до н. э. из него выделилось Хеттское царство во главе с индоевропейской (неарийской) династией. Оно проводило самостоятельную политику, зачастую враждебную государству Митанни. Будучи «урезанными» территориально, митаннийцы, однако, еще долго, вплоть до образования Ассирии в XIV в. до н. э., оставались влиятельнейшей политической силой в этой части мира. Закат второй эпохи могущества ариев («скифов») в Азии символизировала Троянская война и походы «народов моря» на Египет.

Помпей Трог отождествляет скифов с митаннийцами. Сама по себе скифская общность, однако, сложилась позднее, на рубеже XVI и XV вв. до н. э. В нее вошла только часть митаннийцев (из области Аррапха). Помимо них ее составили племена лувийцев и ликийцев, проживавших на юго-западе и западе Анатолии. Таково наше историческое уточнение. Но нельзя не признать, что историческая концепция Трога, хотя и написана широкими мазками, включает в себе значительный пласт исторической правды. Римский историк обозначает общим словом «скифы» все те племена, которые вышли с

территории Восточной Европы, либо вошли в зону их политического влияния. Другими словами, Трог называл скифами ариев и их потомков. С поправкой на это замещение имен его история совпадает с нашей точкой зрения. Примечательно также, что имя Сколопит родственно самоназванию скифов.

Крупные военные столкновения египтян с ариями в XIII–XII вв. до н. э. древние писатели представляли как войны фараона со скифами. Так, Геродот сообщает, что на скифов ходил некогда воевать «фараон Сезострис». Павел Оросий утверждал, что на Скифию напал «фараон Весоз». Это имена собирательные. В противовес этим двум авторам Корнелий Тацит правильно называет имя фараона, одержавшего победу над «скифами». Согласно ему, «царь Рамзес овладел Ливией, Эфиопией, странами мидян, персов и бактрийцев, а также Скифией». Под Скифией здесь, очевидно, следует понимать те ближневосточные и средиземноморские области, которые находились до того под контролем ариев. Египтяне вытеснили арийские племена из сопредельных им земель, но до Северного Причерноморья они никогда не доходили. Итак, античные историки связывали подвиги арийских племен с деяниями современных им скифов. Но когда возник этноним «скифы»? И что он означает?

Для разговора на эту тему очень полезно начать с ряда важнейших наблюдений, приведенных в книге Л. А. Гиндина и В. Л. Цымбурского «Гомер и история Восточного Средиземноморья». В «Илиаде» особую роль играют Скейские ворота. Они непосредственно обращены к полю битвы: над ними восседают на стене троянские старейшины, глядя на подступающее к городу ахейское войско, через них выезжает Приам для принесения

клятвы перед поединком Менелая с Парисом. Эти ворота неоднократно упоминаются Гомером и в других местах поэмы, очень часто в контекстах, где речь идет о выходе троянцев на битву или об их отступлении в город. Поскольку, согласно поэме, смотр ахейских войск происходил в находившейся к югу от Илиона Скамандрийской долине, надо полагать, что Скейские ворота смотрели на юг. Наряду с ними в поэме упоминаются также и Дарданские ворота. Они обращены к древнему троянскому городу Дардану, лежавшему на северо-северо-восток от Илиона. Эти ворота упоминаются лишь однажды.

Гомер как бы предлагает различать «скейскую» и «дарданскую» часть Трояды. Но если смысл названия Дарданских ворот совершенно ясен, то относительно Скейских ворот этого сказать нельзя. В свете поиска малоазийских корней скифов весьма заманчиво предположить, что, равно как и Дарданские, Скейские ворота связаны с определенным историческим народом, который был причастен к истории Трои. Эта идея отнюдь не нова. Уже Страбон сближал название ворот с именем фракийского племени скеев, по-видимому, родственным упоминаемому им названию реки Скей и отразившимся в обозначении некой крепости как «Скейской стены». Стефан Византийский, ссылаясь на Гекатея, говорил о скеях в описании Европы, помещая их между Троадой и Фракией. Историк Полиэн писал о фракийском племени скайбоев (скей-воев, воинственных скеев), отмечая существование в континентальной части Фракии «города или поселения скеев». Свое микроисследование Л. А. Гиндин и В. Л. Цымбурский заключают так: «Вероятность проникновения скеев в Северо-Западную Анатолию выводится не только из сопоставления

свидетельства Гекатея с ролью Скейских ворот в повествовании Гомера. Оно может быть подкреплено и некоторыми дополнительными данными. В этрусской ономастике, отличающейся многочисленными западноанатолийскими вкраплениями, обращают на себя внимание родовые имена *Скева*, *Скевия* с этрусско-латинскими продолжениями *Скаева*, *Скаевиниус*, *Скаевола* <...> С другой стороны, Г. Б. Джаукян предполагает участие фракийских скеев в великом движении северобалканских народов, включая фракийские, протофригийские и протоармянские племена, в конце II — начале I тыс. до н. э. прошедшие с битвами всю Анатолию до восточных ее пределов. <...> Если принять эту гипотезу, можно будет объяснить полное отсутствие скеев в исторической Трое. Между тем некогда они должны были играть в ее истории весьма заметную роль, если их имя и местопребывание стали одним из важнейших ориентиров в греческих воспоминаниях о планировке Илиона».

Мы принимаем эту идею. Но, со своей стороны, хотим дополнить и уточнить ее. Помимо Скейских ворот в «Илиаде» есть еще одно важное указание на присутствие скеев в Трое. Одного из богов, покровительствующего троянцам, зовут Скамандр. Такое же название имеет и река, протекающая на троянской равнине. О ней сказано в «Илиаде» (XX,73–74): «...великая глубоководная река, которую Ксанфом называют боги, а смертные Скамандром». Это название возникло из праформы «Ска-меандр». Его первая часть является собственно именем, а вторая означает «речная излучина». В нашем прочтении Скамандр — это река Ска. Ее имя связано с названием народа скеев.

Известно, что в коалицию стран Арсавы входила страна реки Сеха. Эту реку можно отождествить и с гомеровским Скамандром, и со страбоновской Скеей. Сразу три источника говорят о существовании скейского топонима, и это верный признак того, что скеи не были в Троаде случайными гостями.

Теперь о главном. Примем, что фракийские скеи, придя в Малую Азию, стали называться скифами. Каков тогда смысл их имени? Некоторые историки и сегодня толкуют его как «скитальцы», то есть кочующие с места на место. Такое определение очень подходит скифам, но, думается, не оно лежит в основе их имени. Мы принимаем мнение болгарского ученого Д. Дечева, который предложил производить этноним скеев от индоевропейского корня *skai* — «светлый». Тогда скифы-скеи — это попросту светлые (светловолосые, светлолицые, светлокожие). Косвенно эту версию подтверждает божественное название реки Скамандр. Ксанф по-гречески значит «рыжий, светло-золотистый», следовательно, и Скамандр можно переводить как «светлый меандр».

Страбон упоминает о фракийских ксанфиях: это те же золотоволосые скеи. Изначально они проживали в Подунавье (в области Мисия). Временем их миграции в Малую Азию естественно считать середину II тыс. до н. э., то есть тот момент, когда начинала складываться скифская общность. Как итог их переселения, между Троей и Лидией возникла малоазийская Мисия, частично совпадающая с областью, известной хеттам как «Страна реки Сеха».

Вместе со скеями в Анатолию пришли и их фракийские соседи — племя кебренов. К югу от Скейских

ворот находилась равнина Кебрения. По ней струилась река Кебрен, на которой стоял одноименный город, а жителей звали кебренцами или кебренийцами. Еще в конце V в. до н. э. Ксенофонт писал о Кебрене как о «поселении, чрезвычайно укрепленном». На основании этих данных Л. А. Гиндин и В. Л. Цымбурский высказали догадку, что «колонисты из скеев и кебренов «перебрались через проливы совместно и заселили соседние области в Трояде южнее Илиона, но потом троянские скеи частично ассимилировались, частично на рубеже II–I тыс. до н. э. ушли в глубь Анатолии, как думает Г. Б. Джаукян, с потоком иных мигрантов, кебрены же освоили получившую их имя долину и на многие сотни лет стали троянским народом».

Эту бесстрастную, академическую версию стоит «оживить», наполнить реальным геополитическим содержанием. Начнем с того, что название народа «кебрены» остается совершенно неясным для исследователей, а между тем это просто искаженное имя «северяне». Как и имя «скеи», оно отражает некоторое общую характеристику племени (или целой группы племен), переселявшихся в Малую Азию. Процесс образования Средиземноморской Руси был сложнейшей и широкомасштабной акцией арийского Севера. В середине II тыс. до н. э. египтяне нанесли сокрушительный удар по арийским племенам в Палестине, греки «выдавили» пеласгов с материковой части страны и с Крита, а хетты обозначили свое превосходство в Анатолии. Для поддержки и «подпитки» окруженных с трех сторон соплеменников арийцы-северяне осуществили массовое переселение части своих народов в Малую Азию. Единственным удобным путем был фракийский маршрут. Миграции тавров, скеев и кебренов были синхронными и

отражали желание северян контролировать ситуацию в Передней Азии и на Ближнем Востоке. Результатом этой поддержки стало то, что хеттское царство на сто с лишним лет погрузилось в период смут, а страны Митанни и Арсава стали доминировать в регионе. Именно этот исторический момент скифы и считали временем рождения своей общности.

«Илиада» не упоминает скеев в числе защитников Трои. Но, думается, делать отсюда вывод, что к тому времени их не было уже в Трое, неправомерно. Имя скеев по своему смыслу стало обобщающей характеристикой целой группы племен. В какой-то момент оно могло выйти из официального употребления, но всегда было на устах и хранилось в памяти. Так происходило, к примеру, с этнонимом «русские» в новой и новейшей истории. Установленная нами связь скифской легенды с Лидией и Фригией как раз указывает, что на землях Трояды должны были оставаться хранители памяти о скеях. Другое дело, что, добившись превосходства над хеттами, скеи-скифы распространили свое влияние по всей Малой Азии, и это распыление сил стоило, как это и происходит обычно, забвения их выдающейся роли.

Скейские ворота в Трое выходили на юг — точно в том направлении, где находилась соседняя Мисия. Вот и решение вопроса, почему Гомер не упоминает о скеях: их стали называть мисами (мизами). В основу названия племени мизов положено слово «муж». Оно по-разному выглядит в разных славянских языках: «моз» в словенском, «муз» в словацком, «маз» в польском (родительный падеж «меза») и родственно древнеиндийскому «тапу» — «человек, муж», авестийскому «manus» и английскому «man» (у англичан

от него образованы уважительные формы обращения «мисс», «миссис», «мистер»). В ведийской мифологии Ману рассматривается как первый человек и царь людей на земле. Арии принесли этот образ не только в далекую Индию, но и к германским племенам, которые считали своим прародителем Маннуса, и на Крит, достигший наивысшего могущества при легендарном царе Миносе, и в Египет, где первый царь первой династии носил имя Менее, а имя сына мифического первого царя было Манерос (Муж-рос). Но распространившийся на огромных пространствах язык ариев (древнейший вариант русского), служивший способом общения народов, вовлеченных в «арийскую орбиту», не оставался неизменным. Это происходило отчасти и вследствие того, что язык, как живое образование, может изменяться сам по себе. Главная причина, однако, заключалась в том, что арии соприкоснулись с разными народами и перенимали их варианты произношения своих слов.

В трояно-фракийском регионе (области Фракии и Трояды) в середине II тыс. до н. э. соседствовали арийские (проторусские), праславянские и другие индоевропейские племена. Их диалог и предопределил переход арийской формы «тап» («теп») в славянскую «муз» («моз», «мез», «мис»). Кому-то, может быть, наши рассуждения покажутся не слишком убедительными, но тогда мы без всяких оговорок приведем авторитетное мнение Страбона: «мисийцы, меоны и мейоны — одна и та же народность». Геродот сообщает, что Мис (прародитель мисийцев) и Лид (первопредок лидийцев) были братьями, а древнее название лидийцев было меоны. Иначе говоря, меонийцы (от имени прародителя Ману) были братьями мисийцев (их прародитель Муж, Моз или Мис в зависимости от прочтения). Имя

«лидийцы» тоже очевидно славянского происхождения. Лид (люд) в славянских языках обозначает «свободного человека» — понятие, очень близкое по своему смыслу к слову «муж». Таким образом, славянские языки (и только они) свидетельствуют в пользу кровного братства мисийцев и лидийцев. Другое имя последних — «меоны», так и хочется представить формулой «ме (я) + они», утверждающей единство (соборность) народной общности.

Наслоение языковых форм в Малой Азии создало и многообразие в названиях племен. Мисийцы — это те же меонийцы, но говорившие «чуть-чуть более на славянский лад». От формы Муж (Моз) происходит и ассирийское название племени мисов (меонов) — мушки или мосхи. Имя нашей столицы Москвы — производное от того же корня (первым на параллель Московия — Мужиковия указал Н. А. Морозов). Мы особо подчеркиваем присутствие в языке мисов арийско-славянской «закваски». Скифский (скейский) язык рождался путем ее брожения (в прямом и переносном смысле). Имена скифских богов, приведенных Геродотом, наглядно демонстрируют, насколько глубоко скифы впитали в себя различные азиатские диалекты, но в основе их языка все равно жило дыхание арийской прародины — края, где, по преданию, жили Эхидна и Борисфена. Средневековые арабские авторы называли славян «сакалиба» («склабины»), подчеркивая их светловолость как отличительную черту. Для историков значение этого имени — тайна за семью печатями, но оно легко угадывается в свете наших изысканий. Сакалиба — это скеи-лувийцы, «светло-белые» люди, поражавшие своими подвигами Азию и Ближний Восток. Более двух

тысяч лет прошло со времени их первого появления в тех краях, но арабы не забыли их изначального имени. Сакалиба стало одним из имен потомков скеев-скифов, и это еще одно доказательство в пользу анатолийской концепции происхождения скифов.

Но возвратимся к изложению истории скифов. Как известно, первый широкомасштабный поход войска греков в Малую Азию превратился в войну против мисийцев. Вполне понятно, что это свидетельство мифов отражает, быть может, лишь один небольшой эпизод целой военной кампании под названием «Троянская война», но мы обязаны отметить, что мисийцы, сражаясь без помощи союзников, в одиночку отразили греческое нашествие. Это доказывает высочайшую боеспособность мисов-мужиков. Более того, после падения Трои именно народ мушков отстаивал интересы северян в Малой Азии.

Особенность Троянской войны заключается в том, что это было глобальное противостояние арийско-праславянского Севера и антиарийского (египетского, семитского, хеттского и греческого) Юга. Скифы приняли участие в ней на стороне троянцев. Без признания этого важнейшего обстоятельства мы никогда не разгадаем многочисленные исторические загадки той эпохи. Куда, к примеру, исчез народ хеттов? Была, была великая империя, а потом вдруг слиняла в «два дня»? Так не бывает.

Вторжение мушков в Малую Азию было подобно поршню, который вытеснил хеттов на восток и придал им дополнительный импульс. Взглянем на карту Азии первой половины I тыс. до н. э. На восточном побережье Каспийского моря и в северной части урало-каспийских степей проживали массагеты. Их название естественно

объяснять как союз мисов и хеттов. Массагеты считались скифским племенем, что подтверждает нашу интерпретацию. Скифы, вытесняя хеттов на восток, распространили свое влияние вплоть до Северного Китая. Так не хетты ли подарили китайцам название их страны?

В Красноярском крае, по среднему и нижнему течению Енисея, живет народ кеты. Раньше их называли енисейские остяки. А вот просто остяков называли хантами — в точности так же, как одного из хеттских царей — Хантили («или» здесь суффикс). Древнейшей столицей хеттов был город Неса, и с ним естественно связать название Енисея. Один из крупнейших хеттских городов носил имя Тувана, прямо как республика Тува на том же Енисее!

В средневековой грузинской хронике мифическим прародителем кавказских народов назван Таргамос. Здесь налицо развитие скифской легенды, когда имя Таргитая (Тур-хета) уступает место Тарг-мужу (Тарг-мушку). Такого рода заимствование означает, что какая-то часть скифов по-прежнему оставалась в пределах Закавказья, но другая (более значительная!) ушла вслед за хеттами в Великую Степь. Там они «превратились», если так можно сказать, в тех классических скифов, про которых написаны горы сочинений. Встреча с ираноязычными племенами в начале I тыс. до н. э. обогатила их лексику. Знаменитый «звериный стиль», отличающий искусство скифов, приобрел новые оттенки, но истоки его, безусловно коренились в Восточной Европе. Как совершенно справедливо указывал Б. А. Рыбаков, в его основе лежал культ оленя (лося) или, добавим, Тура. Этот культ имел и юго-восточный вектор распространения. Примером тому

многочисленные географические названия с корнем «тур» на территории Казахстана, в Зауралье и Сибири: например, Тургайское плато, река Тургай, города и селения Тура, Туринск, Нижне- и Верхне-Туринск, Тура (приток Тобола), город Туруханск и т. д.

Обратим внимание, что топонимы с малоазийской формой имени Тура — Тарх (Тарг) в этих местах не обнаруживаются. Это говорит о том, что колонизация Центральной Азии и юга Сибири проводилась преимущественно не выходцами из Анатолии, а их восточно-европейскими сородичами. Иными словами, миграцию мушков-скифов на восток в XII в. до н. э. подпитывали племена, проживавшие в южно-русских степях (тавры, киммерийцы, меоты и другие). Это было глобальное движение народов. Да иначе и быть не могло, так как для освоения столь огромных географических пространств нужны были значительная масса людей.

К сожалению, письменных источников, повествующих об освоении и проживании скифов на новых территориях, у историков практически нет. Но этот пробел до некоторой степени восполняют блестящие археологические находки, многие из которых сделаны совсем недавно.

В 1984 г. российские археологи открыли на пустынном и мало посещаемом людьми плато Усть-Урт на самом западе Казахстана два массагетских святилища — Байте I и Байте III, где наряду с курганами, каменными сооружениями и жертвенниками стояли или валялись на земле десятки антропоморфных скульптур, изображавших предков массагетов. Большинство из них относится к числу плоских скульптур, достаточно

реалистично передающих человеческую фигуру. Все каменные «идолы» воспроизводят только мужчину. Положение его рук строго фиксировано: правая рука опущена вниз и раскрытой ладонью прижата к животу, другая рука свободна и прижата к бедру. Весьма выразительны лица: рельефом показаны брови, нос, глаза, тонкие усы, углублением — рот. Примечательна безбородость фигур. Набор воспроизводимых на скульптурах предметов невелик, но весьма существенен — это, прежде всего, оружие: мечи, кинжалы, луки в футлярах (горитах). На головах — шлемы или кожаные головные уборы. Часто представлены пояса, многовитковые гривны (шейные украшения) и браслеты. Каждый из комплексов Байте состоял из нескольких курганов («священных могил предков»), культовых сооружений (каменных выкладок, жертвенников, памятных каменных столбов и др.) и большого числа антропоморфных изваяний, что дает все основания рассматривать их как святилища, связанные с культом предков, родовых и племенных божеств. Время возведения уникальных святилищ археологи относят к V–IV вв. до н. э. Ничего схожего с этими памятниками на территории обитания скифо-сибирских племен больше не обнаружено.

Восточными соседями массагетов были саки, занимавшие пространства от Аральского моря до Аму-Дарьи. Согласно сообщению греческого историка Диодора Сицилийского, они были ближайшими родственниками скифов. «Это племя (скифов. — А.А.), — пишет он, — широко разрослось и имело замечательных царей, по имени которых одни были названы саками, другие — массагетами, некоторые — аримаспами». Как показали археологические раскопки, материальная

культура саков имеет много общего с культурой скифов Северного Причерноморья. В антропологическом плане саки, как и скифы, — безусловные европеоиды. Сакские племена пользовались типично скифским вооружением и конским убором, украшенным, как правило, изображениями в скифском зверином стиле. Относительно аримаспов есть свидетельство Геродота, что по-скифски их имя означает «одноглазые люди». Следовательно, аримаспы — это другое (общее) имя циклопов и ликийцев, выходцев из Западной Анатолии.

В 1993 г. при раскопках кургана-могильника на труднодоступном плато Укок (Горный Алтай) в деревянной колоде, полностью заполненной льдом, была обнаружена мумия женщины, тело которой украшала татуировка, выполненная по классическим канонам звериного стиля. Она сохранилась благодаря вечной мерзлоте. «Алтайская принцесса» (так называли мумию) была одета в блузу из китайского шелка, который в то время ценился дороже золота, и уникальный головной убор. Она оказалась далеко не единственной из скифских мумий. Через два года неподалеку было обнаружено погребение, где покоился мужчина, «Рыжий воин», как его стали называть за характерный цвет волос. Затем последовали и другие открытия. Обнаруженную археологическую культуру (время существования — VI–III вв. до н. э.) ученые назвали пазырыкской. Она преподнесла историкам немало сюрпризов. Предоставим слово И. П. Коломийцеву, автору книги «Тайны Великой Скифии»:

«Расовый тип основной массы пазырыкцев оказался промежуточным между европеоидами и монголоидами, пожалуй, с некоторым перевесом вторых. Однако встречались и чистые европеоиды — длинноголовые, с

выступающими носами. Уникальным был погребальный обряд, практикуемый в горах Алтая — черепа покойных трепанировали, то есть вскрывали, извлекали мозг, также удаляли внутренние органы, заполняя пустоты смесью шерсти и рубленых веток курильского чая — местного дикорастущего кустарника. Анализ состава, применяемого при бальзамировании тел, показал, что использовались соединения, содержащие ртуть. Волосы погребенных заплетались в косы, укладывались в сложные и высокие прически с помощью специальных «накосников». Тела были щедро татуированы, причем строго по канонам классического «звериного стиля». Основные персонажи нательных рисунков — лошади, олени и грифоны. Особенно поразило ученых роскошное изображение на груди «Рыжего воина» — взбрыкивающая лошадь с головой грифона, выполненная с поразительным мастерством, делающим честь древним специалистам по татуажу.

Но это еще не все — выяснилось, что красители и косметика этих непостижимых «алтайцев» содержали редкие минеральные вещества, доставляемые с Кавказа, Ближнего Востока, из Южной Европы и Восточного Средиземноморья. Словом, сенсация следовала за сенсацией. В глазницах женской мумии обнаружили глинистую массу красноватого цвета, напомнившую ученым давнюю египетско-катакомбную традицию «открытия мира покойному»...

Есть только один народ, который мог выступить посредником между египтянами и носителями катакомбной археологической культуры, — митаннийцы. Выходцы из южнорусских степей, они мигрировали в Переднюю Азию, а в период нашествия гиксосов на Египет (XVI — начало XVI в. до н. э.), правили страной

пирамид. Впоследствии митаннийцы вошли в состав скифской общности вместе с рядом племен, проживавших в Восточном Средиземноморье. Их совместная миграция и предопределила появление столь необычных для Алтая обычаев мумифицирования.

В 2001 году в республике Тува был открыт «царский» курган Аржан-2, в котором содержалось почти 6000 шедевров древнего ювелирного искусства. Находкам в этом захоронении нет аналогов в археологии. Они созданы ранее VI в. до н. э. и содержат все образцы скифской триады. Это указывает на то, что именно в Центральной Азии складывались важнейшие традиции скифского искусства. Но не она была прародиной скифов! Да, скифские племена пришли в Причерноморье из Центральной Азии. Но это было возвращением в некогда покинутые ими места! Другое дело, почему скифы так далеко продвинулись на восток? Какую задачу они решали для себя, покинув Малую Азию и направляясь в сибирскую тьмутаракань?

Нынче никого удивишь утверждением, что в современной политике все взаимосвязано, и события, происходящие в одном конце мира, практически сразу же находят отклик на другом. Но могло ли быть так же и в Древнем мире? Конечно, средства связи в то время не были столь совершенными, но то, что сегодня называют геополитикой, существовала и тогда.

Китайские летописи хранят сведения о существовании во II тыс. до н. э. на северо-западе страны княжества Чжоу, которое населяли представители европеоидной расы. Когда и как оно возникло — разговор особый, и мы к нему еще вернемся. Но важнейшим моментом истории княжества стал XII в. до

н. э. Именно с этого времени в Китае узнают о колесницах. Воюя «силами белокурых и черноголовых варваров», его владыки подчинили себе все земли в долинах Янцзы и Хуанхэ. Надеемся, читатель догадался, кем были эти воины. Для завоевания страны нужна была мощная армия. Если же учесть, что европеоиды в тех местах были в явном меньшинстве, то условием их успешного наступления на Китай могла стать лишь миграция в их край светловолосых варваров. И хетты, и митаннийцы, и лувийцы прекрасно владели навыками управления колесницами. Они-то и обеспечили чжоусцам завоевание Китая.

Появление скифов в XII в. до н. э. в пределах Поднебесной, разумеется, нельзя считать случайным. Они выступали своего рода «скорой помощью» для тех своих соплеменников, которые испытывали трудности вдали от прародины. Вначале они нанесли сокрушительное поражение всем врагам ариев в Средиземноморье и Передней Азии, а впоследствии помогли своим светловолосым братьям в Центральной Азии. Думается, что их приход к границам Китая был вынужденным и, не приди они вовремя, чжоусцев ждала бы иная участь.

И еще одно временное совпадение. В VIII в. до н. э. князья Чжоу теряют власть над Китаем. А в самом начале VII в. до н. э. в Причерноморье, на Кавказе и на малоазийском театре военных действий вновь появляются скифы. Случайность? Опять-таки, нет. С конца IX в. до н. э. успешным походом китайского императора Суаня началось планомерное вытеснение северных варваров из Поднебесной. По свидетельству летописей, в итоге те были далеко отброшены от границ страны. Но это по «принципу домино» привело в

движение всю евразийскую степь. Каждое кочевое племя нападало на своего западного соседа, пытаясь овладеть его пастбищами. К тому же около 800 г. до н. э., по мнению климатологов, азиатские степи поразила жестокая засуха, что внесло еще большую сумятицу в движение племен. В свете этих данных вполне реалистичным выглядит сообщение Геродота о том, что массагеты напали на скифов, а те — на киммерийцев.

Общий скифский дом дал трещину, но скифы выдержали это испытание. Придя в южнорусские степи, прикоснувшись к родной земле, они, подобно богатырю Антею, обрели новые силы и создали там уникальную цивилизацию. Вместе с тем они в очередной раз продемонстрировали всему миру свою силу, и на 28 лет вновь стали полноправными властителями Азии. Это был их третий (в интерпретации Помпея Трога) успешный штурм Азии. Но об этом речь впереди.

ГЛАВА 11

СКИФСКОЕ СЕМИРЕЧЬЕ

Могучая армада скифов

Дошла до Волги и Оки,

Но их встречали мужики —

Герои древнерусских мифов...

К моменту прихода скифов Северное Причерноморье принадлежало киммерийцам. Геродот рассказывает о внутреннем раздоре, вспыхнувшем среди них при известии о вторжении и приведшем к гражданской войне. Киммерийцы якобы перебили друг друга, и скифы овладели безлюдной страной. Так и

хочется сказать, что все это похоже на небывальщину. Комментаторы неизменно отмечают, что это сообщение носит легендарный характер. Но мы уже убедились, что игнорировать информацию «отца истории» — дело абсолютно непродуктивное. Если же из нее «отжать» самое существенное, то придется принять к сведению тот важный факт, что киммерийцы в силу каких-то обстоятельств не стали сражаться со скифами. Разумеется, легче упрекнуть великого историка в излишней доверчивости и изрядной доле наивности при передаче дошедших до него сведений. Так, кстати, и поступает большинство исследователей. Но в результате наука о скифах становится похожей на кроссворд с огромным числом пустых клеток. Вопросов набирается масса, а ответов — с гулькин нос.

Археологи установили, что киммерийцев нельзя однозначно соотнести с определенной археологической культурой. Это свидетельствует в пользу того, что они были очень активным и открытым этносом, склонным легко сходиться с другими народами и делиться собственными достижениями. Киммерийцы, по нашему мнению, выделились из арийской общности в конце III тыс. до н. э. Именно в это время в Передней Азии и на Ближнем Востоке появились отдельные их выселки — племена амореев. Пришли они сюда из южнорусских степей.

На рубеже III и II тыс. до н. э. ямная (арийская) археологическая культура на юге России сменяется катакомбной (конец III — середина II тыс. до н. э.), а та, в свою очередь, уступает место срубной археологической культуре (середина II — начало I тыс. до н. э.). Все они характеризовались схожим обрядом погребения в курганах, различавшимся лишь в деталях. Сначала под

курганом делали обычную яму, затем более сложную конструкцию в виде катакомбы, а в позднебронзовую эпоху укрепляли ее деревянным срубом. У носителей этих культур ярко выражена преемственность типа керамики, жилища и других отличительных признаков. Тип хозяйства, сочетавший оседлое скотоводство с пашенным земледелием, не претерпел существенных изменений. Наконец, как показали специальные исследования, антропологический тип населения оставался неизменным. Все это позволяет говорить, что киммерийцы унаследовали обычаи и традиции тех арийских племен, которые проживали здесь на протяжении многих веков.

Но смена культуры — это новый период в жизни сообщества близких по генотипу и культуре племен. Что же произошло в середине II тыс. до н. э., когда на арену вышли срубники? Новая особенность захоронения говорит о том, что более значительную роль теперь стали играть представители лесостепи. К этому периоду мы относим выделение из арийско-киммерийской общности племен меотов и туров. Первые, минуя Кавказ, устремились в Северную Месопотамию, где содействовали победам государства Митанни. Вторые пришли в Анатолию, огибая Черное море с запада. И те, и другие, оказавшись в Азии, вошли в состав создававшейся в то время скифской общности. Таким образом, сторонники автохтонной теории происхождения скифов были не совсем неправы. Срубники таки были причастны к рождению скифского союза, но это были срубники-мигранты, срубники-азиаты. Киммерийцы, напомним, составляли гвардию митаннийских царей (воины-марианны), поэтому они выступали своего рода «отцами» скифов.

Любопытно, что об этом же говорит и Библия. В десятой главе «Книги Бытия» дается родословная потомков Ноя — единственного человека, спасшегося во время Потопа. По представлению создателей Библии, потомки Ноя были родоначальниками народов, которые были названы по их именам. В родословной упоминаются внук Ноя Гомер и правнук — сын Гомера Ашкеназ. Имя «Гомер», по мнению ученых, соответствует имени «гимиррай» в клинописных текстах ассирийцев и киммерийцев греческих авторов. Имя же «Ашкеназ» соответствует клинописному «ашкуза» и греческому «скифы». Киммерийцы, согласно такому толкованию, являются отцами скифов. Принимая во внимание это обстоятельство, совсем в другом свете представляется и легенда, поведенная Геродотом. Киммерийский народ видел в скифах прежде всего братьев по крови. Биться же хотели только их цари, которым грозила потеря власти.

Установлено, что археологические культуры, приписываемые киммерийцам и скифам, обнаруживают большое сходство и трудно отличить одну от другой. К примеру, всем известно, что скифы хоронили своих правителей в курганах. Но очень часто они использовали для погребений курганы, выстроенные в доскифские времена. Значит, среди скифской знати оставались потомки ариев, которые считали курганы своими! Выдающийся русский историк Г. В. Вернадский писал по этому поводу в книге «Древняя Русь»: «Вто время как народы, осевшие в Южной Руси, обозначаются в различные эпохи несхожими именами, мы не можем быть уверены, что каждое изменение имени сопряжено с миграцией целой этнической группы. Оказываются, что время от времени новые правящие роды захватывали

контроль над страной, и, несмотря на то, что некоторые группы эмигрировали, большинство населения оставалось, лишь принимая примесь крови пришельцев». Вторжение скифов с Волги и Дона следует, таким образом, понимать не как «вытеснение» одного народа другим, а как процесс вживления нового этнического ядра в «толщу» другого народа.

Геродот написал, что киммерийцы спасались бегством от скифов в Малую Азию. Но, приводя маршрут движения тех и других, неожиданно противоречит сам себе. Киммерийцы у него двигались вдоль восточного берега Черного моря. Преследующие же якобы их скифы шли вдоль берега Каспийского моря. Ясно, что никаким преследованием тут и не пахло. Родственные народы решали общую задачу контроля над Малой Азией. Геродот, не желая того, поведал нам об этом.

Современные историки, рассказывая о походах киммерийцев и скифов в Малую Азию, обязательно подчеркивают, что они носили грабительский характер. Мол, степные варвары были только тем и озабочены, как пограбить да разрушить. Такого рода представления отнюдь не новы, их сформировали в основном западноевропейские авторы, искренне полагавшие, что вся культура человечества зародилась в Греции и Риме. Но почему эту откровенную чепуху повторяет наше братство ученых? Разумеется, не от избытка ума и гордости за свою историю. Причина этому — ограниченность кругозора и откровенная боязнь мало-мальской похвалы в адрес предков. Переписывать друг у друга азбучные истины — дело нехитрое, а вот объяснить путем политику киммерийцев и скифов в Азии так еще никто из них и не удосужился.

А суть ее стратегической линии состоит в том, что и те, и другие выступали представителями арийской северной цивилизации в Азии. После падения Трои малоазийским центром консолидации арийских сил становится Армянское нагорье, где образовалось государство Урарту. Древнейшая его столица (середина IX в., правление первого царя Араму) была расположена на северном побережье озера Ван и называлась Арзашку (Арцашку). В этом названии к корню, который практически воспроизводит имя страны Арсавы (Арцавы) добавлен суффикс «ск» (ассирийцы оглушали «с»), который, скорее всего, связан с участием скеев-скифов в его закладке. Город Арзашку можно считать промежуточным пунктом движения той части средиземноморских русов, которые двигались в Причерноморье через Кавказ.

Высшая группа царских людей в Урарту называлась мари. Это те же киммерийцы, великие марины. Очевидно, что их роль в определении политики государства урартов была исключительно высока. Или другой пример. В соседней с Урарту Лидии после падения Трои правили Гераклиды. Их династию, согласно греческой легенде, следует полагать, если не чисто скифской, то уж, во всяком случае, родственной скифам. Гераклиды властвовали в Лидии на протяжении 550 лет, и за все это время нам не известно ни об одном нападении киммерийцев на Лидию. Но в 685 г. до н. э. там происходит смена династии. Новый царь Гигес, вступив на престол, отослал в Дельфы огромное количество золотых и серебряных предметов (посвятительных даров). Никто из Гераклидов не делал этого, что говорит о причастности греков к перевороту. В довершение всего Гигес вступил в союз с ассирийским царем

Ассурбанипалом и с царем Египта Псамметихом. Словом, повторилась точь-в-точь геополитическая ситуация эпохи Троянской войны, только врагом коалиции теперь стало Урарту и его союзники. Вот тогда-то киммерийцы и ударили по лидийцам. Царь Гигес пал в битве с киммерийцами около 654 г. до н. э., и это был «наш ответ Чемберлену», а не какой-то там грабительский набег.

Историкам известны имена трех киммерийских царей — Теушпа, Сандакшатра и Дугдамис. Но они очень робко пытаются истолковывать их: слишком много «ненужного» таят имена киммерийских вождей. Так, имя «Теушпа» нельзя не признать производным от имени митаннийского бога Тешуба. Но как тогда объяснить связь киммерийцев с митаннийцами? Неужели это обитатели южнорусских равнин хозяйничали во II тыс. до н. э. на Ближнем Востоке и в Передней Азии? Кто же отважится утверждать это? Задумайтесь хотя бы на минуту, какова та мера неправды, в которую погружена древнерусская история!..

Возьмем следующее имя — Санда-кшатра. Оно стопроцентно арийское и означает «дарящий правитель». Но кто из академических авторитетов решится признать, что киммерийцы — потомки ариев? Историки, ау! Народ, который вы «кормите» несъедобными теориями, уже смеется над вами!

Наиболее неясным для интерпретации кажется третье имя — Дугдамис. Но в нем сразу же углядывается праславянский элемент: мис — это муж, Чтобы угадать смысл имени «Дугда» вспомним, что бог Тешуб — это митаннийское название нашего Дажь-бога, которого иногда величали у нас еще Дажь-богом. У кельтов он

превратился в бога плодородия Дагду. Вы спросите, зачем тут надо приплетать кельтов? Вопрос законный, но дело в том, что некоторые античные авторы утверждали, что часть киммерийцев мигрировала на север Европы, в Ютландию (начало II в.), где стала известна как кельтское племя кимбров. Дороги богов — это пути миграций поклонявшихся им народов. Все сходится.

Ну, хорошо, часть киммерийцев ушла в Европу. А куда делась остальная масса киммерийского народа? Последнее упоминание о нем приходится на VII в. до н. э. Но не мог же он весь в одночасье сгинуть? К тому же, греки, пришедшие в Причерноморье в том же веке, зафиксировали существование здесь большого числа киммерийских топонимов. В первую очередь, это Боспор Киммерийский (Керченский пролив). Сообщения о нем встречается у многих античных авторов, начиная с Гекатея; он упоминал также какой-то киммерийский город или, точнее, греческую колонию в киммерийских землях. Римский географ Мела, опираясь на утраченные теперь сочинения греческих географов VI–V вв. до н. э., назвал киммерийскими города восточного побережья Крыма — Мирмекий, Пантикапей, Феодосию и Гермисий. Существовали также два греческих поселения на побережье Боспора Киммерийского — Киммерик и Киммерий, мыс Киммерий недалеко от устья Кубани и Киммерийские стены — какие-то укрепления на Крымском полуострове. Наконец, часть Восточного Крыма называли Киммерией, а переправы через Керченский пролив именовались Киммерийскими. Мы намеренно перечислили так подробно «следы» былого присутствия киммерийцев в Причерноморье. Тот факт, что они «пережили» скифскую эпоху, свидетельствует о глубоком проникновении киммерийской культуры в

скифскую среду. Или, попросту говоря, это означает, что значительная часть киммерийцев никуда с этих земель не мигрировала! Не случайно Геродот написал: «Согласно одним сообщениям, скифы очень многочисленны, а по другим — коренных скифов очень мало».

Что же касается исчезновения этнонима «киммерийцы», то тут самое время вспомнить об одном из основных положений теории этногенеза Льва Гумилева. Среднее время жизни одного этноса составляет 12–15 веков. Эти числа получены ученым в результате анализа истории нескольких десятков народов (впервые на существование такой статистики указал наш выдающийся философ Константин Леонтьев). К киммерийцам Гумилев свою теорию не «прилагал», но, на наш взгляд, на их примере она подтверждается блестяще. Рождение и подъем киммерийского этноса мы отнесли к концу III тыс. до н. э. — времени смены археологических культур на юге России и появления амореев на Ближнем Востоке. VII в. до н. э. — время заката киммерийской «звезды», финальная стадия развития этноса. Позже они стали частью скифов. В «послескифские» времена (время распада скифской общности — последние века старой эры) отдельные осколки киммерийского этноса вновь обнаружили на историческом горизонте. Один из них — кимбры — оказались на дальней периферии скифского мира. Не исключено, что воины-мари в тот период возглавили миграцию в Восточную Европу угро-финских народов мариюцев и мордвы. Применительно к мариюцам мы исходим только из сходства имен. Название племени мери (и современных мариюцев) связано с именем Великой Богини Марии. Точно так же и название «мордва» есть сокращенное словосочетание

«Мария-Дева» («Мария-Богиня»). Мордовское племя эрзя внешне совершенно непохоже на типичных угро-финнов. Среди них встречаются светловолосые и голубоглазые «арии». Само название «эрзя» близко к именам «арии», «росы» и «аорсы» (одно из сарматских племен, поглотивших скифов на юге России), что опять-таки свидетельствует в пользу «финно-арийского» происхождения эрзи. Скифский, а позже кельтский и угро-финский каналы «растворения» киммерийцев объясняют факт их исчезновения как отдельного народа.

Что же касается «вживления» киммерийцев в скифскую среду, то оно было достаточно болезненным. В 672 г. до н. э. скифский царь Ишпакаи заключил союз с Мидией, восставшей против господства ассирийцев, и пошел войной на них. Но во время одного из сражений он погиб, а его наследника Партатута ассирийская дипломатия стала активно перетягивать на свою сторону, и это им удалось. Ассирийский царь Ассархаддон даже выдал за Партатута свою дочь. Изменив договору, заключенному его отцом, скифский царь в союзе с ассирийцами разгромил Мидию и сделал (по договоренности с тестем) ее своей данницей. Проассирийскую линию поведения проводил и его сын от ассирийской царевны Мадий. В середине VII в. до н. э. скифы вторглись в Малую Азию и в союзе с ассирийцами разгромили киммерийцев и треров. После этого они на некоторое время стали полновластными хозяевами Малой Азии — точнее, до 625 г. до н. э., когда мидийский царь Киаксар нанес им решающее поражение. В дальнейшем скифы всегда выступали на стороне мидян, внося немалый вклад окончательный разгром Ассирии.

Мидяне и киммерийцы — потомки арийцев. Они неизменно придерживались антиассирийской политики в

Азии. Скифы, оказавшись в новой для себя обстановке, поначалу пытались извлекать максимальную выгоду для себя и потому лавировали между двумя враждующими группировками. Но со временем, укоренившись в Причерноморье, стали уже выразителями общих интересов народов юга России. Наиболее ярко это проявилось во время нашествия персов, когда скифы были оплотом союзной армии причерноморских народов и отстаивали ставшую теперь родной землю.

Особенности этнических перемен в Причерноморье после прихода скифов Геродот указал не менее ясно. Оказывается, пока скифы в течение 28 лет властвовали в Верхней Азии, их жены вступили в связь с рабами, которые и стали править страной. Но кто, как не срубники (а в их числе конечно же и киммерийцы), были изначально рабами скифов? Рабами здесь надо понимать в смысле «подданными». Племена срубной культуры, как бы не пытались игнорировать их современные жрецы храма науки, оказали огромное влияние на ход мировой истории. Они породили последнюю волну нашествия «народов моря» и отомстили за погубленную Троию всем ее врагам. Военное превосходство срубников заключалось в том, что они первыми овладели техникой изготовления железного оружия. К сведению, в районе Среднерусской возвышенности сосредоточены уникальные (до 3/4 всех евразийских) запасы легкоплавкого железа, содержащегося в составе озерно-болотных руд. Все известные центры железной металлургии Евразии возникли позднее XII в. до н. э. — времени прихода «народов моря» в Средиземноморье, и не могут претендовать на право первенства. Именно кузнецы срубной археологической культуры, наши

непосредственные предки, первыми освоили в массовом порядке изготовление железного оружия.

Историки античной эпохи считали население южнорусских степей доскифского периода прямыми и непосредственными предками скифов, вопроса о разрыве преемственности для них не существовало. Говоря о событиях, относящихся к эпохе бронзы (ранее I тыс. до н. э.), они просто употребляли термин «скифы». К примеру, византийский историк X века Лев Диакон, воспроизводя отрывок более древнего исторического сочинения, написал, что один из самых знаменитых героев Троянской войны — Ахилл — был скифом и происходил из городка под названием Мирмикион, лежащего у Азовского моря. Со своей родины он был изгнан за необузданность нрава и гордость и поселился в Греции, где скоро прославился своими пиратскими набегами. Признаками скифского происхождения, по словам информатора Льва Диакона, были его русые волосы, голубые глаза, необычайная ярость в бою, а также скифский покрой его одежды с застежкой.

Троянская война происходила в начале XII в до н. э., когда никаких скифов в Причерноморье еще не было. Город Мирмикион — это киммерийский город Мирмекий, а значит, Ахилл был не скифом, а киммерийцем. В войске греков, возглавляемом Агамемноном, он — чужестранец, который приехал воевать против своих кровных братьев. Вот еще одна причина, почему Ахилл не сразу вступает в битву. Только смерть Патрокла, лучшего друга, толкает его на это. Сам обряд похорон Патрокла — сожжение тела на костре, а затем возведение над прахом убитого огромного кургана, характеризует Ахилла как выходца из южнорусских областей: курганы строили и киммерийцы, и скифы, и

русы дохристианской поры. Но гордость за этого перебежчика едва ли испытывал кто-либо из ариев, скифов или русских. Другое дело греки, колонизировавшие Северное Причерноморье. Они почитали Ахилла несравненным героем, ему строили храмы и святилища, приносили всевозможные дары, прославляли в стихах и преданиях.

Но что же представляла собой страна скифов? Каковы были ее границы? Вопросы географии Скифии всегда привлекали самое пристальное внимание ученых. Ведь это древнее наше государство! Тем не менее по-прежнему остаются нерешенными ряд важных проблем. Одна из них — определение, собственно, пределов той земли, которую греки называли Скифией.

Геродот представлял себе Скифию в виде квадрата, одна из сторон которого соединяла устье Дуная и Керченский пролив, считавшийся устьем Азовского моря. Вдоль его берега и Дона тянулась восточная граница. Длина стороны квадрата равнялась 4000 стадий (около 700 километров). Весьма грубо зону квадрата можно обозначить как территорию современных Украины и Молдавии.

Казалось бы, с границами Скифии все ясно. Но такое определение ее пределов противоречат не только сведениям других античных авторов, но и дополнительной информации, приводимой самим Геродотом, который пишет: «Вся эта страна... отличается необычайно холодными зимами; здесь в течение восьми месяцев мороз такой нестерпимый, что если в это время разлить воду, то грязи ты не получишь... Замерзает море и весь Боспор Киммерийский... Вот такая зима бывает в течение восьми месяцев непрерывно; и в остальные

четыре месяца здесь холодно. Такая зима полностью отличается по своему характеру от любой зимы, которая бывает в других землях». Комментаторы этой части текста обычно говорят, что сведения о столь суровой зиме сильно преувеличены, что для эллинов, привыкших к мягкому климату Средиземноморья, Скифия была довольно холодным краем. Но объяснять фразу о восьмимесячной зиме начисто отказываются: такого в тех краях во времена скифов, мол, быть никак не могло.

Знаменитый римский поэт Овидий в своих «Печальных письмах» так описывает скифскую зиму: «Когда же печальная зима покажет свое задубелое лицо и земля станет белой от мраморного льда, когда Борей (северный ветер. — А.А.) и снег не позволяют жить под Арктом (Арктуром — самой яркой звездой Северного полушария. — А.А.), тогда становится очевидным, что эти племена угнетены озябшим полюсом. Везде лежит снег, и, чтобы солнце и дожди не растопили его, Борей укрепляет его и делает вечным. Таким образом, не успевают еще растаять прежний, как выпадает другой, и во многих местах он обыкновенно остается два года подряд (! — А.А.)... Люди защищаются от жестоких морозов шкурами животных и сшитыми штанами, и из всего тела только лицо остается у них открытым. Волосы при движении часто звенят от висящих на них льдинок, и белая борода блестит, покрытая инеем». Страбон, в свою очередь, сообщает: «Холода этой страны, хотя ее обитатели и живут на равнинах, доказываются следующими фактами: жители не держат ослов (ибо это животное не выносит холода); быки — одни рождаются безрогими, а у других отпиливают рога (ибо эта часть тела также не выносит холода); лошади здесь мелки, а овцы крупны. Здесь трескаются даже медные гири, а

содержимое в них замерзает». Все эти и подобные им сведения историки, как правило, называют преувеличениями. Они стараются не обращать внимания и на присутствующее в трактате Гая Юлия Солина (III в. н. э.) «Собрание вещей достопамятных» наблюдение, что в Скифии «водятся в огромном количестве олени». Олени — животные северные, и на территории скифского квадрата заведомо не водились. Разумеется, в древние времена ареал их обитания не ограничивался тундрой и располагался южнее. Олень, к примеру, изображен на гербе Нижнего Новгорода. Но междуречье Оки и Волги — это все-таки не юг России.

Греческий писатель Эфор (405–330 гг. до н. э.) сообщает, что Скифия соседствовала с землей кельтов («Кельтикой»), то есть простиралась на северо-запад Европы. Ряд более поздних писателей подтверждают факт такого соседства, причем они уточняют, что разделительная линия проходила через южную Прибалтику, восточнее Рейна. Одним из древнейших названий Балтийского моря было «Скифский океан». Академик Б. А. Рыбаков в своей книге «Киевская Русь и русские княжества» пишет: «По археологическим материалам эпохи Эфора восточный край кельтских погребений доходил до верховий Одера; далее на восток («за Кельтикой») начинались обширные земли праславян («Скифия»), тянувшиеся до самого Борисфена. Настоящие скифы-кочевники в этих обзорах не выделялись. Все это вместе взятое позволяет сделать определенный вывод: греческие географы вскоре после Геродота определяют размещение «Скифии» не только в знакомом им Причерноморье, но и на другой стороне европейского континента — в Прибалтике, что подкреплялось сообщениями мореплавателей о

«Скифии» на берегу Балтийского моря в соседстве с кельтами (позже германцами). Осмыслить эти устойчивые определения, повторявшиеся вплоть до рубежа нашей эры (Страбон), мы можем только в том случае, если примем как достоверное, что под Скифией Эфор подразумевал как собственно скифов, так и всю полуторатысячеверстную полосу праславян, тянувшуюся в это время от Днепра до «Скифского залива».

Вывод нашего выдающегося академика можно принять лишь с одним, очень важным уточнением. «Всю полуторатысячеверстную полосу» занимали не праславяне, а потомки ариев. Славяне придут в Поднепровье позднее. Точно также и на юге Балтики вплоть до VI в. н. э. славянских племен не было. Но там были арии — венеты и родственные им народы! Другое важное утверждение Б. А. Рыбакова заключается в том, что территория, занимаемая собственно скифами (Причерноморье и часть Поднепровья), была лишь частью всей Скифии. Вследствие этого скифами могли называться и те племена, которые по своему происхождению скифами не являлись. Аналогично этому «скифы-земледельцы» или «царские скифы», упоминаемые Геродотом, совсем не обязательно были теми чистокровными скифами, которые пришли в южнорусские степи. Такой вывод тем более оправдан, что пришельцы были кочевниками. Земледелию их учили местные (арийские!) народы, да и, чтобы получить статус царственных правителей среди завоеванного оседлого населения, надо было ужиться с ним и в значительной степени перенять их навыки, образ жизни и ведения хозяйства. Другими словами, скифы и арии основательно перемешались и породнились между собой за время скифского владычества. Иначе северные области

современной России никто никогда не стал бы называть Скифией. Но когда имя «скифы» перешло на обитателей Русской равнины и Русского Севера?

Традиционная точка зрения, которую разделяет большинство ученых, предполагает, что произошло это сравнительно поздно, в последние века до нашей эры. В частности, М. В. Скржинская в своей книге «Скифия глазами эллинов» пишет: «Начиная с III в. до н. э. территория расселения скифов стала значительно сокращаться вследствие внутренних причин развития скифского общества и из-за наступления с востока разных племен. Однако еще много веков название «Скифия» продолжало жить среди греков и римлян как географическое понятие, охватывающее всю Восточную Европу (! — А.А.)». Удивительное дело: народ «сгинул», а память о нем разрослась до невероятных пределов. Когда скифы были в силе, страна Скифия была вроде как крошечная, но, когда они сошли с исторической сцены, то название их страны распространилось на северные к ним территории. Как же так? Плиний Старший в «Естественной истории» писал: «Название «скифы» постоянно переходит на сарматов и германцев. Это древнее наименование закрепилось за наиболее удаленными из народов, которые живут, оставаясь почти неизвестными остальным смертным». Спрашивается: как имя «скифы» могло переходить на германцев, проживавших в то время на севере Европы, если земли Скифии, по официальной версии, не выходили за пределы современной Украины? Самое непонятное в данном случае, что та же М. В. Скржинская приводит в своем тексте эту цитату Плиния!

А как воспринимать следующий пассаж из той же книги: «Для большинства античных писателей Скифия —

это символ крайнего севера, «ледяная заснеженная страна», о которой мало что известно рядовому греку и римлянину, не знающему многих трудов историков и географов. С таким образом Скифии, имеющим мало общего с реальной страной, читатель встретится у прославленных римских поэтов Вергилия, Горация, Проперция, и даже у Овидия. Последнего император Август сослал в маленький городок Тома (современная Констанца в Румынии) близ границ Скифии. Но и это ближайшее соседство не позволило поэту преодолеть сложившиеся литературные стереотипы». Мысль, которую попыталась выразить историк, очень напоминает линию с разрывами. Вергилий, Гораций, Проперций и «даже Овидий» — не рядовые римляне (к чему вообще упоминать здесь о них!). Прославленные поэты, они изучали труды историков и географов, в первую очередь, Геродота, писавшего о восьмимесячной зиме в Скифии. И если снежная Скифия — не более, чем «литературный стереотип», то каким сведениям античных авторов вообще можно доверять? И почему Овидий, оказавшись у самых «ворот» Скифии, продолжал пребывать в своем заблуждении относительно климата этой страны?..

Разрушая эти и подобные им построения, академик Рыбаков на основании анализа сочинения Эфора «отодвигает «северные границы Скифии IV в. до н. э. вплоть до Прибалтики. Мы безусловно разделяем такую позицию, и в качестве дополнительного ее обоснования приведем еще одно доказательство, опирающееся уже на свидетельства Геродота.

Греческий историк, характеризуя Скифию, отмечает: «Эта страна не имеет ничего замечательного, за исключением рек величайших и многочисленных». Реки

Скифии — главная ее достопримечательность. И Геродот уделяет им особое внимание, описывает довольно подробно, красочно и крайне интересно. Реки служат ему основой в рассказе о Скифии, ориентирами при определении границ между племенами, положения городов, поселений, различных географических объектов. Историк упоминает восемь крупных скифских рек. Пять из них — Истр (Дунай), Тирас (Днестр), Гипанис (Южный Буг), Борисфен (Днепр) и Танаис (Дон) — историки локализовали абсолютно достоверно. Относительно трех остальных, однако, вопрос остается открытым.

Так, о реке Пантикап Геродот сообщает следующее: «Течет он также с севера и из озера, <...> втекает же он в Гилею, а миновав ее, соединяется с Борисфеном». Ученые спорят, какой из притоков Днепра назывался этим именем. Одни отождествляют Пантикап с Конкой, левым притоком Днепра. Другие исследователи соотносят эту реку с Ингульцем, правым притоком Днепра. На первый взгляд, для однозначного отождествления загадочного Пантикапа с какой-либо рекой данных явно недостаточно, и вроде бы практически любой приток Днепра в той или иной степени претендует на его роль. Но учтем следующие соображения:

1) Поставим себя на месте Геродота и спросим: уместно ли в одном ряду с большими реками, вроде

Дуная, Днестра и Дона, упоминать «ручейки» типа Конки или Ингульца? Несоответствие масштабов настолько велико, что ни один здравомыслящий автор не поставит их в один ряд. А Геродот сам признался, что будет писать только о реках «величайших».

2) Упоминаемая Геродотом Гилея — это Полесье, Полесская низменность, охватывающая север Украины, юг Белоруссии и запад России. Это зона лесов, о чем, собственно, и говорит само название области.

Объединяя оба суждения, следует заключить, что Пантикапом Геродот называл Десну.

Еще более интересным и интригующим выглядит проблема определения двух оставшихся рек — Гипакириса и Герра. О первой известно, что она, оставляя справа от себя Гилею, впадает в море. Про вторую «отец истории» дает более полную информацию: «Герр ответвляется от Борисфена в том месте этой страны, до которого русло Борисфена известно. Ответвляется она в этой стране, а название имеет то же, что и сама страна, — Герр. Протекая к морю, она разделяет область кочевников и область царских скифов, впадает же она в Гипакирис». Насколько нам известно, никто из комментаторов Геродота не смог дать сколько-нибудь разумного решения этой географической загадки, и причина этому проста — исследователи рассматривали только те реки, которые впадают в Черное море. Но в тексте Геродота название моря не приводится, а зная эту подсказку, уже нетрудно сообразить, что

Герр — это Волга, а Гипакирис — Ока!

Неожиданно, не правда ли? Но давайте шаг за шагом проверим, соответствует ли наш ответ описанию Геродота.

Герр ответвляется от Днепра. На современной карте истоки Днепра и Волги находятся совсем недалеко. Но вот что интересно: на карте России, составленной Дженкинсоном в 1562 г., Днепр и Волга вытекают из одного озера. Значит, еще в недалеком прошлом существовало мнение, что у этих рек общие истоки. Далее, в своем течении Волга все более отклоняется к югу («к морю»), а у Нижнего Новгорода сливается с Окой (Гипакирисом). Здесь необходимо сделать очень важное уточнение. В настоящее время принято считать, что именно Ока впадает в Волгу, и соответственно к Каспийскому морю течет Волга. Но можно считать и по-другому, что Волга впадает в Оку. Именно такого взгляда и придерживался Геродот. Поэтому у него Герр впадает в Гипакирис, а тот, в свою очередь, в море (правда, повторимся, не Черное, а Каспийское).

Итак, географическая задача Геродота имеет решение. И оно указывает, что и во времена Геродота пределы Скифии не ограничивались южнорусскими землями. Они простирались до истоков Днепра и Волги, и даже несколько далее. Герр — Волга разделяла места проживания царских скифов и скифов-кочевников. Следовательно, царские скифы населяли заволжские просторы.

Этот наш вывод находится в решительном противоречии с общепринятой исторической традицией. Несмотря на то, что ни один из исследователей не смог сказать ничего вразумительного относительно

расположения геродотовского Герра, считается, что эта река протекает где-то на юге, в междуречье Днепра и Дона. Соответственно область расселения царских скифов неизменно помещают в Приазовье. Но это неправильно!

В своей книге Геродот уделяет значительное место рассказу о войне скифов с персами. Вот вкратце, как она протекала. Персы под предводительством царя Дария переправились через Истр (Дунай) и вторглись в Скифию. Скифы решили не вступать в открытое сражение с персами, так как соседние племена отказались им помочь. Они разделили свое войско на два отряда. К первому из них присоединились савроматы. В случае нападения персов этот отряд должен был отступать прямо к реке Танаису (Дону) вдоль Азовского моря, а если захватчики повернут назад, преследовать их. Другая, основная часть войска, также медленно отходила назад, держась на расстоянии дневного перехода от персов. Кибитки с женщинами и детьми, а также весь остальной скот, кроме необходимого для пропитания количества голов, скифы отправили вперед с приказанием все время идти на север.

Преследуя головной отряд скифской армии, персы прошли Приазовье, переправившись через Дон, вторглись в Савроматию, затем двинулись на север и, дойдя до «необитаемой пустыни», повернули на запад и снова оказались в землях Скифии. Но скифы по-прежнему отказывались вступать в открытый бой. «Так как война затягивалась и конца ей не было видно, то Дарий отправил всадника к царю скифов Иданфирсу с приказанием передать следующее: «Чудак! Зачем ты все время убегаешь, хотя тебе предоставлен выбор? Если ты считаешь себя в состоянии противиться моей силе, то

остановись, прекрати свое скитание и сразись со мною. Если же признаешь себя слишком слабым, тогда тебе следует оставить бегство и, неся в дар твоему владыке землю и воду, вступить с ним в переговоры». На эти слова царь скифов Иданфирс ответил так: «Мое положение таково, царь! Я и прежде никогда не бежал от страха перед кем-либо и теперь убегаю не от тебя. И сейчас я поступаю так же, как обычно в мирное время. А почему я тотчас же не вступил в сражение с тобой — это я также объясню. У нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся разорения и опустошения и поэтому не вступили в бой с вами немедленно. Если же вы желаете во что бы то ни стало сражаться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Найдите их и попробуйте разрушить, и тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы или нет».

Гробницы скифских царей находились в Геррах. Но это означает, что Герры никак не могли лежать в Приазовье. Скифы пропустили сюда персов и не вступили с ними в бой. Их священные земли находились севернее, и именно туда, под защиту предков, скифы отправили своих женщин и детей. Основная часть войска скифов отступала все время таким образом, чтобы прикрывать персам дорогу на Герры, к междуречью Волги и Оки. Геродот не упоминает о решающем сражении между двумя армиями. По его версии, царь Дарий, согласившись с советом прорицателя, принял решение о немедленном бегстве из Скифии. Но очень может быть, что сражение все-таки состоялось, и местом битвы были северные области Скифии, расположенные в непосредственной близости от могил скифских царей.

Область Герр — это район верхней Волги, выше Нижнего Новгорода. Русское имя Яр в греческом языке

могло воспроизводиться как Гер (или Герр), как в именах Геры (Яры) и Геракла (Ярослава). Таким образом, название Герры следует читать как Яры. В географическом аспекте его следует истолковывать как «Холмы», но в этническом оно означает, что здесь проживали арии. Царские скифы были ариями! Могилы их царей представляли насыпные холмы, они до сих пор не обнаружены и происходит это главным образом потому, что искали их в Приазовье. В действительности священные места захоронения предков находятся в верховьях Волги. Да и не могло быть по-другому — ведь арийская цивилизация возникла на берегах этой реки!

Исключительно важным, на наш взгляд, является также утверждение Эфора (принимаемое Б. А. Рыбаковым), что своими северными пределами Скифия упиралась в земли кельтов. Это важнейший исторический факт, который историки стараются не замечать. Но реальная ситуация была такой, что в середине I тыс. до н. э. кельты и арии контролировали южное побережье Балтики и хозяйничали в Скандинавии. В то время никаких германцев и финнов еще там не было. Они пришли сюда позднее — в первые века до нашей эры или на рубеже эр. Германцы двигались из центральной Европы, а финны из Приуралья. Частью этого миграционного процесса было переселение угро-финских племен — мордвы, мери, води, чуди — на север Скифии. Они приходили на земли, уже занятые к тому времени ариями.

Скифов западные авторы относили к числу варваров. Традиционно в понятие «варвар» вкладывается исключительно отрицательный смысл. Но «вара» на санскрите значит «избранный», «самый лучший». Варвары, по своему изначальному значению, —

это лучшие из лучших. Не случайно имя Варвара было широко распространено на Руси. Забывая истинный смысл слов, мы утрачиваем и понимание подлинного содержания истории. Забавное обстоятельство: самыми распространенными аргументами в пользу варварства скифов заключалось в том, что они пьют вино неразбавленным, носят штаны и ездят верхом. Даже Гиппократ, описывая эти обычаи, пытался доказать, что носить штаны и ездить верхом вредно для здоровья.

Уже в скифские времена существовала проблема «восток — запад», но факт, как говорится, налицо, и никто не станет отрицать, что современный тип одежды европейцы позаимствовали у так называемых варваров. Раскопки обнаруживают у скифов отличную керамику, изящные металлические вазы и образцы вышивки, украшенные оригинальными растительными и животными орнаментами. Найдены и многочисленные женские терракотовые статуэтки, выполненные на высочайшем художественном уровне. Было развито ткацкое ремесло. Скифы выделяли тонкие ткани из конопли, не уступающие льняным, а также шерстяные ткани, изготавливали красивые ковры и покрывала. Их чудо-мастера изготавливали совершенные украшения из золота и бронзы, настолько совершенные, что в прошлом даже выдвигались гипотезы о греческом влиянии на скифское искусство. Хотя о каком влиянии можно говорить, например, рассматривая богатую утварь Синташтинских могильников на Урале, созданную за тысячу лет до основания эллинами причерноморских колоний? К тому же находки археологов единодушно говорят о единой культуре скифов и родственных им народов от Алтая до Карпат, о ее единых традициях и, следовательно, общих корнях. Центральная часть этой

территории приходилась на прародину ариев, они были вдохновителями и наставниками тех племен и народов, которые вызывались перенять их умения и навыки. Разумеется, обогащение было взаимным, и те же скифы-кочевники многому научили жителей арийских городов. Но обеспечить преемственность традиций на таком огромном пространстве могли только арии.

Скифы схожи с современными русскими двумя уникальными качествами. Первое — отношение к выпивке, второе — любовь к парной бане. Враги скифов прекрасно знали, что после сражений те любили на славу попить. Точно так же русские: до смерти работают, до полусмерти пьют. Эту особенность наших предков решил использовать персидский царь Кир, когда пошел войной на скифов (530 г. до н. э.). Для этого он собрал в своих войсках всех слабых и плохих воинов, которыми ему не жалко было пожертвовать, и двинул их вперед — в направлении скифов, причем приказал этому передовому отряду, по приходе на ночлег, приготовить множество всякой пищи и вина, и так ожидать появления скифов. Это приказание Кира было в точности исполнено. Вскоре перед персидским передовым отрядом появились скифы под предводительством молодого сына царицы Томириссы. Они без труда разбили персов, а затем накинулись на приготовленную пищу и вино и предались необузданному разгулу и пьянству, без всяких мер предосторожности. Этим-то и воспользовался Кир. Он напал на беспечно бражничавших скифов, перебил громаднейшее их число и, кроме того, забрал великое их множество в плен, в том числе и молодого сына царицы. Всего при этом было пленено и убито около 150 тысяч скифов. Впоследствии царица Томирисса отомстила

персам: армия Кира была полностью разгромлена, а сам он убит.

Подвиг скифов трудно переоценить — они победили сильнейшую на тот момент армию в мире. Но наряду с этим историки будут неизменно поминать и начальный акт военной кампании персов, добавляя при этом: «Ох уж, эти русские!» Причем самым непонятным для «холодных» аналитиков явится то, что трагедия первого боя и триумф последнего неотделимы друг от друга. Геродот не случайно упомянул, что когда Кир разрешил снять оковы с молодого сына царицы, тот от стыда и горя наложил на себя в отчаянии руки. Но и персам потом воздалось сторицей. Переживая за позор своих товарищей, скифы стали драться с удесятеренной отвагой. Уж таков один из законов русского общежития: чтобы нам всем сплотиться, нужна большая беда.

Что же до нашей дружбы с «зеленым змием», то зародилась она в очень давние времена. Религиозные книги древних ариев рассказывают о необыкновенном напитке — соме, делавшем людей равными небожителям. Ученые спорят о том, как он приготавливался, но это уже частности. Божественный сома — это хорошо известный россиянам самогон. В настоящее время известна масса способов его приготовления, уже Остап Бендер держал в голове более сотни рецептов. Думается, что и арии знали их в достаточном количестве, и работы для интересующихся этим вопросом хватит надолго. В названии же пьянящего нектара, которое никак не могут объяснить лингвисты, отражено его главное свойство — он сам «гонится» (приготавливается), отсюда и произошло слово «сома».

Нисколько не пропагандируя винопитие, все же следует подчеркнуть, что, являясь потомками первооткрывателей крепких напитков, русские, пусть зачастую в очень неудачной форме, выступают хранителями одной из древнейших традиций человечества, уже чуждой и оттого непонятной многим другим народам. Так, Яков Рейтенфельс, посол Рима в Москве с 1670 по 1673 г., в своих записках о Московии характеризовал русских так: «Они думают также, что невозможно оказать гостеприимство или заключить тесную дружбу, не наевшись и напившись предварительно за одним столом, и считают поэтому наполнение желудка пищею до тошноты и вином до опьянения делом обычным и делающим честь». Здесь посол, как обычно при характеристике русских иностранцами, хватанул через край, но в принципе понятия о гостеприимстве у нас именно такие — накорми и напои. Такой обычай у нас в крови, в наших домах он приобрел характер священного действия, что, к сожалению, не почувствовал римский посол. Н. И. Костомаров по этому поводу писал: «Отличительная черта русского пиршества была — чрезвычайное множество кушаний и обилие в напитках. Хозяин величался тем, что у него всего много на пиру — гостьба толсто-трапезна! Он старался напоить гостей, если возможно, до того, чтоб отвести их без памяти восвояси; а кто мало пил, тот огорчал хозяина. «Он не пьет, не ест, — говорили о таких, — он не хочет нас одолжать!» Пить следовало полным горлом, а не прихлебывать, как делают куры. Кто пил с охотою, тот показывал, что любит хозяина. Женщины, в то же время пировавшие с хозяйкой, также должны были уступать угощениям хозяйки до того, что их отвозили домой без сознания. На

другой день хозяйка послала узнать о здоровье гостя. — «Благодарю за угощение, — отвечала в таком случае гостя, — мне вчера было так весело, что я не знаю, как домой добрела!» Но, с другой стороны, считалось постыдным сделаться скоро пьяным. Пир был в некотором роде война хозяина с гостями. Хозяин хотел во что бы то ни стало напоить гостя допьяна; гости не поддавались и только из вежливости должны были признать себя побежденными после упорной защиты. Некоторые, не желая пить, из угождения хозяину притворялись пьяными к концу обеда, чтобы их более не принуждали, дабы таким образом в самом деле не опьянеть». В общем, русскую культуру винопития опять-таки нельзя признать варварской.

Еще более роднит скифов с русскими пристрастие к бане. Правда, скифы бросали на раскаленные камни семена конопли, а не воду. Но это детали. Важно другое — не было в древности другого такого народа, который бы так боготворил парную баню. Уже одно это говорит о безусловном родстве русских со скифами. И тысячу раз прав был А. А. Блок, написав: «Да, скифы мы, да, азиаты мы!»

ГЛАВА 12

О ЗАГАДКЕ ОСЕВОГО ВРЕМЕНИ

*Мы были горды,
высились высоко,
И сердцем мира были
мы в веках, —*

*Но час настал, и вот
под бурей Рока,
Погнулись мы и
полегли во прах.
Поочередно скиптр
вселенской славы
Град граду уступает. Не
гордись,
Пришелец. В мире все
на время правы,
Но вечно прав лишь
тот, кто держит высь!*

В. Брюсов

Понятие «осевого времени» ввел в научный оборот выдающийся немецкий философ Карл Ясперс (1883–1969). Так он назвал период в истории человеческой цивилизации примерно между 800 и 200 годами до н. э. В этот промежуток времени в Китае, Индии, Персии, Палестине и Древней Греции параллельно возникли духовные движения, сформировавшие тот тип человека, который существует и поныне.

В обозначенное время действительно происходило много необычного. В Китае жили Конфуций и Лао-цзы (основатель даосизма), возникли все направления китайской философии. В Индии проповедовал Будда, в Иране Заратустра учил о мире, где идет борьба добра со злом, в Палестине звучал голос пророков. В Греции это время философов — Парменида, Гераклита, Платона и

первых ученых древности — Фалеса, Пифагора, Демокрита. Все то, что связано с этими именами, возникло почти одновременно в течение нескольких столетий в Китае, Индии и на Западе независимо друг от друга. В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сегодняшний день, заложены основы мировых религий. Важнейшие идеи греческих, индийских, китайских философов и Будды, мысли пророков о Боге были далеки от мифа. В этом смысле осевое время символизирует конец мифологической эпохи. Началась борьба рациональности и рационально проверенного опыта против мифа, который все более и более превращался в символическое повествование.

Ясперс не был первым, кто заговорил о столь необычном явлении в духовном развитии человечества. Эрнст фон Лазо (1805–1861), тоже немец, задолго до него писал: «Не может быть случайностью, что почти одновременно за 600 лет до н. э. в качестве реформаторов народной религии выступили в Персии Заратустра, в Индии — Гаутама Будда, в Китае — Конфуций, у иудеев — пророки, в Риме — царь Нума, а в Элладе — первые философы ионийцы, дорийцы, элеаты (философы из города Элей — Парменид и Зенон. — А.А.)». То, что на VI–V вв. до н. э. («ось мировой истории») приходится пик религиозно-реформаторской деятельности, разумеется, ни для кого не было секретом. Но в отличие от своих предшественников Ясперс попытался проанализировать явление осевого времени в контексте общемирового исторического процесса. Отсюда и возникла необходимость расширить временные рамки периода.

Карл Ясперс выделяет следующие главные его особенности:

1. Осевое время знаменует собой исчезновение великих культур древности, существовавших тысячелетиями. Оно растворяет их, вбирает их в себя, предоставляет им гибнуть — независимо от того, является ли носителем нового народ древней культуры или другие народы.

2. Осевое время «породило» современное человечество.

3. «Вхождение» народов в мировую историю осуществлялось через контакты (экономические, политические или военные) с народами Китая, Индии или Запада — «трех центров духовного излучения».

4. Несмотря на удаленность друг от друга и национальное своеобразие, эти центры развивались как бы по одной и той же программе. Параллелизм и схожесть путей их духовных поисков — едва ли не главная загадка в истории человеческой культуры.

Но как исследователи объясняют столь необычное явление? Уже упоминавшийся Э. Лазо, например, истолковывал его так: «Причиной этого поразительного совпадения может быть только внутреннее субстанциональное единство человеческой жизни и жизни народов, только общий всем народам порыв всей человеческой жизни, а не особое цветение одного народного духа». Однако это не объяснение, а лишь описание тайны.

Немецкий писатель и философ Герман Кайзерлинг (1880–1946) придерживался иного мнения: «От поколения к поколению люди претерпевают изменения

одинакового рода и в одинаковом направлении, а в поворотные моменты истории однотипные изменения охватывают гигантское пространство и совершенно чуждые друг другу народы». Но и это не более, чем описание загадки. Все объяснения подобного рода игнорируют тот несомненный факт, что на этот путь встало не все человечество, а лишь очень немногие народы, проживавшие на довольно ограниченной территории.

Единственным ответом о причине одновременности зарождения новых религиозных течений служит в настоящее время лишь гипотеза немецкого экономиста и социолога Альфреда Вебера (1868–1958). Согласно ей, кочевники-индоевропейцы из Центральной Азии проникли в Средиземноморье (конец III тыс. до н. э.), Индию и Иран (около 1200 г. до н. э.) и Китай (конец II тыс. до н. э.). В качестве господствующей касты они привнесли в мир ощущения героического и трагического начал, что позднее нашло отражение в эпосе, мифологии и религии подвластных им народов. Теория Вебера, однако, не объясняет очень многих «частностей»: почему воздействие индоевропейцев на автохтонов Индии, Китая и Средиземноморья было столь похожим, почему в Китае осевого времени не проявилось трагическое сознание и не родился героический эпос (нечто близкое к эпосу создается там гораздо позднее, в первые века н. э.), наконец, как быть с Палестиной, до которой кочевники Центральной Азии не дошли?

На наш взгляд, Альфред Вебер очень близко подошел к разгадке тайны осевого времени. Но он не сделал самого важного, решающего шага: не осознал, что в качестве народа-«завоевателя» выступали не просто кочевники-индоевропейцы, а арии! Волны их

миграций достигли Греции, Ближнего Востока, Индии, Ирана, а также в Китая. Во все эти страны они несли свою религию и утверждали в них свое мировоззрение, опорой которому служил вселенский закон гармонии с миром (арии называли его «Rta»). Здесь мы можем повторить все те аргументы, которыми Вебер обосновывал свою концепцию. Но наше отличие заключается в том, что мы можем указать конкретную причину возникновения культур осевого времени: вытеснение ариев с данных территорий. Для объяснения загадки осевого времени, таким образом, важен не факт миграции ариев (или индоевропейцев у Вебера) в те или иные страны, а окончательная утрата ими ведущих позиций в Азии и Средиземноморье, произошедшая в VIII–VI вв. до н. э.

В Древнем Китае, вплоть до VI в. до н. э., понятие неба включало и верховного владыку, и судьбу, и понятие первоосновы и первопричины всего сущего и одновременно было как бы синонимом мира природы, окружающего мира в целом. Именно отсюда возник термин «Поднебесная», ставший одним из названий страны. Считалось, что земной владыка есть посланец неба, сын неба, который правит согласно небесному повелению. Все свои помыслы, чаяния и надежды древние китайцы обращали к небу, так как, по их представлениям, от неба (верховного владыки) зависели и личная жизнь, и дела государства, и все природные явления. В книге «Шу цзин» говорится: «Только небо осуществляет наблюдения за народом, ведает справедливостью, посылает устойчивые или неустойчивые урожаи. Без неба погибнет народ. От милости неба зависит его судьба». Такие высказывания очень близки арийским представлениям. Но на рубеже

VI в. до н. э. уже начинает обсуждаться вопрос о справедливости небесных явлений, соразмерности гнева божия (неба) с проступками людей. Вот, к примеру, отрывок из книги «Ши цзин»:

Велик ты, неба вышний свод!

Но ты немилостив и шлешь

И смерть, и глад на наш народ,

Везде в стране чинишь грабеж!

Верховного владыку (небо) начинают называть грозным и жестоким, поскольку он не считается с тем, что подлинными виновниками бедствий являются правители, и обрушивает весь свой гнев на народ. Тем самым как бы ставится под сомнение авторитет неба. Все более широкий характер приобретают утверждения о том, что счастье и несчастье человека происходят от него самого, что существуют естественные (земные!) причины стихийных бедствий и болезней. Небо все более начинают рассматривать как явление природы. Бучению китайских философов VI–II вв. до н. э. последовательно выстраивается оригинальная концепция восприятия неба. Это время рождения классической китайской философии, свободной от каких-либо чуждых влияний. В политическом плане V–III вв. до н. э. в Китае можно охарактеризовать как период раздробленности (эпоха «воюющих царств»). Подобная ситуация благоприятствовала как освобождению от какого бы то ни было индоевропейского (арийского) культурного влияния, так и расцвету собственных национальных идей.

В Индии в X–VII вв. до н. э. создаются Упанишады (по-санскритски «сокровенное знание») — заключительная часть «Вед». Они стали «песней прощания» Древней Индии с арийской ведической традицией. Начиная с VI в. до н. э. (принятого времени рождения Будды), здесь распространяется и утверждается в качестве основной религии буддизм. Согласно легенде, чтобы прийти в мир и возвестить людям путь к спасению, Будде пришлось победить демона зла и бога смерти Мару, в котором нельзя не признать символическое изображение вождя ариев.

В Иране мидяне-арийцы в конце VI в. до н. э. перестали править страной. Мидия стала одной из провинций, подвластных персам. Учение Зороастра о борьбе двух вечных начал является прямым развитием, или, лучше сказать, искажением учения ведических ариев о едином законе (абсолюте), сотворившим мир и поддерживающим в нем божественный порядок. «Авеста» ярко демонстрирует отход ее создателей от первоначальных принципов, почитавшихся древними ариями. При этом чрезвычайно примечательно, что если в «Ведах» девы — божества, то в иранской мифологии они (дэвы, дивы) — уже демоны. Сохранилась надпись V в. до н. э., из которой следует, что в одной из областей Ирана дэвы почитались как боги, и персидскому царю Ксерксу пришлось уничтожить их святилище. Так персы искореняли остатки древних ведических верований.

Палестина с древнейших времен была вотчиной ариев (ханаанеев и амореев). Но вначале египтяне, а затем евреи и другие семитские племена вытеснили их из Земли обетованной. Однако значительная часть ариев была ассимилирована семитами, так образовался, например, народ финикийцев. Хотя арии в значительной

степени растворились среди других ближневосточных этносов, но их культура глубоко вошла в традиции семитов. Кроме того, арии и родственные им племена (киммерийцы, скифы и мидяне) постоянно воевали в Малой Азии и периодически вторгались на земли Палестины (вот еще одно недостающее «звено» теории Вебера). Пророк Иезекиль (VII–VI вв. до н. э.) предрекает угрозу Израилю со стороны грозного северного народа Гога и Магога, в котором самые разные исследователи видят скифов. В 586 г. до н. э. вавилоняне, среди которых были халдеи-арии, овладели Иерусалимом. Последовавшее за этим «вавилонское пленение» является очень важным моментом еврейской истории. В этот период начало формироваться наблюдаемое сегодня национальное сознание еврейского народа, обладающего уникальной способностью объединяться и сплачиваться в инородной среде. Примечательно, что если оценивать меру национализма у разных народов, то евреи будут на первом, а русские (наследники арийского отношения к миру) на последнем месте. Они как бы определяют два полярных способа существования в мире: евреи стараются сплотить вокруг себя своих соплеменников, русские же, наоборот, отказываются создавать какие-либо объединения по принципу кровного родства. С этой позиции процесс зарождения и оформления иудаизма можно рассматривать как ответную реакцию на проникновение арийской (интернациональной!) идеологии в Переднюю Азию и на Ближний Восток.

Осевое время породило и современную науку. Ее первым центром стало побережье Малой Азии (милетские мыслители, Пифагор) — именно те области, над которыми киммерийцы, скифы и союзные с ними ваны Урарту к VI в. до н. э. утратили свой контроль. Греки

стали рассматривать мир как упорядоченный Космос, который можно постигнуть с помощью человеческого разума. Они полагали, что природа как целое является выражением все проникающего Разума, и потому может быть познана рациональными методами. К примеру, Платон отождествлял божественность с порядком, а разум и душу — с совершенным математическим законом. Эти и подобные им взгляды легли в основу формирования западной цивилизации. Они в равной степени остались по-настоящему чужды как древним ариям, так и их потомкам — русским. Поэтому именно в осевом времени надлежит искать корни духовного противостояния Запада и России.

Культуры осевого времени явились своеобразным откликом разных народов на обычаи, традиции и мировоззренческие установки, которые исповедовали арии. Каждая из этих культур имела свою национальную «окраску», но, поскольку они рождались как отрицание одного и того же культурного явления, в них проявились и некоторые схожие черты. Вытесненная из глубин Азии, арийская цивилизация продолжала существовать на огромной территории — от Алтая до Дуная и Балтики. Это и были как раз земли Великой Скифии.

Скифское государство явилось предтечей России, существуя примерно в тех же границах и проводя схожую геополитическую линию. Скифы выступили промежуточным звеном между ариями и русскими. Цивилизация скифов осталась верна древнейшим арийским традициям. Ни зороастризм, ни эллинские премудрости практически не затронули скифское мировоззрение. Возвращаясь же к концепции Альфреда Вебера, заключим, что она оживает и играет новыми красками, если (в свете наших изысканий и позиции

Помпея Трога) отвести роль индоевропейских кочевников скифам.

Часть III

ЯВЛЕНИЕ РУСИ

*О Русь, взмахни
крылами,
Поставь иную крепь!
С иными именами
Встает иная степь.*

С. Есенин

Так уж случилось, что основополагающим источником по древнерусской истории стала «Повесть временных лет». Ее позиция, по существу, и предопределила восприятие русскими начальной истории Отечества. Не счесть хвалебных слов, сказанных и написанных в ее адрес. Спору нет, сочинение это выдающееся, но давно пора уже сказать и о заведомо слабых его сторонах. Создавалась «Повесть», впрочем, как и все остальные наши летописи, христианскими авторами. В результате «языческий» отрезок нашей истории не нашел там сколько-нибудь подробного освещения. О незнакомстве авторов с «преданьями старины глубокой» в данном случае говорить не приходится, слишком мало воды утекло с момента утверждения в стране новой идеологии. Наши летописи — ярчайший образец партийной литературы. И можно без преувеличения сказать, что своими бесконечными спорами о происхождении Руси ученые обязаны первым летописцам и их многочисленным редакторам. Отрезав

начальный «кусоч» русского этногенеза, они обрекли своих потомков на поиски «впотьмах».

Значение имени «Русь» даже не обсуждается Нестором. Временем рождения Русской земли он назвал 860 год, когда

русы напали на Константинополь. Факт сей автор «Повести» выудил у греческих авторов, и никаких собственных источников на этот счет не имел. Странно, не правда ли? Взятие Царьграда — событие мирового масштаба, которое должно было запечатлеться в памяти народа-победителя. А выходит, что помнят о нем только византийцы. Ничего себе у нас историки! Даже не поинтересовались причинами похода, и какие племена в нем возглавили русы. А может быть, очень даже хорошо представляли, но не захотели обнародовать? Ведь вот и европейские, и арабские историки донесли информацию о коренных жителях юга России, а наши славные летописцы отчего-то до этого не снизошли.

Не сомневаемся, что кто-то из читателей непременно захочет тут заступиться и возразит, мол, не было у христиан письменных свидетельств, а из уст в уста многое не передашь. Но, во-первых, передашь. Кто хочет, тот услышит! А во-вторых, и это самое главное, летописцы сознательно обошли молчанием проблему происхождения русов. Ее обсуждение возвращало к основам той самой арийской религии, которую намеревались искоренить христиане, ибо «русы» было изначальным именем арийских жрецов и приверженцев арийского мировоззрения. Уж кто-кто, а просвещенные монахи и их верховные покровители прекрасно знали об этом.

Все наши летописи начинаются с рассказа о славянах. А где русы? Почему о пришлом народе информации выше крыши, а о хозяевах земли ни полстрочки? Ведь ясно же, что славяне переселились сюда с их позволения и со временем растворились в русском окружении. Значит, сделано это неспроста. Историки же, попавшись на эту уловку, «узаконили» ситуацию абсурда. Они сделали древнерусскую историю частью праславянской, ограничив ее и во времени, и в пространстве. Но не зря русских сравнивают с медведями. «Теремок» праславянской истории нам мал. Как не заталкивай туда «шестую часть земли», не помещается она там: то кельтов прижмет к морю, то германцев вытеснит на болота, а то накроет пол-Азии. Русские — евразийский народ, наша связь с Востоком исчисляется тысячелетиями. И только учитывая это, можно прояснить тайну рождения Киевской Руси.

ГЛАВА 13

САРМАТЫ — ПРЕДКИ РУССКИХ И СКАНДИНАВОВ

*В жгучий год, когда
сбирает родина*

*Плод кровавый с поля
битв; когда*

*Шагом бранным входят
дети Одина*

*В наши дрогнувшие
города, —*

*В этот год само
дыханье гибели
Разомкнуло память
дней былых,
Давних дней, что в
камне сердца выбили
Золотой, еще не петый
стих...*

Д. Андреев

В III в. до н. э. жителям Причерноморья было суждено пережить сразу два иноземных нашествия. Первыми сюда нагрянули кельты, населявшие Центральную и Западную Европу. Часть галльских племен снялась с места и двинулась по долине Дуная на восток. Где-то в конце 280-х — начале 270-х гг. до н. э. они вышли к Черному морю, растекаясь во всех направлениях. На севере они вторгались в Западную Украину и Бессарабию, достигали Днестра, где захватили и разорили эллинский городок Офиуссу. Но более сильных городов взять не смогли и, по-видимому, были отражены местными скифо-арийскими народами и отступили из Северного Причерноморья. Правда, некоторые их племена так и осели на новых местах — в Богемии (первоначальное название территории, где впоследствии образовалось государство Чехия), долине Дуная и где-то в Галиции. Впрочем, на север попыталась прорваться лишь какая-то ветвь галлов, а главным направлением их переселения стало южное. Они вторглись в Грецию, однако напуганные сильным землетрясением, перенесли свой удар на Малую Азию. Кельты переправились туда морским путем и около века

терроризировали соседей, пока не потерпели ряд серьезных поражений и не осели там под именем «галатов». Галлы надолго прервали связи Причерноморья с Грецией, поскольку занимали берега Босфора (один из районов Стамбула до сих пор сохранил название «Галата»).

Но более серьезным потрясением для Скифии стало другое крупное переселение — с востока. В конце того же века сюда двинулись сарматы. Давление сарматов нарастало постепенно, и также постепенно скифы сдавали территорию пришельцам. Уже в III в. до н. э. центр Скифского государства сместился из региона Азовского моря к Днепру. Около 179 г. до н. э. сарматы, как повествовал Полибий, начали свои набеги на скифские владения в Северной Таврии. Около середины II в. до н. э. произошел надлом Скифского царства. Часть скифов присоединилась к пришельцам и признала их власть. Другая двинулась на запад, пересекла нижний Дунай и оккупировала Добруджу (область между нижним течением Дуная и побережьем Черного моря), где продержалась относительно длительный период. Эта территория стала известна как «Малая Скифия» среди греческих и римских авторов.

Сарматы — это обобщенное название народов, обитавших в степях Казахстана и Средней Азии, оно является искаженной формой этнонима племени савроматов, ближайших соседей скифов, живших между Доном и Волгой. Явившись вначале как завоеватели, сарматы впоследствии растворились в скифской среде. Для многих греков и римлян они автоматически стали «скифами», что вполне объяснимо, поскольку скифские и сарматские племена были близкородственными. Так, Квинт Курциний Руф указывает, что «скифское племя,

живущее недалеко от Фракии, с востока распространяется к северу и не сопредельно с сарматами, как полагали некоторые, а составляет часть их». Об этнической близости этих народов сообщал и Геродот, писавший, что савроматы говорят на скифском языке, но «с ошибками».

«С вторжением сарматов часть населения черноморских степей иранского происхождения значительно увеличилась. Однако этническая композиция местного населения не претерпела полного изменения. Именно на скифов пришелся основной удар. Но даже они не были все изгнаны или уничтожены... Взяв у скифов власть над местными племенами Южной Руси, сарматы не имели намерения уничтожить их. Часть этих племен должна была уйти в менее плодородные регионы, освобождая место пришельцам; другие, напротив, воспользовались дезинтеграцией скифского царства, чтобы получить лучшие земли. Через некоторое время был установлен определенный баланс племен...» (Вернадский Г. В. Древняя Русь). К схожим выводам пришли и наши отечественные археологи, установившие, что в сарматскую эпоху в значительной степени преобладали курганы с могилами, где по старому (скифо-арийскому) обычаю строили деревянные столбовые гробницы (нередко их в ритуальных целях сжигали). Отсюда они сделали вывод, что с приходом сарматов изменился лишь тип материальной культуры, само же население в значительной степени осталось на своих местах.

Многие авторы, писавшие на скифскую тему, задаются справедливым вопросом — как столь сильный и могучий народ мог исчезнуть из истории? В чем причины утраты скифами верховной роли в Причерноморье? Нам

не известно ни одной сколько-нибудь серьезной версии по этому поводу, а между тем эта ситуация абсолютно аналогична тому, что произошло чуть ранее с киммерийцами. Каждому этносу уготован свой, к сожалению, ограниченный период существования. Поскольку сами скифы относили рождение своей общности к рубежу XVI–XV вв. до н. э., то в последние три века до Рождества Христова, согласно гумилевской теории, они переживали свой закат. Скифы состарились как этническое целое, интересы отдельных скифских племен вышли на первый план. Раздробленность и межплеменные раздоры привели к утрате скифами доминирующей роли на юге России. Этим воспользовались более организованные и более сильные к тому времени в военном отношении сарматы.

Первыми из них в причерноморских степях появились язиги (асы, асии, асианы), за ними последовали роксаланы, затем сираки и аорсы, а уж последними пришли аланы. В ряде источников между асами и аланами ставится знак равенства. Так, китайские хроники сообщают, что во время правления династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) асы приняли название а-лан-а. Генуэзец Иосафато Барбаро (XV в.), побывавший на Дону и в Предкавказье, записал: «Название Алания произошло от племен, именуемых аланами, которые на их собственном языке называются «ас». В других средневековых источниках асы упоминаются обычно рядом с аланами, что указывает на их этническую близость.

После пересечения Южной Руси в своем движении на запад язиги осели более чем на два столетия на берегу Черного моря между устьем Днестра и нижним Дунаем, в области примерно соотносимой с той, что

позднее стала известна как Бессарабия. Римляне с трудом сдерживали натиск язигов на свои дунайские провинции. Роксоланы располагались к востоку от них, оккупировав степи между Днепром и Доном. По известиям Тацита, конница роксалан в количестве 9000 всадников вторглась в римскую Мизию (область между нижним Дунаем и Балканами) в 69 г. н. э. Сначала они имели успех и истребили две римские когорты. Но когда победители рассыпались для грабежа и предались беспечности (вспомним историю скифов во главе с сыном царицы Тамириссы), римские начальники направили на них свои легионы и нанесли им сокрушительное поражение. Такой развязке способствовало также наступившая оттепель. Кони роксалан спотыкались, всадники падали и при своем тяжелом вооружении с трудом поднимались: ведь они имели длинные мечи и копья, а у знатных воинов панцири были сделаны из железных блях или из твердой кожи. Во второй четверти I в. н. э. язиги двинулись к степям Паннонии между реками Тиссой и Дунаем. Роксаланы часто выступали союзниками язигов в войнах с римлянами, а после ухода язигов к среднему Дунаю стали их наследниками на оставленной теми территории.

Территория, подконтрольная сарматам-роксоланам, не ограничивалась областями Южной Руси, хотя именно здесь и находилась резиденция их правителей. Античные источники указывают, что сарматы населяли также и лесную зону, причем их владения простирались далеко к северу. Еще Страбон отмечал, что «области за страной роксаланов необитаемы вследствие холода», то есть сарматы-роксоланы живут на севере вплоть до самой глухой тайги и бесплодной тундры Заполярья! Согласно Маркиану (начало V в.), «река Рудон течет из Аланской

горы; у этой горы и вообще в той области живет на широком пространстве народ алан-сармат, в земле которых находятся истоки реки Борисфена, впадающей в Понт». Рудон или «река Ру» («дон» по-арийски «река») — это Волга-Ра, а Аланские горы, скорей всего, — Валдайская возвышенность. Как раз в ее пределах берет свое начало Днепр-Борисфен. Значит, сарматы в начале новой эры обитали не только в степи, но и на территории Белоруссии, и в полосе Средней России. Лес и степь Восточно-Европейской равнины заселял единый народ! Это простое и ясное положение всячески игнорируется историками. До сих пор принято локализовать Сарматию в степных областях, что решительно противоречит данным источников. Для всех античных авторов, начиная с Тацита и Птолемея (I–II вв.), страна сарматов начиналась за Вислой и простиралась от Восточной Балтики до Волги. Птолемей на своей карте называет Балтийское море Сарматским океаном, а на Певтингеровой карте (дорожной карте, относящейся к первым векам н. э.; названа так по имени владельца) сарматы занимают все побережье Балтики. Китайские летописцы зафиксировали, что асы (аланы) «владели бесконечным пространством земли, ограниченным с Севера великим морем» (Ледовитым океаном), а «с запада — большими болотами и Блатом Вендским» (Азовское, Черное и Балтийское моря). Таким образом, у нас есть полное основание говорить, что сарматы с берегов Дона распространили свое влияние вплоть до Прибалтики и Скандинавии. Но отчего ученые упорно не принимают этого?

Причина одна: для исследователей неясна этническая принадлежность сарматов. Историки договорились относить их к ираноязычным племенам, но

это суть обозначение одного непонятого феномена другим именем. Из каких народов, известных историкам в прежнее время, сложилась сарматская общность? Вот вопрос, перед которым пасуют историки. В самом деле если записывать их в наследники скифо-арийского мира, то вроде бы будет слишком «жирно». Если же считать их самостоятельной общностью, покинувшей Причерноморье, то неведомой загадкой остается конечный пункт их миграции. Ясно, что он находится где-то в Европе, но где именно? Источники не дают ответа, молчит на данный счет и археология. А между тем правильный ответ уже предложен давным-давно А. С. Хомяковым, который обратил внимание, что имя одного из сарматских племен совпадает с названием основной группы скандинавских богов — асов. В древнейших исландских песнях об асах, вошедших в сборники «Младшая Эдда» и «Старшая Эдда», изложена история странствий этих богов по свету, которая открывает и тайну происхождения сарматских племен, и пути их миграций.

В прологе к «Младшей Эдде» приводится легенда о происхождении асов. «Вблизи середины земли был построен град, снискавший величайшую славу. Он назывался тогда Троя, а теперь Страна Турков. Этот град был много больше, чем другие, и построен со всем искусством и пышностью, которые тогда были доступны <...> Одного конунга в Трое звали Мунон или Меннон. Он был женат на дочери верховного конунга Приама, ее звали Троан. У них был сын по имени Трор, мы зовем его Тором. Он воспитывался во Фракии у герцога по имени Лорикус. Когда ему минуло десять зим, он стал носить оружие своего отца. Он выделялся среди других людей красотой, как слоновою костью, врезанная в дуб. Волосы у

него были краше золота. Двенадцати зим отроду он был уже в полной силе. В то время он поднимал с земли разом десять медвежьих шкур, и он убил Лорикуса герцога, своего воспитателя, и жену его Лору, или Глору, и завладел их государством Фракией». Снова в нашей книге возникает тема Трои. Вожди самых разных народов выводили свои родословные от троянских царей. Для подавляющего большинства исследователей это выглядит своеобразной данью моде, стремлением приобщиться к сонму великих. Но мы уже не раз убеждались, что даже самые, на первый взгляд, фантастические мифы покоятся на реальном основании и служат отражением конкретных исторических событий. Историки же по преимуществу «слепцы», неспособные в силу узости взора увидеть в мифе рациональное «зерно», открывающее подлинное знание совершившегося. В данном же случае и выдумывать ничего не надо, все сказано предельно ясно.

Конунг Меннон, проживавший в Трое, — это знатный меониец. Меонийцы были в числе защитников Трои, впоследствии их стали именовать лидийцами. Асов не захватил вихрь массовых переселений, охвативший Анатолию после Троянской войны. Они остались в Западной Анатолии, но не ограничились владениями только в ее пределах. Под предводительством Трора они завоевали Фракию и стали господствовать во всем фрако-троянском регионе. Отвлечемся на время от информации, предоставляемой мифом, и зададимся вопросом, какое историческое племя могло осуществить это и в дальнейшем править этими землями достаточно длительное время? Все историки единодушно отмечают, что «народы моря» не задержались в этих краях, а основали поселения на Сицилии (сикелы-сколоты), в

Палестине (пеласги-филистимляне) и Передней Азии (турсы). Кому же из северных варваров достались области, обожженные огнем троянских баталий?

И тут на память приходит фракийское племя, название которого практически совпадает с именем вождя асов Трором. Это треры. Согласно Страбону, они пришли на помощь осажденным троянцам, а впоследствии частично переселились в Анатолию. Известно, что треры завоевывали столицу Лидии Сарды. В своих военных мероприятиях в Малой Азии они действовали в союзе с киммерийцами. Страбон даже называет их киммерийской народностью. И это в очередной раз говорит в пользу нашей интерпретации Троянской войны как глобального конфликта северной арийской цивилизации с народами отложившегося от них Юга.

Самое замечательное, что «Младшая Эдда» тоже указывает на родство асов (треров) с их северо-восточными соседями. В северной части света, говорится в ней, Трор повстречал прорицательницу Сивиллу, которую сами асы зовут Сив, и женился на ней. Правда, авторы легенды признаются, что не знают, откуда родом была жена родоначальника их народа. Но тут мы можем прийти им на помощь, так как Сив — это одно из имен Великой Богини северян. Сивая — значит Белая. Скифы почитали ее под именем Табити. Асское имя Трора — Тор, — также напоминает о скифах, об их прародителе Таргитае. И то, и другое имя выросли из одного корневого «гнезда». Да это теперь совершенно прозрачно, поскольку скифская общность формировалась по соседству с трерами-асами.

Теперь о прозвище «асы». Оно родственно названию континента Азии (Асии). Этим именем поначалу обозначалась лишь небольшая область в Анатолии. Страбон, ссылаясь на элегического поэта Калина (VII в. до н. э.), указывает, что Азией называлась Меония (позже Лидия). У Гомера в «Илиаде» (II, 461) есть строка:

В злачном асийском лугу, при Каистре
широко текущем.

Река Каистр соотносится комментаторами поэмы с землей Лидии. Вообще, по словам Геродота, лидийцы были убеждены, что Азия была названа так по имени Асия, внука их легендарного царя Манеса.

Предки скандинавских асов появились в Трое в времена царя Приама (рубеж XIII–XII вв. до н. э.). Но уже ранее этого времени греки называли западные области Анатолии Азией. Имя сестры Приама Гесионы принято толковать как «асийка», то есть «жительница определенной области Анатолии». Хеттские документы засвидетельствовали, что в середине второй половины XIII в. до н. э. на страну напала конфедерация 22-х западно-малоазиатских государств, объединенных единым названием Ассува. Отсюда можно заключить, что имя «асы» перешло на скандинавских богов уже непосредственно в Малой Азии, когда поклонявшиеся им треры стали частью Ассувы. Глава асов Тор именуется также Аса-Тор или Эку-Тор. Последнее словосочетание вызывает ассоциации с Гектором, одним из троянских вождей. Гектор правит народом дарданов, пришедшим в северную Троаду, как и треры, из Фракии.

Читаем пролог «Младшей Эдды» дальше. Асы проживали в стране Турков (Лидии) вплоть до того времени, пока в 18-м поколении после Меннона не родился Один. «Он славился своею мудростью и всеми совершенствами. Жену его звали Фригида, а мы зовем Фриг. Одину и жене его было пророчество, и оно открыло ему, что его имя превознесут в северной части света и будут чтить превыше имен всех конунгов. Поэтому он вознамерился отправиться в путь, оставив Страну Турков. Он взял с собою множество людей, молодых и старых, мужчин и женщин, и много драгоценных вещей. И по какой бы стране не лежал их путь, всюду их всячески прославляли и принимали скорее за богов, чем за людей. И они не останавливались, пока не пришли на север в страну, что зовется Страною Саксов. Там Один остался надолго, подчинив себе всю страну». Итак, грандиозная миграция народа из Малой Азии на север. По какому же маршруту проходила она? Может быть, асы шли обратно в Европу через Фракию? Это был бы, конечно, самый простой путь, но асы не воспользовались им, а двинулись на восток в обход Черного моря, в глубь континента.

Скандинавская «Сага об Инглингах» сообщает: «Страна в Азии к востоку от Танаквисля (река Дон. — А.А.) называется страной асов, или жилищем асов, а столица страны называлась Асгард. Правителем там был тот, кто звался Одним. Там было большое капище. По древнему обычаю в нем было двенадцать верховных жрецов. Они должны были совершать жертвоприношения и судить народ».

Земли за Доном — территория савроматов, прародина сарматов. Вот и начинают «прощупываться» связи между лидийскими эмигрантами и сарматскими

воинами. Но вписывается ли эта миграция в реальную историческую канву? Не просто вписывается, но, в дополнение ко всему прочему, еще и очень многое объясняет.

Прежде всего, у нас есть временная «привязка». До рождения Одина со времени Троянской войны сменилось 18 поколений асов. По условному счету, принятому историками, это приблизительно шесть веков. Что же происходило в Малой Азии на рубеже VII и VI вв. до н. э.? Именно на этот момент приходится начало возвышения Лидии. В 590 г. до н. э. разразилась крупномасштабная война между Лидией и Мидией. Ее причиной послужило то, что лидийцы дали приют и гарантировали безопасность части скифов, бежавших от мидийского царя Киаксара. Под знаменем лидийского царя Алиатта выступили фригийцы, треры (их называли еще азиатские фракийцы), киммерийцы и ряд других малоазийских народов. После пяти лет войны был заключен мирный договор и определены границы влияния двух держав. Важнейшим приобретением Лидии стала территории Фригии. В связи с этим обратим внимание, что женою Одина была женщина по имени Фриг. Случайное совпадение? Нет, и еще раз нет! Просто древнее предание хранит память, что асы (исторические треры), участвуя в лидийско-мидийской войне, завоевали для себя новые земли в соседней Фригии.

Четыре следующих десятилетия — период экономического процветания Лидии. Там первыми в мире начали чеканить золотые монеты, а имя царя Креза (560–546 гг. до н. э.) стало символом богатства и благополучия. Но в 546 г. до н. э. злато-обильная Лидия была завоевана персами. Думается, что это событие и предрешило будущую судьбу асов. Под влиянием

персидской угрозы они приняли решение пробиваться на север через Кавказ. Но для этого им нужно было пройти через территории Ванского царства (государства Урарту) и сопредельные с ним земли, которые контролировались ванами.

Ваны Урарту — это группа венетов, которая после поражения в Троянской войне ушла на восток и создала на территории Армянского нагорья свое царство. Но песни «Старшей Эдды» тоже рассказывают о ванах — группе богов, противостоящих асам. Снова мы сталкиваемся с ситуацией, когда общее название группы мифологических персонажей в точности соответствует имени исторического народа. Поэтому, следуя А. С. Хомякову, предположим, что скандинавские мифы аллегорически повествуют о противостоянии двух исторических народов — асов (будущих скандинавов) и ванов (будущих русов). Отношения между асами и ванами развивались непросто. Все началось с войны, поводом к которой послужил приход от ванов к асам колдуньи Гулльвейг. Асы забили ее копьями и трижды сжигали, но она снова возродилась. Тогда глава асов Один бросил копье в сторону войска ванов, но те стали наступать, угрожая Асгарду. В конце концов был заключен мир между богами, и стороны обменялись заложниками.

Как же интерпретировать эту мифическую войну, и где она происходила? Относительно государства урартов известно, что оно прекратило свое существование и было поглощено персами к середине V в. до н. э. С тех же пор пропадают какие-либо упоминания о ванах в Азии. Зато их след обнаруживается на Кавказе, в Грузии, а точнее в 50 километрах юго-западнее Кутаиси, где находится районный центр Вани. На его окраине, на невысоком

холме были раскопаны мощные оборонительные стены и башни, городские ворота с привратным святилищем, множество храмов и алтарей с богатыми приношениями, бронзовые и терракотовые скульптуры, мраморные и каменные архитектурные детали... Древнейший археологический материал, найденный в городище, датируется VIII–VII вв. до н. э. Период истории города, начиная с VI в. и включая первую половину IV в. до н. э., представлен богатыми погребениями, культурными слоями и находящимся на вершине холма деревянным П-образным в плане святилищем. С ним были связаны высеченные в скалистом грунте ритуально-культурные «каналы» и пещеры (наподобие тех, что строились в Ванском царстве!). В тот период Вани представлял собой политический и экономический центр «Ванской земли» — одной из административных единиц Колхидского царства. По булыжным мостовым этого города ходили светловолосые, голубоглазые «колхи». Итак, наблюдается удивительная синхронность событий: одновременно с падением влияния урартийцев в Азии образуется очаг высочайшего уровня цивилизации на Кавказе. Его создали ваны Урарту, отступившие под давлением персов на север. Память о ванах-венетах запечатлелась в названии Сванетии. Сохранилась и грузинская народная сказка с примечательным названием «Иван-заря».

А что же асы? Они пришли вслед за ванами в Закавказье, но те (при поддержке скифов) надежно «прикрыли» Кавказские ворота. Чтобы утвердиться в Закавказье, асам пришлось воевать не только с ванами. Песни «Старшей Эдды» передают, что неизменными врагами асов являются великаны йотуны. А. С. Хомяков пишет в «Семирамиде»: «Борьба в мифологии

происходит между асами и йотунами, которых имя находим мы до сих пор в Ютланде или Йотланде. Борьба историческая должна была происходить между киммерийцами (кимри, кумри) и аланами на Кавказе, ибо позднейшие скифы не удержали иранского (точнее, азиатского. — А.А.) напора. Ютландия же, или Йотланд, называлась еще у древних (так же, как Крым) полуостровом Кимврическим. Вот ясное свидетельство, йотуны суть не что иное, как бесстрашные кимри, или киммерийцы, соперники асов у Каспийских ворот».

Наряду с йотунами-киммерийцами асам противостояли турсы-скифы и загадочные берсерки. Смысл последнего прозвища совершенно темен для исследователей. На наш взгляд, оно родилось как обозначение союза кавказского племени иберов и сарматского народа сираков. Вы скажете, про иберов мы слышали, это предки грузин, а что означает имя «сираки»? Оно кажется совершенно недоступным для анализа. Но вспомним, что слово «круг» по-древнерусски будет «коло», а по-латински «сиркулюс» (отсюда «цирк» и «церковь»). Сираки — это латинское наименование колхов, а колхи — это те же сыны Колоксия, скифы-солнцепоклонники. Одно только предположение, что местом вано-асского противостояния стал Кавказ, проясняет сразу массу исторических загадок, в том числе иберийскую: как кавказские иберы оказались в Испании? Очень просто, двинувшись вслед за киммерийцами через Кавказ под давлением асов.

Но это произошло, когда скифы «раскрыли» для прохода Кавказские ворота (IV–III вв. до н. э.). А до того времени асы активно вживались в соседний с ними иранский мир. Будучи по происхождению фрако-малоазийцами, они смешивались с ираноязычными

(в первую очередь мидийскими) племенами. Персы предложили миру новую религию — зороастризм, разрушавшую целостное восприятие Бога-творца и предлагавшую мыслить мир как борьбу светлого и темного начал. Речи ее пророка Заратустры были решительно отвергнуты скифским миром. Не восприняли их в должной мере и асы. В «Авесте», священной книге иранских ариев, присутствует понятие «аса» — общего закона мироздания, регулирующего восходы и заходы Солнца, смену времен года, «воскресение» и «умирание» природы и т. д. Со временем понятие «аса» приобрело также социальное и этическое значение и стало включать существующий уклад общества, справедливость, верность договору. «Аса», по существу, является эквивалентом закона «Rta» у ведийских ариев, и именно его пытался «усовершенствовать» Заратустра. Ранее мы предположили, что имя нашего народа росы, русены (рутены), равно как имена высших его богов в древности — Яра, Эроса (Эрота) или Рода, соотносятся с этим понятием. Русские — это буквально те, кто следует закону «Rta». Но в таком случае под асами сарматской эпохи следует подразумевать почитателей закона «аса», в том числе и те ираноязычные племена, которые не приняли зороастризм.

Видимо, войну асов и ванов следует отнести ко времени появления первого сарматского племени язигов в Приазовье (III в. до н. э.). В «Эддах» присутствует ряд имен, начинающихся на «сиг» — Сигурд, Сигмунд, Сигрлинн, Сигюн, Сигфёдр, Зигфрид. Это особенность скандинавских имен. Поэтому племя (я) зигов нам видится состоящим из «чистокровных» асов — потомков фракийцев, прошедших с Од ином путь из Азии в Скандинавию. По прибытию в Швецию Один заложил

город Сигтуна (город Сиг). «Он назначил там правителей подобно тому, как это было в Трое. Он поставил в городе двенадцать правителей, чтобы вершить суд, и учредил такие законы, какие прежде были в Трое» («Младшая Эдда»).

Вслед за язигами на Дон пришли роксоланы. Это имя двусоставное. Такого рода названия указывают, как правило, что их обладатели принадлежат к союзу двух племен. Одно из них аланы (асы). Другое же, обозначенное словом «роксы», следует соотносить с ванами. Образование этнонима относится ко времени, когда асы и ваны заключили мир и обменялись заложниками.

Сарматский союз сформировался на основе объединения асов-иранцев и ванов-русов, заручившихся клятвой братской верности после кровопролитной войны. Отсутствие на территории Ванского городища в III–I вв. до н. э. жилых сооружений, а также культурных слоев, характерных для городских поселений, дает основание предположить, что в IV–III вв. до н. э. ваны покидают царство Колхиды. Земли Грузии были лишь промежуточным пунктом на их пути к своей северной прародине, который вел в Приазовье и к берегам Дона. Ваны-урартийцы были выходцами из малоазийской Русены-Арсавы и выступали хранителями имени «Русь». Три урартских царя носили имя Руса. Еврейский пророк Иезекиль упоминает про князя областей Роша, Мешеа и Фувала, но однажды в этой тройственной титулатуре вместо Роша называет Иавана. Это означает, что Ванское царство (библейский Иаван) и было страной Рош (Росией, с ударением на первом слоге!), а ваны имели право именовать себя, следуя Иезекилю, росами. Имя «роксоланы», следовательно, изначально выглядело как

«россоланы» (идея М. В. Ломоносова) и обозначало союз росов и аланов.

Если роксоланы были племенем смешанным, вано-асским, то аорсы — «чистые» ваны. Форма «арсы» — «сыны Яра» была «визитной карточкой» ариев в дальних странах. Отсюда происходит названия и палестинской Арсену, и малоазийской Арсава, и древнейшей столицы урартов Арзишку. Название «Урарту» в форме «Урашту» встречается в вавилонских надписях царя Дария в 520 г. до н. э. Этническое определение «Урашту» применительно к землям древней Армении встречается и в надписях персидского царя Ксеркса в начале V в. до н. э. Арсену, Арсава, Урашту (Арзишку) — топонимы, указывающие путь возвращения сынов Яра (русов) на свою прародину.

Первоначально сарматы овладевают Подоньем, Прикубаньем и Пред кавказскими степями, которые в I в. до н. э. получают название «Сарматские равнины». Аорсы были наиболее сильным из сарматских племен, наступавших в этом направлении. Страбон сообщает, что их войско насчитывало 200 000 всадников. Главным их противником были сираки, занимавшие территорию Восточного Приазовья и подчинившие часть меотских племен Прикубанья. Войско сираков, по словам Страбона, насчитывало только 20 000 всадников. Тем не менее борьба за обладание Северокавказской степью проходила с переменным успехом. Как показывают материалы погребений Прикубанья, сирако-меотские воины по качеству вооружения и снаряжения ни в чем не уступали аорсам. Но численный перевес был на их стороне, и это решило исход борьбы. В одной из надписей, найденных на территории городища Мангуп в Крыму, упоминается государство «Аорсия». Таким

образом, вырисовывается цепочка древнейших Русий, предшествовавших непосредственно Киевской Руси:

Арсену (Рутену) > Арсава > Урашту > Аорсия.

Все они связаны с присутствием на их территории народа ванов — хананеев в Палестине, венетов в Малой Азии, ванов в Урарту и позже в Приазовье.

Но все-таки ведущую роль в союзе сарматских племен играли асы-аланы. От корня «ас» происходит названия континента, города Азова и Азовского моря, присутствует он и в названии Астрахани — асских Тарханов (впечатляющая связь сарматского и скифского начал). Относительно происхождения имени «аланы» существуют разночтения. На наш взгляд, оно связано с именем Кавказской Албании (древнего государства в Восточном Закавказье) — страны, на территории которой проживали асы в преддверии своего кавказского исхода. В эддических мифах упоминаются альвы — более низкие по сравнению с асами божеества. Их естественно «спроецировать» на коренных, менее могущественных, чем асы, жителей Албании. Но с определенного времени и пришедших сюда асов стали именовать альбанами, или, проглатывая мягкий знак и труднопроизносимую согласную «б», аланами. Так утвердилось мнение, что аланы и асы — это один народ. Алания — древнее название Осетии, а самих осетин (ясов русских летописей) считают потомками аланов. Все сходится. Стоит только добавить, что название Албании, скорее всего, происходит от латинского «albus» — «белый», и потому мы можем заключить, что сарматы, равно как скифы, а еще раньше арии, подчеркивали в своих

самоназваниях свою предрасположенность к свету и белым (русым) цветам, являвшихся их характерным расовым признаком.

Мифы открыли нам тайну этногенеза сарматов. Приходится в очередной раз говорить, что сохранившиеся в мифах крупницы историчности достойны самого пристального внимания. «Когда мы сравниваем современный критический дух с наивностью историков и летописцев Средних веков, нам они кажутся жалкими невеждами или, по крайней мере, легковверными детьми. За всем тем, чем далее мы подвигаемся в науке, тем чаще нам приходится соглашаться с их мнениями, находить смысл в их сказках и удивляться верности их заключений. Бесхитростные, простодушные, чуждые нашей учености, книжной и словесной, они не надеялись слишком много на свою догадку, на тонкость своих исследований, но были доступны впечатлениям больших масс и гармонии больших горизонтов, готовы были верить чужой мудрости, но не презирали чужого невежества и охотно верили тому, что другие народы сами про себя говорили и о себе помнили. Так в Средних веках скандинавов считают выходцами с Кавказа; так древние географии свидетельствуют об иранском происхождении сарматов; так Геродот предсказывает мнение венетов о том, что они некогда жили в Мидии, т. е. на востоке. Нам предоставлено было опять, с помощью усовершенствованной филологии, проследить асов скандинавских до Кавказских гор и тесных долин Осетии и соединить шведский полуостров с Мидией миграциями сарматов» (А. С. Хомяков. Семирамида).

К схожим выводам приходили многие исследователи и после Хомякова, но ученый мир не признает их. Даже авторитет знаменитого Тура Хейердала, самолично

возглавившего археологическую экспедицию и доказавшего присутствие скандинавов в Подонье, не убедил авторитетных скептиков. Слишком легко и вольготно плавать им по поверхности океана Истории, но нырнуть поглубже — страшно: надо переписывать не только древнюю историю Руси, но и всей средневековой Европы.

Малоазийские ваны-венеты, обосновавшиеся на юге России, были известны западным историкам как анты. Впервые о них упоминает римский географ Помпоний Мела, работа которого была написана около 44 г. н. э. Согласно его информации, анты жили где-то «выше» гипербореев и амазонок. Плиний, который завершил «Естественную историю» в 77 г. н. э., также упоминает об антах. Об асах в этих же краях писали Птолемей (II в.) и Стефан Византийский (V в.). Асы также упоминаются многими средневековыми путешественниками. Одновременное употребление разных этнонимов применительно к одному и тому же народу свидетельствует о мирном сосуществовании асов (аланов) и ванов (антов). На одной из керченских надписей III века в Тавриде встречается имя «антас» — ант-ас. Стоит припомнить также заявление римского историка Аммиана Марцеллина, что аланы вобрали в себя народы, которых они завоевали, под собственным именем и некоторые группы ванов-антов, побежденных ими, тоже могли именоваться асами. В частности, имена некоторых асов русского происхождения. Так, дед бога Одина — Бури, его брат — Вей (Ветер), а сын, друг песни, мудрости и правды, царь пиров, чаша которого всегда первая в застольной беседе — Браги. Да и имя самого Одина (если перенести ударение), точно так же, как и старорусское «аз», узнаваемы без комментариев.

Русские — потомки ванов, но и асы, коли первую букву своей азбуки мы соотносили с их именем, нам не чужие. Или, скажем, каков смысл названия сборников песен о богах, составивших основу германо-скандинавской мифологии? Значение слова «эдда» не установлено: иногда его интерпретируют как «книга из Одди» — название местности, где провел детство составитель сборников Снорри Стурлусон (1178–1225), иногда как «прабабка» или «поэзия». Мы намеренно приводим эти забавные версии, чтобы продемонстрировать, насколько несостоятельна идея скандинавской прародины асов. А между тем значение слова угадывается без труда всяким, знакомым с русской речью. «Эдда» — это «Веда», так называли арии свои религиозные книги. Уже один этот факт призывает мифологов и лингвистов обратить свой взор к традиционно арийским территориям — южнорусским степям и северному Ирану. А в насмешку тем, кто захочет записать нас в квасные патриоты, ответим, что скандинавы назвали маленького мудрого человека, сделанного из слюны богов после окончания войны асов и ванов... Квасиром. Все эти «мелкие» детали со всей очевидностью подтверждают скандинавские предания о мире, наступившем между асами и ванами. Этим же объясняется совместная миграция асов и ванов в Скандинавию. Роль каждого из племен внутри этого союза, однако, со временем менялась. В Скандинавии больший вес и политическую значимость приобрели асы. Они там были племенем царствующим, а ваны составляли лишь небольшую группу. «Самая немногочисленность этого племени богов показывает, что у них другая родина, где силы их достаточно для

борьбы с асами» (А. С. Хомяков. Указ. соч.). И родина эта — Аорсия, предтеча Киевской Руси.

Историки относят сарматов к иранским народностям. Это служит примером, как из мухи можно сделать слона. Основу сарматского народа составили малоазийские племена. Иранское (мидийское) влияние на них безусловно имело место, но оно не было определяющим. Более того, формирование сарматской общности происходило в III–II вв. до н. э в Подонье, в местах проживания савроматов. Видимо, схожесть имен сарматов и савроматов не случайна, и местное население, а это по преимуществу были меотские племена, вошло в состав нового этноса. Они говорили на древнейшем арийском, скифском языках, но никак не на иранском.

В числе сарматов, пришедших в южнорусские земли, были и иранцы. Но это не дает оснований объявлять всех сарматов ираноязычными. С сарматами на Дон пришли как раз те арии, которые в свое время мигрировали в Иран, проживали в Мидии, но затем под натиском персов отступили в обратном направлении. Восприняв язык и культуру иранцев (персов), они, очевидно, не разучились говорить на родном арийском, более древнем наречии. Сарматы-иранцы понимали оба языка, они были «двужычны». И нет сомнения, что, оказавшись среди арийских народов, они предпочли общаться на языке местного населения.

Вторжение сарматских племен в черноморско-каспийское «междуморье» привело к исходу части скифского населения не только на запад, но и на восток. Двинувшись вослед, сарматы попытались расширить зону своего влияния и в Средней Азии. В

середине III в. до н. э. они поддержали восстание парфян против Селевкидов — царской династии, ведущей свой род от одного из полководцев Александра Македонского и правившей на Ближнем и Среднем Востоке. Во II в. до н. э. — II в. н. э. Парфянское царство играло ведущую роль в Передней Азии, и происходило все это не без помощи сарматов, колонизировавших Зауралье, Туркестан и другие бывшие вотчины скифов. Аммиан Марцелин пишет: «Аланы населяют бесконечные пустоши Скифии. <...> В другой части страны (к востоку от Дона. — А.А.) аланы поднимаются на восток, разделенные на многочисленные и немногочисленные роды, они выдвинуты далеко в Азию и, как я слышал, живут вплоть до реки Ганг, которая протекает через территории Индии и вливается в Южный Океан». Тем самым сарматы выступили правопреемниками скифов как на западе, так и на востоке. Постепенно они распространились также на север в район верхнего Дона и Донца, вступив в смешанную лесостепную зону. И можно без преувеличения сказать, что все скифские земли вошли в состав Великой Сарматии (с центром в Аорсии).

Теперь о судьбе асов, пришедших на Балтику. На севере Европы они сплотили вокруг себя коалицию германских племен, проживавших вокруг Балтики, и выбрали для себя новое, уже чисто германское, имя. Асы — высшие боги древних германцев, но по-немецки «бог» значит «гот». Таким образом, в северных пределах Европы асы стали готами. Вот почему следы асов-язигов теряются где-то на Среднем Дунае, в северных странах их переименовали в готов.

Авторам начала века также были хорошо известны веныды, проживавшие на берегах Балтики. На рубеже

новой эры в этих же краях объявились потомки малоазийских ванов. Их долгий путь на север представлял длительную, в тысячу лет, миграцию с последовательными «остановками» в Урарту, на Кавказе, Приазовье и Поднепровье. Это была новая волна росов, переселившихся на Балтику. Западноевропейские авторы воспроизводили имя росов в самых разных вариантах — роки, рохи, роги... Последний из них, наряду с его искаженной формой — руги — стал наиболее употребительным синонимом русских в Европе первых веков нашей эры.

Родиной готов считается южная Скандинавия (в древности она называлась Готия), остров Готланд и, вероятно, полуостров Ютландия. Известно также, что в I в. готы жили и на балтийском побережье в устье реки Висла. В середине II в. они разгромили проживавших рядом прибалтийских ругов и вандалов, вынудив часть из них мигрировать на юг, в долину Дуная. Сами же готы решили двинуться в Причерноморье. Обычно их переселение на Днепр представляется победным маршем, но это далеко не так. Вторжение готов в южнорусские земли зафиксировано греческими источниками во второй половине 230-х гг. Это на 80 лет позже их победы над прибалтийскими ванами, знаменующей «начало» завоевательного похода. Следовательно, ни о каком триумфальном марше не может быть и речи.

Готский историк VI в. Иордан описывает, что готы вынуждены были пересечь топи и болота, которые обычно локализуют в бассейне Припяти. Наконечник копья с рунической надписью, найденный близ Ковеля, может рассматриваться как памятник этого движения. Через некоторое время после преодоления топей они

приблизились к Днепру. Если следовать повествованию Иордана, то готы начали переходить реку через мост, но мост надломился, и они были разделены на две группы. Часть их так осталась на правом берегу Днепра. Те же, кто успел переправиться, поспешили на восток и атаковали племя спалов (Плиний называет их «спалеи»). Это поляне русских летописей. Но как они оказались в Поднепровье: жили здесь с давних времен или мигрировали откуда-то?

Правильный, на наш взгляд, ответ высказал В. И. Щербаков в книге «Века Трояновы». Во II тыс. до н. э. предки полян назывались палайцами и проживали на севере Малой Азии в области Пала (Пафлагония). Венеты, пришедшие защищать Трою, проживали тоже там и относились к палайцам. В Поднепровье их стали величать на славянский лад полянами. Сопоставление малоазийского и приднепровского племен станет еще более впечатляющим, если учесть, что поляне построили Киев, а палайцы город Кий (Страбон XII, 3, 42). В Поднепровье венеты-спалы пришли «тропой Трояновой», вдоль западного берега Черного моря. Думается, что с именем малоазийской Палы связано и название Польши. Спалы продвигались через славянские края, поэтому «Повесть временных лет» представляет полян как племя славянское. Во всяком случае, их можно считать провозвестниками будущей волны славянского переселения на Русь в VI–VIII вв. Но нам важно подчеркнуть, что в III веке по соседству (в Поднепровье и в Приазовье) стали проживать потомки малоазийских венетов, обошедших Черное море с двух разных сторон.

Женщины полян поминаются в русских сказках и былинах как девы-поленицы. Изображают их необыкновенно сильными и воинственными

великаншами. К примеру, в варианте одной из былин говорится:

Поленица назад приоглянется,

Сама говорит такое слово:

«Я думала комарики покусывают,

Ажио русские могучие богатыри
пощелкивают!»

Какхватила Добрыню за желты кудри,

Посадила его во глубок карман.

Но если такими могучими амазонками были жены полян, что же говорить о мужчинах! Название их племени «спалей» связано со словом «исполин», и оба, похоже, родились из праформы «асы-поляне». Это говорит о былом единстве сарматов, асо-ванов. В III в, однако, их союз дал трещину.

Победив спалов, готы повернули на юг к Азовскому морю и затем вторглись в Тавриду. Часть из них в конечном итоге пересекла Керченский пролив и проникла к устью реки Кубань на кавказском побережье Черного моря. Что же касается группы готов, которая осталась на правом берегу Днепра, она впоследствии двинулась вниз по Днепру к Черному морю и распространилась на запад к побережью, в конце концов достигнув устья Дуная. После разделения на две части западная «половина» племени стала называться вестготами, а восточная — остготами.

К середине III в. готы контролировали все северное побережье Черного моря, а в середине IV в. готский король Германарих (около 350–70 гг. н. э.) присоединил к

своей державе ряд народов Центральной и Северной России. В их числе оказались угро-финские племена — мордва, меря, чудь, русские — роги, колды (поклонявшиеся Коляде), бубегены (почитавшие Великую Богиню, Бабу-ягу), тадзанс (названные так в честь Дажь-бога) и скифы-сколоты (гольтескифы в тексте Иордана). Однако объединить все эти народы в единое государство германцы не сумели. После первого же поражения от нахлынувших из Азии гуннов империя Германариха рассыпалась как картонный домик.

ГЛАВА 14

РУССКИЕ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

*Замолкни и вслушайся
в топот табунный, —
По стертým дорогам, по
травам сырым
В разорванных шкурах
бездомные гунны
Степной саранчой
налетают на Рим!..*

Павел Васильев

Великим переселением народов называют взаимосвязанные перемещения в Европе IV–VII вв. германцев, русских, славян, сарматских и других племен на территорию Римской империи. Непосредственным толчком к этому брожению народов послужило

выдвижение из глубин Евразии в 70-х гг. IV века племени гуннов. Первыми главный удар гуннской атаки испытали аланы. Блестящие воины, они тем не менее проиграли войну. При этом часть побежденных согласилась войти в состав гуннской армии, остальные же двинулись на запад.

После поражения аланов именно остготы должны были выдержать натиск гуннов. Король Германарих лично повел свою армию против них, но и это не помогло. Остготы были разбиты (около 370 г.), а сам Германарих, по свидетельству Аммиана Марцелина, покончил жизнь самоубийством. Правда, есть и другая версия кончины, изложенная Иорданом. Согласно ей, он был тяжело ранен двумя воинами своей собственной армии. Эти двое, говорит хронист, были братьями, которые искали возможность отомстить за жизнь своей сестры, казненной ранее по приказу Германариха. Братья принадлежали к племени росомонов (росов или венетов-полян), ранее покоренного готами. Эта история позволяет утверждать, что росы были заинтересованы в победе гуннов и поддерживали их как своих освободителей.

Со смертью Германариха внутри остготов произошел раскол, и часть из них признала власть гуннского хана. Но основной «монолит» германского народа начал отход на запад по направлению к нижнему Дунаю. Остготы избрали взамен Германариха нового короля. Его имя, согласно Иордану, было Винитарий (Венет-арий). Аммиан дает ему другое имя — Витимир, но и оно звучит на славянский лад. В любом случае мы имеем наглядный пример усвоения германцами культуры завоеванного народа.

Отступая из Причерноморья, готы попали в земли антов, проживавших в бассейне Буга. Анты — это те же росы, поэтому они встретили переселенцев с мечом. Во вспыхнувшей войне удача вначале сопутствовала антам: в первом столкновении они разбили войско готов, но позднее те все-таки сумели победить. Столкнувшись с героическим сопротивлением, король Витимир прибег к террору: захваченный в плен антский царь Боз (Бус) был распят вместе со своими сыновьями и семьдесятю антскими воеводами. Об этом горьком для русских времени напоминают строки «Слова о полку Игореве»:

На реке на Каяле тьма свет покрыла —
на Русской земле простерлись половцы,
точно выводок гепардов.

Уже пал позор на славу;
уже ударило насилие на свободу;
уже бросился див на землю.

И вот готские красные девы
запели на берегу синего моря:
звеня русским золотом,
воспевают время Бусово...

Гунны взялись отомстить остготам за поруганных вождей антов и выступили в поход под предводительством своего хана. Решающее сражение между двумя армиями состоялось на реке Ерак (современное название Тилигул) около 375 г. Иордан, используя, возможно, какую-то старую сагу, описал эту

битву как дуэль на луках между царем гуннов Баламбером и королем остготов. Удача сопутствовала гунну, его стрела пронзила готского героя. Но в действительности сражались не вожди, а армии. Важную роль в победе над готами сыграли покорившиеся гуннам аланы. Об этом сообщает Аммиан Марцелин: «После его (Германариха. — А.А.) ухода Витимир был сделан королем и некоторое время противодействовал аланам... Но после многих поражений, которые он выдержал, он был подавлен силой оружия и умер в битве».

Под ударами гуннов и аланов остготы отступили к Днестру, где построили укрепленный лагерь. На помощь им подоспели и вестготы, для которых эта река служила восточной границей. Армии готов, однако, не соединились и действовали независимо друг от друга, чем не преминули воспользоваться гунны. Вначале они, переправившись ночью через Днестр, атаковали вестготов. Атака была столь внезапной и мощной, что те отступили в полном беспорядке к линии реки Прут, но не смогли закрепиться даже там. Вскоре дезорганизованные банды вестготов появились на северном берегу Дуная, умоляя римских официальных лиц разрешить им переправиться через реку и поселиться во Фракии. Остготы шли следом за ними. Император Валент согласился принять готов, намереваясь использовать их как вспомогательные войска для защиты империи. Он поставил, однако, два условия: готы должны были послать заложников в Константинополь и пообещать сдать свое оружие римлянам до пересечения реки. Как и предполагалось, заложники были посланы, но план по разоружению провалился: греческие чиновники за взятку разрешали провозить оружие. Вдобавок они не подготовили необходимого количества продуктовых

лавок, из-за чего произошел «голодный бунт». Возмущенные вестготы ворвались во Фракию, грабя все на своем пути. А когда против них были двинуты правительственные войска, призвали на помощь остготов и аланов. Их соединенные силы наголову разгромили армию Валента, при этом погиб и сам император. Преемник Валента Феодосий I сумел, однако, договориться с победителями и выделил вестготам земли для поселения в Иллирии — северо-западной части Балкан. Остготы были поселены в Паннонии.

В отличие от них аланы не искали тут постоянной «прописки». Вместе с племенем вандалов (еще один вариант названия прибалтийских ванов-венедов) они в 406 г. двинулись на запад, и, перейдя Рейн и пройдя всю Галлию, через три года достигли Испании. Отряды аланов участвовали вместе с вандалами под предводительством их короля Гейзериха в завоевании Северной Африки в 429–439 гг. Удивительное дело: асы-аланы более тяготели к ванам-вандалам (русским), нежели к асам-готам (германцам). Г. В. Вернадский пишет по этому поводу в книге «Древняя Русь»: «Из всех народов, которые вторгались в Южную Русь в сарматско-готский и гуннский периоды, аланы пустили наиболее глубокие корни на Руси и вошли в наиболее тесную связь с местным населением — в особенности со славянами, — нежели какое-либо иное кочевое племя... Мы можем предположить, что существовали антские и русские соединения даже в западной аланской орде. Западная экспансия аланов была, таким образом, в определенном смысле первым русским вторжением в Европу». Эту, в целом верную мысль, надо лишь немного скорректировать, а именно: анты — это русы (Вернадский считает их славянами), да и вторгались они

до того в Европу, правда, под другими именами (арии, киммерийцы и т. д.), уже не раз.

После смерти Баламбера царем гуннов стал Ругила — мудрый и дальновидный политик, старавшийся решать все вопросы мирным путем. В начале V в., продвигаясь на запад, гунны без войны заняли Паннонию. Многие народы, жившие по Дунаю, в том числе руги и остготы, стали их союзниками. В 412 г. главная ставка гуннских царей из Причерноморья была перенесена в Паннонию. От их этнического имени произошло древнее название Венгрии — Хунгария. За счет политики Ругилы, умевшего на взаимовыгодных условиях объединяться с соседями (сохранявшими при этом самоуправление), к 430 г. западные границы державы достигли Рейна. Ругила наладил дипломатические контакты с Римом и установил с ним дружественные отношения. Принципы построения гуннской державы решительно отличались от германских. Если готы относились к покоренным народам как «людям второго сорта», то гунны умели находить общий язык с другими племенами. Страшные для врагов, внутри своей страны они установили гуманные порядки. Римские, греческие и готские авторы, не пожалевшие для гуннов самых черных красок, тем не менее невольно отмечали, что у гуннов не было расовой, национальной или племенной дискриминации, а в отношении с союзниками, даже ранее побежденными, они оставались вполне лояльными. У гуннов отсутствовала религиозная рознь, проявлялась полнейшая веротерпимость. В различных источниках отразились и другие черты их государства — справедливость царей, честность и неподкупность судей, легкие налоги.

После смерти Ругилы в 433 г. править империей гуннов стал сын его брата — Атила. Иордан пишет про

него: «Был он мужем, рожденным на свет для потрясения народов, ужасом всех стран, который, неведомо по какому жребию, наводил на все трепет, широко известный повсюду страшным о нем представлением. Он был горделив поступью, метал взоры туда и сюда и самими телодвижениями обнаруживал высоко вознесенное свое могущество. Любитель войны, сам он был умерен на руку, очень силен здравомыслием, доступен просящим и милостив к тем, кому однажды доверился. По внешнему виду низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутой сединою, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом кожи, он являл все признаки своего происхождения». Готский историк описывает портрет вождя гуннов со слов очевидца (им был писатель V в. Приск). Но, будучи в числе врагов вождя гуннов, он, видимо, излишне увлекся в изображении дурных сторон. Описание Иорданом наружности Аттилы более походит на карикатуру и является типичным проявлением отношения германцев к другим, «неисторическим» народам.

В 434 г. Аттила повел войско на Кавказ и добился полного подчинения местных народов. В 441 г. гунны вторглись в Византию, прошли по Балканам, разорили 70 городов и достигли Константинополя, хотя штурмовать его не стали. В 447 г. Аттила — вероятно, чтобы обезопасить свой тыл — произвел новый набег на Византию, вынудив императора Феодосия II заключить с ним позорный мир, по которому тот обязался выплачивать ежегодную дань в 350 фунтов золота и уступал часть территорий южнее Дуная. Правда, следующий император Маркиан в 450 г. разорвал

договор, но Аттила больше не нападал: войско гуннов готовилось к войне с Римом.

Среди наиболее преданных союзников гуннов были руги. Вытесненные в свое время готами из Прибалтики, они во второй половине III в. пришли в Центральную Европу, к верховьям Одера и на Дунай. В 307 г. руги уже упоминаются в качестве федератов (союзников) Рима. В V в. они активно участвуют в битвах и переселениях в разных районах Балкан и Подунавья. Некоторые их отряды вместе с вандалами и аланами уходят в Испанию и затем в Северную Африку, основная же масса поселяется на территории нынешней Нижней Австрии и тогдашнего Верхнего Норика. Здесь возникает королевство ругов с наследственной династией во главе. Факт сам по себе для того времени примечательный: у большинства племен королей пока еще выбирало народное собрание. В первой половине V в. Ругиланд, так называют это королевство германские авторы, входит в состав державы Аттилы.

В 451 г. на Каталаунских полях (нынешняя Франция) произошла грандиозная битва народов, в которой погибло около 200 тысяч человек. В этой битве остготы и руги выступали на стороне Аттилы, тогда как вестготы были в противоположном лагере, сколоченном римлянами для сокрушения гуннского могущества и взаимного ослабления варваров. Еще через два года Аттила скончался. Он погиб во время собственной свадьбы. Сменив, как пишет современник, бесчисленное число жен, он выбрал себе невесту необычайной красоты по имени Ильдико. По обыкновению был устроен пышный пир, но жених заторопился поскорее предаться брачным утехам. Вместе с красавицей женой он удалился в спальню, и больше «повелителя мира» никто живым не

видел: его нашли мертвым, захлебнувшимся в собственной крови, которая пошла горлом.

Усобицы в стане наследников и восстания подвластных племен развалили созданную Аттилой державу. При этом часть гуннов вместе с ругами ушла к Днепру и Черному морю — к низовьям Дуная, а также, видимо, в район Восточного Крыма и Тамани, где следы их просматриваются археологически. «Сообщения Иордана о возврате гуннов и ругов к Днепру и Черному морю чрезвычайно важны и можно лишь сожалеть, что должного внимания они не привлекли. Между тем, как видно из списка русских городов конца XIV в., и почти тысячу лет спустя нижнедунайские приморские города Болгарии считались «русскими» (на них претендовал митрополит Киприан, уроженец Болгарии), а на Днестре с VI в. просматривается та самая культура, которую некогда А. А. Спицин (известный советский археолог. — А.А.) определил как «древности антов», а Б. А. Рыбаков, как «древности русов». Дунайский след здесь отчетливо просматривается в материальной культуре, в частности, в пальчатых фибулах (застежках для плащей. — А.А.), являвшихся характерной для населения римского порубежья одежды. Примерно к этому времени относится и один из мощных этнических выбросов из области Среднего Подунавья: очередная волна расселения славян на восток и северо-восток (культура «пражской керамики»). Но у славян была иная одежда, и пальчатых фибул они с собой не приносили» (Кузьмин А. Г. Руги и русы на Дунае // Средневековая и новая Россия. СПб, 1996).

Рим выдержал и отбил натиск гуннов. Но это лишь ненадолго отсрочило его гибель. В 455 г. в устье Тибра вошла эскадра короля вандалов Гейзериха. В Риме

началась паника. Император Петроний Максим решил тайно бежать, но был узнан и убит своими же подданными, возмущенными трусостью своего правителя. Гейзерих беспрепятственно занял Рим и отдал его на двухнедельное разграбление. Но он запретил поджигать город, разрушать здания и истреблять население. Святой Августин с удивлением писал: «Но что было необычным, так это то, что варварская дикость чудесным образом обернулась такой мягкостью, что в самых больших базиликах, выбранных и назначенных для спасения народа, никто не был избит и никого не тронули, никто оттуда не был уведен в рабство жестокими врагами, а многих сочувствующие враги сами препровождали туда, чтобы сохранить им свободу». Точно так же под властью вандалов, хоть всю пиратствовавших по Средиземноморью, Северная Африка оставалась цветущим краем, а в результате ее «освобождения» Византией превратилась в выжженную пустыню с руинами городов.

После развала империи гуннов руги в основном сосредоточились в Верхнем Норике, откуда направляли вспомогательные отряды для борьбы с Римом. В 469 г. они вместе с союзниками попытались отвоевать у готов Паннонию, но неудачно. В 476 г. их король Одоакр, возглавив коалицию дружественных ругам племен, низложил последнего императора Западной Римской империи Ромула Августа.

Почти неизбежно, что в результате похода Одоакра в 488 г. отдельные русские роды из Подунавья переселились куда-то в северном и восточном направлениях. Может быть, тогда и возникли их поселения на землях лужицких сербов (Лужица — историческая область на юго-востоке Германии), где

названия «Русь» и «Русская земля» на границе Тюрингии и Верхней Саксонии, известные в Средние века, дожили до XX века (графства Ройс и Ройсланд просуществовали вплоть до 1920 г.). Но значительная часть ругов все-таки осталась на старых местах или же обосновалась в ближайшем соседстве с ними. За территорией Ругиланда сохраняется это название и позднее. Называют ее также Ругией, Руссией и Рутенией. Именно в Норике находилась, согласно Житию Северина (VI в.), и резиденция королей ругов.

В середине VI в. Норик, Паннонию и Северную Италию «накрыла» новая переселенческая волна. Из Скандинавии нахлынуло германское племя лангобардов. Между тем в этих областях общины ругов сохранялись. В какой-то период, предшествующий приходу лангобардов в Италию в 568 г., руги даже захватили власть, но не смогли ее удержать. Пережили они и лангобардов. Вплоть до IX в. римские папы обращаются к «клирикам рогов» особо. Такая обособленность могла объясняться сохранением у ругов арианства — течения в христианстве, к которому поначалу были привержены и готы, и лангобарды. Но последние в Италии к VIII в. признали католичество, для ругов же арианство служило средством сохранения самобытности.

«Ругия — Руссия — Рутения, иногда также Руйя — Руйяна — так в западных источниках именуется и Ругия Балтийская, и Ругиланд, и Киевская Русь. Примечательно, что город, основанный русскими участниками Первого крестового похода (на территории нынешней Сирии), назывался в разных записях Ругией, Руссией или Руйей. Показательно также имя одного из гуннских вождей, упоминаемого Иорданом в вариантах Ругила, Руа, Руас, Роас. Очевидно, звук, передаваемый латинским «г»,

произносился иначе, а в разных языках он и вовсе приобретал своеобразное звучание. Так, кельтское население Подунавья называло ругов «роками» и «раками», итальянцы иногда — «руда» (и также «рогами», «роками», «рохами»), датчане «рёнами» (или «рё»), у германского населения Подунавья преобладают формы «рузы», «руци», «рутси», но сохраняются и кельтические «роки», «раки», а также «руты». Этноним часто писался различно в одном и том же документе. И эта неустойчивость в равной мере распространялась на всех русов или ругов: подунайских, балтийских, приднестровских. Видимо, стремление держаться старого латинского написания побуждало имперскую канцелярию Оттона I называть Киевскую Русь Ругией в документах, связанных с поездкой в Киев по просьбе Ольги в 961–962 гг. немецких миссионеров во главе с Адальбертом. Тождество ругов и русов не гипотеза, и даже не вывод. Это лежащий на поверхности факт, прямое чтение источников, несогласие с которыми надо серьезно мотивировать» (Кузьмин А. Г. Одоакр и Теодорих / Дорогами тысячелетий. М: Мол. гвардия, 1987).

Союзниками гуннов в их сражениях неизменно выступают анты. С именем антов следует связывать существование признаваемой многими историками как очевидную реальность так называемую Причерноморскую Русь, предшественницу Киевской Руси. Ее ареалу в значительной степени соответствует Черняховская археологическая культура (от нижнего Подунавья до левобережья Днепра), которая никоим образом не пострадала от «нашествия» гуннов. Совершенно очевидно, что они были дружественной росам силой. В этом смысле символично, что

объединителем гуннов стал Ругила (Руга), то есть Рус. Итак, беспрецедентный (в несколько тысяч километров) рейд гуннов преследовал вполне конкретную цель: объединить и поддержать силы русских и славянских племен в их борьбе с Римом и германцами. Не случайно поэтому то, что все свои основные сражения гунны провели в Европе. Упомянем здесь же, что известный автор XVI в., посол австрийского императора Сигизмунд Герберштейн писал про гуннского вождя Аттилу: «Московиты весьма похваляются этим именем, так как их-де подданные некогда опустошили большую часть Европы», а наш знаменитый поэт Гаврила Романович Державин подписывал свои первые сочинения так — житель реки Ра, потомок Аттилы.

При построении своей империи гунны следовали русскому принципу государственности. Историки отмечают, что готы и аланы занимали в гуннской державе привилегированное положение и сохраняли самоуправление. Такое положение дел, например, совершенно неприемлемо было бы в германском государстве или в Римской империи. Многие авторы древности (Беда Достопочтенный, Едингард, Самбургский Аноним, Прокопий Кесарийский) причисляли гуннов к славянам. Саксон Грамматик принимал гуннов и русов за один народ. Гельмгольд же в качестве одного из названий Руси приводил Гунигард. Примечательно, что сведения о гуннах включены в «Свод древнейших письменных известий о славянах». По сообщению Приска Паннонийского особое хождение в среде гуннов имел напиток *medos* (медовый). Описывая обряд погребения великого воителя Аттилы, Иордан отметил наличие у гуннов поминальной трапезы, которую сами они

именовали «strava» (страва). А ведь так называли погребальный пир древние славяне!

Историк Приск (V в.) описывает одну из резиденций Аттилы, отстроенную гуннами в Подунавье, следующим образом: «Это селение было подобно обширнейшему городу; деревянные стены, как мы заметили, были сделаны из блестящих досок, соединение между которыми было так крепко, что едва-едва удавалось заметить — и то при старании — стык между ними. Видны были и триклинии (палаты и чертоги. — А.А.), протянувшиеся на значительное пространство, и портики, раскинутые во всей красе. Площадь двора опоясывалась огромной оградой: ее величина сама свидетельствовала о дворце. Это и было жилище короля Аттилы, державшего в своей власти весь варварский мир; подобное обиталище предпочитал он завоеванным городам». Ценнейшие сведения! Гунны были умелыми плотниками и строили деревянные города. Но это значит, что записывать их в кочевники в корне неправильно.

Некоторые историки связывают дату основания Киева с приходом в Поднепровье гуннов. Эта гипотеза основана на анализе уже упоминавшейся истории гибели Германариха, рассказанной Иорданом. Приведем теперь этот текст: «Херманарик же, король готов, хотя и был, как мы сообщили выше, победителем многих народов, однако, пока он думал о нашествии хуннов <...> неверный род росомонов, который наряду с другими выказывал покорность ему, воспользовался следующим удобным случаем обмануть его. Ведь после того как король, движимый яростью, приказал некую женщину по имени Сунихильда из названного рода за ее коварный уход от мужа разорвать, привязав к свирепым лошадям и побудив лошадей бежать в разные стороны, ее братья

Сар и Аммий, мстя за гибель сестры, ударили мечом в бок Херманарика. Получив эту рану, он влачил несчастную жизнь, вследствие немощи тела. Узнав об этом его нездоровье, Баламбер, король хуннов, двинул войско в край остроготов... Между тем Херманарик, столь же не вынеся страданий от раны, сколь нападений хуннов, в преклонных годах и насытившись жизнью, умер... Удобный случай его смерти позволил хуннам получить перевес».

Данное сообщение может рассматриваться как один из вариантов сказания о князе Кие. Имя «Сунихильда»-«Сванехильда» этимологически восходит к одному из германских названий лебедя, но сестру Кия тоже звали Лыбедь. Связь рассказа Иордана с русской исторической действительностью подтверждается данными нашего эпоса. Образ Лыбеди-Лебеди присутствует в русских былинах о Михайле Потоке и Иване Годиновиче. В них фигурирует неверная жена Лебедь и три брата. Правда, логика повествования тут несколько перевернута — лебедь не сестра братьям, а жена одного из них, которому, собственно, и изменяет. За это изменница подвергается суровой мести. Неясным остается, почему Иордан указал другое число братьев (отступил от русской сказочной традиции) и изменил их имена, но это уже момент второстепенный. В любом случае ясно, что источник этих историй один.

Признав тождественность рассказа Иордана и сказания о князе Кие, можно определить время строительства Киева как начало гуннской экспансии. Безусловно между двумя событиями существовала не только временная, но и логическая связь. Навряд ли смелая вылазка братьев-росомонов осуществлялась без ведома гуннов. Отсюда опять-таки вытекает важный

вывод о существовании глубоких дружественных связей между гуннами и росами. Старопольский автор Стрыйковский, пользовавшийся материалами не дошедших до нас русских летописей, утверждал, что Киев был основан гуннами. Это его положение опять-таки надо понимать таким образом, что гунны и росы составляли единую коалицию.

Чтобы разобраться в природе гунно-русских связей, надо обратиться к самым истокам гуннского народа. Предками хуннов были племена хяньюнь и хуньюй, обитавшие на юге пустыни Гоби (территория современной Монголии). Китайские летописи впервые упоминают о них в самом начале XVIII в. до н. э. Антропологически хяньюне и хуньюне были европеоиды, но как эти представители «индоевропейского мира» попали сюда? Ответ на данный вопрос может быть найден, если мы сопоставим три исторических факта:

1. В начале II тыс. до н. э. племена ханеев (ханаане), преодолев Аравийскую пустыню, обосновались в Двуречье.

2. Примерно в это же время родственные ханеям (хананеям) арийские племена создают в непосредственном соседстве с ними государство Митанни. Среди митаннийских ариев значительную часть составляли выходцы из южнорусских степей.

3. В середине II тыс. до н. э. многочисленная группа арийских племен расселилась на землях Индии.

Итак, в первой половине II тыс. до н. э. произошли две совершенно уникальные по своим масштабам миграции ариев в южном направлении — в Месопотамию и Индию. Принимая во внимание арийское происхождение ханаан-ванов, можно предположить, что

часть этого народа, начав движение от берегов Средиземного моря, не осталась в Двуречье, а двинулась еще далее на запад по следам своих соплеменников ариев. У ханаан было важное преимущество перед многими другими племенами, они обладали опытом пересечения пустыни. Эти навыки оказались чрезвычайно полезными в их длительном пути на восток. Думается, что именно ханаане упоминались китайскими историками под именами хяньюнь и хуньюй. Они-то и стали основой нового этноса, сложившегося по соседству с китайцами, — народа хуннов. Вполне вероятно поэтому, что названия Китая — Sinae (латинское), Chine (французское), China (английское), Чин (индийское и иранское) и Синая (Синайского полуострова) этимологически родственны.

Л. Н. Гумилев в увлекательной форме изложил историю хуннов в своих книгах «Хунны», «Хунны в Китае». В тексте этих изданий неоднократно приводятся свидетельства в пользу неоднородного этнического состава хуннов, но были среди них светловолосые и голубоглазые индоевропейцы. Находки палеоантропологов также указывают на присутствие европейцев в рядах соседних с китайцами (в том числе, хуннских) племен, а филологи с удивлением обнаружили на территории Китая следы вымерших индоевропейских (тохарских) языков. Наконец, именно в начале II тыс. до н. э. китайские правители начинают использовать в своей титулатуре имя «ван» (термин «ван» в дальнейшем стал титулом царя, который также исполнял функции верховного жреца). Уже одного этого факта достаточно для утверждения о присутствии предков русских в Восточной Азии. Точно так же и имена народов «хунны» и «ханаане» следует связывать с корнем «ван». Хунны,

таким образом, — это потомки арийцев, народ ванов (Иванов), который в свое время ушел в глубины Восточной Азии.

Грандиозным проектом, осуществленном хуннами, стало открытие ими Сибири. Около 1200 г. до н. э. они совершили первый переход южных кочевников через пустыню Гоби. С того времени пустыня стала проходимой, и древние хунны освоили оба ее края. В наскальных рисунках они изобразили тот «корабль», на котором перебрались через песчаное море. Это была крытая кибитка на колесах, запряженная волами, так как для лошадей она была слишком тяжела и неуклюжа. Хунны освоили степные пространства Монголии. Ранее Великая Степь, как море, разделяла обитаемые лесостепные полосы: южносибирскую и северокитайскую. Обитатели обеих полос — земледельцы, оседлые скотоводы и лесные охотники — не имели возможностей для передвижения по степи. Хунны развели достаточное количество лошадей и подъяремных быков, создали кибитку — дом на колесах — и первые занялись кочевым скотоводством, и вместе с тем применили облавную охоту, которая неизмеримо продуктивнее индивидуальной.

Жилище их — кибитки на колесах — было удобно. Во-первых, шатер значительно лучше защищает от ветра и мороза, чем промерзающие стены земляного или каменного дома, и, меняя стоянку, всегда можно было найти место, обеспеченное топливом. Во-вторых, в жилище на колесах жить более безопасно, так как всегда со всем имуществом можно оторваться от врага, что хунны с успехом и делали. Кожаная одежда их была прочна, легка и удобна. Питание состояло из мяса и молока, имевшихся в изобилии, так как стада были

огромны. Отсутствие изнурительного труда и постоянное занятие охотой способствовали физическому развитию, а частые военные походы закаляли мужество и волю. Обращение с пленными и перебежчиками было весьма гуманным, поэтому китайцы опасались не столько набегов хуннов, сколько постоянных переходов к ним в степь своего населения. Участие женщин в политике показывает, что они отнюдь не были принижены, как это наблюдалось в Китае, Индии и Иране.

Самым сильным аргументом против утверждения, что хунны имели свою самобытную культуру, служит, как правило, указание на отсутствие у них письменности. Предположение о существовании не дошедших до нас древних записей на коже, бересте или бумаге отвергалось. Однако и это предвзятое мнение разбивается по мере накопления новых сведений. Так, в «Истории Троецарствия» сообщается об обмене посольствами между Китаем и Фунаном, древнейшим царством в Камбодже. Китайское посольство посетило Камбоджу между 245 и 250 гг., и, вернувшись, участник его, Кань Тай, сообщая сведения о царстве Фунан, заявил: «Они имеют книги и хранят их в архивах. Их письменность напоминает письменность хуннов». Китайский дипломат говорит о хуннской письменности как о вещи, абсолютно известной и не требующей пояснения. А поскольку фунанцы употребляли индийский алфавит, то, следовательно, хунны имели культурные связи с арийскими народами, и мы не ошиблись, указав, что они пришли в Китай с запада.

Могучая империя гуннов, существовавшая на территории современных Монголии, Бурятии и Северного Китая, в 93 г. распалась в результате войн с Китаем и внутренних междоусобиц. Часть хуннов отступила на

запад и на землях нынешнего Восточного Казахстана образовала новое государство. Здесь хунны в значительной степени смешались с тюрками. Несколько десятилетий новый союз племен успешно противостоял китайцам, но в 155 г. он был разгромлен сяньбийцами. В результате хуннский этнос распался. Одна его часть слилась с сяньбийцами, другая переселилась в Китай, третья осела в горных долинах Тарбагатая (хребет на юго-востоке Казахстана) и Семиречья, четвертая, в числе нескольких десятков тысяч воинов, с арьергардными боями сумели оторваться от преследовавших их сяньбийцев и ушли на запад (Гумилев Л. Н. «Хунну»).

В 158 г. они достигли Прикаспийских степей — в 160 г. об их появлении писал греческий поэт Дионисий Периегет, а в 175–182 гг. Птолемей. Здесь их стали называть гуннами. Поскольку прежнее имя народа сохранилось именно за этой частью хуннов, можно утверждать, что оно и выступало наследницей многовековой славы предков. В этническом плане, разумеется, они уже отличались от тех ариев, которые почти две тысячи лет назад мигрировали к границам Китая. Значительную долю народа хуннов составляли выходцы из Китая, в «имперские времена» хунны смешивались с подвластными племенами. Важной их составной частью, особенно после миграции на казахстанские земли, стали тюркские народности. Известно, что аланы на Северном Кавказе встретили гуннов враждебно, но с угорскими племенами, населявшими лесостепную полосу Поволжья и Урала, у них сложились добрососедские отношения. Около двух веков прожили они бок о бок. Как показал Л. Н. Гумилев в книге «Тысяча лет вокруг Каспия», в период сильной степной засухи в III в. угры и гунны расселялись на север

по Волге, отчего в ее бассейне возник ряд смешанных финно-угорских этносов — мордва, мари, коми, а чувашаи произошли от смешения местного населения с тюркоязычной частью гуннов. Не исключено, что с началом готского нашествия к гуннам бежали и древние русичи (колды, бубегены, тадзаны и гольтескифы Иордана), и угро-финны. Так, готская легенда о происхождении гуннов упоминает каких-то колдуний, изгнанных из «скифских земель» королем готов и ушедших жить к «злым духам», пришедшим из пустынь Востока. Может быть, здесь отразилась история русских женщин, уходивших с захваченных земель после гибели своих мужчин. Вся европейская история гуннов убеждает нас, что они действовали в интересах русских. Они были потомками тех ариев, которые некогда покинули свою прародину. Их самоназвание было «ваны». Вот почему в войне росов и готов они встали на сторону первых. Но с этого и началась глава.

ГЛАВА 15

ПРО ХАЗАР, АЗОВСКИХ РУСОВ И СТРАНУ ВАНТИТ

За Хазарами шли

Печенеги,

*Ржали кони, пестрели
шатры,*

*Пред рассветом
скрипели телеги,*

*По ночам разгорались
костры.*

*Раздувались обозами
тропы*

*Перегруженных степей,
На зубчатые стены
Европы*

*Низвергались внезапно
потопы*

*Колченогих, раскосых
людей.*

М. Волошин. Дикое поле

Хазары впервые упоминаются армянским автором в III в., а в византийских и персидских источниках — в IV в... Местом их проживания были прикаспийские области Северного Предкавказья. В числе соседей хазар были племена аланов и роксаланов. Хазары были частью гуннской империи и находились под их контролем. В русских летописях и в былинах они фигурируют под именем «козаре», это более древний вариант их названия. Оно связано со словом «коза» — священного животного, в образе которого почиталась Великая Богиня. Культ ее в этих местах поддерживался киммерийцами, а позже сарматами. Поэтому можно предположить, что хазары — их потомки.

Только в последней трети VI в. в Предкавказье проникают тюркские племена. С этого времени хазары, объединившись с одним из них, становятся во главе живущих у Кавказских гор прикаспийских племен.

Подобно тюркам, они называют свое государство каганатом, и править ими начинает тюркская династия. В этническом отношении европеоиды-хазары смешиваются с тюрками. Арабский географ и путешественник Истахри писал, что хазары делятся на белых и черных. Он полагал, что различие между ними чисто внешнее: у черных (тюрков) смуглая кожа, они некрасивы, а белые (европейцы) отличаются необыкновенной красотой.

Тюркская волна завоеваний, «омыв» берега Азовского и Черного морей, постепенно докатилась и до Дуная. На землях Паннонии, контролировавшихся прежде гуннами, было создано тюркское государство — Аварский каганат. Авары попытались уничтожить антов, но это им не удалось. Правда, зафиксировано, что союз антов (русов) с Византией периодически нарушался нападениями «русского Хагана» на греков в конце VI в., в 622 и 626 гг. Столь неустойчивую внешнюю политику естественно объяснять влиянием авар на причерноморских русов. Правда, если придунайские славяне, упоминаемые византийскими хронистами, были в зависимости от авар, то с русами ситуация, по-видимому, обстояла намного сложнее. Вполне вероятно, что упомянутые походы русы совершали под давлением тюрков, но, как свидетельствуют источники, не без выгоды для себя.

Необходимо выделить еще два важных обстоятельства, явившихся, по-видимому, следствием аваро-антского противостояния. Во-первых, область расселения антов в VI–VII вв., определяемая по археологическим данным (а именно, по местонахождению застежек для ритуальных плащей — фибул), смещается от Дуная в сторону Приазовья. Во-вторых, в первой половине VII в. в исторических

сочинениях перестает употребляться имя «анты», а на смену ему приходит более древняя форма «росы». Можно предположить, что в период тяжелых испытаний гунны и анты вернулись к имени, напоминающему о былом их арийском единстве.

Арабский писатель Ат-Табари приводит слова правителя прикаспийского города Дербента Шахриара, относящиеся к 644 г.: «Я нахожусь между двумя врагами: один — хазары, а другой — русы, которые суть враги целому миру, в особенности же арабам, а воевать с ними, кроме здешних людей, никто не умеет. Вместо того чтобы мы платили дань, будем воевать с русами сами и собственным оружием. И будем удерживать их, чтобы они не вышли из своей страны». Этот отрывок открывает интереснейшую информацию. Оказывается, что страна русских (потомков роксолан и аорсов) находилась не так уж далеко от Дербента, а значит, тюрки не смогли полностью вытеснить русских из Предкавказья.

К концу VIII в, в Хазарском каганате стали назревать серьезные внутренние изменения. Это было обусловлено миграцией значительного числа иудеев на территорию каганата. После разгромов Иудеи римлянами в 70 и 132 гг. н. э. большая часть евреев рассеялась по всему Ближнему Востоку. Но впоследствии многие вынуждены были бежать и с новых мест проживания. Массовые переселения из Персии (Ирана) шли в IV–VI вв. в период погромов, сопровождавших маздакитское движение против социального неравенства (названо по имени главного идеолога Маздака), а затем массовых репрессий в период его подавления.

Следующая волна эмиграции хлынула после арабского завоевания Персии (середина VII в.),

поскольку с иноверцев начали взиматься тяжелые налоги, и даже обращение в ислам не освобождало от них — первые 300 лет оно стоило очень дорого (при сохранении высокой дополнительной подати с новообращенных). К тому же религиозная рознь на Ближнем Востоке доходила до такой степени, что, например, в 637 г. византийский епископ Софроний согласился сдать арабам Иерусалим на условии изгнания евреев, отомстив им так за избиение христиан в 614 г. В 690 г. в халифате произошло восстание персов, после кровавого подавления которого, как свидетельствует Иосиф бен Иегошуа Га-Коген в своей хронике, «спасались бегством многочисленные евреи из страны Парас (Персии. — А.А.), как от меча, и двигались они от племени к племени, от государства к другому народу и прибыли в страну Русию и землю Ашкеназ, и Швецию и нашли там много евреев». В Византии, где вопросы религии занимали первостепенное значение, и даже христиане различных исповеданий ожесточенно преследовали друг друга, евреи неоднократно подвергались гонениям. В 564 г. Юстиниан запретил им праздновать Пасху и есть мацу, если Пасха приходилась на Страстную неделю. В 723 г. Лев III Исавр издал указ о насильственном крещении евреев. В 787 г. евреев обвинили в сотрудничестве с арабами и шпионаже. Как писал Ибн-аль-Асир, «владелец Константинополя во время Гаруна-ар-Рашида изгнал из своих владений всех живущих там евреев, которые вследствие сего отправились в страну хазар, где они нашли людей разумных, но погруженных в заблуждения, посему евреи предложили им свою религию, которую хазары нашли лучшей, чем их прежняя, и приняли ее».

Не следует полагать, однако, что евреи неизменно выступали жертвенной стороной и страдали, что называется, безвинно. В одной из сирийских хроник содержится сообщение, раскрывающее крайнюю непримиримость раннесредневекового иудейства по отношению к христианству. Речь здесь идет о событиях 614 г., когда разразилась очередная война между Византией и Ираном, и иудеи всеми возможными средствами поддерживали Иран (между тем хазары в тот период выступали, напротив, в качестве союзников Византии). В хронике говорится: «... осадил Шахрбараз(иранский полководец. — А.А.) Иерусалим город (принадлежащий тогда Византии. — А.А.) и покорил его мечом... Иудеи же, из-за своей вражды, покупали их (христиан. — А.А.) по дешевой цене, и они убивали их». Покупать у иранских воинов пленных христиан не для того, чтобы использовать их в качестве рабов, но для того, чтобы испытать наслаждение, убивая их, — это в самом деле нечто беспримерное даже в истории крайних проявлений религиозной вражды. Важно добавить, что сведения об этих событиях содержатся также и в византийских хрониках, и в еврейской хронике Григория Бар-Гебрея (то есть еврея), который писал о византийско-иранской войне 614 г.: «Евреи покупали христианских узников... и со злостью убивали их». Как видим, у епископа Софрония были более чем основательные причины желать наказания иудеев.

Еврейские источники свидетельствуют, что до определенного времени пришедшие в каганат иудеи исповедовали свою религию втайне: «... они молились в пещере и... учили своих детей молиться в пещере вечером и утром». Крупнейший иудейский философ

конца XI–XII в. Иегуда Галеви писал в своей «Хазарской книге», основываясь, как он отметил, на бывшей в его распоряжении «хазарской летописи», что «царь и визирь пошли... на пустынные горы у моря (очевидно, Каспийского. — А.А.)... нашли ночью ту пещеру, в которой некоторые из иудеев праздновали каждую субботу... совершили над собой в этой пещере обрезание», а затем вернулись к хазарам, «настойчиво держась иудейской веры, но скрывая в тайне свое верование». Уже впоследствии «они обнаружили свои сокровенные мысли, осилили остальных хазар и заставили тех принять иудейскую веру» (речь идет, конечно, не о хазарском племени вообще, а о высшей знати). Затем они «победили своих врагов и завоевали разные страны».

В одном из еврейско-хазарских посланий принявший иудаизм военачальник, сумевший стать вторым лицом в Каганате, назван по имени — Булан. Прозвищем Булана было Астар-хан или Ас-правитель (Верховный ас), что указывает на аланское происхождение. К принятию же новой религии, как сказано в Кембриджском послании, Булана склонила «жена его по имени Серах». Так приоткрывается загадка постепенного «мирного» перехода каганата к господству иудаизма. Вместе с этим становятся ясными и причины высокой цивилизованности каганата: многие руководящие военные, государственные, деловые должности занимали в нем аланы, а не тюрки.

Об обращении Булана существует несколько легенд. Одну из них изложил хазарский царь Иосиф, правивший в середине X века. Согласно этой легенде, Булан изгнал из страны «гадателей и идолопоклонников» и сам обратился к истинному Богу, после чего ему было

видение ангела, через которого эти дела царя были одобрены и он получил благословление. Когда он поведал о видении «князьям своим и рабам, и всему народу, те одобрили это и приняли новую веру». Затем Булан в молитвах принялся сетовать на свою бедность, из-за которой не может построить достойный храм. И Бог «благословил его на разбой соседних народов и пообещал вложить в сердца их страх и ужас перед хазарами и отдать их под руку хазарского царя». А христианского и мусульманского мудрецов, пытавшихся склонить Булана к своей вере, иудейский священник победил в ходе диспута. Другая легенда передана арабским писателем аль-Бекри со ссылкой на Масуди и мемуары иудейского купца Ибрагима ибн Якуба. Согласно этой версии, хазарский князь сначала принял христианство, но затем эта вера ему не понравилась, и он созвал проповедников разных религий, чтобы узнать «кто обладает истиной». Один из его советников-иудеев, «ловкий в спорах», сумел выиграть диспут у христианского епископа. А к мусульманскому ученому подослал шпиона и отравил.

Обе легенды совмещают начало процесса иудаизации страны с его завершением. На самом деле во времена Булана до положения господствующей религии иудаизму было еще далеко. Окончательная его победа в Хазарском каганате совершилась при внуке Булана — царе Обадии, у которого, по-видимому, еврейкой была не только бабушка Серах, но и мать (жена сына Булана). Правил Обадия в самом конце VIII — начале IX в.

Внедрение иудаизма в Хазарию, таким образом, было длительным и постепенным. Со временем в руках иудейской купеческой общины сосредоточились все главные рычаги управления государством — сбор

налогов, финансы, торговля, дипломатия, управленческие структуры. Возможно, важную роль в возвышении общины сыграли деньги еврейского купечества, пошедшие на восстановление хозяйства после арабского нашествия в 737 г., возрождения разбитой армии и строительства новой столицы на Волге. И постепенно стало преобразовываться все хазарское государство. Из военизированной структуры, жившей за счет натурального хозяйства, степных пастбищ и трофейной добычи, Хазария начала превращаться в крупную торговую державу. А за счет торговых пошлин, естественно, богател и каганат. Но параллельно росла роль иудейской верхушки. Она получила возможность выдвигать своих ставленников на ключевые посты каганата и приобретала все большее влияние на самих каганов. Все данные говорят о том, что к началу IX в. все структуры Хазарии оказались под ее контролем.

В 808 г. произошел переворот. Царь Обадия, опираясь на авторитет обращенного кагана, используя его в качестве марионетки, при помощи своих единоверцев сверг тюрко-аланскую верхушку. Разгорелась ожесточенная гражданская война. Оппозиция, состоявшая преимущественно из представителей знатных тюркских и аланских родов, была разбита. Ее остатки ушли на север. Как писал Константин Багрянородный, «когда у них (хазар. — А.А.) произошло отделение от их власти и возгорелась междоусобная война, первая власть одержала верх, и одни из них были перебиты, другие убежали и поселились с венграми в печенежской земле, заключили взаимную дружбу и получили название кабаров». К 812 г. территория каганата раскололась. Магьяры и кабары, представители прежней хазарской аристократии,

ставшие теперь ярыми врагами Хазарии, кочевали на пространстве между Доном и Днестром. А каганат совершенно преобразился. Теперь правящей партией стала иудейская община. В государственных структурах было установлено «двоевластие». Второе лицо каганата, верховный судья и командующий войсками, каковым являлся Обадия, носил титул «бек» (князь) или «малик» (царь). Теперь эта должность стала наследственной. В руках царя и других вельмож сосредоточилась вся реальная власть.

А формально трон продолжал занимать великий каган из прежней тюркской династии. Но кагану придавались чисто символические функции. Его представляли земным воплощением Бога. Выезжал он из своего дворца лишь раз в год, в остальное же время, как сообщают арабские авторы, каган должен был «находиться в распоряжении царя», он не мог «ни выезжать, ни появляться перед ближними и народом, ни покинуть свое местопребывание». Ни один человек из народа к нему не допускался, и даже царь должен был входить к великому кагану босиком. Но этот же царь «руководил армией и управлял делами в государстве, именно ему соседние цари выражали покорность». Каган же был игрушкой в руках настоящего правителя. Согласно тем же источникам, «он не издает ни приказов, ни каких-либо запрещений, и не принимает решений по государственным делам». В тех же арабских источниках встречаются сообщения, что великий каган использовался в роли своеобразного «козла отпущения» — в случае голода, неудачных войн и других бедствий считалось, что он негоден Богу, и царь мог выдать его на растерзание народа.

Изменился и принцип комплектования армии. В доиудаистский период войско хазар представляло собой народное ополчение, формирующееся вокруг дружин знатных воинов, они же и вознаграждали всех своих подчиненных за счет добычи и трофеев. Но с победой новой религии взаимоотношения между правителями и народом установились другие. Хотя и тюрки, и евреи были для хазар чужаками, тюркская знать выступала для них «своими» вождями. И когда эти вожди обогащались в набегах, то что-то перепало и их подданным. Фактически старая верхушка была связана с населением Хазарии общей судьбой и общими интересами. Да и родственными связями, поскольку тюркские воины брали в жены хазарских девушек. А новая верхушка оказалась отделенной от народа и поставила на первое место выкачивание из него прибыли. Не происходило и этнического смешения — иудейские общины жили обособленно. Как показал Л. Н. Гумилев, настоящие хазары в период иудейского господства стали отселяться на окраины государства и стали предками терских и нижнедонских казаков. В этих условиях иудаизм не смог стать фактором, объединяющим население страны. Он так и остался вероисповеданием правящего меньшинства, а рядовые подданные, связывая с этой верой ухудшение своего положения, предпочитали переходить в другие религии, даже несмотря на запреты властей. Так, аль-Бекри писал, что «большинство хазар — мусульмане и христиане. И есть между ними идолопоклонники. И самый немногочисленный класс у них евреи». То есть религия стала играть уже не объединяющую, а разъединяющую роль, лишь углубляя образовавшийся разрыв. Нетрудно понять, что при этом опираться на народное ополчение было бы уже

рискованно. Но денег у новых правителей хватало, и ополчение заменили отряды наемников. За счет этого был образован постоянный высокопрофессиональный корпус в 7–12 тысяч воинов, который при необходимости пополнялся.

Хазарский царь Иосиф, правивший в середине X века, в письме придворному кордовского халифа Абдаррахмана III Хасдаю Ибн-Шафруту пишет, что хазары вели войну с народом в-н-н-т-р (в другом варианте письма в-н-н-тит), в ходе которой заняли его страну. При этом побежденные вынуждены были перейти большую реку и обосноваться на другом берегу. Знаменитая арабо-персидская книга «Области мира от востока к западу» («Худуд ал-Алем»), созданная в своей основе в первой половине IX в., «помещает» этот народ венендеров вблизи Азовского моря на правом берегу Дона, а располагающийся севернее Донецкий кряж там же поименован Венендерскими горами. На этой территории археологами была открыта цепь оборонительных белокаменных крепостей, расположенных вдоль берега реки.

Приведем результаты исследования этих крепостей: «Добыча камня, его доставка к месту строительства и обработка являлись весьма трудоемкими процессами... Особенно трудоемкой была добыча известняка, который широко использовался для возведения белокаменных крепостей. По нашим подсчетам, для возведения стен Верхнесалтовского городища понадобилось 7 тыс. м³, Маяцкого — 10 тыс. м³, Правобережного — 12 тыс. м³ и Мохначевского — 14 тыс. м³ камня. Каменные блоки различных размеров обрабатывались с помощью долот и зубил» (Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского

каганата). Народ, корень названия которого пишется как в-н-н-д(т), должен был обладать уникальными по тому времени строительными и военными навыками. И мы навряд ли ошибемся, если соотнесем его с венедами (удвоенное «н» характерно для древнееврейского языка). Именно о венедах, называя их русами, упоминал правитель Дербента Шахриар.

Остатки оборонительных укреплений венедов-русов относятся к так называемой салтово-маяцкой (салтовской) культуре. Они были обнаружены еще в середине века, но с тех пор не утихают споры о том, кому же следует приписать их возведение. Одна часть исследователей считает, что крепости были построены тюрками-хазарами (при помощи среднеазиатских зодчих — хорезмийцев). Эту точку зрения активно пропагандировал известный публицист и литературный критик В. Кожин. Другая группа ученых настаивает на том, что каганат не имел к этому строительству никакого отношения. По мнению профессора А. Кузьмина, цепь крепостей создавалась не для нападения на славянские племена, а для защиты от хазар и иных, зависимых от них кочевников. Спор двух сторон разрешает (в пользу А. Кузьмина и К⁰) статья Б. Т. Березовца «Об имени носителей салтовской культуры» (Археология. XXIV. Киев, 1970). Приведем ее резюме:

«Археологическими исследованиями установлено, что в VIII–X вв. в районе Среднего Дона, Северского Донца, Приазовья жило многочисленное население, оставившее памятники салтовской культуры. Для этого же времени восточные авторы оставили сообщения о народах Восточной Европы.

Для всех перечисленных ими народов известны определенные археологические памятники за исключением русов. Принято считать, что русы — это часть славян и, соответственно, их памятники должны быть славянскими. Среди известных арабам народов нет претендентов на памятники салтовской культуры. Создается впечатление, что на Востоке этого народа не знали. Но такое предположение противоречит логике, и поэтому возникает вопрос, под каким же именем это население было известно на Востоке.

Из сообщений арабских и персидских авторов становится ясным, что во всех случаях за исключением одного (Ибн-Хар-дад-бех) восточные авторы рассматривают славян и русов как два различных народа. При всех недостатках и неточностях, характеризующих их сообщения, все же можно выяснить, где именно живут эти народы.

Кто такие славяне, вопрос выяснен — это население Поднепровья. Русы живут восточнее их. Дошедшие до нас карты (Идриси и Махмуда ал-Кашгари) дают возможность уточнить места их обитания. Это район Северского Донца и его притоков, Нижний Дон, Приазовье. В этом районе расположены салтовские памятники, это дает право считать, что население салтовской культуры было известно в магометанском мире под именем русов.

Если сопоставить этнографические сведения о русах, имеющих в средневековых источниках, с археологическими памятниками салтовской культуры, то во многих случаях они будут полностью соответствовать друг другу. Например, такой важный признак, как погребальный обряд, описанный Ибн-Русте или у

Гардизи, полностью соответствует катакомбным захоронениям салтовских могильников. Археологически подтверждаются и сообщения этих авторов о воинственности русов, о большой торговле, о наличии у них больших городов и т. д.

Если русы восточных авторов не славяне, то, естественно, возникает вопрос о взаимосвязях этих русов со славянской, Днепровской Русью. Вопрос этот очень сложный и несколько иного порядка. С нашей точки зрения Днепровская Русь получила свое название от народа рус, рос, который имел самое непосредственное отношение к салтовской культуре.

Концепция Березовца в свое время не была поддержана лишь потому, что ее автор не смог объяснить, как возникло и попало имя «Русь» на Днепр. Наше исследование восполняет этот пробел. Имя «Русь» принесли на берега Дона и Днепра ваны-венеты — выходцы из Малой Азии. Славяне, переселившись в Поднепровье, в значительной степени «разбавили» росов, но те продолжали преобладать на Дону. Страну донских росов, построивших систему белокаменных крепостей, восточные авторы именовали Росским каганатом (Галкина Е. С., Кузьмин А. Г. Росский каганат и остров русов // Славяне и Русь: проблемы и идеи). Сами русские называли ее страна Вантит. Уже в который раз мы сталкиваемся с тем, что имена «русы» и «ваны», «венеты» могли заменять друг друга! Древние источники упоминают о стране Вантит как об окраине славянских земель. Территориально ее границы совпадают с пределами салтово-маяцкой археологической культуры.

В отличие от печенегов, половцев и тюрок в салтовских поселениях представлены гончарное,

железоделательное и другие ремесла. В десятках селений Подонья обнаружены следы металлургической деятельности и металлообработки. Находки археологов свидетельствует, что салтовцы выплавляли первоклассный металл. О высоком уровне металлообработки говорит производство оружия: сабель, боевых топоров, наконечников копий и дротиков, наконечников стрел, боевых ножей и кинжалов, кистеней. Металлографический анализ образцов сабель и их обломков из трех важнейших военных поселений — Верхнего Салтова, Правобережного Цимлянского городища и Маяков, показал, что они были цельносталевыми с высоким содержанием углерода.

Народ венетов, населявший страну Вантит, известен русским летописцам под именем вятичей (переход корня «вент» в «вят» обоснован филологами). Они составляли основное ядро жителей, проживавших в Росском каганате. Вместе с ними тут проживали аланы, а также эмигранты из Хазарии (предки казаков). Отступление венедов-вятичей на правобережье Дона следует относить к рубежу VIII–IX вв., когда вследствие принятия новой религии правителями каганата резко переменилась проводимая ими политика. Во внешнеполитической области это вылилось в организацию военных походов с целью овладения важнейшими торговыми путями — «греко-варяжским» и «волго-балтийским». Традиционно хазароведы говорят о страшной гражданской войне, разгоревшейся внутри Хазарии в 30-х гг. IX в. Но к тому времени внутренняя оппозиция уже была разгромлена. Иудейским правителям не с кем было воевать внутри своей страны. Соппротивление коренного населения уже было сломлено, и победа новых хозяев страны законодательно оформилась знаковым событием —

принятием иудаизма. В 830-х гг. началась война между двумя каганатами, как раз о ней и писал хазарский царь Иосиф. Следует со всей определенностью сказать, что хазарским походам на племена полян, северян и радимичей предшествовала их война с азовскими (или донскими) русами — венетами-вятичами.

Ряд историков утверждает, что уже на первом этапе войны хазары овладели системой укрепленных городищ. Но считать так нет никаких оснований. Как раз наоборот, вятичи отбили эту первую атаку. Следствием этого стало то, что по заказу хазар византийцы вскоре построили на Дону крепость Саркел. Она задумывалась как противовес салтовским белокаменным укреплениям. Следовательно, ни о каком продвижении хазар за Дон в первой половине IX в. не может быть и речи. Другое дело — путь в Поднепровье, он был открыт. И именно в этом направлении, получив от вятичей «по зубам», двинулись хазары. Исследователи полагают, что где-то во второй четверти IX в. хазарам удалось завоевать Киев и принудить полян выплачивать им дань. Но вятичи по-прежнему оставались независимы. В 837–838 гг. салтовцы еще чеканили собственные монеты: это означает, что их торговая и хозяйственная деятельность отнюдь не была парализована военными действиями.

После полян хазары сумели подчинить себе племена северян и радимичей. Росский каганат оказался окруженным буквально со всех сторон. С востока ему

угрожали тюрки-кочевники (подданные каганата), с юга и запада — хазары, проникшие на славянские территории. Единственными союзниками могли выступать только расположенные севернее угро-финские племена, но они скорее были озабочены своими собственными проблемами. Восточные авторы неоднократно упоминают об «острове русов», который располагался где-то поблизости от моря и был окружен со всех сторон водой. Его местоположение предполагали и в Тмутаракани, и в Причерноморье вблизи устья Дуная, и в Прибалтике, и на озере Ильмень. Но по-нашему мнению, «остров русов» и Русский каганат — это одна и та же территория. Ограниченная реками Дон и Северный Донец, она вполне могла мыслиться как остров. Именно через русов Приазовья арабы поддерживали торговые связи с Русским Севером и Прибалтикой. Было бы странно, если бы они описывали удаленных от них русов на Дунае или на Балтике, и ничего не говорили о значительно более близкой группе русов, с которой они к тому же торговали.

В «Повести временных лет» сказано, что западные соседи вятичей — поляне, радимичи и северяне — платили дань хазарам. В 880-х годах князь Олег, пришедший с мощной дружиной из Ладоги в Киев, вырвал северян и радимичей из-под хазарской власти. Вполне вероятно, что поляне сделали это раньше и независимо от Олега, а вятичи, хотя и находились ближе всех остальных русских племен к хазарам, и вовсе не платили им дани. Во всяком случае, никаких свидетельств на этот счет нет. Более того, в 911 г. вятичи, сохраняя свою независимость, под началом Олега ходили на Царьград, а в начале X в. в составе азовских русов совершили ряд закавказских походов.

Впоследствии Русь с переменным успехом билась с Хазарским каганатом. Где-то после 913 г. хазары с новой, еще более страшной силой наваливаются на Русь, так что данниками Каганата становятся уже и вятичи. Именно к этому времени относится письмо царя Иосифа своему испанскому соплеменнику. В те времена хазары действительно овладевают системой укрепленных городищ на Дону. Но в середине 960-х гг. князь Святослав совершил поход на хазар, в результате которого их государство навсегда исчезло с политической карты...

«Повесть временных лет» содержит очень мало конкретной информации о противостоянии русских и славянских племен Каганату. Но скудость этого официального источника в известной степени дополняют фольклорные произведения, складывавшиеся в народной среде. Одним из них служит былина «Илья Муромец на заставе богатырской». В ней идет речь о том, как

Под славным городом под Киевом,
На тех на степях на Цицарских
Стояла застава богатырская...
Один из воинов этой заставы,
Добрыня Никитич ездил ко синю морю...
В чистом поле увидел ископоть великую,
Ископоть велика — пол печи...
...Из этой земли из Жидовския
Проехал Жидовин могуч богатырь...

И Добрыне поручают настичь и победить Жидовина, который, понятно, воплощает в себе всю мощь Хазарского каганата. Но когда этот «могуч богатырь» начал битву с Добрыней,

Сыра мать-земля всколебалася,
Из озер вода выливалась,
Под Добрыней конь на коленцы пал.
Добрыня Никитич млад
Господу Богу возмолится
И Мати Пресвятой Богородице:
— Унеси, Господи, от нахвалыцика, —
Под Добрыней конь посправился,
Уехал на заставу богатырскую...
И теперь уже Говорит Илья Муромец:
— Больше некем заменитья,
Видно ехать атаману самому.

Начинается тяжкое сражение; русский эпос нисколько не преуменьшает силу и опасность врага:

Бились, дрались день до вечера,
С вечера бьются до полуночи,
Со полуночи бьются до бела света.
Махнет Илейко ручкою правою, —
Поскользлит у Илейка ножка левая,

Пал Илья на сыру землю;
Сел нахвалыцина на белы груди,
Вынимал чинжалище булатное,
Хочет вспороть груди белыя,
Хочет закрыть очи ясныя,
По плеч отсечь буйну голову...
Лежит Илья под богатырем,
Говорит Илья таково слово:
— Да не ладно у святых отцёв,
Не ладно у апостолов удумано,
Написано было у святых отцёв,
Удумано было у апостолов:
«Не бывать Илье в чистом поле убитому»,
А теперь Илья под богатырем! —
Лежучи у Ильи втрое силы прибыло:
Махнет нахвалыцину в белы груди,
Вышибал выше дерева жарового,
Пал нахвалыцина на сыру землю,
В сыру землю ушел до-пояс.
Вскочил Илья на резвы ноги
Сел нахвалыцине на белы груди...

По плеч отсек буйну голову...

Здесь невольно вспоминается древнегреческий миф об Антее, который обретал неисчерпаемую силу, соприкасаясь со своей матерью Геей, то есть землей. Антей, анты, венеты — может быть, случайная параллель? Да нет, эти имена постоянно возвращают нас к теме русов. И еще одно важное замечание: слово «жид» лишь в XX в. приобрело оскорбительный оттенок. Во времена Киевской Руси оно ассоциировалась с хазарами, причем при этом имелось в виду только их иудаистическое вероисповедание. Поэтому ничего обидного, ругательного или уничижительного в употреблении имени хазарского богатыря в данной былине нет.

Но помимо этой былины есть еще один уникальный источник, рассказывающий о русско-хазарском противостоянии. Это — русские сказки.

ГЛАВА 16

РУССКИЕ СКАЗКИ О НАШЕСТВИИ ХАЗАР

*...не могу предварительно не
изъявить своей радости, что
миновало то время, бесплодное
для изучения народности, когда
с иронией, и даже презрением,
относились люди — впрочем,
образованные — к наивным
вымыслам и поэтическим
суевериям народного
воображения.*

Кто из нас в детстве не читал сказки о богатырях? В то время мы не сомневались, что они повествуют о реальных событиях. Но так ли мы были неправы?

Волшебная сказка не так проста, как кажется. В ней естественно соединились и первобытные представления о видимом и потустороннем мире, и древние обряды, обычаи, и досказочные мифы. «Сказка не пустая складка; в ней, как и вообще во всех созданиях целого народа, не могло быть и в самом деле нет ни нарочно сочиненной лжи, ни намеренного уклонения от действительного мира» (Афанасьев А. Н.). Другое дело, что, странствуя меж людей, она не упускала случая возвысить обыденное, изысканно принарядиться в волшебные одежды и приготовить для своих обожателей пьянящий нектар выдумки. Однако за «дружескими враками» прячется нечто реальное, вошедшее в рассказ в диковинном облике.

Хорошо известно, что в образах чудовищ, противостоящих богатырям, древние сказители воплотили свое представление о народах, нападавших на Русь. На первый взгляд кажется, что в сказочных сюжетах представлен обобщенный образ враждебных сил, что они отражают типическую ситуацию и потому лишены какой бы то ни было исторической информации. Для большинства сказок это действительно так. Но есть и удивительные исключения! Например, сказки о Чудо-юде.

В сборнике Афанасьева Чудо-юдо встречается в четырех сказках. В двух из них чудище бьется с богатырями («Буря-богатырь Иван коровий сын», «Иван Быкович»), в следующей — заключает договор с купцом

(«Морской Царь и Василиса Премудрая») и, наконец, в последней выдает дочь замуж за опального дворянина («Данило Бессчастный»). В этих сказках Чудо-юдо предстает перед читателем то многоглавым Змеем, то отцом Василисы Премудрой, то стариком-водяным. Пестрота обличий и многоликость сказочного персонажа наводят на мысль о его древнем происхождении.

В богатырских сказках братья Чудо-юды поочередно предстают шести-, девяти- и двенадцатиглавыми Змеями. В мировом фольклоре Змей известен как древнейший мифологический символ, связываемый с плодородием, водой, дождем, с одной стороны, и огнем, особенно небесным, — с другой. Народные предания и поверья отождествляли со Змеем темные грозовые тучи, хранящие одновременно и плодотворную освежающую влагу, и искры огненных молний.

В сказке о Буре-богатыре грозной мрачной силе Чудо-юда противостоит олицетворяющий светлое начало Иван коровий сын. С образом коровы народная фантазия со времен глубочайшей древности связывала дожденосную тучу, проливавшую на землю потоки небесного молока. «Поэтому Буря-богатырь, коровий сын, есть собственно сын тучи, то есть молния или божество грома — славянский Перун: понятно, что удары его должны быть неотразимы. Перун вел постоянную борьбу с великанами-тучами и разбивал их своей боевой палицей и меткими стрелами; точно то же свидетельствует сказка об Иване коровьем сыне, заставляя его побивать многоглавых, сыплющих искры Змеев. Чудовищные Змеи, владельцы «сильной» воды (дождя), и в пылу борьбы бросаются испить этого нектара, чтобы укрепить себя для новой схватки» (Афанасьев А. Н. О поэтических воззрениях славян на

природу). Битва гигантов происходит во тьме грозовых туч. Луч молнии, пронзающий тучи, воображение сказителя рисовало огненным мостом. Вот почему богатырь и Змей сражаются на калиновом (каленном) мосту. В картине поединка запечатлелись еще два образа космического происхождения — многопудовая палица-молния героя и огненный палец Змея-исполина, прикрепляющий чудищу новые головы-тучи.

Поражение Змея или иными словами — разгром темных туч, — обычный исход грозы. В то же время низвержение Чудо-юда с небес предопределило его земной удел. Как божество, связанное с оплодотворяющим, проникающим к сердцу земли дождем, он стал властелином подземного и подводного мира. Хозяину подводного царства восточные славяне приносили в жертву (топили) живую лошадь или конский череп. Поэтому в сказке Чудо-юдо непременно выезжает на битву на «добром коне», а в разговоре называет своего любимца «воронье мясо», то есть лакомая для воронья мертвечина.

А что означает двусоставное имя сказочного героя? Первое имя вполне ясно каждому: чудо — сверхъестественное явление, зримое проявление высших сил. А юдо? Правильную, на наш взгляд, расшифровку предложила Г. В. Макарова, связав это прозвище с гипотетическим (то есть реально не засвидетельствованным, но восстанавливаемым на основе звуковых соответствий и близости значений) корнем индоевропейских языков — *uoid* — глаголом «знать». В такой интерпретации Чудо-юдо — божество, обладающее тайным знанием, провидческим и пророческим даром. Недаром победить Змея должен вещий Буря-богатырь. Кстати и то, что верный слуга

Чудо-юды — вещей конь Сивка-Бурка. В болгарском фольклоре известны юдо-самовилы и юдо-самодивы — вещи мифические девы с длинными косами, живущие в глубоких реках, озерах и водоворотах и обладающие волшебной способностью превращаться в прекрасных лебедей. В русских сказках девы-лебеди — это дочери Морского Царя Чудо-юда, Василиса Премудрая и Лебедь-птица, красная девица. Видимо, наиболее древние образы вещей юд те, что содержат в себе зооморфные признаки птиц и змей (девы-лебеди, девы-колпицы, девы-змеи). Один из чудесных образов вещей юды, дошедший до нас, — птица Гамаюн (Сирин) с прекрасным женским ликом.

Чудо-юдо — чародей и колдун, оборотень, но он также и божество воды. В некоторых индоевропейских языках юдо символизирует связь с водой. В древнеиндийском языке *uda* — «вода», в английском сохранилось слово *udometer* — «дождемер». В древнерусском языке первоначальный смысл юдо почти неуловим. О нем напомним разве что созвучное «уд», «уда» и сохранившаяся особенность замещения гласных в основе слова. Голова языческого бога: волосы, глаза, уста, борода, уши имели сакральное значение, и в каждой из этих частей тела — «уде», — заключалась сила бога (чаще в волосах и бороде). Поэтому для волхва-сказителя достаточно было поведать, что у Чудо-юда была только борода (как в сказке о Даниле), не упоминая другие «уды», и слушателям было ясно, кто это существо и что оно обладает неслыханным могуществом (чарами).

В божественном пантеоне славянского язычества Чудо-юду родствен священник Ящер — господин нижнего яруса Вселенной. Эти «боги» далеко не

ровесники. Космогонические мифы о гигантском земноводном, удерживающем на себе твердь земли, проглатывающем вечером заходящее солнце и возвращающем его поутру на другом конце горизонта, пронизаны уже не только поэтическим вдохновением (как древние мифы о борьбе героя со змеем), но и философским стремлением осмыслить Космос, как двуединство верхнего и нижнего миров. И если «Чудо-юдо — самый глубокий архаизм в сказках» (В. А. Рыбаков), то Ящер более молодой житель славянского Олимпа.

Важнейшим свидетельством почитания Ящера на Руси являются найденные археологами металлические застёжки для ритуальных плащей, так называемые фибулы. Они датируются VI–VII вв. и представляют собой языческие обереги от упырей-вампиров и вредоносных навий. Приведем описание одной из таких фибул: полукруглый верхний щиток оформлен как мужская фигура в широком кафтане, полы которого и обозначают контуры щитка. Руки мужчины плавно переходят в шеи двух водоплавающих птиц. Нижний щиток оформлен такими же четырьмя птицами и завершается в самом низу головой ящера. Верхний щиток (фигура мужчины в кафтане) соединен с нижним не только перемычкой, обязательной для всех фибул, но и двумя обращенными вверх змеями и двумя полосками,

усеянными маленькими солярными (солнечными) знаками. Каждая змея соединяет головы птиц. Туловища змей украшены зигзагообразным узором. Головы птиц нижнего щитка, повернутые у верхней пары вверх, а у нижней — вниз, тоже соединены парой змей, но эти змеи двуглавые: вторая голова на месте хвоста. Анализируя описанную фибулу, академик Рыбаков пришел к заключению, что она является символическим изображением Вселенной с дарующим свет (две полосы с солярными знаками) Солнцем-Даждьбогом наверху и Ящером внизу. Птицы-лебеди обозначают суточное движение светила — днем по небосводу, а ночью по воображаемому подземному океану. Что же касается змей, то ученый предположил, что это ужи — символы дождя. Но многоглавость — «фамильная» черта Чудо-юд! Двуглавые змеи нижнего щитка вместе с одноглавыми в верхней части фибулы составляют два трехглавых Змея, соединяющих этажи подземного и воздушного царств. Характерно, что количество голов у сказочных Чудо-юд всегда кратно трем. По три головы разом сносит богатырь ударом боевой палицы. Каждая тройка голов чудища живет независимой жизнью. Все эти особенности «змеино» организма передает рисунок украшения. Общая же в сумме шестерка голов напоминает классический образ меньшого из Чудо-юд.

Символика фибулы убеждает, что в VI–VII вв. наши предки почитали двух божеств водной стихии — древнейшего Чудо-юдо и менее древнего Ящера. Судя по волнистой линии (символике дождя), оставленной на фибульном изображении Чудо-юда, к нему обращались с мольбою о небесной влаге и обильном урожае. Ящера — хозяина водных путей и повелителя морской и речной живности — славяне просили о спокойствии моря и

богатстве улова. В Новгороде Ящер вместе с богинями Ладой и Мокошью составлял верховную триаду богов. Новгородцы мыслили его в двух ипостасях: как «чародея Волхова», «лютого зверя крокодила» (по упоминаниям в легендах), и бога «синего моря соленого» — морского царя, известного из былин о Садко. Очевидно, переменчивость обличий северный Ящер перенял от Чудо-юда.

А что же в южной Руси? «Для лесостепи мы можем указать только фибулы VI–VII вв., часто завершающиеся головой Ящера» (Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси). Начиная с VIII века, пропадают какие бы то ни было упоминания о божествах воды. Нет покровителя дальних плаваний и среди языческих богов, канонизированных князем Владимиром. Зато в русских сказках присутствует морской змей Чудо-юдо! Киевское соперничество водяных разрешилось прямо противоположно новгородскому: Чудо-юдо победил, но воспринимался он уже исключительно как носитель сил зла. И вряд ли мы будем неправы, если свяжем Чудо-юдово «бесовство» с конкретными событиями VIII–X вв.

Фольклористы давно заметили, что враждебные русскому воину персонажи хранят черты реальных племен и народов, нападавших на Русь. Волшебная богатырская сказка могучее тому подтверждение. К примеру, сказочные повествования о Бабе-яге — повелительнице конного степного войска, жившей не в лесной избушке на курьих ножках, а в знойной приморской стране «Девичьего царства», где «отрубленные русские головушки торчат на тычинушках», возникли как мифологически расцвеченные предания о «женоуправляемых» сарматах, прозванных так из-за сильных пережитков матриархата у

сарматской знати. Для нас примечательно, что изначально Баба-яга величалась богиней, Великой Матерью Богов, хранительницей матриархальных отношений. Свое демоническое начало она унаследовала от «нового» (патриархального) времени, а в период сарматских нашествий (III в. до н. э. — нач. н. э.) стала для древних русов символом опасных для них племен. Переноса на колдунью-старуху привычки свирепых кочевников, древние сказители переселили ее в степь и изображали воительницей, вырезающей ремни из спин русских молодцев.

Нетерпимость к русскому духу и неумная воинственность другого сказочного персонажа — Кощея Бессмертного — тоже имеет исторические корни. Сам по себе его образ возник в глубочайшей древности, во времена единства индоевропейских народов. Но укоренившаяся в нашем произношении форма его имени родилась в период столкновений древних русичей с тюркскими народами (болгарами, хазарами, печенегами), у которых слово Кощей означает «раб», «пленник». У всех без исключения народов древности состояние рабства (плена) приравнивалось к смерти, и потому в народных сказках поработители-степняки сопоставлялись со славянским повелителем царства мертвых (Кощеева царства).

Что же касается метаморфозы, происшедшей с нашим героем, то вспомним о гигантском каспийском «спруте» — Хазарском каганате, протянувшем в VIII веке свои щупальца в сторону Европы. В VIII — сер. X вв. хазары были наиболее страшным и опасным врагом древних русичей. Они контролировали важнейшие морские пути по Каспию, Черному морю (вдоль северо-восточных берегов), а также речной проход в

Великую Пермь. Арабский автор начала X в. Ибн-ал-Факих сообщает, что после выхода из устья Днепра русские идут по морю к Керченскому проливу, принадлежавшему хазарам, после чего обращаются к Славонии. Потом они начинают путь от Славянского (Азовского) моря, пока не приходят к Хазарскому Рукаву, где владетель хазар берет с них десятину. Затем идут к Хазарскому (Каспийскому) морю по той реке, которую называют славянской рекой (Волгой). Как видим, не имея сильного флота, хазары тем не менее господствовали на морях и в проливах. Морской царь-демон перестал покровительствовать русичам. Видимо, по этой причине они и переменили свое отношение к Чудо-юду и отождествили его с агрессивным соседом.

Историческая параллель Чудо-юда с хазарами открывала возможность по-новому объяснять его имя. В Средневековье слово «чудо» иногда употреблялось в значении «чудовище», «исполин», а знакомство с иудейской Хазарией рождало ассоциацию Юдо — Иуда. В таком восприятии Чудо-юдо переводилось как исполин (каганат), принявший воззрения иудаизма. Надо полагать, что этот перевод имени чудовища естественно возникал у слушателей сказки в X–XII вв.

Сказка «Буря-богатырь Иван коровий сын»

В сказке о Буре-богатыре королева, девка-чернавка и «придворная» корова, отведав златокрылой щуки, понесли в один день, в один час трех сыновей: Ивана-царевича, Ивана девкина сына и Ивана коровьина сына. Золотая рыба, дающая жизнь названным братьям, здесь не только символ плодовитости, но и доброе

напутствие светлых сил реки новорожденным на борьбу с водяными злыднями.

Родина богатырей — великое и обильное царство. Много в нем городов, и напоминает тем оно подлинную «Гардарику» (страну городов), как называли Русь в IX–X вв. скандинавы. На пиры к королю съезжаются князья и бояре (наиболее уважаемые старшие дружинники), богатые купцы и крестьяне. Но нет согласия в сказочном королевстве. Соперничество в богатырской силе разделяет названных братьев. Знатный Иван-царевич и Иван девкин сын не хотят подчиняться сильнейшему из братьев — Ивану коровьему сыну, который зовется Буря-богатырем. На символическом языке сказки братья-богатыри олицетворяют князей отдельных племенных союзов (поляне, древляне и т. д.), а в их спорах о верховенстве угадываются зафиксированные сказкой времена объединения восточнославянских племен в сплоченный союз с русским князем во главе.

Направление военного похода трех богатырей — во владения Змея у Черного моря. В северо-восточном Причерноморье, начиная приблизительно с конца VIII и вплоть до середины X в., хазары были полноправными хозяевами. В иные времена им платили дань и греческие причерноморские города. В Тмутаракани (на Таманском полуострове) хазары правили еще дольше — вплоть до 1083 г., когда свергнутый и высланный ими в 1079 г. внук Ярослава Мудрого, князь Олег Святославич, возвратил себе власть, причем, как сказано в «Повести временных лет», «иссек хазар». Для древних русичей Черное море было родным. Иноземные авторы IX–X вв. продолжали называть его Русским. Понятно, что столкновение в Причерноморье всесильного каганата и крепнущей год от

года Киевской Руси не могло не обернуться новыми битвами. Вот почему на миролюбивые приветствия Чудо-юд: «Зачем ты приехал? Сватать моих сестер али дочерей?» — богатырь неизменно отвечает: «Нет, брат, в поле съезжаться — родней не считаться; давай воевать».

Буря-богатырь побивает Чудо-юд, но сражается он в одиночку. И если жены чудищ и их мать, в образе огромной свиньи, готовятся отомстить за мужей и чад, то «братья» Бури-богатыря, наоборот, разрывают с ним союз. Однако, отделившись, они не в силах бороться с семейством чудищ. Подобно тому, как в середине IX в. юго-восточные племена Руси попадают под иго хазар, Иван-царевич и Иван девкин сын проглатываются «свиньей». От рабского пленения их освобождает Буря-богатырь. За этим сказочным образом угадывается реальный воевода — князь Олег (в фольклорной традиции Вещий Олег). Буря-богатырь, как и Олег, вещий витязь, то есть вещун или прорицатель. Оборачиваясь то мушкой, то соколом, он узнает замыслы врагов и избегает готовящихся ему напастей.

Победив Чудо-юдову мать, Буря-богатырь нападает на Индейское царство. С кем же воюет русский богатырь? И какая страна скрывается в сказке под именем Индейского царства? Подсказкой здесь может послужить былина «Волх Всеславьевич», в которой также запечатлен индейский набег киевской дружины. В былине говорится:

И пришли оне к стене белокаменной,

Крепка стена белокаменная...

Но, как мы помним, система белокаменных крепостей была в стране Вантит! Экспедиция киевлян

была сухопутной, и нигде, за исключением берегов Дона, таких укреплений в соседних с Киевом землях не было. Страна венедов-ванов (Венедия-Виндия-Индия) — вот куда направлялась дружина Волха. Таким образом, и сказка, и былина описывают поход киевлян против вятичей.

Былинный сюжет обнаруживает несомненное родство со сказочным. Многие исследователи фольклора, в том числе С. П. Шевырев, Ф. И. Буслаев, Вс. Миллер, указывали на связь былинного Волха с Вещим Олегом (созвучны и их имена). При нашем согласии с этой точкой зрения следует только уточнить, что былина описывает поход на Дон, в страну Вантит, а не на Царьград (Константинополь). Анализируя текст «Повести временных лет», можно заключить, что вятичи проводили независимую от варягов политику, поэтому «приструнить» их можно было только силой оружия.

Итак, подвиги великого киевского князя Олега нашли отражение в самых разных произведениях — сказке, былине и летописных записях. Как образец более древнего жанра, сказка о Буре-богатыре, видимо, возникла первой. Во всяком случае, замечательно прослеживается ее связь с летописным сказанием о смерти Олега.

Отринув мысль о смерти, едет царьградский триумфатор взглянуть на останки своего коня.»И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея, и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер он» («Повесть временных лет»). Разве не напоминает эта сцена встречу пешего Бури-богатыря с Чудо-юдой, восседающим на коне по кличке Воронье мясо? Буря-богатырь, победив двенадцатиглавого Чудо-юдо,

забирает себе его коня. Предание о гибели князя тем самым можно рассматривать как продолжение сказочного жизнеописания Бури-богатыря (Вещего Олега): конь Змея стал добычей воина (сказка), но позже принес смерть своему новому хозяину (предание). В сущности, трагическая развязка выглядит как месть самого Чудо-юда — недаром змея выползает из черепа — символа царства мертвых.

Смерть богатыря от яда уже убитого им Змея — весьма распространенный сюжет в мифах индоевропейцев. Сам бог Тор хотя и умерщвляет великого Змея, но гибнет от его яда. Та же участь уготована и Беовульфу, герою знаменитого англо-саксонского эпоса. От яда убитой им лернейской гидры умирает Геракл. Можно предположить, что древнегреческий миф о Геракле был хорошо известен восточным славянам и оказал влияние на создание преданий об Олеге.

Некоторые историки полагают, что источником сказания о смерти Олега могла стать скандинавская сага «Одд со стрелами». В ней прорицательница Гейда предсказала юноше смерть от любимого коня. Вспылив, юный викинг ударил женщину, а на следующий день увел своего коня Флакси далеко от дома, убил его и навалил над ним высокий курган из песка и камней. Много лет спустя, вернувшись из чужедальних странствий, Одд снова попал в долину, где был захоронен его любимец. Споткнувшись обо что-то, викинг обнаружил конский череп, из которого выскользнула змея и смертельно ужалила его в ногу. Так исполнилось предсказание Гейды.

Внешне истории обеих смертей героев схожи. Но историческая расшифровка сказки о Буре-богатыре высвечивает и важное их различие. Если Флаксы верный друг Одда с детских лет, то сказочный Вещий Олег — Буря-богатырь — добывает себе коня в битве с Чудо-юдом. Этот конь составляет половину могущества Чудо-юда: потеряв его, Змей теряет часть своей силы. Тот же, кто получает коня, становится сильнее и могущественнее.

А конь этот из русских сказок и сам чудо: добыть его можно только в результате долгих и тяжелых испытаний: отняв в бою у смертельного врага, вскрыв подземную темницу или получив в наследство от умершего пращура. Имя сказочного коня — Сивка-Бурка — отражает круговорот времен (конь — один из символов солнца): чередование зимы (Сивка — белый конь) и лета (Бурка — темный конь). Это конь смерти и воскресения. Он является после произнесения магического заклятия и дает своему хозяину силу совершать богатырские подвиги, спасает его от смерти и приводит к богатству и исполнению желаний. Но он служит не вечно, а только до поры до времени. Оставшись без этого чудесного коня, воин лишается навсегда и его волшебной помощи, из непобедимого богатыря превращается в уязвимое существо. Сивка-Бурка — олицетворение таинственной мощи природы. В сказках он исполняет только три службы в урочное время. Потом его следует с благодарностью отпустить. Летописный Вещий Олег, словно сказочный богатырь, так и поступает со своим боевым другом — с благодарностью отпускает на волю своего коня и отодвигает свой час смерти на четыре года.

Волхвы открывают Олегу судьбу в простом и ясном предсказании: примешь смерть от коня своего. Сообщают

ему и его соратникам ровно столько, чтобы преданные ему поберегли его, а тайные враги не поняли сокровенного смысла предсказания. Олег отказывается от коня, но не отказывается от военных походов. Князя Олега невозможно представить без боевого коня: прежнего коня сменил новый товарищ и стал для Олега «своим». А ведь волхвы не уточняли, от которого «коня своего» примет он смерть. Их слова могли указывать на гибель в результате боевого похода. Даже если князь понял слова волхвов именно так, это ничего не изменило бы в его судьбе: он был воин, у него была своя политика, явные и тайные враги как среди хазар и ромеев, так и свои, доморощенные. Но в великом деле лучше умереть, чем отступить, даже если знаешь, где затаилась угроза. Начав испытывать судьбу, Олег уже не мог отступить и измениться: пользуясь тем, что предсказание всеми понято буквально, он совершил свой подвиг ради великой державы и, поддерживая дух своих единомышленников, укорил кудесников: «Не правду говорят волхвы, но все то ложь: конь умер, а я жив». Он касается ногой черепа старого боевого коня, чтобы убедить всех в своей правоте, и (трагическая случайность!) предсказание сбывается. Но и через девять веков память о нем не угаснет: Пушкин создаст вдохновенную «Песнь о Вещем Олеге», а Языков в одном из своих стихотворений напишет: «Вещего помнит Россия». За что же такая слава?

В конце IX в. Хазария с переменным успехом билась с Русью, но дружила с Византией: около 893 года хазары в союзе с греками и мадьярами воевали против болгар и печенегов. В начале X в. ситуация переменилась. Победив полки Олега, хазары приказали ему идти на Византию. Русскому князю в этой ситуации

предписывалось выполнить роль наемника. Война же по замыслу хазарского «генштаба» должна была не только ослабить Русь и Византию, но и вконец расстроить их налаженную торговлю. Если бы этот план осуществился, то каганат завладел бы монополией на сбыт русских товаров на Востоке. Однако правители Хазарии просчитались. Начавшись военным столкновением, поход Олега завершился мирными договорами 907 и 911 гг.

Некоторые историки считают, что похода 907 г. не было, поскольку о нем нет упоминания в греческих источниках. Но для нас этот вопрос несущественен; так как мы разбираем чисто летописную аллегория об истории смерти князя, а согласно ей поход имел место.

Договоры с Византией юридически оформляли права русских купцов в Константинополе и предопределяли тем самым не только увеличение русско-греческой торговли, но и долговременную ориентацию внешней политики Руси на дружбу с Византией. Договоры ломали сложившуюся систему диктата Хазарии в юго-восточной Европе. Не удивительно, что вокруг них разгорелся костер политических интриг. И, видимо, не случайно, что подписавшие договор 911 г. византийские императоры, соправители Лев VI Мудрый и Александр, а также русский князь Олег умерли уже к середине 913 г.

Киевский воевода «укрепил» свой щит на царьградских вратах, то есть гарантировал защиту византийской столицы. Союзом с греками он восстанавливал против себя хазар и фактически, как бывший их наемник, подписывал себе смертный приговор. Русичи сознавали, что выбор сделан. Оставалось только гадать, когда Хазария подготовит

ответный удар. Договор 907 г. носил лишь предварительный характер, но именно в это время волхвы предсказывают Олегу смерть. Через четыре года, когда будет оформлен и подписан договор, конь умрет. Это знак, предвещающий скорую гибель князя.

«Иплакашися людие вси плачем великим», прощаясь с Олегом. Так записал летописец. Сказка, как фольклорный жанр, передающийся от одного поколения к другому, сохранила до нашего времени этот скорбный мотив. «Да, Вещего помнит Россия».

Сказка «Иван Быкович»

Сказка «Иван Быкович» — тоже история о трех братьях. Правда, в отличие от предыдущей сказки между богатырями уже нет и тени неприязни. Проиграв в соревновании на силу, Иван-царевич и Иван кухаркин сын, говорят победителю: «Ну, Иван Быкович! Будь ты большой брат!» Союз братьев (славянских богатырей) стал крепче, чем при Буре-богатыре. Это послеолеговы времена.

Ивана Быковича (судя по его отчеству) логично считать потомком Ивана коровьего сына, Бури-богатыря, точнее воином следующего поколения. Если же продолжать параллель мира мифологии, образов сказки и мира русской истории, то богатырю Ивану Быковичу будет соответствовать князь Игорь. Собственно, в сказке находит образное выражение мысль о том, что Иван Быкович, как защитник земли Русской, преемник Бури-богатыря, и в реальности мог бы быть отождествлен с князем Игорем. Подобно своим историческим прототипам, они сменяют друг друга в стольном Киеве и на богатырской заставе.

Иван Быкович бьется со Змеями не у моря, а на реке Смородине (смород — смрад), берег которой усеян человеческими костями, «по колено будет навалено». Чудо-юдо владеют к этому времени огромными пространствами, даже агрессивная Баба-яга поминает их без симпатии: «... ведь они, злодеи, всех приполонили, всех разорили, ближние царства шаром покатили». Точно то же в первой половине X в. мог сказать о хазарах любой их сосед.

Река Смородина — внутренняя приграничная река Русского государства. Ряд исследователей фольклора настаивают на исключительно мифологическом названии реки, являющейся границей между «этим» и «иным» мирами. Но в то же время река Смородина упоминается в былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и протекает она где-то поблизости от Чернигова. Всеволод Миллер отождествил ее с рекой Смородиной, что в 25 верстах от Карачева — города черниговских князей, предполагаемой родины Ильи Муромца (в былине село Карачарово). Другая былина «Наезд литовцев» также помещает Смородину в области, близкие селам Карачеву и Переславскому (город Переяславль). Трудно поверить в то, что сказители X–XI вв. мыслили сказочную и былинную реку Смородину в разных концах Руси. А если так, то место битвы Ивана Быковича со Змеями локализуется внутри треугольника из трех городов — Киева, Чернигова и Переяславля, вблизи границы между землями полян и северян. Через эту область двигались хазары на Русь.

Иван Быкович, продолжая дело Бури-богатыря, побил Змеев, а вот сладить с их матерью не смог. Поражение богатыря (войск киевского князя невядалеке от Киева) естественно отнести ко времени второй волны

хазарского ига (20-е (?) — 60-е г. X в.), к тому историческому времени, когда русичи вновь попытались освободиться. Кембриджский аноним, еврейский автор XII века, рассказал о войне киевского князя в союзе с Византией против Хазарии, начавшейся в 939 г. «Войну развязал хазарский царь Иосиф, который низверг множество необрезанных», т. е. убил много христиан...

В 939 г. (или в начале 940 г.) Хельгу (князь Игорь. — А.А.) внезапным ночным нападением взял город С-м-к-рай (Самкерц, на берегу Керченского пролива)...

Хазарский царь ответил на удар ударом. Полководец «досточтимый Песах» освободил Самкерц, отбросил русов от берегов Азовского моря, вторгся в Крым, взял там три греческих города, где «избил много мужчин и женщин», но был остановлен стенами Херсонеса, куда спаслось уцелевшее христианское население Крыма.

Затем Песах пошел на Хельгу, т. е. подступил к Киеву, опустошил страну и принудил Хельгу, против его воли, воевать с бывшими союзниками-византийцами за торжество купеческой иудейской общины Итиля.

Все эти события в русской летописи опущены, за исключением последовавшего за ними похода на Византию» (Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь). Но отзвуки этих событий, волшебным образом преобразившись, присутствуют в сказке!

Ведьма (сказочный образ полководца Песаха) утаскивает Ивана Быковича в подземелье — логово Чудо-юдова отца. Длинные ресницы и густые брови совсем закрывают глаза старика. Как и восточнославянскому Вию, веки ему поднимают железными вилами могучие богатыри. В отшельничестве и бездействии змеиного родителя просматривается

поразительная аналогия с положением Хазарского кагана. Приняв высший верховный титул, он удалялся в специальный дворец, появляясь перед народом только в особо торжественных церемониях. Действия правителя были строго табуированы и жестко ограничены, а всю власть сосредоточил ставленник придворной верхушки. Неизменной обязанностью кагана, правда, оставалось руководство войсками в случае войны. Как мудрый главнокомандующий действует и сказочный «каган», отец Чудо-юда. Он не мстит Ивану за сыновей, но направляет его (!) в военный поход — умыкнуть царицу золотые кудри.

Подробности морской экспедиции сказочного витязя напоминают о связанных единой задачей походах князя Игоря на Византию в 941 и 943 гг. В первом походе Игорь возглавил эскадру в 10 тысяч кораблей. Велик и сказочный караван судов: «Вышел первый корабль; Иван Быкович сел в него, крикнул: "Все за мной!" — и поехал в путь-дорогу. Отъехав немного, оглянулся назад — и видит: сила несметная кораблей и лодок!»

Захватить Константинополь русским не удалось. А потому второй поход, уже сухопутный, объединил варягов, печенегов, словен, кривичей и днестровских тиверцев. Войско дошло до Дуная, где встретило послов императора с мирными предложениями. Взятие богатого откупа у греков подобно подношениям Ивану Быковичу: «Приезжают в невиданное царство, небывалое государство; а там уже давно сведения, что Иван Быкович будет, и целые три месяца хлеб пекли, вино курили, пиво варили. Увидел Иван Быкович несчетное число возов хлеба да столько же бочек вина и пива; удивляется и

спрашивает: «Что б это значило?» — «Это все для тебя наготовлено».

Однако не так просто заполучить хозяйку заморской стороны. Уготовила она русичам баню огнем, и погорел бы Иван Быкович, не окажись с ним старичок Мороз-Трескун. Выдержал богатырь Иван испытание, «царица сама к нему вышла, подала свою белую руку, села на корабль и поехала». Доплыли они до Чудо-юдова берега, а Иван Быкович к тому времени так полюбил царицу, что посмел предложить своему «повелителю» завоевать невесту в честном соревновании — кто пройдет по жердочке над пропастью, тот и женится на прекрасной даме. «Иван Быкович пошел по жердочке, а царица золотые кудри про себя говорит: «Легче пуху лебединого пройди!» Иван Быкович прошел — и жердочка не погнулась; а старый старик пошел — только на середину ступил, так и полетел в яму». Балансирование над бездной — наверное, лучше не охарактеризуешь русскую внешнюю политику 944 г. С одной стороны, условие хазар завоевать Византию, с другой — традиция мирных отношений с греками. Не потому ли, гадая об истинных намерениях русского богатыря, так недоверчиво и неприязненно встречает его царица? Но во время соревнования мужей она болеет за руса. Силу любви и взаимной поддержки они противопоставили наглости Чудо-юдовых устремлений. Точно так же русско-византийский договор 944 г. выразил антихазарскую позицию государств (Сахаров А. Н. «Мы от рода русского...») Не изменив своему извечному правилу счастливого финала, сказка вместе с тем не погрешила и против подлинных фактов истории.

Сказки о Буре-богатыре и Иване Быковиче, читаемые со знанием потаенных в них ассоциаций, открывают взгляд простого человека X в. на историю своего народа. Отличается ли он от официально-летописного? Несомненно. В сказках отображена отсутствующая в летописи диалектика русско-хазарских отношений в конце IX — первой половине X в. В то же время сказочные портреты киевских князей схожи с летописными. В сравнении с Иваном Быковичем (Игорем) королевич Буря-богатырь (Олег) и прозорливее, и сильнее, и независимее от политических интриг Чудо-юдовой (хазарской) братии. Но, конечно, ни о каком умалении Ивана Быковича в сказке нет и речи.

А откуда родом сказочные Рюриковичи? На этот счет установлено, что герой с именами Иван коровий сын, Иван Быкович встречается преимущественно в русских и очень редко в украинских и белорусских сказках. География сказок об Иване Быковиче вообще ограничена преимущественно северными областями России. Наша интерпретация сказок прекрасно это объясняет. И Олег, и Игорь — князья северные, для киевлян они люди пришлые, а потому память о них не смогла затмить славы южнорусских богатырей доолеговой поры. Сказка о Буре-богатыре все-таки популярнее сказки про Ивана Быковича, что тоже понятно: восточным славянам Вещий Олег запомнился прежде всего как князь-освободитель, а Игорь как не всегда справедливый сборщик дани.

Но то дела внутренние. Что же до забот Отечества, то оба князя были его доблестными ревнителями. Здесь летопись со сказкой не расходится. И можно утверждать, что сказки об Иване коровьем сыне и Иване Быковиче

стали тем чудесным пламенем, в котором закалялось мужество полков Святослава.

Сказка «Никита Кожемяка и Кавстрийский Змей»

Сказка о Никите Кожемяке — классический пример дополнения древнего мифологического сюжета более поздними историческими подробностями. Уже в древнем славянском эпосе встречаются сказания о богатырях-кузнецах, кующих гигантский плуг в 40 пудов. Победив Змея, герой запрягает его в волшебный плуг и пропахивает глубокие борозды — «Змиевы валы». В сказке они тянутся аж до моря Кавстрийского (Каспийского). Валы — это реальность. Они представляют собой остатки огромных богатырских застав-крепостей по берегам рек, впадающих в Днепр. Их датировка неясна, но несомненно, что они «верой и правдой» служили древним русичам не один век.

В «Повести временных лет» рассказывается, что обры (авары) впрягали в телеги славянских женщин и заставляли возить себя. Запрягая чудище в соху, Кожемяка как бы мстит Степному Змею за былые унижения славян.

В отмеченных реалистических вкраплениях проявляется, так сказать, первичный слой исторической окраски мифического сюжета. На его фоне можно увидеть другую, более позднюю роспись, отмеченную временем русско-хазаро-печенежского противостояния. Прежде всего, о прозвище сказочного воина. «Повесть временных лет» под 992 годом упоминает о малолетнем ремесленнике-кожемяке, вышедшем на поединок с богатырем-печенегом и удавившем его. Полное имя

героя названо в летописи несколько позднее. В 1001 и 1004 гг. Ян Усмошвец или кожевник (от древнерусского усма — кожа и шью) разбил печенегов, пришедших на Русь. Этот легендарный богатырь послужил прообразом Никиты Кожемяки, а тот, в свою очередь, заменил в древнейшем сказочном сюжете волшебного кузнеца.

Беспощадный Змей, объявившийся вблизи Киева, брал с народа «поборы немалые: с каждого двора по красной девке; возьмет девку да и съест ее». Не миновала беда и царскую дочь. Пленение русских и славян и продажа их в рабство были традиционным промыслом степняков. Только факт захвата царевны и регулярные грабежи напоминают скорее хазарское иго, нежели налеты печенегов. В отличие от хазар печенеги не завоевывали Киев и не облагали его жителей данью. Византийский император Константин Багрянородный в своем сочинении, написанном в 948–952 гг., упоминает о «Киевской крепости, называемой Самбатас». Самбатас — хазарское название, имеющее значение «пограничный город» (Киев находился на тогдашней западной границе Хазарского каганата). В крепость стекались товары, взимаемые хазарами с подвластных им славянских племен. Расшифровка древнекиевской топонимии указывает на присутствие в Киеве хазар. От времени владычества хазар в Киеве осталось отмеченное в «Повести временных лет» название городского урочища «Козаре». В Библиотеке Кембриджского университета хранится так называемое «Киевское письмо», написанное на еврейском языке в Киеве в начале X века. В нем представители еврейско-киевского кагала обращаются к другим иудейским общинам с просьбой об оказании помощи их соплеменнику и единове́рцу. Таким образом,

Змиевы поборы более естественно связывать с действиями хазар.

Совсем недавно ряд исследователей в Израиле и России выдвинули, прямо скажем, экстравагантную идею об основании Киева хазарами. Причем произошло это всего-навсего тысячу лет назад. Опираясь на скудные и весьма туманные намеки одной арабской географической рукописи, авторы данной гипотезы утверждают, что Киев был основан в IX в. как пограничная крепость Хазарского каганата командиром наемного хорезмийского отряда (хазарской гвардии), носившим родовое имя *Куйа*. В честь своих предков, этот степной «легионер» якобы и назвал построенное им на днепровском берегу укрепление Киевом (по-арабски *Куйава* или *Куяба*).

Действительно, город с таким названием встречается в арабских книгах и документах, причем написанных гораздо раньше, чем хазарский наемник Куйа побывал на берегу Днепра (впрочем, вопрос еще, побывал ли он там вообще, поскольку в привлеченной в качестве довода арабской рукописи про то не говорится ни слова, а все домыслы о хазарском основателе Киева покоятся на созвучии имен и чересчур богатом воображении). Кроме того, давно и хорошо известны также армянские источники VII в., введенные в научный оборот еще академиком Николаем Яковлевичем Марром (1864–1934), где повторяется русская летописная история основания Киева (по-армянски *Куары*), что происходит значительно раньше, чем предполагается в «хазарской версии». Хазары завоевывали Киев, но к числу основателей города их причислить никак нельзя.

Обратимся вновь к сказке. В ней Змей выступает обыкновенным грабителем: основатель заботился бы

хоть о каком-то благоустройстве, а здесь на первом плане только дань. И уж совсем хорошо знакомым, так похожим на Морского Царя Чудо-юдо, является читателям Змей в финале сказки. «Никита провел борозду от Киева до моря Кавстрийского. «Ну, — говорит Змей, — теперь мы всю землю разделили!» — «Землю разделили, — давай море делить, а то ты скажешь, что твою воду берут». Здесь сразу вспоминается и таможенная служба хазар в устьях рек и в Керченском проливе, и доминирование их на Каспийском побережье. Иными словами, Кавстрийский Змей символизирует постоянную хазаро-печенежскую угрозу со стороны Дикого поля.

Сокрушительные поражения, нанесенные хазарам Святославом (965–968 гг.), были только предвестниками грядущего заката каганата. В конце 70-х г. хазары возвратились в свою столицу Итиль и попытались восстановить былое могущество, обратившись за помощью к Хорезму. В 985 г. сын Святослава Владимир, как сказано в его житии, написанном хотя бы в некоторой его части еще в XI веке. Иаковом Мнихом, «на Козары шед, победи я и дань на них положи». Известно также, что в набегах на Русь хазары иногда объединялись с печенегами. Последнее по времени их нападение на Киев произошло в 1036 году и окончилось для степного воинства плачевно. Все это позволяет заключить, что сказка «Никита Кожемяка» отражает победный период в столкновениях Руси с хазарами и печенегами (965–1036 гг.).

Сказка о Кожемяке венчает богатырскую трилогию о сражениях с морским Змеем. Сказки трилогии являются главами устной летописи народа, русского героического эпоса X в... Вряд ли мы ошибемся, если объявим их

уникальными **историческими документами** той давней эпохи. И что из того, что они хранились в сердцах людей, а не в монастырской библиотеке? Разве стали они оттого менее подлинными?..

Но, кажется, военно-историческая тема уже исчерпана, и самое время взглянуть на мирную жизнь Чудо-юда.

Сказка «Морской Царь и Василиса Премудрая»

В сборнике Афанасьева в цикле «Морской Царь и Василиса Премудрая» приведено восемь сказок. Исходным для них стал сюжет о договоре Царя с путником: за возможность напиться из источника Хозяин воды требует отдать то, чего путешественник дома не знает. Тот соглашается, не догадываясь, что за время отсутствия у него родился сын Иван-царевич. Им в итоге и расплачивается родитель с Царем.

Сказочный сюжет о запроданце неизвестного в родном доме выдающийся исследователь сказок В. Я. Пропп (1895–1970) соотносил с обрядом инициации — посвящения или введения в культовые таинства подростков у древних народов. Молодой человек во время обряда подвергался испытанию, включавшему в том числе и жестокие истязания. Мучения, принимаемые юношей, символизировали его временную смерть, а одоление мук и последующее «возрождение» вводило его в круг посвященных, взрослых и готовых к вступлению в брак мужчин. Нечто схожее совершается и в сказке. Заклание родителями своего ребенка Морскому Царю, служба у него, удачный побег и женитьба на Василисе Премудрой своего рода поэтические декорации

таинства посвящения; герой, попавший в запредельное царство, возвращается невредимым назад.

С развитием речных и морских торговых экспедиций русичей древний сюжет приобрел новое звучание. Немилосердным таможенником (Морским Царем или Чудо-юдой) купцам-мореплавателям представлялся правитель тех морей и рек, по которым пролегал их путь. В одном из вариантов Иванна-царевича теперь заменил Иван купецкий сын (отправляющийся в услужение к Чудо-юду). Трудно сказать, возникла бы вообще эта сказка о русском купце и морском злодее, не воспрепятствуй Хазария свободному плаванию русских кораблей через контролируемые ею реки и проливы.

В 913 г. за возможность прохода в Каспийское море русичи обязались отдать хазарскому царю половину своей добычи. Это, конечно, было грабительское условие, поскольку русские воины шли воевать за хазарские интересы. Но все-таки оно предполагало достаточную награду уцелевшим. На обратном пути, дойдя до устья Волги, русы отослали условленную часть богатств кагану. Однако тот, нарушив договор, отказался пропустить их домой и позволил своей мусульманской гвардии напасть на русичей. После отчаянного трехдневного сражения они были разбиты, потеряв убитыми 30 тысяч человек. Нарушение клятвы всегда считалось святотатством. Коварство хазарского правителя выглядело еще более бесстыдным на фоне недавних договоров русских с греками. За подобные преступления, творимые прототипом Чудо-юды, и прилепилось к последнему прозвище *Беззаконный*.

«Выражается сильно российский народ! И если наградит кого словцом, то войдет оно ему в род и

потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света» (Н. В. Гоголь). Применительно к иудейской Хазарии это словцо имело, так сказать, и внутриобщинный смысл. Еще во времена Римской республики (во II в. до н. э.) в иудаизме оформились и противоборствовали две религиозные группировки — саддукеи и фарисеи. Саддукеи (аристократическая, земледельческая знать, жрецы) придерживались буквального смысла Моисеева закона. Фарисеи же, состоящие из ремесленников, торговцев, низших служителей культа, наоборот, стремились «усовершенствовать» иудейскую религию толкованием библейских (ветхозаветных) положений. Собранные и отредактированные разъяснения ветхозаветных книг составили Талмуд, святое святых правоверного фарисея. Христианские авторы, занимавшиеся его изучением, свидетельствуют, что талмудические трактаты неизбежно должны приучать своих последователей к вредным тонкостям, натяжкам, лживости, надувательству, плутовской изворотливости, изощрять их пронырливость и, наконец, убивать в них уважение к Моисееву законодательству. Итильские менялы и ростовщики склонились (в понимании христиан) к почитанию извращенного закона (Талмуда), за что и были отмечены столь нелестным прозвищем.

И еще пара сказочных особенностей. У Чудо-юда 77 дочерей. Появление такого числа вряд ли случайно: во-первых, в русских сказках оно встречается исключительно редко, во-вторых, в пяти других сказках у Морского Царя — по 12 дочерей, а в одной — только 3. И тройка, и дюжина числа традиционно сказочные. А вот семьдесят семь — магическое число в учении иудаистской каббалы. Так, за, казалось бы, мало что

значащим числовым символом угадывается причастность материализовавшегося наяву Чудо-юда к миру халдейской мистики и талмудических премудростей.

Интересно и то, что имя возлюбленной Ивана — Василиса — греческого происхождения и означает «царица». Эта, опять-таки неслучайная деталь указывает на совместное противостояние русских и греков Хазарии.

Сказка «Данило Бесщастный»

Совсем иную историю любви открывает нам сказка о Даниле Бесщастном. В ней Чудо-юдо — старичок-водяной престранного вида — «без рук, без ног, одна борода седая». Ровно в полночь вылезает он из моря у сырого дуба. Тут-то и поджидает его Данило. Дело у дворянина срочное: надо ему к утру сшить из сорока сороков соболей шубу для князя Владимира, и помочь в том может только дочь Чудо-юды — Лебедь-птица, красная девица. Правда, она страх как расчетлива. «Возьмешь меня за себя? — пытается она дворянина. — В те поры все будет сделано!» Задумался Данило, да деваться некуда. Согласился, а уж красавица не подвела — смастерила шубу на диво. Вот поутру Лебедь-птица и наставляет мужа: «Как выйдешь от заутрени... сымай шубу с своих плеч да уряди князя Владимира в тот час, не забывал бы он нас».

Все сделал Данило как надо, да оплошал малость — похвалился спьяну женой. А тут еще Алеша Попович, бабий пересмешник, начал врать, что спал с ней. Заспорил Бесщастный с лгуном, и тогда порешили они — кто лжет, того и казнить. Но Алеша-клеветник украл для доказательства цепочку лебедь-девицы, все ему и поверили. «Ну, Владимир-князь, — говорит Данило

Бессчастнѣй, — вижу теперь, что надо рубить мою голову; позволь мне домой сходить да с женой проститься». Дома же Лебедь-птица, красная девица советует мужу: «Поди зови к себе в гости и князя с княгиней, и всех горожан». Тот послушался ее.

«Срядился князь со княгиней в гости и поехал в путь-дорогу со всем храбрым воинством». Едут они и диву даются; что ни река — то полна пивом, медом, вином или крепкой водкой. Перепились солдаты и генералы, а трезвых только четверо и осталось — князь со княгиней, Алеша и Данило. Вошли они в палаты высокие, ждали-ждали хозяйку за накрытым столом, а та вышла на крылечко, молвила словечко: «Вот-де как мужей учат!» — махнула крыльями и улетела. Гости же ее в болоте на кочках остались...

Рассказчик смакует подробности княжеского унижения: «Пока до палат своих добрались, с головы до ног грязью измарались!» Откровенная насмешка сочинителя открывает его симпатии к оппозиции князя (языческому лагерю).

Чудо-юдова дочка встречается с Данилой в страстную субботу, накануне Пасхи. Воскресение Иисуса Христа называют праздником праздников, ибо в этот день прославляется победа Жизни над смертью, Света над тьмою, Добра над злом. Оттого так активно искушает человека нечисть в пасхальную неделю, являясь перед ним то одиноким Мефистофелем, то многоглавой бандой Воланда. В традициях дьявольской «демократии» Лебедь-птица предлагает Даниле заключить договор (в данном случае брачный). Одно из его условий — не распространяться о волшебном даре жены. «Не хвались, что за едину ночь дом построили с тобою», —

напоминает Бессчастному красавица. Только удел Данилы притягивать несчастья. К тому же никто из православных не вступился за него, и сам великий князь поддержал оговор невинной жены. Вот, казалось бы, и объяснение сказки. Но неужели рассказчик вывел героиней «оболганную» христианами нечистую силу? Ведь в конце сказки торжествуют всегда светлые силы Добра и Правды. Из-за неясной развязки В. Я. Пропп, комментируя сказку, даже предположил, что она не закончена. А не разрешит ли эту загадку известная нам мифолого-историческая параллель?

Известно, что XI в. в Киеве была богатая иудейская община. Она выстроила каменную синагогу, но свою веру среди населения не пропагандировала. «Единственным путем распространения иудаизма был тот, который применялся в Хазарии — смешанные браки». Православные священники категорически воспрещали их заключение. Статья из Устава князя Ярослава гласит: «Аще кто с бесерменкою (мусульманкою. — А.А.) или с жидовкою блуд створить, а не лишиться — церкви отлучиться и христьян, а митрополиту 12 гривен». Вот почему задумался христианин Данило, когда богатая и красивая девушка нехристианской веры, Чудо-юдова дочь, вызвалась выйти за него замуж. Брачный союз оказался под угрозой, когда Алеша Попович (неслучайный выбор прозвища персонажа!) украл у Даниловой жены цепочку. Обо всем этом, понятно, в сказке не говорится напрямую, но нельзя отрицать, что сказочный образ Чудо-юда в X–XII вв. ассоциировался на Руси с эмигрантами из Хазарии, и слушатели сказки не нуждались в дополнительной расшифровке.

А кстати, почему князь шествует к дому Данилы «со всем храбрым воинством»? За ответом снова обратимся к

истории. Святополк Изяславич (1093–1113 гг. — на великом престоле) «из корыстолюбия дал большие льготы жидам, которыми они пользовались в ущерб народу и тем возбудили против себя всеобщее негодование» (Соловьев С. М. История России с древнейших времен). Говоря попросту, киевские фарисеи установили большой ростовщический процент («неумеренные росты»). Накануне воцарения Владимира Мономаха в Киеве, во время восстания 1113 г., жители города разграбили дома тысяцкого Путяты, сотских и евреев. Собравшись по этому поводу на совет, князь решили выселить иудеев из Русской земли без конфискации имущества, но и без права возвращения. «Тайно возвращавшимся евреям было отказано в покровительстве закона, даже в случае ограбления и убийства вернувшихся» (Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь). Сказочный князь служит закону и, узнав о браке Данилы с девушкой другой веры, учиняет следствие. Он самолично отправляется посмотреть на Лебедь-птицу. Однако та обхитрила князя и убежала от его суда, опоив предварительно дружину и бросив неосторожного мужа.

Наконец все стало на свои места: неведомый нам волхв-сказитель аллегорически поведал о конфликте христиан и иудеев. Как язычник, он смеется над оскверненным христианским браком и промахом княжеской тайной канцелярии. Все христиане у него сплошь с червоточинкой: Данило — непутевый пьяница и вообще Бессчастный, Алеша — вор и наветчик, а князь — ни мудр, ни справедлив, да еще, как мальчишка, на Даниле верхом по грязи скачет. А между тем сказочного Владимира современники волхва сопоставляли с Владимиром Мономахом, сидевшим в то время в Киеве

(1113–1125 гг.), а бабьего пересмешника Алешу Поповича — с богатырем Александром Поповичем, победителем половцев. Рассказ сказочника-язычника, таким образом, в известной степени односторонен, но для нас важнее другое — глубинный смысл сказки постигается только в контексте русской истории.

ГЛАВА 17

РУССКИЙ ВАРЯГ РЮРИК

*Где ни взглянешь —
всюду камни,*

*Только камни да
сосна...*

*Отчего же так близка
мне*

Эта бедная страна?

*Здесь с природой в
вечном споре*

Человека дух растет

И с бушующего моря

*Небесам свой вызов
шлет.*

*И среди смутных
очертаний*

Этих каменных высот

*В блеске северных
сияний
К царству духов виден
вход.
Знать, недаром из
Кашмира
И с полуденных морей
В этот край с начала
мира
Шли толпой богатыри.*

*В. Соловьев. По дороге в
Упсалу*

Начало русской колонизации берегов Балтийского моря естественно связывать с первым появлением там венедов. Древнегреческие авторы неоднократно упоминают о них как о хранителях янтарного берега. Драгоценный камень балтийские венеды по системе европейских рек доставляли к своим адриатическим соплеменникам, а далее он уже расходился по странам Средиземноморья, в том числе и в Грецию. VI в. до н. э. северные страны посетил Пифий из Массалии (Марселя), который добрался до «гвинонов» (венедов), поставлявших янтарь, а авторы первых веков нашей эры (Тацит, Плиний, Птолемей) писали о венедах как о многочисленном народе, обитающем на юге Балтики и берегах Вислы.

Очень важную информацию об освоении русскими восточных областей Прибалтики дает карело-финский эпос «Калевала». Его главный герой — Вяйнемейнен или по-нашему Ваня. Он — прародитель людей Лапландии

(северного края, включающего часть Кольского полуострова и север Финляндии, Швеции и Норвегии). Когда один из более юных богатырей Еукахайнен — «тощий молодой лапландец», «юноша дрянной лапландский» — попробовал оспорить право старшинства у Вяйнемейнена, тот ему резко возразил:

Лжешь ты выше всякой меры!

Никогда при том ты не был,

Как пахали волны моря,

Как выкапывали глуби

И как рыбам ямы рыли,

Дно у моря опускали,

Простирали вширь озера,

Выдвигали горы кверху

И накидывали скалы.

И тебя там не видали,

Тот не видел и не слышал,

Кто тогда всю землю создал,

Солнце светлое поставил,

Заключил в границы воздух,

Утвердил и столб воздушный

И построил свод небесный,

Кто направил ясный месяц,

Вширь Медведицу раздвинул

И рассыпал звезды в небе.

Вяйнемейнен олицетворяет венедов, первопоселенцев в этих краях. Еукахайнен же представляет племя финнов, пришедшее на эти земли позже. Кстати, название «Финляндия» изначально звучало как «Виндланд» и означает «земля венедов». Сами себя финны называют «суоми». В Скандинавию они мигрировали из приуральских областей. И лишь поселившись в Виндланде-Финляндии, стали для соседей финнами. Такое замещение имен стало возможным еще потому, что венеды не противодействовали заключению смешанных браков. И не случайно, что Вяйнемейнен ищет себе невест непременно среди девушек соседних племен.

Норманисты производят имя «русь» от финского «руотси» — «гребцы». Мы готовы признать этимологическую связь русского и финского слов, но с одной существенной поправкой: имя нашего народа первично. В связи с этим обращает на себя внимание один из персонажей «Калевалы» — Руотус. В эпическом произведении случайных совпадений не бывает, поэтому можно утверждать, что Руотус — это Рус. Чем же он знаменит? Тем, что он — единственный в деревне, у кого есть баня. Уже одно это обстоятельство говорит о том, что мы не ошиблись: русские и баня неразделимы. Руотус живет в достатке:

За столом сидит в рубашке

Из льняной отличной ткани.

По законам эпоса мы должны заключить, что такой же безбедной была жизнь его соплеменников. Более того, судя по тому, что Руотуса просили предоставить баню, где лапландская девушка должна была родить будущего короля Карелии, русские были в числе верховных правителей страны. Отказ жены Руотуса пустить рожаницу не следует воспринимать как проявление жестокосердия, тут замешана политика. Ребенок должен сменить на троне Вяйнемейнена, поэтому «русская партия» не хочет способствовать его рождению и, следовательно, перевороту в стране. Но она и не прибегает к насилию. Точно так же никто не поддерживает Вяйнемейнена, требующего умертвить младенца сразу после рождения. Отстраненный от власти, он с обидой уплывает из страны Суоми. Очевидно, вместе с ним страну покинули и многие руотусы. Финны действительно могли их называть «руотси». Но только это слово вторично по отношению к имени «русь». Впрочем, это и так было ясно после более чем двухвековых бесплодных попыток лингвистов-норманистов доказать обратное.

Мы не можем даже приблизительно назвать то время, когда венецкая династия перестала править в Финляндии. Так же трудно указать, в каких частях полуострова остались их поселения. Если же говорить об основной группе венов, то она сконцентрировалась на южном побережье Балтийского моря. Массовая миграция в эти земли роксолан (асов и ванов) значительно укрепила позиции венов в Прибалтике и Скандинавии. В середине I тыс. н. э. на юге Норвегии отмечена область Рогаланд — земля рогов. Присутствие ванов в качестве действующих лиц скандинавской мифологии говорит о том, что русские продолжали пребывать на полуострове,

но их роль в жизни скандинавских народов со временем уменьшалась.

В связи с историей образования Русского государства особый интерес среди историков приобрела проблема варягов. Известно, что они проживали на берегах Балтийского моря, но какова была их этническая принадлежность и что означает их имя? К настоящему времени, казалось бы, уже разобраны все мыслимые варианты ответа, и вроде бы ничего нового на этот счет сказать невозможно. И тем не менее попробуем привнести в исследование этого вопроса «свежую струю». Начнем с самого непонятного в варяжском вопросе — их имени. Одна из теорий выводит его из скандинавских языков, где корень «вар» означает «верность», «обет»; другая возводит к общеевропейскому значению этого корня, связанному с понятием «вода», откуда следует, что варяги — это просто поморяне, жители морского побережья. Каждая версия несомненно имеет свои достоинства, но для правильного решения проблемы имени, как мы уже не раз убеждались, недостаточно только прямолинейных лингвистических изысканий. Попробуем учесть вскрытый ранее нами факт миграции ариев-иранцев в прибалтийские и скандинавские земли.

В древнейшей книге ариев «Авесте» рассказывается о птице Варагн — мифической хищной птице. Магическое действие ее на судьбу пророка Спитама (предка Заратустры) объясняется в книге так:

Сказал Ахура-Мазда:

«Возьми перо, Спитама,

Широкрылой птицы,

Перо от птицы Варагн,
И, проведя по телу,
Пером заклятье снимешь
Ты своего врага.
Дают нам благо перья
И кости сильной птицы,
Могучей птицы Варагн,
Никто того не может
Сразить, повергнуть в бегство,
Кому дает удачу,
Кому дает поддержку
Перо той птицы птиц.
Его убить не может
Тиран или убийца,
Никто убить не может
Владельца пера —
Один он всех сразит!»
Пусть все меня боятся,
Владельца пера,
Пусть все враги боятся,
Все недруги боятся

Той силы и победы,
Что я с собой ношу.

Перо Варагна носит силу оберега, оно спасает от чужого заклятия; нелишне тут вспомнить и русскую сказку о Финисте, ясном соколе, и о волшебных свойствах его перышка. Варагн — священная, особо почитаемая птица, ее перья должны присутствовать в ритуале обращения к богу Войны и Победы — Вэртагне. Одно из его воплощений ветер, поэтому имя бога можно прочесть как несколько искаженное русское словосочетание «ветер-огонь», то есть «огненный смерч», что очень подходит в качестве образа войны.

Птицу Варагн традиционно отождествляют с «вороном», птицей бога войны у германцев и скандинавов — птицей, посвященной верховному асу Одину. Два ворона, Хугин и Мунин (буквально «Мысль» и «Память»), всегда сопровождают его. Но настоящие двойники Варагна обнаруживаются в русской и славянской мифологиях. Имя Варагн складывается из двух половин — «вар» («жар», «кипящая среда») и «агн» — «огонь». Варагн, таким образом, — это огненная птица или Жар-птица из русских сказок. Также просто теперь можно объяснить и происхождение имени славянского бога огня Сварога (Се Варога или Варагна). Сварог — мужская (более поздняя) ипостась Варагна. Для прибалтийских славян Сварог был верховным владыкой Вселенной, родоначальником всех светлых богов. Во мраке туч именно он возжигал пламя молний, являясь творцом небесного огня. Земной же огонь, по древнему преданию, был божественным даром, низведенным на землю в виде молнии. Разбивая громовыми стрелами тучи, Сварог выводил из-за них ясное солнце или,

выражаясь метафорическим языком древности, возжигал светильник солнца, погашенный демонами тьмы. Это картинное, поэтическое представление прилагалось и к утреннему солнцу, выходящему из-за черных покровов ночи (сравни явление Жар-птицы под утро, на заре). С восходом солнца, с возжением его светильника, соединялась мысль о его возрождении, и потому Сварог считался божеством, дающим жизнь Солнцу, его Отцом.

Итак, следы иранского божества обнаруживаются на Балтике. Значит, и это новый поворот в решении норманнской проблемы, варяги — это потомки аланов и роксоланов, мигрировавших в северо-европейские земли. И действительно, «роксоланы» и «савроматы» где-то у юго-восточного побережья Балтики упоминаются географом Равенским и многими авторами вплоть до позднего Средневековья. Собственно, на землях Скандинавии опять сошлись две ветви ариев: иранцы и индоарии, мигрировавшие сюда ранее вместе с киммерийцами и венетами. Для особо сомневающихся в этом укажем, что название полуострова Скандинавия образовано путем слияния имени бога войны индуистской мифологии Сканда (отсюда слово «скандал») и древнерусской богини загробного мира Нави. О рождении Сканда существует несколько мифов. По одному из них, он был сыном бога огня Агни (по числу упоминаний в ведийской мифологии этот бог стоит на втором месте после Индры) и Свахи (опять знакомый образ). Соединяясь с Агни, Сваха последовательно принимала облик шести жен великих риши. Согласно другому мифу Сканда — сын бога Шивы, входившего в верховную триаду индуистских богов, наряду с Брахмой и Вишну. Не надо много фантазии, чтобы сообразить, что

созвучия слов «Шива» и «Швеция» совсем не случайно, и здесь опять не обошлось без арийского вмешательства.

А тот факт, что прибалтийские славяне поставили Вараг-на-Сварога в качестве первобога, говорит о безусловном включении варягов в их жизнь и определяющем влиянии пришельцев-ариев на их культуру. Историкам известно племя «варинов» («варов», «вааров», «вагров»), проживавшее на южном берегу Балтики по соседству с датчанами, занимавшими полуостров Ютландию. Варины принадлежали к группе вандальских племен. Их, как правило, и отождествляют с варягами.

Выделение варягов в отдельное племя (вторая половина VIII в.) и соответственно их обособление от шведов, норвежцев, финнов, датчан свидетельствует о резком этническом размежевании в среде скандинавов. Молодые скандинавские народы в то время яростно делили карту полуострова. Кульминацией этой борьбы стала битва при Бравалле (территория Швеции близ побережья Балтики). Формальной причиной битвы был конфликт между датским королем Харальдом Хильдетандом и его племянником Сигурдом Рингом, правившим в Швеции. Но армии каждого из правителей включали и множество других народов. Практически все народы Северной Европы приняли участие в этой битве на той или иной стороне. Но если основную часть войска Сигурда составляли жители шведских и норвежских областей Скандинавского полуострова, то состав армии Харальда отличался большой пестротой. Причем во многом облик войска Харальда определялся не датчанами. Были в нем и венды-русы, и славяне. Анализ источников, содержащих рассказ об этой битве, позволяет сделать вывод, что в войске Харальда

сражалось три русо-славянских отряда. Каждый из них возглавляла женщина, их имена — Хета, Висна и Вебьорг, и тут невольно вспоминаются «женоуправляемые сарматы» — аланы! Хета и Висна именовались герцогинями и правили областью Шлезвиг (территория Германии, современное название области Шлезвиг-Гольштейн). Все три девственницы (Саксон Грамматик) сыграли заметную роль в битве: Хета несла перед войском датское королевское знамя, Висна сражалась с сильнейшим воином шведов, да и Вебьорг ничуть не уступала им в доблести. Обобщая сведения Саксона Грамматика о войске Харальда, профессор Е. В. Кузнецов сделал вывод, что «едва ли скандинавы составляли в нем большинство». Таким образом, против монолитной шведско-норвежской армии Сигурда Ринга сражалась коалиция племен, стержнем которой были нескандинавские и, прежде всего, русские и славянские, воинские отряды. Бравалльское сражение следует назвать второй «битвой народов» раннего Средневековья (после битвы на Каталаунских полях). Армия, которую в основной своей массе поддерживали русы, опять проиграла. Следствием поражения стал исход их соплеменников и дружественных им племен из Скандинавии. Поселившись на землях южной Балтики, они стали именоваться варягами. Объединяла их память о том, что они выходцы из южнорусских областей, что их предки — арии, поклонялись священной птице Варагн.

Южная и Восточная Балтика с давних пор была «приписана» венедам или ругам (русам), поэтому русские составляли значительную часть народа варягов. В этом смысле указание Лаврентьевской летописи, что новгородское посольство для призвания оттуда верховного князя было направлено «к варягам, к руси,

ибо так звались те варяги — русь», должно убедить всякого, что наш первый князь Рюрик по происхождению был русом.

История призвания Рюрика достаточно полно восстанавливается по фактам, сохраненным «иоакимовской» и «никоновской» летописями. Объединение двух этих источников дает такую картину. У новгородского старейшины Гостомысла была большая семья, что в условиях узаконенного обычая многоженства не являлось редкостью. Но вместе с тем еще отсутствовал твердый порядок наследования (лишь в середине XI в. Ярослав Великий введет «лестничную» систему наследования великокняжеской власти). Преемника уходившему из жизни правителю определяло вече, поэтому заботящийся о городе властитель должен был предусматривать возможный ход событий в будущем. Это собственно и сделал Гостомysl: народу, собравшемуся после смерти князя, было рассказано о «вещем сне», которым тот выражал свою волю: пригласить одного из сыновей своей «средней «дочери У милы, находившейся замужем за «заморским князем» — варягом. Воля Гостомысла, если верить Никоновской летописи, достигла цели. Вот отрывок из нее: «... собравшись, они решали о себе: поищем между себя того, кто бы был у нас князем и управлял нами, поищем и уставим такого или от нас, или от хазар, или от полян, или от дунайцев, или от варягов. И был об этом великий спор: одни хотели одного, другие — другого: так, посоветавшись, послали к варягам». Из текста явствует, что рассматривались варианты призвания князей из самых разных народов, при этом этническая принадлежность, кажется, вовсе не интересовала собравшихся. Так, может, уточнение Лаврентьевской

летописи относительно варягов-руси не соответствует действительности?

Здесь уместно процитировать важнейший для всей нашей темы источник — отрывок из «Северных писем» французского автора К. Мармье (1857 г.): «Другая традиция Мекленбурга заслуживает упоминания, поскольку она связана с историей великой державы. В VIII в. нашей эры племенем ободритов управлял король по имени Годлав (это германская транскрипция имени Годолоуб. — А.А.), отец трех юношей, одинаково сильных, смелых и жаждущих славы. Первый звался Рюриком, второй Сиваром, третий Труваром. Три брата, не имея подходящего случая испытать свою храбрость в мирном королевстве отца, решили отправиться на поиски сражений и приключений в другие земли. Всюду, где братья встречали угнетенного, они приходили ему на помощь, всюду, где вспыхивала война между правителями, братья пытались понять, какой из них прав, и принимали его сторону. После многих благих деяний и страшных боев братья, которыми восхищались и которых благословляли, пришли в Руссию. Народ этой страны страдал под бременем долгой тирании, против которой никто больше не осмеливался восстать. Три брата, тронутые его несчастьем, разбудили в нем усыпленное мужество, собрали войско, возглавили его и свергли власть угнетателей. Восстановив мир и порядок в стране, братья решили вернуться к своему старому отцу, но благодарный народ упросил их не уходить и занять место прежних королей. Тогда Рюрик получил Новгородское княжество, Сивар — Псковское, Тру вар — Белозерское. Спустя некоторое время, поскольку младшие братья умерли, не оставив детей, Рюрик присоединил их

княжества к своему и стал главой династии, которая царствовала до 1598 года».

Древнее предание, записанное и донесенное до нас французским писателем, не содержит никаких упоминаний о варягах. Согласно ему, Рюрик возглавлял большой славянский союз ободритов (бодричей), существовавший на территории сегодняшней немецкой «земли» Мекленбурга. С ними на востоке соседствовали руги, но говорить о тождестве двух племенных групп нельзя. Так кем же по данной версии был Рюрик и его родичи — ругами или ободритами?

Логичнее и проще начать с его имени. Исследователи северных древностей согласны, что имя «Рорик», в том числе и в форме «Роерик», «Рюрик», сохраненное сагами и «Эддой», среди скандинавских имен встречается крайне редко. Об этом в свое время писал автор капитального двухтомника «Варяги и Русь», выдающийся историк-антинорманист С. А. Гедеонов (1815–1878), полагавший, что «для шведского конунга имя Ререк так же странно и необычно, как для русского князя — имя Казимира или Прибислава». Русское прозвище Рюрик является синонимом немецкому слову Рерик (Рерих), но Рерик, Рюрик — это не немецкие по своему происхождению имена. Германская знать заимствовала его у жителей Римской империи. Так, ближайшие параллели имени Рюрик связаны с Лиможем переходного от античности к Средневековью времени. Два епископа этого аквитанского города (Аквитания — одна из провинций Рима) носили имя Ruricius. Один из них руководил церковной жизнью жителей Лиможа на рубеже V и VI вв., другой занимал епископскую кафедру несколькими десятилетиями позднее. В римскую эпоху антропоним Руриций, Рурикий был чрезвычайно

распространенным. В западных летописях содержатся сведения о датском (ютландском) конунге, носившем это имя, и многие исследователи признают, что он мог стать историческим прототипом нашего Рюрика (о чем чуть дальше). Известно и другое: на землях ободритов в VIII–IX вв. существовал город-порт Рерик. Летописец франкского императора Карла Великого Эйнхард писал, что в рыночном городе Рерике правил князь ободритов и что название города взято им от датских информаторов. Историк бременского епископства, которое руководило христианской проповедью среди прибалтийских славян, Адам зафиксировал, что ободриты звались также ререгами — по имени наиболее мощного племени, контролировавшего приморский торговый город. Получается, что «славянский» город, «славянский» князь и наиболее сильное племя «славянского» племенного союза носят одно и то же имя, но имя не славянское. «Разрешить этот парадокс можно, если вспомнить, что славяне того времени не знали письменности и к тому же были чужды христианской религии, а все письменные свидетельства, дошедшие до нас, написаны на латинском языке христианами, происходившими из германской среды. Иначе говоря, латинские памятники того времени фиксируют лексику немецких диалектов, родных для писателей, а отнюдь не разговорную славянскую речь. Следовательно, логично предположить, что немецкое «рерик» — обработка какого-то славянского слова на немецкий лад. По законам славянского произношения немецкое «ререги» звучало у славян как «рараги», «рароги». И, соответственно, славянское «рароги» («рараги») должно по законам немецкой фонетики произноситься как «ререги» (Е. В. Кузнецов. Славяне и

русы: очерки по истории этногенеза (IV–IX вв.). Но Рарог — это славянское божество!

Славяне мыслили Рарога в виде светозарного огненного духа, связанного с древним поклонением огню и домашнему очагу. Согласно чешским поверьям, Рарог может появиться на свет из яйца, которое девять дней и ночей человек высиживает на печи. Рарога представляли в виде хищной птицы с искрящимися, пламенеющими перьями, вырывающимся из клюва пламенем — или просто в виде огненного вихря. Рарог — это славянский Феникс, умирающее и воскресающее божество, известное русским как Финист, — Ясный сокол. Не случайно его представляли соколосподобным! Да и племенным знаком ререгов был сокол.

Итак, имя Рюрика и этноним его племени происходят от названия священного сокола — Рарога. Сокол был геральдическим символом князей-рюриковичей. Еще одним подтверждением смысловой идентичности сокола с именем Рарог-Рюрик служит княжеская символика рода Рюриковичей. Как известно, она имеет форму трезубца, и в этом смысле стала основой украинской государственной геральдики. Между тем С. А. Геденов высказал версию, что знаменитый «трезубец» на самом деле является стилизованным изображением сокола. Но если Рарог — синоним Сокола, то племя ререгов можно называть также соколосами или сколосами. Относительно последних никто не станет утверждать, что они скандинавы! Ререги-сколосы пришли в прибалтийские земли с Русской равнины, они предки русских и не случайно, что германские хронисты причисляли Рюрика не к немцам или скандинавам, а к потомкам древних рогов.

Всякого независимого исследователя не может не впечатлить то обстоятельство, что названия племен варягов и ререгов связаны с названиями божественных птиц, священных тотемов их народов. Это говорит о безусловном единстве культур двух этих народов, тем более что Варагн, по существу, является «двойником» Рарога. Забегая несколько вперед, откроем, что и племенное название славян можно производить от древнерусского «славий» — «соловей», а Соловей-разбойник, с которым сражается Илья Муромец, — божество древних славян. Одинаковый принцип в выборе названия племени указывает на факт глубокого духовного единства варягов, русов и славян.

Европейские источники содержат ряд данных, которые позволяют восстановить в общих чертах биографию первого русского князя. В 808 г. датский король Готфрид, пытавшийся в противовес империи франков объединить Данию, Норвегию и Швецию в одно мощное государство, предпринял поход против ободритов. Этот поход также можно рассматривать и как продолжение бравалльской битвы: скандинавы сообща вытесняли с Балтики потомков венедов. Кроме того, гнев датчан мог обрушиться на ободритов еще и потому, что они были союзниками Карла Великого. В своих войнах с саксами Карл столь часто опирался на помощь ободритов, что Анналы (франкская летопись) называют их даже «наши славяне». Готфрид захватил Рерик и сжег его. По всей вероятности, семейству Рорика-Рюрика пришлось бежать к другим славянским племенам или даже к союзным франкам. Во всяком случае, в 826 г. Рорик, согласно «Вертинским анналам», принял крещение от франкского императора Людовика Благочестивого (сына Карла Великого) и получил в лен

область «Рустринген во Фрисланде». Цветущая и богатая земля фризов (Фрисланд), расположенная между Рейном и Везером на побережье Северного моря, не только примыкала на востоке к славяно-русским землям, но и была тем центром, откуда на берега Балтики и на восток шли многочисленные товары и ремесленные изделия. Фризский экспорт играл важную роль в торговле таких западнославянских городов, как Волин, Колобжег, Ретра, Старград и другие. Фризские изделия археологи находят на острове Готланд, в Норвегии и Швеции, на землях Восточной Прибалтики, в Ладого и в Новгороде на Волхове. Фризы были союзниками венецов и славян в битве при Бравалле. Имена предводительниц славяно-русских отрядов в той битве — Хеты и Висны безусловно фризские. Это позволило Е. В. Кузнецову предположить, что Фризия на тот момент принадлежала славянам. В начале IX в. ситуация вполне могла измениться, но имя земли, предоставленной во владение Рорику, — Рустринген (буквально «ринг рустов» или «область руссов»), говорит скорее об обратном.

К середине IX в. Фризия становится одним из постоянных объектов набегов викингов, которые начинают грабить империю франков, и без того раздираемую войнами между сыновьями Людовика. Рорик оказывается в непростой ситуации, когда ему необходимо было лавировать между двумя силами. Но то, что он в итоге отпадает от христианства и лишается (в 40-х гг.) своих владений в Рустрингене, говорит о его выборе в пользу викингов. В 843 г. большая норманнская эскадра появилась в Нанте, захватила и сожгла город, а затем в качестве временной базы заняла остров Нуармутье в устье Луары. Отсюда они на следующий год совершили набег на города по течению Гаронны, дойдя

до Бордо, потом направились на юг, взяли Ла-Корунью, Лиссабон и достигли Африки. На обратном пути варяги высадились в Андалусии (искаженное название Вандалусии — по имени вандалов, побывавших здесь ранее на несколько веков) и захватили Севилью. Может быть, состав их дружины был интернациональным, но национальность тех, кто штурмовал Севилью, местный хронист Ахмед-ал-Кааф называет однозначно: это были русы. И у нас есть все основания предполагать, что предводителем у них был Рюрик.

В 845 г. ладьи Рорика поднялись по Эльбе и разорили города вдоль ее течения. Другими словами, Рорик отвоевал у датчан земли ободритов. А в 850 г. сообщается, что он, командуя флотом из 350 кораблей, обрушился на Англию. Войны норманнов в Западной Европе нельзя представлять только как разбойничьи набеги, хотя и такие акции безусловно присутствовали. Но в целом это были хорошо продуманные удары по центру франкской империи и английского королевства. Дружины Рорика были участниками крупной геополитической игры, где варяги боролись за свой «кусочек пирога»: права независимо управлять землями славян и отчасти фризов. И, надо признать, что эта программа им отчасти удалась. Военные успехи Рорика вынудили императора Лотаря (сына Людовика Благочестивого) вновь признать права русского князя на Фрисланд (850 г.), но через четыре года он опять отнял эту область. Думается, что здесь не обошлось без военного столкновения. И, похоже, что с этого момента отношения Рорика с франками безнадежно испортились. Рорику-Рюрику ничего не оставалось, как возвратиться на земли ободритов.

Конец восьмого века и два следующих столетия можно назвать первым этапом возвращения германцев на восток. За это время ими были колонизированы земли верхнего Дуная и восточных Альп, территории к востоку от Эльбы. Немецкие миссионеры и рыцари все увереннее чувствовали себя в Моравии, Чехии, Польше, на землях между Эльбой и Одрой. За ними тянулись торговцы, ремесленники, земледельцы. Каролинги (потомки Карла Великого) создали новое и наиболее совершенное по тем временам сухопутное войско — тяжело вооруженную конницу закованных в железо могучих бойцов на крупных, сильных, также закованных в железо конях. Этими «танками Средневековья» были истреблены авары, разбиты арабы... Пешие славяне, имевшие легкое вооружение, начиная с некоторого времени, уже не могли достойно противостоять им, и их безопасность поддерживалась только за счет военной мощи варягов. В этой ситуации перед балтийскими племенами русов и славян со всей очевидностью встала проблема переселения на новые земли. Вот почему Рюрик и его народ (варяги-русь) охотно откликнулись на приглашение новгородцев прийти в их земли.

Но ясно, что не все русы покинули побережье Балтики вместе с Рюриком. Часть оставшихся создала свои «опорные» поселения на полуострове Ютландии, на южном и норвежском берегах Северного моря. Из этих мест они совершали пиратские рейды в Атлантику, вплоть до юга Пиренейского полуострова. Однажды они даже захватили и разграбили шведскую столицу Сигтуну. Русы продолжали разбойничать даже в XII в., когда в Скандинавии движение викингов уже сошло на нет. Так, в 1136 г. славяно-русская эскадра под руководством князя Ратибора и воеводы Унибора разорила город

Конунгхаллу. Другая судьба ждала те группы русов, которые обосновались западнее (Тюрингия, Люксембург) или южнее (Италия), они влились в складывающиеся здесь германские народы средневекового времени, а позднее разделили их судьбу.

На востоке Балтики русы укрепились на северо-западе современной Эстонии, где выстроили крепость Роталу (современная Хаапсалу), а также на близлежащих островах. Название одного из эстонских островов Даго (вспомним филистимлянского Дагона, этрусского Тага и русского Дажьбога) связано с именем местного русского правителя, известного из текста «Датской истории» Саксона Грамматика. Он же сообщает о русском конунге Олимаре, правившем на русских землях Эстонии и подчинившем себе на какой-то срок племена, обитавшие на юго-западе современной Финляндии и на северо-западном побережье Ботнического залива, а также эстов, куршей и др. Какая-то часть этого побережья даже после шведской колонизации так и называлась — «Берег россов».

Особую известность среди прибалтийских народов приобрел остров Рюген в Балтийском море, населенный русами и славянами. Храм Свентовита, расположенный на «русском острове» (Ругене, Руяне — последнее имя в IX–XI вв. было больше в ходу), являлся крупнейшим культовым центром русских и славянских племен. Здесь уместно обратить внимание на то, что в германских источниках XI–XII вв. жители острова Руяны чаще всего называются *ranī*, *ranpī*, *ranīi*, а не руги, как было за тысячу лет до этого, когда писал Тацит. Раны — славянская форма названия народа, почитающего бога Яра-Рая, то есть арийцев. Германская форма названия русских («руги») вытесняется славянской. Это, с одной

стороны, свидетельствует о славянизации прибалтийских русов, а с другой — говорит о реальном восстановлении памяти некоторой части русов относительно истоков своей истории и культуры.

Славяно-русы Рюгена упорно защищали и отстаивали свою независимость и языческую религию. Только в 1168 г. датчанам удалось сломить их сопротивление и насильно упразднить культ Свентовита. На острове были организованы колонии немецких переселенцев, в течение веков они поглотили местное население. От тех далеких времен, когда остров населяли наши предки, остались многочисленные каменные могильники и курганы, а также географические названия. О них пишет В. Чивилихин в романе-эссе «Память». На острове Рюген, например, у мыса Герген (Горный) стоит огромный гранитный утес Buskahm (Божий Камень), Swantegara (Святая Гора), в устье реки Дивеновы деревня Swantust (Святое Устье); и сегодня на Рюгене в названиях местечек звучат славянские понятия — Позериц (Поозериц), Густов, Медов.

В X–XII вв. здесь, на высокой скале, находился город Аркона, разрушенный датским королем Вальдемаром. Археологические раскопки подтвердили все известия об Арконе, содержащиеся в исторических документах, сохранились и остатки крепостных укреплений. Память об острове Руяне приобрела сказочный ореол. Руян был богатым островом, Арконский храм был первенствующим святилищем Поморья, у него были обширные поместья, дававшие ему доход, в пользу его собирались пошлины с купцов, торговавших в Арконе, и с промышленников, ловивших сельдей около острова. И очень может быть, что именно его имел в

виду А. С. Пушкин, когда писал в «Сказке о царе Салтане»:

Остров на море лежит,
Град на острове стоит
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами...
Все в том острове богаты,
Изоб нет, везде палаты...

Долговременное присутствие русских в Прибалтике — факт неоспоримый, другое дело, что о мирной жизни, начиная с некоторого момента, им невозможно было даже помыслить. С конца XII в. католическая церковь продвигается в Прибалтику со стороны Польши сначала с крестом. Но уже в начале XIII столетия на первый план выходит меч. Бременское и датское архиепископства с благословления Рима, с помощью орденов меченосцев и тевтонов, «охочих» людей из Германии, Дании, Готланда, Швеции бросились убивать и грабить, схватываясь между собой из-за награбленной добычи. Это одна из самых позорных страниц «миссионерской» деятельности католической церкви, один из самых мрачных периодов в истории прибалтийских народов, когда было зверски убито бесчисленное число людей. Но было и сопротивление крестоносцам. Его центром стал, ныне эстонский, остров Сааремаа. На каком языке там говорили в это время и во что верили его жители — тема пока ненаписанных монографий. Но и век спустя их будут называть русскими. Это они возглавили восстания против Ливонского ордена в 1236, начале 50-х, в 1260 гг., в конце столетия. Всякий раз остров вроде бы разоряли

дотла. Но и в большом восстании против Ливонского ордена (1343–1345) остров будет важнейшим оплотом восставших. Далее — иная история. «Русские» села, деревня Вендевер близ Вендена (поселение венедов), «Русен Дорп» — это уже объекты, пожалованные новым хозяевам.

«Русский след» в истории Прибалтики проявляется так отчетливо, что его не может не заметить любой сколь-нибудь непредвзятый исследователь. Наш знаменитый историк Н. И. Костомаров даже выводил русь из Литвы, из балтийского поморья в низовьях реки Неман, которая по-литовски называется Русь. А знаете ли вы, например, что большая часть «Литовских летописей» написана вовсе не литовцами и не о литовцах? Это летописи западных русских княжеств, которые написаны русскими людьми на русском языке. Только одна из них, «Летописец князей Литовских», повествует о литовцах — о великих князьях литовских, потомках великого князя Гедиминаса. Но и она написана на русском языке, классической кириллицей. Это очень огорчает некоторых литовских националистов, которым хочется, чтобы литовцы изначально были бы настоящими европейцами, писали бы латинским алфавитом и не имели бы ничего общего с этими «ужасными» русскими. Но история распорядилась иначе.

ГЛАВА 18

РУССКИЕ И СЛАВЯНЕ

*Пойми великое
предназначение*

*Славянством
затаенного огня:
В нем брезжит слава
завтрашнего дня
И крест его всемирное
служенье.
Двойным путем ведет
его судьба —
Она и в имени его —
двуглава:
Пусть *sclavus* — раб, но
Славия есть СЛАВА:
Победный нимб над
головой раба.*

М. Волошин

Одним из первых крупных славистов, поставивших проблему происхождения славян на научную основу, был выдающийся чешский ученый Павел Шафарик. Как и все ученые первой половины XIX в., он строил свои заключения на данных письменных источников и языка (в частности, топонимики), привлекая в качестве дополнительного материала этнографические сведения. Ему приходилось спорить с немецкими учеными, которые на карте Европы просто не оставляли места славянам: их либо «приводили» с гуннами в IV–V вв. из Азии, либо «помещали» на небольшом острове в Пинских болотах (бассейн реки Припять). Шафарик доказывал, что «народ славенский уже в отдаленнейшую эпоху был велик и многолюден и жил с незапамятной поры в Европе

оседлым, т. е. со времен той глубокой древности, в которую стали обитать в Европе родственные ему народы: фракийский, греко-латинский, кельтский, немецкий и литовский».

В конце XIX в. в науке намечается известный сдвиг, во-первых, за счет определенных успехов сравнительного языкознания, во-вторых, благодаря появлению новых (археологических и антропологических) типов источников. Крупнейшим опытом сведения разнообразных данных явилась работа чешского археолога Любора Нидерле, называвшаяся «Славянские древности» (1904 г.). В ней он писал: «В настоящее время... славяне не составляют одного народа, с одним языком и одинаковой культурой, не представляют они и политического единства. Теперь только наука или политическая идея и политические стремления говорят время от времени о едином великом славянском народе. Действительность не знает одного народа, а также, насколько отодвигаются в глубь веков письменные источники, мы видим всегда перед собой только разрозненные, необъединенные племена, и такая история славян тянется до начала христианской эры. Тем не менее, нет сомнения, что ряд современных и исторических славянских племен составлял некогда одно целое, распавшееся на части в течение долгих веков. Это весьма важный пункт, от которого мы должны отправляться, начиная говорить о происхождении славян. Славяне существуют не только в течение того краткого времени, о котором мы знаем из письменных источников, но, как и все великие народы, имеют за собой гораздо более длинное прошлое, и нет сомнения, что доисторический период по своей продолжительности далеко превосходит их историческую жизнь».

Положение Нидерле о существовавшей некогда общности славянских народов является ныне общепринятым. Другое дело, что ученые продолжают спорить о том, в каких же географических пределах следует локализовать прародину славян. Ключевая идея археологов состоит в том, что фазе единства должна отвечать общая для всех праславян археологическая культура. По мнению академика Б. А. Рыбакова, область прародины находилась между Днепром и Одером. Эту позицию разделяют, однако, не все специалисты. Многие из них высказываются в пользу дунайской прародины славян, в частности, именно в Подунавье на рубеже III и II тыс. до н. э. антропологами локализуется условный славянский тип. Не настаивая на приоритете какой-либо из этих точек зрения, мы ограничимся осторожным утверждением, что славянская прародина находилась внутри территории, ограниченной течениями Одера, Дуная и Днепра. С такой формулировкой согласятся все без исключения слависты. Но из нее следует вывод, который очень непросто «уложить» в привычную схему классификации славянских народов.

С одной стороны, прародина ариев, предков русского народа, нерасторжимо связана с Волгой, с другой же нас приучили повторять, что русские — это восточные славяне. Однако такая формулировка вполне справедлива лишь для II тыс. н. э.! Надеемся, мы достаточно убедительно показали, что, как только исследователь «привязывает» русских исключительно к славянскому миру, он нарушает целостность нашей истории. Близкое родство ариев (проторусов) со славянами объясняется тем, что первая миграция ариев была направлена в праславянские края. Прежнее название Дуная — Истр — означает «Есть Яр». Имя

Днестр представляет уже сочетание трех слов «Дану есть Яр» (Дану по-арийски «река»). Оба названия связаны с именем бога Яра, следовательно, арии жили в бассейне этих рек. Более того, поскольку название Днестра сохранилось до наших дней, можно заключить, что Приднестровье было одним из крупнейших центров концентрации ариев.

Итак, имена Истра и Днестра относятся к числу арийских топонимов, а область памятников трипольской археологической культуры, созданной ариями в бассейне этих рек, накладывается на земли прародины славян. Переселенцы-арии пришли сюда с берегов Волги еще в IV тыс. до н. э. Очевидно, что они оказали влияние на автохтонное население, поэтому правильнее было бы говорить о славяно-арийской прародине в центре Европы. При таком подходе прекрасно совмещаются две упоминавшиеся выше концепции славянской прародины. Собственно славянам принадлежали северные области от Одера до Днепра, а в более южных, придунайских землях, проживали преимущественно арии. Выдающейся заслугой славянских народов является то, что они сумели сохранить в целости и сохранности некоторые

древнейшие «культурные пласты» ариев. Подунавье можно смело назвать второй прародиной ариев. Предки славян участвовали в тех миграциях древних ариев, которые проходили через Подунавье — в Грецию, Малую Азию, Месопотамию и страны Средиземноморья. Во всяком случае, можно с полным основанием утверждать, что праславяне были частью народа пеласгов, известных позже как филистимляне.

Знаменитая Певтингерова таблица удостоверяет, что в начале I тыс. в междуречье Дуная и Днестра (юго-восточнее Карпат) проживали венеды. Видимо, в их число входили и борисфениты (союз борусков и венетов), отступившие из Поднепровья под натиском сарматов. Историкам раннего Средневековья «дунайские венеды» известны под именем антов, народа «бесчисленного и храбрейшего» (Маврикий, VI в.). V–VI вв. анты восстановили контроль над Поднепровьем и северным побережьем Азовского моря, благо им помогали ванны-венеты, подоспевшие из Закавказья. Со страниц письменных источников имя антов исчезает в самом начале VII в. Но в то же самое время на той же территории отмечено присутствие «народа рос»!

Западными соседями антов были славяне. Прокопий Кесарийский (VI в.), подчеркивая близкое родство славян и антов, отмечает, что они ничем не отличаются друг от друга по внешнему виду, говорят на одном и том же языке. «Да и имя встарь у склавинов (славян. — А.А.) и антов было одно. Ибо и тех и других издревле звали «спорами». Спорыш в восточнославянской мифологии воплощение плодородия. Его представляли в виде белокудрого человека, который ходит по полю, иногда вместе с Богом и Раем (Яром). Первоначально Спорышем называли двойное зерно или двойной колос, который в

славянской традиции рассматривался как близнецный символ плодородия, называемый «царь-колос». При отправлении архаичных аграрных обрядов из двойных колосьев плели венки, варили общее («братское») пиво. Своими отдельными чертами Спорыш напоминает и Яра, и Ивана, и Леля. Так же как их имена, его имя было использовано в качестве названия союза праславянских и арийских племен в Подунавье. Близнецную символику культа Спорыша можно интерпретировать в данном случае как указание на этническое родство славян и антов (потомков ариев), а в его «дружбе» с Яром видеть хорошо известный факт усвоения славянами элементов арийской культуры.

Теперь о самом имени «славяне». Оно впервые упоминается историками при описании событий VI в, когда славяне вместе с антами стали угрожать Византии. До того славянские племена находились под игом Рима. В связи с этим уместно вспомнить об одном персонаже римской мифологии — боге Сильване. В период Римской республики Сильван не имел официального культа и был мало известен. Однако во времена империи он стал самым популярным богом плебеев и рабов. В нем видели покровителя культурного земледелия, хранителя дома, защитника от захватчиков, могучего верховного бога, а также человека, подобно Гераклу, заслужившего апофеоз за труд на благо людей. Его благодарили за исцеление, удачу, освобождение от рабства, от него ждали награды в загробной жизни за честный труд. Противостоя богам официального пантеона, он как бы воплощал протест народа и рабов против морали и культуры высших классов. Последние же причисляли Сильвана к «черни земных богов», трактовали его как мятежника и врага богов небесных.

Русской параллелью Сильвану служит... Соловей-разбойник. Соловей — хозяин леса, он свил себе на двенадцати дубах гнездо и, сидя в нем, свистал так сильно и громко, что все низвергал своим посвистом, словно напором стремительного вихря. «В образе Соловья-разбойника народная фантазия олицетворяла демона бурной, грозовой тучи. Имя Соловья дано на основании древнейшего уподобления свиста бури громозвучному пению этой птицы» (Афанасьев А. Н.). Образ этого лесного чудища прекрасно соответствует изначальным представлениям римлян о Сильване как божестве лесов и первозданной природы. Славяне сохранили наиболее архаические его черты, и это доказывает, что они непосредственно участвовали в создании и оформлении его культа. Старославянская форма слова «соловей» — «славий». От нее произошло как имя Сильван, так и название племени славян. По описанию арабского писателя Ибн-Даста (X в.), «страна славян — страна ровная и лесистая; в лесах они живут. Они не имеют ни виноградников, ни пашен». Для жителей лесов естественно было связать название своего племени с именем их главного хранителя Соловья.

У Соловья-разбойника помимо прозвища было, как известно, и отчество — Рахманович. Рахманы — загадочные персонажи древнерусских сказаний. Они — обитатели Островов Блаженных на краю Океана. В древнерусской литературе известно по меньшей мере два сюжета, связанные с рахманами. Первый — «Слово о рахманах и предивном их житии», где описывается жизнь долгожителей-рахманов, полная изобилия и радости. Их остров на краю Океана якобы посетил Александр Македонский во время похода на Индию. В связи с этим принято считать, что рахманы — это индийские жрецы

брахманы. Но имеется и второй источник, гораздо более распространенный среди древнерусских книжников, где никакая Индия не упоминается. Те же Острова Блаженных и царящая там райская жизнь подробно описаны в апокрифе, известном под названием «Хождение Зосимы к рахманам». Здесь рассказано, как к пустыннику Зосиме после 40-дневного поста явился ангел и указал путь к далекой земле Блаженных, отделенной от грешного мира глубокой, как бездна, рекой, недостижимой ни для птиц, ни для ветра, ни для солнца, ни для дьявола. По волшебному дереву, склонившемуся перед отшельником, Зосима переправился через реку и очутился в стране Блаженных. В русском апокрифе она описывается в духе классического золотого века с поправками на христианские представления о праведности. Обитатели той блаженной страны — рахманы — живут в своей неприступной земле без греха, верные завету праотца Рехома, не испытывая ни в чем никакой нужды. Безмятежно течет их праведная жизнь: нет у них числа лет, но «все дние аки един день ее». В данном пассаже налицо несомненные полярные реминисценции: скрытые в иносказательную форму представления о долгом полярном дне, объединяющем много обычных дней. Философ В. Н. Демин полагает, что этими священными островами могли выступать Соловки, название которых этимологически связано с именем Соловья и где сохранились следы древней культуры — таинственные лабиринты Беломорья.

Но в связи с этнонимом «рахманы» более уместно, на наш взгляд, вспомнить о прибалтийских русах, которых другие народы называли рахами, раксами и т. д. Арии мигрировали не только в далекую Индию, но и в прибалтийские страны, поэтому и «индийские

брахманы», с которыми встречался Александр Македонский, и северные рахманы, обитающие в «полуночных» землях — суть последователи одной и той же школы жрецов. Поэтому Соловей-разбойник должен восприниматься как божество, культ которого унаследовал арийские религиозные традиции.

У южных и западных славян не сохранилось никаких упоминаний о божественном Соловье, но они присутствуют в мифологии восточных славян (русских). Поскольку, если Соловей-Славий был, прежде всего, богом русского народа, то значительная часть русов могла изменить своему древнему родовому имени и «стать» славянами. Отсюда следует, что роль русских в славянском этногенезе была исключительно велика.

Русский былинный эпос знает и другого Соловья — заморского купца Соловья Будимировича, плывущего в Киев на Соколе-корабле:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота акиян-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омоты днепровские.
Из-за моря, моря синева,
Из глухоморья зеленова,
От славного города Леденца,
От того-де царя ведь заморскаго
Выбегали-выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей един корабль

Славнова гостя богатова

Молода Соловья сына Будимировича.

Имя купца позволяет видеть в нем представителя славянского племени. Отец его Будимир тоже носит славянское имя. Но что это за неведомый город Леденец? Леденец — значит Ледяной, находящийся где-то на севере. В поморском варианте этой былины, приводимом Борисом Шергиным, прямо говорится, что корабль купца прибыл «из-за моря, моря Студеного». Снова возникают ассоциации с прибалтийскими странами. Но в Прибалтику славяне пришли, что называется, по следам русских. Славянская колонизация Поморья, а потом и Русского Севера происходила при непосредственном содействии русских. Не случайно славянин Соловей Будимирович плывет на корабле, название которого совпадает с русским тотемом. Символизм русской былины впечатляет: корабль с надписью на борту «Рарог» проходит путь «из варяг в греки»!

О дружественных отношениях новгородских славян (словен) с балтийскими русами можно узнать из знаменитой легенды о призвании варягов. Перескажем ее теперь в варианте, записанном в «Повести временных лет». Варяги из заморья брали дань с местных племен. С какого времени и как долго, летописец умалчивает. В 860 г. племена, платившие дань, изгнали варягов и стали сами управлять своей землей, но не было среди них правды и восстал род на род и были среди них усобицы. И тогда собрались вместе представители враждующих племен и решили искать князя, который управлял бы ими по праву. «И пошли послы их за море к варягам, к руси, ибо эти варяги звались русь...» и позвали их княжить и управлять. И вызвались три брата с родами своими,

взяли с собою всю русь и пришли вначале к словенам и срубили город Ладогу. В Ладоге сел старший брат Рюрик, Синеус укрепился в Белоозере, третий Трувор — в Изборске. И от этих варягов-руси появилось название Русская земля. А до этого люди новгородских земель назывались словене. К этому интересно добавить, что и позднее, вплоть до конца XV в., до включения новгородских территорий в состав Московского государства, имя словене, а не русы, русские было для новгородцев родным. Даже в XV в. в переписке с Иваном III они противопоставляли свои славянские обычаи русским порядкам московских государей. Легенда кончается сообщениями о смерти Синеуса и Тру вора, строительством Рюриком «Нового города при истоке Волхова из Ильменя. «Повесть временных лет» содержит также информацию относительно размеров державы Рюрика: от Полоцка на Западной Двине до Ростова Великого и Муром на Оке.

Совсем по-другому проходила славянская колонизация юга и центра России, где они непосредственно столкнулись с русскими. Об их противостоянии в Поднепровье в метафорической форме рассказывает былина «Илья Муромец и Соловей-разбойник». Соловей заложил дорогу прямоезжую к Киеву ровно на тридцать лет: никакой человек по ней не прохаживал, зверь не прорыскивал, птица не пролетывала. Здесь поэтически выражено главное противоречие славяно-русского общежития. Росы (анты) были народом земледельческим, значительная их часть проживала в городах. Славяне, наоборот, стремились обжить в первую очередь лесные пространства. В случае опасности они легко могли менять свое расположение. А когда чувствовали силу, то

занимались грабежом и разбоем на дорогах. За эту черту славян их бог Соловей и получил прозвище «разбойник».

Победил Соловья-разбойника не какой-нибудь воин неведомого рода, а «славный богатырь святорусский» Илья Муромец. В этом сказочном событии следует усматривать отражение реального факта включения славян в состав племенного союза, возглавляемого причерноморскими и приазовскими росами. Родину Ильи одни исследователи связывают с Муромом, другие — с городом Моравийском, что на Черниговщине. В первом случае в нем следует видеть вятича, во втором — северянина. Оба эти племени проживали на Русской равнине задолго до прихода славян. Племя северян было известно античным авторам под именем борисов или борусков (от греческого слово «северный»). Объединившись с пришедшими в Поднепровье из-под Трои венетами, они стали называться борисфенитами. Об этом союзе племен упоминает еще Геродот (V в. до н. э.). Впоследствии имя «северяне» в названии племени было восстановлено. А венеты стали называться вятичами (о собственных поисках доказательства возможности такого перехода увлекательно рассказал В. А. Чивилихин в своем романе-эссе «Память»). Причем имя «вятичей» объединило и венетов, пришедших «тропой Трояновой» (через Подунавье), и приазовских венетов (русов), покинувших свою страну Вантит, и прибалтийских русов, мигрировавших сюда позже остальных своих собратьев, уже вместе со словенами и, несколько позже, с варягами.

По народной легенде прародители вятичей и радимичей, соответственно Вятко и Рад им, названы братьями. Это народное предание надо признать глубоко достоверным, поскольку имя Радим соотносится с Родом — верховным богом русских племен. Если Вятко — венет,

ван, то Радим — потомок Рода или рос. Радимичи — исконные русы, которые проживали здесь с древнейших племен. Точно так же автохтонным племенем было и племя кривичей. Имя родоначальника этого народа — Крив (кривой, одноглазый) — заставляет вспомнить об одноглазом Лихе и боге Коляде. Предки кривичей поклонялись этим богам и назывались в разное время ликийцами, сколотами и колдами (халдеями). О деяниях представителей этого народа в Европе и Азии уже рассказывалось, но значительная его часть никуда не уходила. Древние греки знали предков кривичей под именем «аримаспов» — по-гречески «одноглазых».

Ну а какие племена были славянскими и пришли с запада? Это уже упоминавшиеся новгородские словене, пришедшие с юга Балтики, а также древляне и дреговичи, вытесненные волохами (кельтскими племенами) из Подунавья, из провинции Норик. На ее территорию в свое время мигрировала часть расенов, выходцев из Этрурии, которые также влились в общий миграционный поток. Таким образом, все славяне-переселенцы, включая и новгородских, были изначально «разбавлены» русскими.

Особого разговора заслуживают те Славяне, которые осели в Киевских пределах и стали прозываться полянами. Дело в том, что если имена древлян и дреговичей стали новыми на Русской земле, то поляне (спалы Иордана) уже проживали в Поднепровье. Славяне не завоевывали Киев, они были по-родственному приняты местным племенем полян-венетов и расселились в подвластных им землях. Здесь уместно сказать об исключительном, проверенном веками, гостеприимстве русских. Но равные с местным населением права славяне получили не сразу. В редакции, к которой принадлежит

академический список Русской Правды (свод законов эпохи Ярослава Мудрого), в первой статье сказано: «Аще не будет кто мстяй, то 80 гривен за голову, аще будет русин, любо гридень, любо купчина, любо ябетник, любо мечник; аще изгой будет, любо Словении, то 40 гривен положить за нь». Как видно, русин и славянин в то время еще не были уравнены в правах. Правда, такая позиция по отношению к новым гражданам активно критиковалась, так что в Троицком (более позднем) списке уже стоит: «положити за голову 80 гривен, аще будет княж муж или тиун княж; аще ли будет русин или гридь, любо купец, любо тиун болярск, любо мечник, любо изгой, ли словенин, то 40 гривен положить за нь». Кажется, наше рассуждение вполне объясняет, почему среди имен знати, известных в Древней Руси, было немного славянских. Но при этом никто теперь не будет отрицать, что среди носителей неславянских (германских, иранских, кельтских, литовских и т. д.) имен было много русских!

Историки не один век спорят: к германской или славянской семье относить русов. Наша позиция заключается в том, что русские являются отдельной от тех и других семьей (хотя вошли в качестве составных частей и к тем, и другим). В античные времена они носили имена антов и венетов, и не один историк не смешивал их ни с германцами, ни со славянами. Несмотря на внешнее сходство, родство языка и обычаев культурной жизни есть одно важнейшее и, по всей видимости, неуничтожимое различие между русскими и славянами. Русские стремятся к сплочению с разными народами, созданию «империи», славяне, наоборот, всегда толкуют о своем обособлении, собственном национальном интересе, они «республиканцы».

Достаточно напомнить, что, расселяясь по Русской равнине, славяне умудрились разделить на множество племен. Не случайно и то, что новгородцы-словене не смогли ужиться с чудью, мерей и весью и призвали русских, чтобы те «управляли ими по праву». Словене-новгородцы не оставляли попыток отделиться от Руси, пока Иван Грозный не расселил их по городам и весям Московского царства. Еще более яркий пример славянского сепаратизма дают Украина и Польша. Из всех южнославянских народов только сербы готовы строить общеславянское государство. Но, удивительное дело, оказывается, что «римляне называли сербов рассияне, некоторые называют их руссы, сами они зовут себя рассане и рашане; у них есть город Раса; жупан сербский носил титул Расский. Иллирийские сербы даже и вышли из Галицкой или Чарвонной Руси. Одноплеменность сербов с руссами свидетельствуется и тем, что сербский язык ближе всех к древнему русскому» (Классен Е.).

Все (или почти все) известные нам «схемы» развития мировой истории рассматривают русских как часть общеславянской общности. При этом совершенно игнорируется, что русские и славяне в геополитическом аспекте принципиально по-разному смотрят на мир. Различие славянского и русского мировоззрений настолько существенно, что они не могли вырасти из общего источника. Про это прекрасно написал Константин Леонтьев в работе «Панславизм и греки»: «Россия знает, что кроме чехов, болгар и т. д. есть еще *румыны, мадьяры и греки*. она знает, что две первые не соплеменные ей нации самую природой вещей *вставлены*, так сказать, в славянскую оправу, принуждены быть инородными островами в этом

славянском море... У России будут всегда какие-нибудь частные несогласия с западно- или юго-западным славянским миром... Особенности их (славянской. — А.А.) истории сделали для них магическим слово «свобода»... При образовании того оборонительного *союза государств* (т. е. *всеславянского*. — А.А.)... непременно выработается у юго-западных славян такая мысль, что крайнее государственное *всеславянство* может быть куплено только ослаблением *русского единого государства*, причем племена, более нас молодые, должны занять первенствующее место не только благодаря своей молодой нетерпимости, своей подавленной жажде жить и властвовать, но и необычайно могучему положению своему между Адриатикой, устьями Дуная и Босфором. Образование *одного сплошного и всеславянского государства* было бы началом падения Царства Русского. Слияние славян в одно государство было бы кануном разложения России. «Русское море» иссякло бы от слияния в нем «славянских ручьев» (А. С. Пушкин)... Повторяю вам. Россия не была и не будет чисто славянской державой. Чисто славянское содержание слишком бедно для ее всемирного духа... Россия, при сношениях с этой восточной федерацией независимых государств, неизбежно будет во многом больше сходиться с инородными племенами этого союза, с румынами, греками, даже и мадьярами, чем с юго-западными славянами. Россия будет естественным защитником этих слабейших и отчасти старейших наций против весьма возможных посягательств со стороны славян юго-западных, жадных, упорных и властолюбивых, как все долго, но не искусно подавленные молодые и грубые народности». Идея панславизма давно развенчана философами, да и самой

жизнью. Но, похоже, для историков этот урок не пошел впрок, и они только-только начинают проникаться действительной глобальностью русской истории. Что ж, русские долго запрягают...

ГЛАВА 19

ПЕРЕСТРОЙКА КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

*Есть мифы, созданные
для*

Спокойствия народа...

*Но не могу молчать,
друзья,*

Простите, ради Рода.

Пошла уже вторая тысяча лет, как христианство стало государственной религией России, но историки все еще спорят относительно причин перемены веры нашими предками. При внимательном рассмотрении всякий исследователь с удивлением замечает, что языческие времена были совсем не такими мрачными, как нас пробовали уверить церковники и ориентированные на их мнение авторы. В самом деле, разве не язычники создали государство Русь с центром в Киеве? При этом русские князья и их дружинники подчинили себе многие славянские и неславянские народности, проживавшие на Восточно-Европейской равнине, и у нас нет никаких оснований утверждать, что этот союз племен был слабым и бесперспективным. Как же тогда русичи смогли одолеть Хазарский каганат? А победоносные походы на

Византию? Русские «варвары» заставили гордых христиан выплачивать им контрибуции, а также содержать на свой счет русских купцов, приезжающих в города для торговых сделок. Разве не языческая культурная стихия сформировала национальный тип русского человека? Врожденная открытость и доброта позволила наладить русам-язычникам устойчивую торговлю с арабскими странами, народами Поволжья и Кавказа, государствами Западной и Центральной Европы. «Русская знать разбогатела. Князья, бояре и мужи-дружинники стали владельцами обширных населенных территорий и многолюдных городов. Их дворы наполнились челядью, а в сокровищнице феодалов накапливались трофеи, добытые во время победоносных походов. Казалось бы, верхушке русского общества не оставалось ничего иного, как прославить тех языческих божеств, с «чьей помощью» Русь встала в один ряд с крупнейшими странами Европы. Однако вместо этого русская знать вдруг начинает интенсивные поиски новой религии. Как следует понимать этот парадокс?» (О. М. Рапов. Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства).

Объяснять его пытались уже авторы конца X — начала XI в. Так, арабский хронист Яхья Антиохийский связывал крещение русского народа с военной помощью, оказанной князем Владимиром византийской правящей династии для подавления восстания Варды Фоки, а также с последовавшей за этим событием женитьбой Владимира Святославича на принцессе Анне. Византийская принцесса якобы не пожелала, чтобы ее выдавали замуж за язычника и настояла на крещении князя и населения страны.

В Средние века часто пытались объяснить крещение Руси различного рода влияниями, которые испытал на себе князь Владимир. Немецкий хронист конца X — начала XI в. Титмар Мерзебургский писал: «Привезя из Греции жену по имени Елена <...> он (Владимир. — А.А.) под ее влиянием принял святую христианскую веру». В скандинавской саге об Олаве Трюггвасоне утверждается, что Русь своим крещением обязана норвежскому конунгу Олаву, который, приехав в Киев из Византии, уговорил своего воспитателя князя Владимира и его жену Аллогию принять христианство византийского образца.

Русские писатели XI в. объясняли выбор Владимира влиянием бабки, княгини Ольги, принявшей крещение во время своего путешествия в Константинополь. А вот создателям «Повести временных лет» казалось, что поводом к крещению Руси послужили искусная пропаганда византийских миссионеров и желание киевского боярства.

«Однако крещение жителей Восточной Европы, которые, как показывают источники, оказывали яростное сопротивление данной акции, не может быть объяснено ни желанием византийской принцессы, ни брачными обязательствами русского князя, ни прихотью самого князя Владимира, ни уговорами норвежского конунга, ни влиянием на Владимира княгини Ольги и византийских миссионеров» (О. М. Рапов. Указ. соч.).

Еще более нелепая версия христианизации Восточной Европы возникла в XIX в. Ее приверженцами, в частности, были историк церкви Макарий, С. М. Соловьев и С. Ф. Платонов. Все они заявляли, что русское язычество было «бедно», «бесцветно» и «примитивно» и потому, дескать, не могло конкурировать

с религией Христа. Эти взгляды проистекали как от абсолютного незнакомства уважаемых авторов с культурой древних русичей, так и от отсутствия у них какой-либо интуиции. Разве наши сказки и былины не служат ярким доказательством высокого культурного уровня наших пращуров? А ведическая религия древних ариев, точнее, ее изначальный вариант, оформившийся еще в то время, когда арии проживали на Русской равнине?

Со временем были выдвинуты и разработаны более основательные гипотезы:

— христианство Руси было необходимо для получения из Византии государственных учреждений (Ф. И. Успенский);

— главная причина принятия Русью христианства заключалась в отсутствии церковной иерархии византийского типа. Поиски ее привели Русь ко двору болгарских царей и к последующей христианизации от Болгарии (М. Д. Приселков);

— крещения требовали торговые интересы страны (И. Е. Забелин, Н. М. Никольский);

— христианская религия послужила прочной основой для объединения восточнославянских племен в единое государство (М. В. Левченко, А. М. Сахаров);

— феодальный способ производства вступил в противоречие с догмами славянского язычества. Языческая религия требовала всемерного накопления имущества для безбедного существования в вечном «далеке», феодальное же государство заставляло его отдавать прибавочный продукт собственнику земли. Языческая религия выступала против закабаления и

порабощения славянина кем бы то ни было, настаивала на его полной независимости, чтобы в потустороннем мире он оставался вольным человеком, а феодалам был нужен порабощенный, прикрепленный к земле, безропотный производитель (О. М. Рапов).

В общем, причин приводится много. И все они в какой-то степени определяли поведение князя Владимира и его окружения. Но наши ученые почему-то совершенно не говорят о главной причине, перевесившей все остальные, вместе взятые. Она проистекает из характера русского народа, его национальной психологии. Русский человек открыт миру, он стремится не обособиться, а встроиться в мировую цивилизацию. Внутри каждого русского неистребимо внутреннее желание находиться в ладу, гармонии со всем миром как природным, так и человеческим, социальным. Это и есть русскость, наша национальная идея. Жить за «железным занавесом», отгородиться от мирового сообщества и лелеять свою национальную самобытность или культивировать отличную от всех идеологию — не наш удел. Да, на какое-то время, в период немощи и истощения военной силы и политической воли, россияне могут замкнуться, «законсервироваться», сосредоточиться на своих внутренних проблемах и решать их, ограничив контакты с другими народами. Но это не типично для нас, через некоторое время мы сами же, изнутри, разрушим эту «перегородку».

Ничего принципиально нового с точки зрения духовного усовершенствования личности христианство не несло. Скорее наоборот: оно отрывало человека от мира природы и «привязывало» к воле неведомого Творца. Человек становился рабом Божиим, и русских вело к новой

религии не чувство восхищения ею и ощущение ее преимуществ, а простое любопытство, желание попробовать то, что стало общепринятым у цивилизованных ромеев и германцев. Русские принимали христианство не от слабости своего духовного здоровья, а от излишней силы. Здесь работал наш национальный принцип: попробуем и эту невидаль, обеднеть не обеднеем, может, даже, чего-нибудь и приобретем.

Конечно, всякая аналогия хромает. Но ситуация, сложившаяся в ходе крещения Руси, очень напоминает политическую перестройку, произошедшую в Советском Союзе через тысячу лет. И там, и тут верхушка государства приняла в качестве официальной идеологию, с которой она до того старательно боролась. И тогда, и в конце XX в. разрушалось языческое по своей сути мировоззрение. И в те далекие времена, как и сейчас, европейцы называли русских варварами и нецивилизованными азиатами. Обе перестройки были антирусскими по своему содержанию. И тогда, и сейчас реформаторы опирались на поддержку иностранных государств: Владимир бегал за море к варягам, а Горбачев и Ельцин смотрели в рот дяде Сэму. Оба раза русским морочили голову разговорами об общечеловеческих ценностях, и оба раза по полной программе ограбили.

Причины, которые приводят историки, вторичны. Они и всплыли-то перед княжеской верхушкой, когда та почувствовала, что русские внутренне «сломались», клюнули на наживку. А произошло это в результате очень серьезной борьбы, о которой пока еще ничего не написано.

Тайный смысл языческой реформы

Крещению на Руси предшествовала языческая реформа. Около 980 г. князь Владимир, руководимый своим дядей по матери Добрыней, завладел киевским престолом и поставил «вне двора теремного на холме идола шести богов: Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Семаргла и Макоши». Летописец оставил нам очень краткую информацию, но, будучи включенной в систему представлений о язычестве Древней Руси, она открывает очень важные факты.

Оставим до поры до времени анализ состава и структуры нового пантеона. Обратим вначале внимание на то, что в нем отсутствуют Род и Велес — божества, пользовавшиеся исключительным почитанием у древних русичей.

Первый из них — воплощение Яра. Культ Яра, как уже говорилось, арии разнесли в самые разные уголки планеты. Греки-пеласги почитали его под именем Эрота, греки-ахейцы как Арея, хетты как бога войны Ярри, семиты Двуречья как бога чумы Эрры, славяне как Ярилу, а ханаане Палестины как бога Астара. Имя последнего означает «Есть Яр» или «Истинный Яр». Супругой Астара была знаменитая ближневосточная богиня Астарта. Это, так сказать, круг ближайших родственников Рода, проживавших за пределами Руси. Для русского народа Род выступал первейшим богом-творцом, устройтелем всего видимого и невидимого мира. Его деяния мыслились как проявление вселенского закона мироздания «rta» (по-древнерусски «роты»). В поучениях против язычества Род выставлялся главным соперником христианского Бога-Отца. В сознании же простого

народа, принявшего христианскую веру, он ассоциировался с Иисусом Христом.

Теперь о Велесе. Его происхождение для мифологов темно и загадочно. А между тем Велес — это искаженная форма имени Бел. Этот древнейший арийский бог вместе с народом пеласгов тоже изрядно попутешествовал по миру. В Двуречье его знали под изначальным именем, в Палестине величали Балом и Велесом, а в Греции — Гелиосом. В хеттских документах зафиксировано, что древняя Троя называлась Вилусия — город Велеса или по-другому Белгород. По древности своего происхождения Велес мог соперничать с Родом, его культ также хранил древнейшие религиозные традиции ариев. И вот этим, наиболее уважаемым русами богам, было отказано в месте на Киевском Олимпе.

По свидетельству Библии, именно Баалы и Астарты отвращали древних евреев от истинной веры в Господа. Но Баал — это тот же Белбог или Велес, а Астарта — женская параллель Яра-Рода. Что же получается? Князь Владимир реформировал русское язычество с дальним прицелом на христианизацию народа. Его первоочередной задачей было отодвинуть «конкурентноспособных» с Христом богов на второй, или лучше даже на третий, план. Род и Велес представляли для христиан наибольшую угрозу. Ветхий Завет сохранил множество свидетельств, как непросто было древним евреям отказаться от религии Баала и Астарты. На утверждение культа Яхве в Палестине ушли века. И, чтобы не повторился «палестинский сценарий», киевский князь пошел на хитрость.

На место Рода он поставил Перуна, тоже древнего и уважаемого бога. Перун занял главенствующее

положение в его пантеоне богов. Он издревле почитался повелителем грома и молний. Считалось, что Перун вооружен огромной палицей. Русские и славяне верили, что бог-громовник может перевоплощаться в птиц — орла, сокола, кречета. Перун считался покровителем дружинников и вообще военного дела. В договоре 944 г. князя Игоря с Византией прямо говорится, что в случае его нарушения русами-язычниками они в дальнейшем «не имут помощи <...> от Перуна, да не ущитятся щиты своими, и да посечени будут мечи своими, от стрел и от иного оружия своего, и да будут раби в весь век будущий». Из этих слов видно, какое большое значение придавала русская военная знать Перуну в X столетии.

Мифологи обязательно подскажут также, что у Перуна много «двойников». Это и балтийский Перкунас, и белорусский Пярун, и древнеиндийский Парджанья, и хеттский Пирва, и албанский Перен, и фракийский Перкон. Очевидно, что все это воплощения одного очень древнего бога, который почитался предками балтийцев, белорусов, хеттов, фракийцев и т. д. Хетты, напомним, жили во II тыс. до н. э. на территории современной Турции, индийскому небожителю Парджанье сегодня тоже было бы не менее трех тысяч лет. Так что корни у Перуна очень древние и восходят ко времени единства индоевропейских народов. Что же это был за первобог и каков смысл его имени?

Обычно исследователи пишут, что для ответа на такие вопросы необходимо знание древних языков. И это правильно. Но ведь и в живых языках сохранились отдельные реликтовые формы, устаревшие слова, которые могут подсказать правильный ответ. У нас нет под рукой индийского, хеттского или фракийского словарей, но есть великолепный «Толковый словарь

живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля. Не поленимся, заглянем в него. Пырин, Пыран, Пыррь, Пырка — все это обозначение предмета (органа), который пыряет. Родители русских мальчиков до сих пор называют их маленький «отросточек» — пирином. Недостаточно ли этой информации, чтобы прояснить происхождение образа Перуна?

Поначалу он мыслился как божество плодородия и прозывался Пыром. Лишь впоследствии при его характеристике стали выделять и подчеркивать отдельные функции, связанные с грозой и громом. Но и здесь роль громовержца сводилась, по существу, к пырянию земли стрелами-молниями. В еще более поздней своей ипостаси Пыр-Перун стал представляться в виде конного всадника, вооруженного копьем или «пырялой» (таков, к примеру, фракийский Перкон). Родина Пыра — Русская равнина, отсюда его культ распространился в самые разные части земного шара — к Балтам, в Малую Азию, на Балканы и в Индию.

Но у Пыра есть еще и знаменитый русский антипод. Имя ему Упырь! Это мертвец, нападающий на людей и животных.

Автор уже упоминавшегося «Слова об идолах» выделил (в хронологическом порядке) следующие этапы славянского язычества:

- почитание упырей и берегинь;
- культ Рода и рожаниц;
- поклонение Перуну, ставшего верховным богом языческого пантеона (реформа Владимира);

— по принятии христианства сохранение веры в силу всех отринутых ранее языческих богов (Рода, Перуна и т. д.).

С учетом наших рассуждений эта периодизация нуждается в одной, очень важной корректировке. В наиболее древний период наряду с берегинями наши предки почитали также и пыров. Само слово «упырь» появилось в более позднее время. Если вера в Пыра и берегинь соответствует по времени эпохе индоевропейской общности, то культ Рода — выделению в их среде ариев.

Что же сделал Владимир, реформируя древнерусское язычество? Он «повернул» время вспять и вновь возвел на высший пьедестал бога Пыра, только теперь его имя выглядело несколько по-иному — Перун. Да и из божества плодородия он теперь превратился в бога войны, которого почитала дружина князя. Простой народ видел в Перуне упыря (или вампира). Русским людям конца I тысячелетия был в тысячу раз милее и люб «земледелец» Род — символ любви и плодородия. В этом смысле языческая реформа Владимира носила антинародный характер. Она разрушала сложившуюся языческую систему верований под лозунгами возвращения к более древним кумирам. Князь Владимир, таким образом, с самого начала боролся с русским язычеством, но делал это хитро и скрытно.

Первая гражданская война на Руси

Владимир был сыном Святослава и ключницы Малуши — рабыни, как ее аттестует летопись. За то его прозывали «робичич». Но он был законным сыном, рожденным в браке (с обычаем многоженства покончит

чуть позже христианство). Владимир, наряду с другими своими братьями — Ярополком и Олегом, — был наследником великокняжеского престола, но его статус в силу положения матери был несколько иным. Ключник или ключница, распорядившиеся припасами княжеского дома, по нормам феодального права должны были быть рабами. «Русская Правда» определила положение ключника следующими словами: «А се третье холопство, привяжет ключ к себе без ряду». Без ряду — значит без договора, без каких бы то ни было прав. Это холопство — полное, рабство в прямом смысле слова. И если искать какие-то начальные впечатления, отразившиеся на характере будущего правителя Руси, то они связаны с обидой за мать.

Отцом Малуши был Малк Любечанин. Был у нее также брат Добрыня, который опекал юного Владимира. Именно он посоветовал новгородцам пригласить на княжение своего воспитанника. Святослав самолично посадил Ярополка в Киеве, Олега у древлян, но относительно Владимира он никакой инициативы не проявлял. Почему же новгородцы откликнулись на предложение Добрыни и попросили Святослава прислать к ним Владимира? В большой политике ничего просто так не бывает. Добрыня что-то пообещал новгородским боярам в случае согласия, а те чего-то потребовали от него взамен. Относительно последних все более-менее понятно. Новгородцам до времен Ивана Грозного жилось тем слаще, чем горше была судьба киевлян. Они хотели повелевать Киевом и готовы были платить за реализацию этого плана наличными. Ну а что же Добрыня? Был он обыкновенный воин и отважный защитник юного князя или ловкий авантюрист, преследовавший свои корыстные цели?

Начнем, прежде всего, с одной чрезвычайно поучительной ошибки, растиражированной в тысячах, а то и в миллионах изданий. В летописном Добрыне обычно видят былинного богатыря Добрыню Никитича. Но это заблуждение. Твердых оснований для отождествления дяди Владимира со знаменитым русским богатырем нет. Совпадают имена, но разве этого достаточно? Отчества у них уже разные: один — Никитич, другой — Малкович. Более того, Никитич родом из Рязани, а Малкович — уроженец Любеча. Как видим, отличий вполне достаточно, и всякие попытки совмещать былинного и летописного Добрынь являются не более, чем фантазиями отдельных историков. Кстати, летопись нигде не говорит о выдающихся военных навыках дяди Владимира. А ведь это самый главный признак, по которому следовало бы сравнивать двух героев! Мы не располагаем ни одним примером, где хотя бы намекалось на его богатырские подвиги в боях с врагами. Воеводой Владимира был не он, а Волчий Хвост. И когда после осмотра пленных болгар Добрыня говорит князю: «Все они в сапогах. Эти дани нам не дадут — пойдем поищем лапотников», то за этими словами нам видится не бесстрашный воин и защитник земли Русской, а прагматичный грабитель, настроенный выбрать соседа послабее и обобрать его. Версия о богатырской природе Добрыни Малковича искусственно внедряется в сознание людей, чтобы облагородить его образ. Это обычный агитпроп.

Гораздо большего интереса заслуживает совершенно иная точка зрения на Добрыню, сына Малка Любечанина. Имя «Малк» еврейское, на иврите «малк» или «мелех» означает «царь». Но тогда дядя Владимира — еврей по крайней мере по отцу. То же самое следует

сказать и о его сестре, матери Владимира. Имя Малуша — уменьшительно-ласкательное от еврейского Малка — царица, оно свидетельствует о высоком статусе человека в еврейской среде. В связи с этим не исключено, что Малка по своему происхождению была из рода хазарских царей, власть которых пресек отец Владимира Святослав своим походом на Итиль. Да и стал бы узаконивать свой брак Святослав с простой рабыней? Отчего-то историки молчат на эту тему, мол, всякое бывает. Но здесь, похоже, та ситуация, когда «докапываться» до истины надо самостоятельно. Дело в том, что по-еврейски «рабби» значит учитель, раввин, и если только принять гипотезу о еврейских корнях крестителя Руси, то сразу же изменяется и его общественный статус. Он уже не сын рабыни, а внук раввина, потомок хазарских царей.

Большинство исследователей избегают обсуждения темы «Владимир и хазары», ссылаясь на то, что князь все равно не принял иудаизм, и в его характере победила русская «половинка», унаследованная от отца. Но это неправильно. Хазарская партия в Киеве влияла на политику страны. Она горела жаждой мести за разгром Хазарского каганата, за утрату контроля над торговыми путями через Русь. Сделать иудаизм официальной религией Руси по тем временам было задачей нереальной. Русичи прекрасно помнили судьбу Хазарского каганата. Поэтому хазарские евреи действовали более изощренно. Они выступили в качестве третьей силы, искусно лавируя между язычниками и христианами. Планы этой третьей силы выражал летописный Добрыня.

Традиционно, характеризуя политические решения Владимира, историки ограничиваются анализом противостояния языческой и христианской партий. Но это

упрощенный подход. К тому же он совершенно не способствует прояснению личности самого князя и мотивов, которыми он руководствовался. При таком взгляде Владимир предстает как некая «плоская» фигура, имеющая всего только два измерения. Историки соответственно разделяют двух Владимиров. До крещения это язычник, грешник, правда, «по неведению истинного закона», но все же грешник. У него кроме нескольких законных жен (язычнику это дозволялось) целых три гарема, в которых живут в общей сложности 800 наложниц. Но и это не все. Владимир приводил к себе еще и замужних женщин, девиц, вообще был «ненасытен в блуде». Таков один образ князя. Другой — Владимир после крещения. Он строит храмы, раздает милостыню нищим, он усердствует в покаянии, вообще он — «новый Константин Великого Рима».

Анализ языческой реформы Владимира открыл нам его, как коварного политика и лицедея. Скорее всего, Владимир был скрытный и очень неискренний человек. Церковь явно не торопилась канонизировать князя. Его сыновья, Борис и Глеб, были официально причислены к лику святых уже при Ярославе Мудром. Тогда же Ярослав упорно добивался от Константинопольского патриархата канонизации Владимира. Отказ был категорический. Греческое священство киевской митрополии мотивировало это тем, что его «не прославил бог», то есть от гробницы Владимира не происходит чудотворений, которые в те времена считались непременным знаком святости. Владимира провозгласила святым новгородская церковь по прямому указанию Александра Невского в 1240 г. Общерусская канонизация князя состоялась только при Иване IV. Как видим, православная церковь тянула с канонизацией, а это

верный признак того, что на солнечном лице святого князя присутствовали темные пятна.

Карьера Владимира была головокружительной. В 977 г., когда его братья — Ярополк и Олег — затеяли выяснение отношений, закончившееся для последнего смертью, Владимир бежит за море. Через три года он возвратился в Новгород с дружиной варягов и сказал посадникам Ярополка: «Идите к брату моему и скажите: Владимир идет на тебя, готовься биться». Так началась первая гражданская война на Руси. Это была не обычная усобица, связанная с дележом власти. Для похода на Киев Владимир собрал все силы Северной Руси. Помимо варягов в его войске были словене, чудь и кривичи. Ни боярство, ни купечество новгородское не пожалели средств на то, чтобы взять Киев. Их расчет состоял в том, что первенство в государстве может перейти к Новгороду вместе с властью над землями, вместе с данями, вместе с правыми и неправыми поборами и многими другими преимуществами столицы. В борьбу было втянуто все государство. Новгородцы платили деньги и, как им казалось, «заказывали музыку».

Переломными стали события, разыгравшиеся в Полоцке. Город, построенный на берегу Западной Двины, был одним из важнейших промежуточных пунктов на «пути из варяг в греки». Но там княжил Рогволод, державший сторону Ярополка. Владимир поначалу решил перетянуть князя на свою сторону и заслал сватов к его дочери Рогнеде. Тогда-то и прозвучал оскорбительный, повторявшийся противниками Владимира и доносящийся долгим эхом до нас ответ гордой дочери Рогволода: «Не хочу розути робичича». Исследователи толкуют эту фразу в чисто социальном аспекте. А если «робичич» означает «потомок раввина»? Ситуация с отказом в

корне меняется! Княжна отказывается от брака с человеком, чуждым ей по духу! Надо полагать, что Рогнеда прекрасно знала родословную Малка Любечанина и представляла истинные цели, которые лелеял его сын Добрыня. Более того, к тому времени Рогнеда уже дала согласие выйти замуж за Ярополка! Владимир напал на Полоцк, когда Рогнеду собирались вести за его брата. Рогволод и вся его семья были схвачены и убиты, но прежде этого, по приказу Добрыни, Владимир на глазах отца и братьев публично изнасиловал Рогнеду. Чтобы хоть как-то оправдать этот зверский поступок, историки говорят, что это была месть за оскорбление и одновременно осуществление княжьего права. Пусть так, но зачем же демонстрировать княжье право публично?

После победы над половчанами путь на Киев был открыт. Ярополк не сумел собрать войска, чтобы дать брату решительное сражение. Летопись открывает причину этому: в Киеве против верховного князя составил заговор, к которому приложил руку Владимир. Воевода Ярополка — Блуд — встал на его сторону и всячески способствовал победе новгородцев. Он уговорил Ярополка бежать из Киева и затвориться в городе Родне на реке Роси. «И был в Родне жестокий голод, так что ходит поговорка и до наших дней: «Беда, как в Родне». И сказал Блуд Ярополку: «Видишь, сколько воинов у брата твоего? Нам их не победить. Заключай мир с братом своим». Так говорил он, обманывая его. И сказал Ярополк: «Пусть так!» И послал Блуд к Владимиру со словами: «Сбылась мысль твоя, приведу к тебе Ярополка: приготовься убить его». Владимир же, услышав это, вошел в отчий двор теремной <...> и сел там с воинами и с дружиною своею. И говорил Блуд

Ярополку: «Пойди к брату своему и скажи ему: «Что ты мне ни дашь, то я и приму». <...> И пришел ко Владимиру: когда же входил в двери, два варяга подняли его мечами под пазухи. Блуд же затворил двери и не дал войти за ним своим. И так убит был Ярополк».

Ярополк не смог организовать сопротивление киевлян. Обычно это объясняют тем, что он симпатизировал христианам. В Иоакимовской летописи сообщается, что он «нелюбим есть у людей, зане христианом». В Никоновской летописи отмечено, что к Ярополку приходили послы от римского папы, а те могли появиться на Руси лишь в том случае, если великий князь действительно проявил интерес к христианству. Вот эти-то симпатии Ярополка к христианам и недовольство данным обстоятельством киевлян и привели, как полагают многие историки, к его падению и захвату великокняжеского стола Владимиром. Но не очень ли это шаткие аргументы? Ведь не ратовал же Ярополк за введение христианства! А куда он бежал спасаться? В Родну, где находился «отчий дом теремной», дом Святослава, убежденного язычника. Само названия городка — Род на — указывает на то, что здесь находилось святилище бога Рода. Ярополк надеялся, что в этом священном месте ему гарантирована безопасность. Не в христианском храме спасался Ярополк, а среди отеческих святынь. Он не был христианином, остался верен заветам отца и хранил приверженность арийскому закону «роды». Вот чего не могли простить ему Владимир и его окружение!

Первым крупным политическим шагом Владимира в роли великого князя стала языческая реформа. Он возвеличил бога войны Перуна, сделал его главным божеством языческого пантеона. Это было внове для

русского человека. По своей природе русские ставят выше всего Любовь, наши верховные божества — это боги плодородия. Для язычников X в. такими были Род и Велес. Их-то и не оказалось в шестерке избранных богов. Перестройка — это перелом в общественном сознании. Но перестройка на Руси — это еще и обязательное разорение русского народа, цепочка декретов, приводящих к обнищанию большей части населения. А сдержать выступления обворованных сограждан можно только с помощью дружины. «Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если умеет защищаться». И Владимир делает ставку на дружину, призванную оберегать верховную власть от народных бунтов. Как следствие, бог войны возводится в ранг верховного божества. После своего прихода к власти Владимир непрерывно воюет. Вот перечень его военных достижений:

— Он совершил два победоносных похода на не желавших подчиняться вятичей и принудил их к уплате дани.

— Ему удалось нанести ощутимое поражение польскому князю Мешко I и отобрать у поляков важнейшие стратегические и экономические центры — Перемышль, Червень и иные грады.

— По свидетельству В. Н. Татищева, почерпнутого из не дошедшего до нас источника, в 982 г. Владимир «иде в поле и, покорив землю польскую, град Суздаль утвердил». Здесь речь идет о завоевании богатого земледельческого района, расположенного к северу от среднего течения Клязьмы и населенного славянскими выходцами из Новгородской и других северных земель.

— В 983 г. Владимир совершает поход на прусское племя ятвягов, побеждает их и устанавливает контроль над их землями.

— В 984 г. Владимир и его воевода Волчий Хвост нанесли поражение радимичам, которые, будучи еще в IX в. включенными в состав древнерусского государства, вышли из-под подчинения. В результате этого похода радимичи были вновь покорены и принуждены платить дань и «возить повозы».

— В 985 г. Владимир и его дядя Добрыня ходили в поход на дунайских болгар и сербов. И это военное предприятие также оказалось удачным. Русские войска захватили много пленных, а с дунайскими болгарями был заключен договор о мире и взаимопомощи.

— В 986 г. болгарские войска с помощью русов нанесли византийцам сокрушительное поражение в Болгарии.

— За походом на болгар последовал поход на хазар: «...и на Козары шед, победы а и дань на них положи».

Владимир утверждал свою власть на землях, которые входили в державу его отца. Другими словами, внутри страны полыхала гражданская война. Князь огнем и мечом заставлял непокорные племена подчиниться его диктату. Владимир и Добрыня — ставленники хазар — воевали против сторонников арийского язычества. Христиане в это время держались в стороне и выжидали. Обратим внимание, что после завоевания Киева Владимир первым делом пошел на вятичей — племя, которое дольше и успешнее других противостояло хазарской агрессии. В землю самих хазар Владимир отправился в последнюю очередь. Это означает, что в продолжение всех семи лет гражданской войны они не

платили налоги в «центр». А кто же платил? Те же вятичи, радимичи и т. д. В общем, русские. Вот и думайте после этого, в чьих интересах проводил политику князь Владимир. Что ни говори, но в его политике четко прослеживается прохазарская ориентация.

Восемь лет длилась эра Перуна. Ровно столько, сколько продолжалась гражданская война. От имени Перуна творился террор на земле Русской, и с ним люди связывали все кровавые преступления режима Владимира. У культа Перуна не было будущего, и верховный князь решил пожертвовать своим «выдвиженцем». Это был своевременный политический ход. Не дожидаясь, когда враги начнут обвинять его в насаждении культа кровожадного бога, Владимир повелел уничтожить идолы верховной шестерки богов, причем с особой жестокостью приказал проделать это со статуей Перуна. Ее привязали к хвосту коня и стащили волоком с горы. Это было в прямом и переносном смысле падением Перуна.

В период гражданской войны дружина была самой сплоченной и боеспособной структурой общества. Это и предопределило военные и политические успехи Владимира. Но решать вопросы мирного строительства «под знаменем Перуна» было делом безнадежным. Образ Перуна не мог выступить для населения страны в качестве объединяющего начала. Для Владимира было ясно, что наступило время нового религиозного выбора.

Загадка Крещения

«Повесть временных лет» рассказывает о Крещении Руси достаточно противоречиво. Сначала летописец говорит о посольствах в 986 г. к Владимиру мусульман из

Волжской Булгарии, иудеев из Хазарии и христиан из Рима и Византии с предложениями переменить веру. Затем, под тем же годом, следует пространная «Речь философа», которая должна была убедить Владимира в преимуществах христианства. Казалось бы, вслед за этим должно произойти его крещение. Но Владимир откладывает решение до «испытания вер», которое приходится на 987 г. Вроде бы решившись принять крещение из Византии, он потом медлит и колеблется, вплоть до похода на Корсунь (Херсонес) в 988 г. После взятия города, согласно рассказу «Повести», Владимира крестят присланные вместе с царевной Анной византийские церковники. Эта версия, однако, имеет много противников среди историков.

Крупнейший исследователь наших летописей А. А. Шахматов показал, что корсунская легенда о крещении Владимира сложилась не раньше второй половины или даже последней четверти XI в. Ученый предполагает, что «Речь философа» и наставление в вере взяты из не дошедших до нас сообщений о крещении болгарского царя Бориса греками. Автором этой легенды мог быть грек-христианин, один из создателей древнерусской церковной организации, человек, хорошо знавший топографию Херсонеса и вставлявший греческие слова в русскую речь. Рассматриваемый фрагмент «Повести временных лет», разумеется, несет в себе много ценного и оригинального, но он, по мнению А. А. Шахматова, все же вторичен и написан намного позже описываемых событий. К тому же никто из византийских историков ничего не говорит о Крещении Руси.

Существует еще три древнерусских источника, проливающих свет на историю крещения. Первый

относится к половине XI в., но дошел до нас в памятниках XV–XVI вв. Это — «Слово о законе и благодати», приписываемое митрополиту Илариону. Второй из этих памятников — Житие Бориса и Глеба (или «Чтение»), написанное монахом Киево-Печерского монастыря Нестором и посвященное описанию жизни сыновей Владимира, коварно убитых братом Святополком в 1015 г. Так же как и в предшествующем памятнике, в нем не говорится ни о крещении Владимира в Херсонесе, ни о приходе к Владимиру миссионеров разных стран. Согласно этому источнику, Владимир, вдохновленный свыше, открыл истину сам. Крещение датируется в нем 987 г., а не 988 г. Третий источник — «Память и похвала Владимиру». Этот документ приписывается монаху Иакову, упоминаемому в летописи под 1074 г. Он принадлежит домонгольской литературе и сохранился в рукописях, самая древняя из которых датируется XV в. В этом памятнике, так же как и в предшествующих, говорится, что Владимир принял христианство по вдохновению свыше. Крещение отнесено в нем к 987 г. Здесь же сообщается, что «после крещения Владимир прожил 28 лет» и что на третий год после крещения взял город Херсонес. Итак, историкам совершенно неясно, когда и где крестился Владимир.

В противовес летописной точке зрения, многие историки считают, что крещение князя произошло в Киеве, где еще со времен Ольги существовала христианская община. Во всяком случае, древнейшие русские источники говорят о местных корнях христианского культа Владимира. Эту позицию в значительной степени поддерживает и обычно не обсуждаемая в академических кругах гипотеза о влиянии хазарских иудеев на введение христианства.

На протяжении всех 80-х г. X в. в Киевской Руси происходила грандиозная политическая перестройка. Помимо язычников и христиан важнейшую роль в ней играли и киевские иудеи, выходцы из Хазарии, которые через своего ставленника Добрыню влияли на верховного князя. Быть может, кому-то покажется, что в силу давности тех событий уже нельзя столь определенно указать расклад политических сил, определявших русскую историю. Но тогда восстановите в памяти горбачевскую перестройку. Кажется, что во время нее боролись демократы с патриотами. А кто победил? Кто-то третий, надувший и тех, и других. Вот примерно по такому же сценарию происходила и перестройка князя Владимира. Во время гражданской междоусобицы князь и его хазарское окружение истребило своих политических противников, а затем принялось встраивать Русь в общехристианский дом. Мы ни в коей степени не затрагиваем здесь вопрос о необходимости, важности и своевременности осуществленных в ходе этих перестроек задач. Это отдельная тема. Мы указываем лишь на реальный расклад сил, сложившийся во время проведения Владимиром двух религиозных революций. Первая — языческая — была аналогична отмене статьи Конституции о руководящей роли Коммунистической партии, а вторая — христианская — образованию «независимой» России. И там, и тут русский народ обманным путем загоняли в новую жизнь.

Чтобы устранить или хотя бы ослабить недовольство жителей Руси, вызванное насильственным крещением, Владимир старался всячески задобрить население. Он оказывал помощь нищим и больным, устраивал пышные празднества в городах, которые сопровождалось пиршествами и раздачей богатств из великокняжеской

казны. Это в какой-то степени примиряло население Руси с верховным правителем и его новой религиозной политикой. Однако Владимир Святославич занимался не только «приручением» жителей Руси. К этому времени относится сообщение об умножении разбоев в Киевском государстве. Словом «разбой» в древности обозначали не только вооруженное нападение «лихих людей» на мирных жителей с целью отнятия у них денег и имущества. Разбоем называли и любое выступление народных масс против сильных мира сего. Увеличение числа разбоев в период крещения населения Руси кажется закономерным явлением. Не желавшие креститься люди бежали в леса и пустынные, неудобные для поселения места. Им, конечно, приходилось испытывать всевозможные лишения и трудности. Убийство и ограбление христианских священнослужителей, а также людей, изменивших древним народным верованиям и принявшим крещение, в их глазах выглядели как нормальные действия, угодные древним языческим божествам. Владимир вначале отказывался казнить разбойников, по-видимому, надеясь мягким обращением склонить их к христианству и к прекращению враждебных действий. Но епископы потребовали от князя применения к разбойникам самых жестоких мер. Заинтересованность духовенства в суровой расправе над разбойниками как раз и указывает на то, что оно страдало от разбойничьих нападений. Тогда князь Владимир изменил свою политику по отношению к этим людям: «...отверг виры, нача казнити разбойники».

Исследователи отмечают, что принятие христианства как общегосударственной религии было для Владимира одной из мер, направленных на укрепление

внутреннего единства Руси. Но при этом забывают указать, что Владимир своей языческой реформой поначалу разрушил существовавшее до того внутреннее единство и ввергнул страну в хаос гражданской войны. Впоследствии, вводя христианство, он уже исправлял свои собственные просчеты.

После крещения Владимир, как нас уверяют, «жил в христианском законе». Летопись отмечает строительство им церковей, возведение Десятинной церкви в Киеве и т. д. Но с 998-го в летописи идет ряд пустых или почти пустых лет. В тексте так и означено: «Въ лето 6506 (998)» — и ни слова более. «Въ лето 6507 (999)» — и ни слова более. Летописец сохраняет сетку годов, обозначает движение времени, но событий вроде бы никаких не происходит. И так до года смерти Владимира, до 1015 года. На семнадцать лет, то есть на половину княжения, приходится лишь несколько второстепенных записей. О смертях, переносе мощей святых, наконец, под 1015 г. — надгробное слово, панегирик князю, а за ним — известная повесть об убийстве Святополком Окаянным Бориса и Глеба.

«Повесть» не отмечает даже такой важнейший факт, как начало чеканки при Владимире собственной русской монеты. В нумизматике известны золотые и серебряные монеты двух типов: «Владимир, а се его злато» и «Владимир и се его сребро». На втором типе монет надпись: «Владимир на столе». Их появление приходится на вторую половину его княжения. Почему это осталось не отраженным у летописца?

Летопись совершенно перестает интересоваться тем самым Владимиром, который «просветил» Русь, «вывел ее из тьмы язычества». Предполагают, что эта часть

летописи каким-то образом до нас не дошла и, возможно, позднее летописец был вынужден воспользоваться какими-то отрывочными записями, если не прямо списывал даты смертей князей из Синодика. Возможно. Но столь же вероятно и то, что эта часть летописи подверглась особой цензуре, после которой только и осталось несколько, не относящихся к князю подробностей. Во времена летописца Нестора, заметим, несложно было восстановить события. Ведь приняв постриг, он еще застал в монастыре древнего старца Еремию, который помнил само Крещение Руси. Да и тех, кто помнил события начала XI в., наверное, можно было еще легко найти в Киеве и расспросить...

Видимо, вторая половина Владимирова княжения не случайно выпала из текста «Повести». Мы знаем, что церковь отказывалась канонизировать его. В чем тут дело?

Думается, что здесь нам не обойтись без разговора о личности князя, его характере и отношении к Отечеству. «Повесть» под 996 г. приводит любопытный рассказ о том, как Владимиру в неравной стычке с печенегами пришлось спасаться бегством. Он укрылся под мостом и, стоя там, обещал, если уцелеет, поставить церковь Святого Преображения. Видимо, Бог услышал Владимира, и печенеги миновали мост. В качестве ответной благодарности князь действительно потом построил церковь и устроил грандиозный пир на восемь дней. На наш взгляд, это очень яркий пример того, что сам по себе Владимир все время оставался язычником. Ему нравилось жить весело и праздно, пиры были его отдушиной. А что до христианской веры, так вводилась она более из политических соображений.

Спасаясь под мостом, Владимир разговаривал с Богом как торгаш, по принципу: Ты — мне, я — Тебе. Да и ранее, в истории с женитьбой на византийской царевне Анне Владимир, кажется, более руководствовался целями обладания высокородной девушкой, чем всем остальным. Из всех мировых религий наиболее близким к арийскому язычеству (с его культом Рода) было Православие. Оно в наиболее возможной степени обеспечивало преемственность христианской культуры на Руси. Для Владимира это было очевидно. Еще крещение Ольги предопределило выбор нашей веры. Другое дело, что «торгуясь» с Византией, можно было выгадать для себя и для Русского государства кое-какие выгоды. Этим, похоже, и занимался Владимир после взятия Корсуни.

Главная особенность князя Владимира, по-видимому, состояла в том, что он подстраивался под ситуацию. Когда надо было, он представлялся язычником, когда это становилось невыгодно, перевоплощался в христианина. Если нападал враг, становился патриотом, после победы — гнал русских богатырей со двора. Не забывал он и об интересах своих хазарских родственников.

Есть некие общие закономерности правления самодержцев в революционные и «нормальные» периоды. Во время переворотов ставка делается, как правило, на иностранцев, инородцев, для которых слово «традиция» — пустой звук, которые мечтают разрушить старый уклад и построить новую жизнь на основе принципиально других идей. Такую политику проповедовал Добрыня и хазарские иудеи в Киеве. Вначале они задурили всем голову с языческими новшествами, а потом вдруг стали проповедовать христианство. Владимир следовал их советам, поскольку

они привели его к власти. Но одно дело захватить власть, и совсем другое — править. Послереволюционный, нормальный период развития государства характеризуется уже стремлением государя восстановить разрушенное хозяйство и единство общества. Революционеры при этом отодвигаются самодержцем на второй план. Они в своем большинстве либо отправляются на «пенсию», либо направляются послами в дружественные страны, либо репрессиируются. Летопись ничего не говорит нам о судьбе Добрыни, но, похоже, что ее финал был незавидным.

После этапа религиозных реформ Владимир искал опору уже не среди варягов и хазар, а в русских людях, пекущихся о славе Отечества. Навряд ли мы ошибемся, если предположим, что князь в этот период равно опирался как на христиан, так и на язычников. Летописи ничего не говорят о деяниях князя во вторую половину его правления потому, что он сумел примирить христиан и язычников. Все мы с великим наслаждением читаем былины, воспевающие времена князя Владимира, его знаменитые пиры в Киеве.

Церковные историки всячески старались затенить явно языческую природу княжеских пиршеств. Их размах был грандиозен. Не довольствуясь тем, что он кормил и поил всех, кто приходил к нему во двор, Владимир повелевал «пристроити кола (телеги. — А.А.), въскладаше хлебы, мясы, рыбы, овощь розноличный, мед в бчелках, а в других квас, возити по городу, въпрошающим: «Кде болнии и нищ, не могы ходити». Тем раздоваху на потребу». По существу, это были не отдельные пиры, а нескончаемое угощение. Такие рассказы о «молочных реках с кисельными берегами» на пустом месте не рождаются. Значит, привольно жилось в

те времена, когда наступил мир в государстве Владимира.

У Владимира было двенадцать сыновей, и все они носили славянские имена: Святослав, Борис, Вышеслав, Мстислав, Глеб, Ярослав, Судислав, Позвизд, Изяслав, Святополк, Всеволод, Станислав. Одного из сыновей князь назвал в честь своего отца, великого русского князя, но ни в честь деда, ни в честь дяди Добрыни никого из своих отроков не назвал. Точно так же в выборе имен для своих сыновей он не благоговел и перед византийской или библейской традицией.

Владимир — единственный русский князь, которого воспевают былины. И еще один важный момент. Все наши былины были записаны на Русском Севере, за тридевять земель от Киева. Там язычники с определенного времени спасались от преследования властей. Но при Владимире гонений на них не было! Иначе князь не вошел бы в русский эпос в качестве положительного героя! Как ни крути, но былины — это языческая литература, и там князь Владимир фигурирует под именами «Володимер-Солнце», «Владимир Красное Солнышко». Значит, не держала народная память зла на первого князя-христианина. И если летописцы ничего толком не написали про зачинателя православия на Руси, а церковь отказывалась канонизировать Владимира, то язычники воспели его в своих сказаниях. Да, поначалу князь выступил для них злым гением, ниспровергателем основ русской жизни, но во вторую половину своего правления проявил себя как истинный хранитель своего Отечества. Запоминается последнее. А это добрая память в народе, в русских людях, принявших православие, но

не отрекшихся от своих языческих корней. Судьба человека, которой можно позавидовать!

О ВСЕМИРНОСТИ РУСОВ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

*Храни земли родной
начала,*

*Заставы русской
богатырь,*

*Ее разбег и ввысь, и
вширь,*

*Храни земли родной
начала...*

В своей знаменитой пушкинской речи Достоевский назвал всемирную отзывчивость главнейшей способностью нашего народа. «Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите. <...> Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия» (Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1880). В этом высказывании удивительно лаконично и гениально точно выражена та историческая задача, которую призван решать русский народ, та глубинная идея, которая им движет.

Национализму, процветавшему у братьев-славян, балтов, татар и других народов, русские противопоставили свою особенную национальную идею.

Ей чужд национализм. Как прямая противоположность племенному эгоизму, русская идея предполагает любовь и сочувствие ко всем народам Земли. Поэтому внутри своего государства русские всегда выступали на правах старшего брата, а во внешнеполитических делах часто поступали в ущерб своим национальным интересам. Русские решительно не хотят объединяться по признаку кровного родства. В этом смысле мы уникальный и, пожалуй, единственный народ в мире.

Но почему русские так непохожи на остальное человечество? Какие обстоятельства нашего исторического развития предопределили такое своеобразие национального характера? Что, собственно, «питает» русский дух? Обычно для объяснения этой исключительности русских указывают, следуя славянофильской традиции, на особое влияние Православия. Но такую точку зрения едва ли можно серьезно обосновать. В самом деле, почему явление всемирной отзывчивости не наблюдается у других православных народов? Неужели наш народный дух переменился с принятием христианства? Правильней говорить как раз об обратном: древнерусская языческая стихия так повлияла на новую религию, что она усвоила и приняла этические каноны русской жизни.

Истоки русского самосознания следует искать в дохристианской истории наших предков. Рус-язычник и рус-христианин — разные «звенья» единой духовной линии. Это ясно сознавал Пушкин, когда писал о русском духе, питающем жителей сказочного Лукоморья. Уж кто-кто, а он-то понимал, что история русского народа насчитывает не одно тысячелетие, и, следовательно,

секреты происхождения нашего национального характера уходят своими корнями в сказочную древность.

Арии известны как народ-созидатель, в самых разных уголках мира можно обнаружить следы их цивилизаторской деятельности. Русский народ является той частью потомков ариев, которая наиболее полно восприняла их духовный опыт и хранит его на протяжении уже нескольких тысячелетий. И обмолвка Достоевского об особой близости для нас удела «великого арийского племени» представляется поистине провиденциальной. Именно из родства с ариями, учителями Древнего мира, и ответственностью за начатое ими дело объединения человечества на основах взаимного братства и любви мы выводим нашу главнейшую национальную особенность.

У Федора Ивановича Тютчева (1803–1873) есть одно необычное стихотворение, которое называется «Русская география». Приведем его полностью:

Москва и град Петров, и Константинов
град —
Вот царства русского заветные столицы...
Но где предел ему? И где его границы —
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам судьбы их обличат...
Семь внутренних морей и семь великих
рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,

От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...

Вот царство русское... и не пройдет вовек,

Как то провидел Дух и Даниил предрек.

Идея поэта соединить три великие столицы вполне понятна. Град Петров — это Рим, город святого апостола Петра; Константинов град — Константинополь, столица Византии. Включение в этот ряд Москвы является отражением знаменитой формулы старца Филофея: «Москва — третий Рим». Но почему вдруг Тютчев называет эти города столицами русского царства? Филофей говорил только о преемственности городов как центров мировых империй, определявших пути развития цивилизации. Кроме того, Москва выступала прямой наследницей и продолжательницей византийской традиции в христианстве. Но поэт выделяет не политическую и не религиозную черты сходства империй, а именно этническую. Это наполняет филофеевскую мысль совершенно новым содержанием: поэт говорит о присутствии предков русских в Древнем Риме и в Византии.

Древних римлян называют учителями Западной Европы, но их учителями, в свою очередь, был более древний народ расенов (этрусков). Более двух тысяч лет назад (VIII–II вв. до н. э.) они владели значительной частью Апеннинского полуострова, воздвигали города и некрополи, своим богатством не уступавшие египетским пирамидам. Жилое здание с крытым двориком в центре дома принято называть «римским», но на самом деле его изобрели этруски. Водосточная и канализационная системы, «сработанные рабами Рима», также были введены не римлянами, а этрусками. Они были

«хозяевами морей» и научили римлян судостроению и искусству вождения кораблей. Им же принадлежат древнейшие на Апеннинском полуострове памятники письменности, и именно этрусское письмо легло в основу современного латинского алфавита, которым пользуется добрая половина человечества. К римлянам от этрусков перешли знаки государственной власти, одежда, устройство дома, цирк, гладиаторские бои. Обо всем этом безусловно знал Ф. И. Тютчев, и, думается, у него были достаточно веские основания назвать город Рим, построенный этрусками, одной из заветных столиц русского царства. Ф. И. Тютчев был прекрасно знаком с историческими идеями своего друга А. С. Хомякова и, похоже, разделял их.

А, кстати, о каких внутренних морях пишет поэт? Из текста следует, что они лежат к югу от Петербурга, но севернее Египта, Месопотамии, Китая и Индии. Наверное, никто не станет возражать, что это Черное, Азовское, Каспийское, Аральское, Мертвое, Мраморное, Эгейское моря. Все они, по словам поэта, являются внутренними морями русского царства. Разумеется, эту мысль не следует понимать буквально. Поэт подчеркивает, что русская история самым непосредственным образом была связана с выросшими на берегах великих рек древними цивилизациями:

арийской — на Волге,
египетской — на Ниле,
шумеро-аккадской — на Евфрате,
индийской — на Ганге,
еврейской — на Иордане,

славянской — на Дунае,
славянорусской — на Днепре.

Такого рода идеи и во времена Тютчева, и теперь принимаются в штыки. Поэтому Федор Иванович не стал публиковать свою «Русскую географию». Стихотворение, написанное в 1848 или 1849 г., было издано только в 1886, через 13 лет после смерти поэта. Но ни тогда, ни в последующие сто с лишним лет на него так и не обратили внимания исследователи его творчества. По иронии судьбы уже поминавшийся нами В. В. Кожин, автор прекрасной книги о поэте, тоже просмотрел эти строки. А ведь они выражают суть понимания Тютчевым древнерусской истории. Ощущение ее всемирности породило в нем веру в вечность русского царства, к которому он и относил слова пророка Даниила (2,44): «И во дни тех царств Бог небесный воздвигнет царство, которое вовеки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно».

Миллионы людей держат на своих полках томики Библии. Там черным по белому написаны слова пророка Иезекиля, жившего в VII в. до н. э., о грозном северном народе Рош. Но вдохновляют ли они нынешних законодателей исторической моды на изучение наших корней? Нет, ничуть, более этого, этот абсолютно достоверный исторический факт ими замалчивается.

В договорах Олега и Игоря с греками русы говорят про себя: «Мы — от рода русского послы и купцы». Видимо, это был устойчивый оборот того времени. Слово «род» в нем, на первый взгляд, обозначает только этническую принадлежность «дипломатов». Но есть в этой фразе и более глубокое содержание. Род — имя

верховного бога древних русов и, повторяя его, русские посланники подчеркивали, что их объединяет родство не только и не столько по крови, сколько по духу. Это тем более важно отметить, что наши предки называли себя по именам богов, которым они поклонялись. Приведем еще раз вскрытые нами параллели между названиями племен и именами древнерусских богов:

ЯР — АРИИ

БЕЛ — ПЕЛАСГИ

ВАНЯ — ВЕНЕТЫ

ЛИХО — ЛИКИЙЦЫ

ТУР — ЭТРУСКИ

КОЛО — ЦИКЛОПЫ, СКОЛОТЫ

КОЛЯДА — ХАЛДЕИ.

«Распространенность наша по планете» в древние времена — не гипотеза, не миф, не выдумки «неразумных патриотов», а вполне доказанная мысль..

Мы утверждаем факт длительного существования русского народа. В его истории можно выделить пять этапов.

I этап: V тыс. до н. э. — сер. IV тыс. до н. э. — выделение ариев в среде других индоевропейских народов, проживавших на территории Восточной Европы. Прародина арийского этноса стали области в среднем течении Волги. В арийской среде сформировалась «солнечная» религия — религиозное мировоззрения, в котором роль верховных божеств играла пара божеств Яр и Яра. Жрецы этой религии назывались арсы (позднее росы, русы, риши). Со временем внутри единого арийского этноса образовались группы родов, которые на

первое место в своем пантеоне стали ставить других богов — Бела, Ивана, Коло, Лихо (начало IV тыс. до н. э.). Так образовались племена беласков, венетов, (с) колотов, ликийцев. Оставшаяся часть этноса продолжала именовать себя ариями. Отдельные группы всех этих племен постепенно покидали берега Волги и выдвигались на Русскую равнину и далее в Поднепровье и Приднестровье. Попав в непосредственное соприкосновение с праславянами, арии участвовали в создании трипольской археологической культуры.

II этап: сер. IV тыс. до н. э. — XXII в. до н. э. — эпоха проникновения ариев в Западную Европу (вплоть до Британских островов), страны Средиземноморья, Малую Азию, Месопотамию и Египет. Причина миграции — похолодание в Европе. Местом исхода стали области трипольской культуры, направление миграции — в обход западного берега Черного моря. Арии — непосредственные создатели государства в Египте, цивилизаций в Палестине и на Крите, городов-государств в Месопотамии. В Египте их называли — харами, в Палестине — ханаанеями, в Греции — пеласгами, на Крите — циклопами. Со временем хары вытесняются египтянами в Палестину, а пеласги и циклопы отступают под натиском греков в Малую Азию. Оставшиеся в Восточной Европе арийские племена все плотнее заселяют территорию от Дуная до Алтая. Индоиранцы концентрируются в Приуралье, а киммерийцы — в Приазовье и Причерноморье. Это новые этносы, образующиеся к концу данного периода.

III этап: XXII в. до н. э. — X в. до н. э. — время существования государства Русена (Палестина, Сирия, Малая Азия) и страны Митанни (север Месопотамии), управлявшихся ариями. Их возникновение

предопределила миграция киммерийцев через «горловину» черно-каспийского междуморья. Во второй половине II тыс. до н. э. в Северном Причерноморье оформляется и набирает силу этнос тавров.

В первые века II тыс. до н. э. часть венетов (родственная ханаанеям Библии, ханейским племенам Двуречья и малоазийским венетам) осуществляет беспрецедентную по своим масштабам миграцию к границам Китая. Вполне вероятно, что часть своего пути они преодолели с той группой ариев, которые примерно в это же время начали свое продвижение в Индию. Эта миграция объясняет присутствие на территории Китая индоевропейцев. Светловолосые и голубоглазые переселенцы-ваны стали ядром народа хунну. Позже их потомки вернутся на свою прародину под именем гуннов.

В середине II тыс. до н. э. из митанийцев, западных анатолийцев и фракийцев формируется новая этническая общность — скифы. Они становятся оплотом арийской цивилизации в Азии.

Падение Трои символизирует закат Русены. Венеты вынуждены были покинуть Анатолию. Часть из них начинает движение к Днепру (знаменитой «Трояновой тропой» через балканские страны) и на Балтику, часть отступает на Армянское нагорье, где создает Ванское царство, и, наконец, третья переселяется в Италию, чтобы прославиться впоследствии под именем этрусков.

IV этап: X в. до н. э. — I–II в. н. э. — период наибольшего рассеяния венетов. В роли консолидирующей силы, объединяющей ариев на их прародине, выступают киммерийцы, а позже скифы, создавшие Великую Скифию в пределах от Алтая до Балтики.

V этап: I–II вв. н. э. — XIII в. н. э. — воссоединение различных ветвей венетских родов, покинувших Трою. Создание Киевской Руси. Гибель единого государства в результате татаро-монгольского нашествия.

VI этап: XIV в. — по настоящее время. Россия.

В нашей периодизации даты, особенно для начальных этапов, весьма приблизительны. Это, в частности, относится ко времени образования и гибели государства Русены. Датой его рождения принимается время падения Среднего царства в Египте. Точно так же и дата гибели Русены не может быть указана однозначно. С одной стороны, это произошло вследствие поражения венетов и их союзников в Троянской войне, но с другой, этруски — последние эмигранты Русены — покинули берега Анатолии не ранее X в. до н. э. Поэтому время существования этого государства указано нами в пределах от XXII до X вв. до н. э.

Длительность каждого из этапов составляет в среднем 12 веков. Такая строгая периодичность заставляет снова вспомнить о гумилевской теории. Шесть волн этногенеза — это шесть разных этносов, это обязательные видовые изменения и культурные отличия. Что же сближало между собой ариев, пеласгов, циклопов, венетов, киммерийцев, туров, скелотов и славян? Отвечаем — имя «Русь». Возникнув в среде ариев, оно жило среди этих народов на протяжении тысячелетий. Это имя несло в себе два значения — духовное (религиозное, предполагающее жить по законам Рода) и расовое (русоволосость и светлокожесть). Последнее конечно же имело тоже важное значение. Но идея размежевания по расовым признакам чужда русской натуре, поэтому первое

значение всегда было определяющим. Родство народов от ариев до славянорусов проистекало, прежде всего, от сознания духовного, а не кровного единства.

Русские — потомки ариев. В арийской древности следует искать корни наших духовных традиций. Уникальные по своим масштабам миграции ариев обычно связывают с тем, что они первыми изобрели колесницы. И это в значительной степени правильно. Но, может быть, более важным в их триумфальном распространении по планете является притягательность для других народов арийского мировосприятия. Практически все философы, так или иначе затрагивавшие «русскую тему», поражались удивительному отличию русских от всех остальных индоевропейцев. Вальтер Шубарт в книге «Европа и душа Востока» по этому поводу писал: «Когда начинают себя сравнивать европейские нации, живущие в сообществе одного и того же архетипа, то есть образующие семью с одной и той же судьбой, они замечают в себе совпадения и отклонения, но самое существенное проявляется гораздо слабее: своеобразие самой семьи. Видятся только внутрисемейные различия, клановые разновидности и нюансы, в то время как общий признак семьи считается само собой разумеющимся и поэтому не бросается в глаза. Но он обнаруживается сразу же, как только мы противопоставляем европейские нации или одну из них <.. > — русским. Тогда все они плотно смыкаются на одной стороне, а русские остаются в одиночестве на другой, поближе к индусам и китайцам, нежели к европейцам. Русские и европейцы являют по отношению друг к другу «совершенно другой мир». Знаменательно, что в этом своем противопоставлении Шубарт говорит именно о русских, а не о славянах. Сегодня, после распада Советского Союза и связанных с

этим событий, стала как никогда очевидна утопичность славянофильских проектов. Славянские народы, за исключением белорусов и сербов, кажется, напрочь забыли о каком бы то ни было родстве. В этом смысле их поведение аналогично политике других европейских держав, всегда отстаивающих свой кровный интерес. Жертвовать национальными интересами могут только русские, и события последних лет еще раз подтвердили это правило.

Мы неизменно выступали «цементом», скрепляющим разные нации и народности России. Поэтому русские — это принципиально суперэтнос, то есть союз этносов и субэтносов. Но союз этот опять-таки непохожий на все остальные. Иван Солоневич писал, что в России мы не найдем никаких следов эксплуатации национальных меньшинств в пользу русского народа, никаких следов порабощения финских племен времен освоения волжско-окского междуречья. «Беспощадная эксплуатация Кавказа», при которой проливалась русская кровь, оборачивалась тем, что миллионерами и министрами становились «нацмены» Лианозовы, Манташевы, Гукасовы, Лорис-Меликовы — и даже Сталины, Орджоникидзе и Берии. Если Рим и Лондон богатели за счет ограбления своих империй, то центр русской государственности неизменно оказывался беднее своих «колоний».

Историки, ведущие отсчет русской истории от Рюрика, обрезают целостную линию русского этногенеза. Они принимают во внимание лишь последние по времени достижения наших предков — создание Киевской Руси, а впоследствии Московского царства и Российской империи. При этом из нашей истории выпадает огромный пласт не менее значимых событий. Средиземноморская

Русь, Великая Скифия и не менее Великая Сарматия — все это явления Русской цивилизации, ключевые этапы нашей древнейшей истории, истории русского народа.

ЛИТЕРАТУРА

Абрашкин А. А. Древние росы. Мифологические параллели и пути миграций. Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 1997.

Абрашкин А. А. Чудо-Юдо: история одного перевоплощения. Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 1999.

Абрашкин А. А. Предки русских в Древнем мире. М.: Вече, 2001.

Абрашкин А. А. Тайны Троянской войны и Средиземноморская Русь. М.: Вече, 2003.

Абрашкин А. А. Русь Средиземноморская и загадки Библии. М.: Вече, 2003.

Абрашкин А. А. Средиземноморская Русь: великая держава древности. М.: Вече, 2006.

Авеста в русских переводах (1861–1996). СПб.: Журнал «Нева» — РХГИ, 1997.

Агбунов М. В. Путешествие в загадочную Скифию. М.: Наука, 1989.

Алексеева Л. М. Полярные сияния в мифологии славян. Тема змея и змееборца. М.: Радуга, 2001.

Антипенко А.Л... Мифология богини. М.: Ладомир, 2002.

Арриан. Поход Александра. М.: Миф, 1993.

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т.1–3. М.: Индрик, 1994.

Баландин Р. К. Кто вы, рудокопы Росси? М.: Знание, 1990.

Беляев И. Д. История русского законодательства. СПб., 1999.

Бенедиктов Н. А. Русские святыни. Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 1998.

Библия. М.: Изд. — во Патриархии, 1983.

Бикерман Э. Хронология Древнего мира. М.: Наука, 1975.

Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. М.: Мысль, 1974.

Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. М.: Интрада, 2001.

Былины. М.: Современник, 1986.

Бэшем А. Чудо, которым была Индия / Перевод с английского. М., 1977.

Ванденберг Филипп. Золото Шлимана. Смоленск: Русич, 1996.

Васильева Н. И., Петухов Ю. Д. Русская Скифия. М.: Метагалактика, 2006.

Великовский И. Эдип и Эхнатон. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

Великовский И. Народы моря. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

Великовский И. Рамзес II и его время. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

Вернадский Г. В. Древняя Русь. Тверь: Леан-Аграф, 1996.

Вильхельм Г. Древний народ хурриты. М.: Наука, 1992.

Вогэн А. К. Этруски. М.: Крон-Пресс, 1998.

Галкина Е. С., Кузьмин А. Г. Русский каганат и остров русов // Славяне и русь. М.: Наука, 1999. С.456–481.

Гальфрид Монмутский. Истории бриттов. М.: Наука, 1984.

Гарни О. Р. Хетты. Разрушители Вавилона. М.: ЗАО Центрполиграф, 2002.

Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988.

Геродот. История. М.: Ладомир, 1993.

Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М.: Вост. лит-ра РАН, 1996.

Голан А. Миф и символ. М.: Русслит, 1993.

Гомер. Илиада. Л.: Наука, 1990.

Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М.: Прогресс, 1992.

Гудкова А. В. Группа венедов в низовьях Дуная // Славянская археология. М.: Наука. 1993.

Гуляев В. И. Скифы: расцвет и падение великого царства. — М.: Алетейа, 2005.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989.

Гумилев Л. Н. Хунны в Китае. СПб.: Абрис, 1994.

Гумилев Л. Н. Хунну. СПб., 1993.

Гусева Н. Р. Русские сквозь тысячелетия. Арктическая теория. М.: Белые альвы, 1998.

- Гогешвили А. А. Три источника «Слова о полку Игореве». М.: Белые альвы, 1999.
- Горбовский А. А. Факты, догадки, гипотезы. М.: Знание, 1988.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Тт.1–4. М.: Прогресс. Универс, 1994.
- Дарет Фригийский. История о разрушении Трои. СПб.: Алетейя, 1997.
- Демин В. Н. Загадки Русского Севера. М.: Вече, 1999.
- Демин В. Н. Гиперборея. М.: Фаир-Пресс, 2000.
- Диакон Л. История. М.: Наука, 1988.
- Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2-х томах. М.: Мысль, 1972.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. М.: Логос, 1999.
- Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М.: Индрик, 2001.
- Замаровский В. Тайны хеттов. М.: Вече, 2000.
- Иванчик А. И. Киммерийцы. М., 1996.
- Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб.: Аллетейя, 1997.
- Истомина Э. Г., Николаев А. Н. Валдай. Л., 1988.
- История древнего мира. Т.1. Ранняя древность М.: Главная ред. вост. лит., 1982.
- История Древнего мира. Т.2. Расцвет древних обществ. М.: Главн. ред. вост. лит., 1989.

Казанцев Н. Н. О происхождении теонима «Гера» // Палеобалканистика и античность. М.: Наука, 1989.

Калевала. Королевские руны. Л.: Гослитиздат, 1956.

Карнаухов А. В., Карнаухов В. Н. Куда текли сибирские реки во времена ледниковых периодов? // Природа, 1997, № 1. С.46–55.

Кёстлер А. Тринадцатое колено. СПб.: Евразия, 2001.

Классен Е. Новые материалы для древнейшей истории. СПб.: Андреев и согласие, 1995.

Клейн Л. С. Анатомия «Илиады». Изд-во СПб. ун-та, 1998.

Кожин В. В. История Руси и русского слова. Современный взгляд. М.: Чарли, 2000.

Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.

Коломийцев И. П. Тайны Великой Скифии. — М.: Олма-Пресс, 2005.

Кравчук А. Троянская война. М.: Наука, 1991.

Кузнецов Е. В. Славяне и русы: очерки по истории этногенеза (IV–IX вв.). Изд. во ННГУ, 1997.

Кузнецов Е. В. Древние русы: миграции. Вып.1. Арзамас: АГПИ, 1999.

Кузьмин А. Г. Руги и русы на Дунае // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996.

Кузьмин А. Г. Одоакр и Теодорих / Дорогами тысячелетий. М.: Мол. гвардия, 1987.

- Ларионов В. От Царской Скифии к Святой Руси. — М.: Яуза, Эксмо, 2005.
- Левандовский А. Карл Великий. М.: Соратник, 1995.
- Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство. М.: Республика, 1996.
- Лесной С. Откуда ты, Русь? Ростов-на-Дону: Донское слово, Квадрат, 1995.
- Мечников Л. И. Цивилизации и великие исторические реки. М.: Пангея, 1995.
- Мифы народов мира. Том 1. М.: Сов. энц., 1980.
- Мифы народов мира. Том 2. М.: Сов. энц., 1982.
- Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
- Нечволодов А. Сказания о Русской земле. Т.1. М.: Русская энц., 1991.
- Николаева Н. А., Сафонов В. А. Истоки славянской и евразийской мифологии. М.: Белый волк, Крафт, ГУП «Облиздат», 1999.
- Откуда есть пошла Русская земля (Составление, предисловие; комментарии А. Г. Кузьмина). В 2-х книгах. М.: Молодая гвардия, 1986.
- Петухов Ю. Д. Дорогами богов. М.: Мысль, 1990.
- Плетнева С. А. Хазары. М.: Наука, 1986.
- Полибий. Всеобщая история. Т.1. Спб.: Наука, Ювента, 1994.
- Ригведа. Мандалы I–IV. М.: Наука, 1989.
- Ригведа. Мандалы V–VIII. М.: Наука, 1995.

- Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1994.
- Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1988.
- Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества. М.: Наука, 1993. С. 192–234.
- Сахаров А. Н. Мы от рода русского. Л., 1986.
- Свод древнейших письменных известий о славянах. Тт. 1–2. М.: Вост. лит., 1994.
- Се повести временных лет (Лаврентьевская летопись). Арзамас: АГПИ, 1993.
- Серяков М. Л. «Голубиная книга» — священное сказание русского народа. М.: Алетейя, 2001.
- Скрижинская М. В. Скифия глазами эллинов. СПб.: Алетейя, 1998.
- Славяне и Русь. Проблемы и идеи. М.: Флинта, Наука, 1999.
- Славянская мифология. Словарь-справочник. М.: Линор и совершенство, 1998.
- Словарь античности. М.: Прогресс, 1989.
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т.2. М.: Изд. соц-экон. лит., 1959.
- Солоневич И. Народная монархия. М.: Феникс, 1991.
- Страбон. География. М.: Ладомир, 1994.
- Тацит К. Сочинения в 2-х томах. Л.: Наука, 1969.
- Терехин Л. Шкурка белки — дань или гиль? // Литературная Россия, 1994, № 21.

- Тилак Б. Г. Арктическая родина в Ведах. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001.
- Тит Ливий. История Рима от основания города. Т.1. М.: Наука, 1989.
- Тулаев П. Венеты: предки славян. М.: Белые альвы, 2000.
- Уоррен У. Ф. Найденный рай на Северном Полюсе. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003.
- Фаминцын А. С. Божества древних славян. СПб.: Алетейя, 1995.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Тт. 1–4. СПб.: Азбука, 1996
- Хомяков А. С. Семирамида // Сочинения в 2-томах. Т.1. М.: Медиум, 1994.
- Цезарь Ю. Записки Юлия Цезаря. М.: Ладомир-Наука, 1993.
- Циркин Ю. Б. От Ханаана до Карфагена. М.: Астрель, АСТ, 2001.
- Шилов Ю. А. Прародина ариев. Киев: Синто, 1995.
- Шубарт В. Европа и душа Востока. М.: Русская идея, 1997.
- Щербаков В. И. Века Трояновы. М.: Просвещение, 1995.
- Югов А. К. Родина Ахиллеса // Собр. Соч. в 4-х т. М.: Сов. Россия, 1985. Т.4. С.448–467.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.